

ТРАДИЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ и экономический рост В ИНДИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТРАДИЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В ИНДИИ

*Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1984*

ББК 60.59(418)
Т 65

Ответственный редактор
Г. К. ШИРОКОВ

В монографии рассматриваются роль традиционных докапиталистических форм производства в экономике Индии, характер взаимодействия этих форм с современным капиталистическим производством и их воздействие на темпы и пропорции экономического роста. Анализируются докапиталистические формы земельных отношений, связи между ремеслом и земледелием, докапиталистические формы найма, деятельность ростовщического капитала, а также политика индийского правительства в отношении докапиталистических форм производства.

Т 0604030000-098 64-84
013(02)-84

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ВВЕДЕНИЕ

Экономическое развитие Индии за годы независимости продемонстрировало значительную специфику становления капиталистического способа производства в бывших колониях в условиях крайне высокого уровня аграрного перенаселения и сильного деформирующего воздействия мирового капиталистического хозяйства. Это привлекло внимание исследователей к проблеме так называемых традиционных социально-экономических структур: докапиталистических форм производственных отношений, основанных на доиндустриальных производительных силах и тесно связанных с идеологическими и социально-психологическими ценностями традиционного общества.

В первые годы независимости официальная индийская стратегия развития, во многом опиравшаяся на западные экономические теории, исходила из относительного автоматизма преобразования докапиталистических форм производства и капиталистической интеграции национального хозяйства по мере ускорения экономического роста. Авторы этой стратегии предполагали, что в условиях прекращения внеэкономических форм эксплуатации со стороны метрополии и законодательного устранения наиболее очевидных феодальных пережитков (ликвидации княжеств, посредников-заминдаров, кодификации традиционного индусского права, отмены кастовой дискриминации и т. д.) резкое повышение нормы накопления и направление основной массы капиталовложений в современную промышленность и производственную и социальную инфраструктуру придадут мощный импульс развитию всей экономики страны. Обеспечивая перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, увеличение спроса на товарную сельскохозяйственную продукцию и расширение поставок сельскому хозяйству современных агротехнических средств, интенсификация производственного накопления приводят к модернизации всей социально-экономической структуры и постепенному вовлечению основной массы населения в современные формы производства.

Провозглашению отмеченной выше стратегии способствовал помимо влияния западных теорий экономического роста, механически переносивших на почву бывших колоний опыт промышленно развитых государств, и ряд объективных факторов. Эти факторы, с одной стороны, открывали относительно широкие среднесрочные возможности для очагового развития крупного капиталистического производства, во многом независимо от масштабов преобразования докапиталистических форм, а с другой — вели

к временному ощутимому улучшению положения довольно широких слоев населения и таким образом сдерживали рост социальной напряженности.

Импортзамещающая индустриализация, опиравшаяся на государственный протекционизм, позволяла на первых порах развивать крупную промышленность, не заботясь о расширении внутреннего рынка в аграрном секторе. Ликвидация княжеств, прежде отгороженных от остальной Индии многочисленными барьерами, означала пространственное расширение общендийского промышленного рынка примерно на одну четверть. Дополнительные стимулы развитию промышленности порождал отложенный потребительский спрос, накопленный в годы высокой военной конъюнктуры. Перенакопление в годы войны денежного капитала, в том числе и валютных стерлинговых авуаров, создало относительно благоприятные условия для финансирования промышленного развития, которые сохранялись вплоть до кризиса 1958—1959 гг. Перенакопление денежного капитала и приток массивной иностранной помощи ослабляли зависимость крупного капиталистического производства от мобилизации накоплений в низших укладах. Чрезвычайных мер по восстановлению нарушенных хозяйственных диспропорций в промышленности и инфраструктуре потребовал раздел Индии, осуществленный британскими колонизаторами.

Повышение цен на продовольствие в период второй мировой войны сопровождалось резким уменьшением доли поземельного налога в сельскохозяйственной продукции и относительным обесценением ростовщической задолженности крестьянства. Ограничению масштабов эксплуатации и некоторому улучшению условий жизни достаточно широких слоев населения способствовали также ликвидация системы заминдари, реформа арендного законодательства, низкие темпы инфляции в 50-х годах.

Однако уже опыт выполнения первых трех пятилетних планов, в ходе которых влияние отмеченных выше благоприятных факторов было в основном исчерпано, показал, что ускорение развития крупной капиталистической промышленности и инфраструктуры вовсе не влечет за собой автоматического преобразования докапиталистических форм производства. Более того, по мере исчерпания переходящих факторов импортзамещающей индустриализации стагнация этих форм создавала все большие препятствия на пути развития самого капиталистического производства. Отставание сельского хозяйства сдерживало расширение рынков сбыта для современной промышленности, переросшей узкие рамки импортзамещения, и затрудняло обеспечение несельскохозяйственного населения товарным продовольствием и снабжение промышленности сырьем. Результатом этого стало резкое падение темпов индустриализации.

Эти обстоятельства отчетливо проявились не только в Индии, но и во многих других развивающихся странах и послужили толчком к весьма болезненному и противоречивому пересмот-

ру западных теорий экономического роста и основанных на них стратегий развития по капиталистическому пути. Во второй половине 60-х — начале 70-х годов благоприятные для сельского хозяйства межотраслевые условия торговли, расширение государственной поддержки ему и внедрение новых высокоурожайных сортов ускорили накопление капитала в аграрном секторе и на какое-то время возродили надежды на магическую силу капиталистического накопления, но уже не промышленного, а аграрного. Но «зеленая революция» достаточно быстро продемонстрировала очаговый характер и крайне ограниченные возможности преобразования докапиталистических форм производства.

В этих условиях в немарксистской экономической науке все большее внимание уделяется традиционным структурам как препятствию экономическому росту. При этом в ряде исследований, в частности в работах так называемого институционалистского направления, наметилась тенденция к абсолютизации традиционных структур и их роли в общественном развитии. Так, утверждается, что в развивающихся странах сохранились целые пласты производства и производственных отношений, остающиеся неизменными в течение многих веков и не затронутые воздействием капитализма. Применительно к отдельным в прошлом зависимым странам, в течение длительного времени в наименьшей степени испытывавшим воздействие мирового капиталистического хозяйства, да и то лишь по каналам внешней торговли (Непал, Бутан, Таиланд), с этим утверждением в принципе можно согласиться. Иначе обстояло дело в большинстве бывших колоний, освоенных метрополиями как объект налоговой эксплуатации, рынок сырья и рынок сбыта. В этих странах, включая Индию, стихийное воздействие мирового рынка и целенаправленная деятельность колониальных властей вызывали существенную модификацию всех типов традиционных структур, в той или иной мере приспособляли их к нуждам метрополии. Так называемые традиционные структуры в них — продукт не только докапиталистических способов производства, но и воздействия мирового капиталистического хозяйства, а на последующих этапах и местного капитализма. Выявление этих генетически разнородных истоков традиционных структур в нынешней индийской экономике, степени модернизации и деформации этих структур под влиянием капитализма требует специального историко-экономического анализа.

В ранних западных теориях экономического роста предпринимались попытки распространить на традиционные структуры систему политэкономических категорий рыночного хозяйства, в частности концепцию предельной производительности факторов производства. Когда аналогии между полунатуральным крестьянским хозяйством, вовлеченным в систему традиционных связей, и капиталистической фабрикой оказались малосодержательными, в западных теориях возникли представления об экономически

иррациональном механизме функционирования низших форм производства, о преобладании в них внеэкономических факторов. Методологическая основа этого понятна. Поскольку буржуазная политэкономия отождествляет законы капиталистического способа производства с общими «естественными» законами развития производительных сил, любое нарушение рыночной логики рассматривается ею как отсутствие экономической рациональности, отсутствие экономических закономерностей воспроизводства. В то же время совершенно очевидно, что низшие формы производства не могли бы существовать столь длительное время, даже в условиях суженного воспроизводства, не говоря о расширенном, если бы им не был присущ специфический механизм поддержания хозяйственной пропорциональности, обеспечения общественного разделения труда. Поэтому большое внимание в данной монографии уделено раскрытию внутреннего воспроизводственного механизма традиционных структур и его деформации под влиянием капиталистического развития.

Отмечая депрессивную роль традиционных структур в экономике, западные теоретики и авторы официальной индийской стратегии развития, как правило, обращают внимание на отдельные частные проявления этой роли — отрицательное влияние низших форм производства на норму накопления, структуру потребления, качество рабочей силы и т. д. Поэтому и решать проблему традиционных структур индийские экономические документы стремятся отдельными разрозненными мерами — отменой долгового рабства, поддержкой мелких крестьянских хозяйств и кустарной промышленности, ограничением ростовщической или рентной эксплуатации. Подобный «частный» подход если и приносит какие-то результаты, то не решает проблемы в целом.

Как уже отмечалось, в развивающихся странах докапиталистические формы производства претерпевают существенные изменения. Однако само развитие капитализма, опирающееся на высокое органическое строение капитала, массовое производство, относительно высококвалифицированные кадры, ведет не столько к модернизации традиционных структур, сколько к их деформации, углублению разрыва в технических и социальных условиях производства, усилению дихотомии капиталистического и докапиталистического секторов. Взаимодействие капиталистических и традиционных структур в развивающейся экономике как на микроэкономическом уровне, так и на уровне всего общественно-воспроизводства относится к числу наименее исследованных вопросов в советском востоковедении. Но именно от характера этого взаимодействия во многом зависят перспективы социально-экономического развития ряда развивающихся стран, идущих по капиталистическому пути. Поэтому в предлагаемой вниманию читателей монографии основное внимание сконцентрировано на влиянии традиционных структур на темпы и пропорции расширенного воспроизводства и капиталистическую перестройку индийской экономики.

В написании глав и разделов книги участвовали следующие авторы: Л. Б. Алаев (глава I, раздел 1), А. М. Горячева (глава II, раздел 5), А. Е. Грановский (глава IV, разделы 2, 3, Заключение), И. И. Егоров (глава IV, раздел 1), А. П. Колонтаев (глава II, разделы 2, 3), О. В. Маляров (глава III), Е. И. Миронова (глава II, раздел 1), Э. Д. Рябинина (глава II, раздел 4), Г. К. Широков (Введение, глава I, разделы 2, 3).

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ИНДИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Одной из характерных черт системы хозяйства в современной Индии является значительная и, по-видимому, возрастающая поляризация технико-экономических и социальных условий воспроизводства в капиталистическом секторе экономики и на ее традиционной периферии. Становление подобной системы хозяйства — результат сложного исторического процесса, способствовавшего весьма противоречивому взаимопроникновению и переплетению генетически различных форм социально-экономической дезинтегрированности. В данной главе будет рассмотрен генезис этих различных форм, взаимодействующих в сегодняшней индийской экономике.

Традиционная социально-экономическая структура. Древность и средневековье

Истоки индийского социального строя прослеживаются еще в индоиранской общности, где возникло деление на три социальных ранга — воинов, жрецов и простонародье. На индийской почве эти ранги преобразовались в социальные общности типа сословий. Были зафиксированы их экономические отношения — народ (виш, вайшья) при помощи добровольных приношений содержит воинов (кшатриев), а те заботятся о жрецах — брахманах, претендующих на наивысший статус. На территории Индии система сословий развилась еще в одном отношении: появилась четвертая варна — шудры — лица, предназначенные для обслуживания трем высшим варнам. Источники образования варны шудр не совсем ясны. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что к этой варне отнесли прежде всего завоеванное ариями автохтонное население, хотя отчасти ее ряды пополнялись за счет обедневших ариев [21; 32].

Дуальное деление общества приобрело более явственный характер: брахманы и кшатрии, с одной стороны, противопоставлялись вайшьям и шудрам — с другой. Две последние варны в законодческих трактатах древности иногда объединялись по

признаку причастности к труду: «Вайшья и шудра должны зарабатывать на жизнь трудом» [Гаутама X.42]. «Надо ревностно побуждать вайшьев и шудр исполнять присущие им дела, так как они, избегая присущих им дел, потрясают этот мир» [Ману VIII.418]. Соответственно две высшие варны по своему статусу чурались производительного труда.

Противопоставление двух пар варн, замеченное исследователями давно, трактовалось обычно как отражение противоречия трудового и нетрудового населения, эксплуатируемых и эксплуататоров, как классовое различие. Мы полагаем, что разъединение это — следствие различного положения двух групп в системе налогообложения и в конечном счете во всей системе воспроизводства. Вайшьи (и шудры, если вели хозяйство) платили налоги, а кшатрии и брахманы их получали. Конечно, социальная стратификация и хозяйственное разделение труда не могли совпадать. Налогоплательщики на практике принадлежали к любой из варн, но статистически вайшьи преобладали. Это и послужило основанием для выработки представления, что типичный домохозяин и налогоплательщик — это вайшья [Шантипарва 87.35; Айтарея Брахмана VII.29; Ману X.120], а вайшья — это синоним домохозяина [172, с. 126].

Налогообложение уже в древности было довольно тяжелым. Некогда добровольный взнос бали превратился в обязательный. Правитель получил бесспорное право на шестую часть всего произведенного в стране. Но к этому положению трактатов следует относиться осторожно. Неправильны встречающиеся утверждения, что $\frac{1}{6}$ урожая была реальным уровнем обложения в древней Индии. В «Артхашастре» «часть» или «шестая часть» фигурирует лишь как один из налогов, даже если речь идет об обложении в обычных условиях [Артхашастра II.16; II.15]. В случае необходимости царь мог отбирать $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{3}$ урожая [Артхашастра V.2; Ману X.118].

Однако налогообложение было не единственной формой эксплуатации. Хозяин-вайшья, выполняя свое варновое призвание, а именно занимаясь «экономической деятельностью в собственном интересе» (варта), вел, если судить по дхармашастрам, скотоводческое, торговое или земледельческое хозяйство с помощью различных слуг, работников и рабов из варны шудр (подробнее см. [6, с. 53—64]). Таким образом, производственные отношения в узком смысле слова строились в основном между членами двух низших варн.

Подобно тому как связь «вайшья—домохозяин—налогоплательщик» устанавливалась статистически, так же статистически противопоставление двух групп варн трансформировалось в противостояние города деревне: подавляющее число налогоплательщиков проживало в деревне, а основная часть потребителей налога — в городе.

В древнеиндийских трактатах, поэмах, буддийских сочинениях понятие «все люди», «подданные», «жители» часто передается

через выражение «паура-джанапада», т. е. «жители города и жители села». Это показывает, что различия между городом и деревней уже осознавались, по крайней мере в городах. Г. М. Бонгард-Левин считает, что первоначально, в период сутр, к горожанам относились «с осмеянием и осуждением, в „Артхашастре“ же и пуранах город характеризуется уже в качестве основы государства» [11, с. 95]. В «Джатаках» — рассказах о «прошлых жизнях» Будды — еще иногда встречаются сентенции о преимуществах сельской жизни (№ 524), но уже у Панини (V в. до н. э.) слово «грамина, грамья» — «сельский» приобретает дополнительные значения: «простой, грубый, невоспитанный» [Панини 4.2.94]. Слово же «пáмара» — «паршивый, болван, идиот» в более поздних сочинениях означает также «деревенский житель» [148, с. 325]. В «Джатаках» фигурирует почти исключительно городское общество, герои переезжают из города в город как по пустыне, а если и замечают сельское население, то в качестве угрозы — разбойников, которые могут по дороге ограбить. Не случайно в этой связи и замечание Мегасфена: «Земледельцы освобождаются от военной службы, их работа не нарушается ничем: они не ходят в город, не занимаются никакими другими делами, не несут никаких общественных обязанностей» (Страбон XV. 1.40, цит. по [12, с. 370]).

Можно вполне уверенно предположить, что экономические связи города и деревни в древности были еще слабее, чем в средние века. Судя по «Артхашастре», городские домохозяева занимались «ремеслами или полеводством», «цветниками, плодовыми садами, огородами, рисовыми полями», производили «продажу и накопление зерна» [Артхашастра II.4]. В городе не предусматривалось специального места для купли-продажи — рынка.

Городское ремесло удовлетворяло потребности городского населения в ремесленных продуктах. Среди этих потребностей нужды высшей прослойки населения в предметах роскоши, по-видимому, доминировали. Значительная часть ремесла была привязана к индивидуальным потребителям. Так, некий знатный купец имел своего портного, «который жил под его защитой и работал в его доме» [Джатака VI.38]. Другой домохозяин имел своих ткачей [Виная III.258—259]. Несмотря на слабое развитие рынка, на основе обменных отношений и работы по индивидуальным заказам могли возникать предприятия, внешне напоминавшие капиталистическую простую кооперацию. В городе Паласапура богатый горшечник Саддалапутта владел пятьюстами мастерскими и «большое количество горшечников работало на него» (цит. по [149, с. 88]).

Значительную часть ремесленников поглощал царский двор. Судя по юридическим трактатам, все ремесленники должны были один день в месяц работать бесплатно на царя [Гаутама X.31—33; Васиштха XIX.28; Ману VII.138]. Кроме того, значительная часть ремесленников в городе считалась «царскими». В «Джатаках» с определением «царский» упоминаются цветочник, повар,

корзинщик, горшечник, кузнец, цирюльник [Джатака, № 525, 531, 541]. Панини считает выражение «царский ремесленник» синонимом квалифицированного и в качестве примера упоминает «царского цирюльника» и «царского горшечника» [Панини VI.2.63]. Не исключено, что «царский» в таких выражениях не означало «находящийся в собственности царя», а лишь указывало на высокую репутацию («поставщик двора его величества»), но Патанджали, комментируя это место Панини, недвусмысленно разъясняет: «плотник, назначенный работать на царя, не может заниматься частными работами» [Патанджали. Бхашья II.2.1; II.1.364].

То, что в памятниках городской культуры деревня выглядит бледно и непривлекательно,— это лишь отражение разобщенности города и деревни, а не свидетельство неразвитости деревенской жизни.

Основным элементом сельской структуры служила широкая, областная община, охватывавшая несколько десятков деревень,— джанапада, или раштра. По мнению автора «Артхашастры», низшая административно-общинная единица в сельской местности состояла из «пяти-десяти деревень» [Артхашастра II.35—36; III.9.10; IV.13.12]. Джанапада была владением некоего клана. Она состояла из деревень, по-видимому мелких. Упоминаются деревни, состоящие из одного, двух, трех, четырех, восьми домохозяйств [172, с. 13]. Клань землевладельцев на том этапе древности, который отражен в литературе дхармашастр, принадлежали в большинстве своем к варне вайшьев.

Домохозяин имел право собственности на землю (свамья), которое понималось как право хозяйственного и юридического распоряжения землей, ограниченное правом вышестоящего лица на пользование (бхога) частью произведенного в хозяйстве продукта.

Патриархальная семья вела хозяйство с помощью разного рода зависимых лиц, которые по социальному положению считались шудрами. Среди них были зависимые земледельцы и работники, имевшие рабский и полурабский статус (об эксплуататорском хозяйстве общинников в древности см. [6, с. 53—64]). Конечно, невозможно установить, какая часть домохозяев вела эксплуататорское хозяйство, а какая — трудовое, основанное на труде только членов семьи. Однако именно зажиточный домохозяин, у которого достаточно продуктов, чтобы кормить свою семью в течение трех лет, достоин пить сому [Ману XI.7; Нарада IV.7; Яджнавалкья I.24], т. е. социально и ритуально полноправен. Само появление концепции четвертой варны — лишенных имущества и работающих на представителей трех верхних варн — объясняется, на наш взгляд, широким использованием в хозяйствах общинников чужого труда.

Данные «Артхашастры», относимые обычно к началу нашей эры, отражают, возможно, следующий этап развития аграрного строя. Там уже в качестве самостоятельных хозяев и прирощ-

денно свободных рассматриваются члены всех четырех варн, а на рабскую долю обречены лишь вневарновые, варвары — млеччи [13]. Но от этого картина принципиально не меняется.

Спорным остается вопрос о связи хозяйства общинников с ремеслом. Панчакару — «пять ремесленников», расшифровывающиеся как горшечник, кузнец, плотник, цирюльник и прачка, считались непременной принадлежностью североиндийской деревни примерно с V—II вв. до н. э. [45, с. 229; 131, с. 108—109]. Хорошо осознавалась необходимость соседства земледельческого и ремесленного населения — в царских поместьях селили кроме земледельцев плотников, кузнецов, плетельщиков канатов и т. п. [Артхашастра II.24].

Однако древние источники оставили заметное количество свидетельств о самостоятельных ремесленных поселениях, обслуживавших округу на основе товарных отношений. Это противоречит представлению, что система джаджмани в то время сложилась. В «Джатаках» упоминаются деревни охотников, птицеловов, рыбаков, чандалов (неприкасаемых), ткачей, плотников, кузнецов [Джатака № 41, 80, 139, 156, 159, 387, 466, 475, 498, 501, 533]. Плотники одной из таких деревень отправлялись вверх по реке, заготавливали лес, собирали там дома, помечая бревна номерами, потом сплавляли бревна вниз, ставили дома в соответствии с заказами и снова плыли вверх заготавливать лес [Джатака № 159]. Плотники другого поселения были обманщиками и лентяями — они брали авансы, обещая поставить дом, сделать кровать или стул, но не выполняли обещаний [Джатака № 466]. В поселок кузнецов приходили люди из соседних деревень, чтобы получить здесь бритвы, топоры, лемехи, иголки [Джатака № 387]. Перед специализированными поселениями как будто бы открывалась ясная перспектива развития товарного хозяйства. Но в более поздних источниках упоминания таких поселков встречаются не чаще, что служит показателем относительного уменьшения их числа.

Создается впечатление, что ряд ремесленных профессий, сложившихся экономически и в кастовом отношении, был затем привязан к городам, с одной стороны («царские ремесленники»), и к сельским общинам — с другой. Вероятно, отдельные ремесленные поселения «растворились», их жители расселились по деревням вайшьев-землевладельцев, а это и привело к созданию многокастовой структуры индийской деревни. Доминировавшие в сельской местности касты «растасили» ремесленников по своим деревням, привязав их к себе экономически через систему коллективного содержания и социально — в качестве ритуально низших каст. В Индии не создалось, видимо, универсального по функциям крестьянского хозяйства, характерного для многих других стран в средние века. Первобытная специализация родов и племен закрепились в кастовой системе и потребовала установления иных, общинных связей между носителями разных функций (см. [17, с. 5—32]).

На процессы зарождения системы джаджмани проливают некоторый свет и последующие материалы, вплоть до сегодняшних, которые позволяют ее смоделировать. Уже выражение «пять ремесленников», которое можно считать названием системы джаджмани для древности, указывает, что в эту систему входило ограниченное число каст. В средние века условное число для штата деревенских слуг увеличилось. В конце концов закрепилось как нормативное число 12. Сюда обязательно входили староста, сторож, служитель культа, ремесленники четырех профессий — кузнец, плотник, кожевник, гончар, представители обслуживающих каст (прачка и цирюльник), неприкасаемые. В ряде случаев (в разных деревнях, областях, в различные периоды) этот список дополнялся писцом, распределителем воды, медником, каменщиком, ювелиром, уборщиком, посыльными и т. п. Число 12 было чисто условным, но оно также указывает на то, что система не считалась всеохватывающей.

О каком бы периоде ни шла речь, поражает отсутствие в списках общинных слуг таких широко распространенных профессий, как ткач, маслобойщик, кондитер, портной. Еще более важным представляется наблюдение, сделанное исследователями, что общинные ремесленники часть услуг оказывали «бесплатно», т. е. за обусловленное обычаем вознаграждение, выдаваемое дважды в году, а другие работы выполняли за отдельную плату. Так, плотник и кузнец «бесплатно» изготавливали и ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь, но за строительство дома, изготовление пресса для сахарного тростника, котла для варки сахара, повозки брали отдельную плату. В. И. Павлов, обобщая подобный материал, пришел к выводу, что в систему джаджмани включались ремесленники лишь в их функции изготовителей средств производства и не включались они же в функции производителей средств потребления. Этот принцип объясняет, по его мнению, и отсутствие в системе ткачей, маслобойщиков и т. п. [30, с. 57—68]. Это существенное наблюдение следует дополнить: в систему джаджмани с самого начала до ее разложения включались прачка и цирюльник — специалисты, не производившие материальных ценностей, но обеспечивавшие ритуальную чистоту своих клиентов; в нее неизменно входил служитель культа; в средние века в нее же включались представители сельской администрации.

Итак, джаджмани охватывает те сферы межкастового обмена, которые являются или представляются крайне необходимыми для благополучия общины в целом, прежде всего ее верхних, доминирующих каст, те сферы, перебой в функционировании которых совершенно нетерпимы. Все второстепенное с точки зрения выполнения этой задачи, напротив, от системы отторгается. Распространено представление, что система джаджмани некогда была всеохватывающей, что она и есть экономическое существо кастовой системы. Так, А. А. Куценков считает, что в идеальной индийской общине должны быть «представлены касты всех вар-

новых статусов», «джаджмани должна была обнимать все сферы взаимоотношений каст», хотя «в полном виде» джаджмани встречается «очень редко» [24, с. 105—107]. Нам представляется, что неполнота джаджмани — это ее встроенная черта, что различные исключения из нее в совокупности также образуют систему.

Знаменательную границу обнаруживает джаджмани и в отношении сырья, используемого ее участниками. Ю. Я. Цыганков отметил, что ремесленники, включенные в общинную систему обмена, работали на несельскохозяйственном сырье (металлы, дерево, глина), сельскохозяйственное же обрабатывалось либо в земледельческом хозяйстве (зерно), либо в профессионально-ремесленном товарном хозяйстве (хлопок, маслосемена). В итоге почти все хозяйства сельской местности оказывались связанными с рынком: земледельцы покупали по крайней мере ткани и растительное масло; кузнецы — железо, ювелиры — золото и серебро; плотники — нужные сорта дерева, ткачи и маслобойщики — зерно и сырье для своего ремесла. Даже сырье горшечника — глина, несмотря на ее «бесплатность», должна была быть добыта и «поставлена» в деревню хотя бы тем же горшечником. Единственным исключением был кожевник, но исключение это кажущееся. Он действительно работал на сырье, «произраставшем» в хозяйствах общинников, и, превращая кожу в обувь, упряжь и кожаные ведра, менял их на натуральное вознаграждение. Однако этот натурообмен был связан с проблемой ритуального осквернения: хозяин не мог распорядиться шкурой павшего скота по своему усмотрению, снять и продать на базаре. Кастовые правила запрещали ему прикасаться к коже. Этот вариант будто бы обмена продуктами труда на поверку оказывался примером косвенного ритуального обслуживания.

Таким образом, система джаджмани была вариантом обмена деятельностью между кастами, но не единственным вариантом. Система каст имела не одну, а несколько форм взаимодействия.

При изучении более позднего материала возникает побуждение предположить, что мы наблюдаем разложение джаджмани, что эта система некогда охватывала все имеющееся в деревне ремесло, когда же появилось товарное производство тканей и масла, штат общинных слуг и ремесленников уже был закреплен обычаем и в нем не нашлось места ткачам и маслобойщикам. Но, как говорилось, в средние века круг лиц, охваченных джаджмани, расширялся. Если бы в основе процесса лежала тенденция к автаркичности общинного хозяйства, каждая деревня обзавелась бы своими ткачом и маслобойщиком, подобно тому как в древности она обзавелась своими кузнецом и плотником.

Кажется несомненным, что джаджмани и в момент появления и в период расцвета не была системой натуральной замкнутости. Она была призвана так организовать сельскохозяйственное производство и отправление ритуала и с этой целью установить такие отношения с рынком, чтобы минимальные потребности были удовлетворены в любом случае.

Представление о «минимуме потребностей», конечно, исторично и зависит от места и времени. Реальный набор услуг определялся на практике элементарной частотой обращения жителя деревни за конкретной услугой. Но эта частота либо предварительно мотивировалась, либо затем осознавалась как императивная необходимость. Нужда в том или ином виде труда и фсознание ее исторически трансформировались. Соответственно менялся и объем нетоварного обмена продуктами и услугами. В древности и средние века он, по-видимому, расширялся, а в последние 200 лет стал сужаться по мере модификации системы потребностей в индийской общине.

Эксплуататорское хозяйство общинника-вайшьи не имело широких перспектив развития. Налоговый гнет, по сути, блокировал возможности производственного накопления. Дробление хозяйств при наследовании вызывало абсолютное обеднение землевладельцев и более широкое приложение собственного труда хозяев и членов их семей. Обогащение части домохозяев происходило, но не в сельскохозяйственном производстве, а в обход тех фискальных условий, в которые было поставлено сельское хозяйство, — через торговлю и ростовщичество. В представлениях индийцев занятие торговлей и ростовщичеством стало ритуально более чистым, чем занятие земледелием или скотоводством. Отсюда в дальнейшем возникло мнение, что вайшьи — это только торговцы и ростовщики, сельские же хозяева расположены на ступень ниже, т. е. являются шудрами. Образно говоря, торговцы и ростовщики «унесли» с собой из общины статус вайшьев и «столкнули» оставшихся земледельцев в разряд шудр.

Этот процесс невозможно точно датировать, ибо он практически не отражен в исторических источниках, как и вообще процессы, происходящие в кастовой системе. Нам известны лишь его начальная и конечная точки — причисление земледельцев к вайшьям в дхармашастрах и к шудрам — в средневековых источниках. На основе косвенных данных период изменения варновой системы можно отнести к первым векам нашей эры.

В I тысячелетии н. э. (примерно до VIII—X вв.) в Северной Индии и на Декане создалась социально-экономическая система, напоминающая западноевропейский феодализм. Сельская община состояла из крестьян, имевших владельческие права на землю, но находившихся в зависимости от частных лиц — крупных наследственных землевладельцев. Некоторые общины попали в крепостную зависимость — крестьян дарили вместе с обрабатываемой ими землей. Нет оснований считать, что система джаджмани исчезла или захирела. Напротив, она постепенно распространялась на новые районы из бассейнов Инда и Ганга, где предположительно она возникла. Однако упоминания о низших слоях деревни — дасах, кармакарах, бхритья и т. п. — резко сокращаются.

Землевладельцы имели одну или несколько деревень. Наиболее частое название владельцев земли — «бхогика» («пользова-

тель», «кормленщик»), но это лишь означает, что они имели право присваивать суммы, полагавшиеся государству в счет налогов, т. е. что их владения от налогов были освобождены. В надписях встречается много примеров передачи владений бхогиков по наследству и доказательств их власти в деревне [6, с. 78—81].

Большинство исследователей считают, что в V—X вв. произошел также упадок товарно-денежных отношений и городской жизни. Еще в период существования государства Гупт, в V в., в Индии резко сократилось количество выпускаемых монет, а от VII—IX вв. сохранились лишь считанные единицы монет [150, с. 65—66; 64, с. 45—47]. Пришли в запустение многие города, уменьшилось городское население (противоположное мнение см. [10, с. 139—141]).

Таким образом, в первом тысячелетии нашей эры социально-экономический строй Индии, по нашему мнению, приблизился к западноевропейской модели феодализма (частная собственность и эксплуатация, общинник-крестьянин, личная зависимость). Одновременно была преодолена и специфически индийская (или «восточная») дуальность — дихотомия сельского и городского обществ, различие экономики базовой (платящей налог) и экономики потреблявшей этот налог, господство на селе и в городе различавшихся социальных сил.

Однако гомогенное феодальное общество просуществовало сравнительно недолго. Видимо, некие глубинные причины вызвали восстановление дуальной структуры — разрыв господствовавшего класса на верхнюю и нижнюю прослойки, противостоявшие друг другу в фискальных отношениях, отдельное экономическое развитие города и деревни. Начало этому процессу в Северной Индии положили так называемые раджпутские завоевания VIII—X вв. Окончательное восстановление дихотомии города и деревни относится к XIII в. на Севере и к XIV в. на Юге. Северную Индию захлестнула новая волна завоевателей, мусульман по религии. На Юге империя Виджаянагар скопировала многие черты государственного устройства северных государств.

Мусульманское завоевание привело к созданию правящего слоя, резко отличающегося от прежнего по религии, уровню лояльности к вождю, ориентации на централизованные формы эксплуатации ресурсов страны, на городской образ жизни. Прежние правящие слои, главным образом раджпуты, были оттеснены на второстепенное положение местных, «деревенских» землевладельцев, обложены поземельным налогом (харадж, мал) в качестве подданных (райатов).

Но основной дихотомии был, как и раньше, разрыв в воспроизводственных процессах, который внешне выражался в разном положении городского и сельского населения в системе налогообложения. Деревенское население в целом выступало как платившее налог, городское — как его потреблявшее. Восстановилась система двух уровней собственности на землю: верхний слой деревни имел юридическую собственность и реально распоряжал-

ся земель как объектом хозяйства, но был обязан уплатой налога; члены политически господствовавшей верхушки боролись друг с другом за долю в иной собственности — на землю как на территорию с подвластным населением. Регулирование этих прав собственности вызывало к жизни различные военно-ленные системы (икта, джагиров).

В XVI—XVII вв., когда официальная ставка земельного налога составляла треть или половину урожая, реально уходило из села без эквивалента примерно 25% произведенного там продукта [115, с. 93—113; 64, с. 167—168; 5, с. 235]. На эти средства жил город — по оценкам, около 15% населения [64, с. 169].

Соответственно образовались две социальные системы, почти непересекавшиеся. Городская группировалась вокруг государя и состояла из служилой части господствовавшего класса (мансабдаров), городских ремесленников и торговцев, административного аппарата, люмпенов. В деревенской социальной системе доминировал слой землевладельцев, принадлежавший либо к высокой (брахманской, раджпутской), либо к земледельческой касте. Не все члены доминирующей касты имели собственную землю, но социальны все они поддерживали землевладельцев. Последние имели различные наименования, сводившиеся к понятию «хозяин», «собственник» — каниятчикар, мирасдар, ватандар, малик, малик-и замин, заминдар. В то же время они были налогоплательщиками и потому с точки зрения фиска были райятами.

В некоторых районах (современные Харьяна и западная часть Уттар-Прадеша) заминдары принадлежали, как правило, к земледельческим кастам и имели участки небольшого размера. Здесь они сами вели хозяйство с помощью закабаленных безземельных работников из низких каст, аренда земли не была распространена. Около 40% сельскохозяйственного населения здесь были работниками в чужих хозяйствах.

В восточной части Гангской равнины заминдары принадлежали в основном к высшим кастам, сами хозяйства почти не вели, сдавали большую часть земли в аренду. Лишь 20% сельскохозяйственного населения составляли безземельные работники [5, с. 211—223]. Классовое положение прослойки общинных землевладельцев в остальных районах Индии изучено недостаточно. Ясно лишь, что в Махараштре в XVIII в. мирасдары были в основном трудовым населением [22, с. 39—51; 6, с. 186—193], а в прибрежных районах Тамилнаду был высок процент эксплуататорских общин брахманов и веллалов [4, с. 225—238].

В социальной (обычноправовой) зависимости от доминирующей касты находились все другие жители деревни — от брахманов и торговцев до безземельных работников из неприкасаемых каст. Эта зависимость могла дополняться зависимостью поземельной, долговой, юридической и т. п.

«Ближний круг» зависимых людей составляли камини — члены обслуживающих каст, включенные в систему джаджмани. На обычном праве этой системы, т. е. на основах видимой взаимно-

сти услуг, базировались прежде всего отношения между хозяином и его закабаленными батраками. Члены неприкасаемых каст, имевших «профессиональные» наименования («кожевники» — чамары, «сторожа» — махары, «уборщики» — бханги, «барабанщики» — парайяны), были в массе именно работниками в чужих земледельческих хозяйствах.

В этой же системе работали другие обслуживающие касты — прачки, цирюльники, а также часть ремесленников. Представители общинной организации также получали жалованье от коллектива землевладельцев, но их реальное положение в деревне зависело от силы и сплоченности доминирующей касты. В Северной Индии и в Тамилнаде староста имел реальную власть лишь над арендаторами общинных земель, а по отношению к коллективу землевладельцев выступал как слуга. Подчиненным было также положение деревенского писца. На Декане староста и писец, напротив, чаще подчиняли своей власти коллектив мирасдаров.

В некоторых случаях на жалованье общины находились торговец или ростовщик, обеспечивавшие, во-первых, снабжение деревни товарами, не производившимися внутри нее, а во-вторых, уплату налога в денежной форме там, где он требовался в деньгах.

Власть доминировавшего слоя признавали не только лица, связанные с ним отношениями джаджмани. Ремесленники-товаропроизводители и торговцы платили землевладельцам поборы, исчислявшиеся с очага (семьи), с головы взрослого мужчины, с головы скота, с земли, отданной в пользование, и т. п.

Ставки поборов устанавливались довольно произвольно, в зависимости от состоятельности семьи. Так, богатые торговцы, жившие в деревне, платили по 10—15 рупий — значительную по тем временам сумму. Взимались единовременные поборы за участие в деревенской ярмарке, за право поставить дом на земле общины, торговать или заниматься ремеслом в ее пределах, добывать селитру, глину и т. п. [5, с. 139—145].

Таким образом, деревенская экономика включала все отрасли тогдашнего хозяйства, в том числе товарное ремесло, торговлю, ростовщичество в пределах более или менее ограниченных локальных систем — территории общины или группы общин. Представление, что индийская община была совершенно оторвана от рынка и вела самодовлеющее хозяйство, давно отброшено в индологии. Однако в последние годы развивается иная тенденция — преувеличивать степень развития товарно-денежных отношений в Индии. Так как в каждой крупной деревне имелся торговец-меняла, а он, несомненно, был связан с более крупными торговцами-ростовщиками в городах, а те — с еще более крупными, то возникало желание видеть во всем этом единую национальную систему кредита [29, с. 39—44]. Так как на 10—15 деревень обязательно приходился базар (хат, манди), функционировавший по крайней мере дважды в неделю, на котором встречались сель-

скохозяйственные и ремесленные товары, а базары эти были определенным образом связаны с другими, в том числе и более крупными, возникала мысль об образовании областных и даже национального рынков товаров [41, с. 107—112; 85]. Появилась даже идея, что города снабжались продовольствием непосредственно путем привоза крестьянами товаров на городской рынок [118, с. 33—37; 7; 8, с. 111—116]. При таком подходе не учитываются иные, дезинтегрирующие факторы, обеспечившие в конечном счете отдельное экономическое существование города и деревни.

Городское и сельское ремесло имело определенные различия. Спрос на высококачественные изделия со стороны правящего слоя, сконцентрированного в городах, толкал городских ремесленников ко все большей изощренности в приемах работы, к повышению индивидуального мастерства. Обмен внутри города и между городами, выходявший за пределы государственных границ, обеспечивал изощренному мастерству некоторый постоянный, хотя и небольшой, рынок. Индийское ремесло, так же как и вообще азиатское городское ремесло, попало в «тупик виртуозности» [17, с. 66—67], не могло породить массовый спрос на товары. Сельское ремесло, натуральное и товарное, отличалось от знаменитого городского не только по характеру рынка, но и технологически.

Вместе с тем между экономическими ситуациями, в которые попадали городское и сельское ремесло, было много общего. Город отнюдь не был полем безраздельного господства мелкотоварного производства. Городское ремесло страдало от двух зол: узости платежеспособного спроса и внеэкономического принуждения самого беззастенчивого типа.

Огромное городское население (15—20 млн.) состояло в основном из бедняков и люмпенов. Как иностранные путешественники, так и хронисты описывают безработное бездомное пауперизированное население, гревшееся по ночам у костров, зажженных заботливыми правителями [171, с. 86; 97, с. 60—63; 9, с. 245]. По словам Ф. Пельсарта (XVII в.), в городе «нельзя ничего продать, потому что там живут либо бедняки, либо ремесленники» [97, с. 42].

Падишах и эмиры захватывали лучших ремесленников и заставляли их работать на себя в феодальных мастерских. Высококачественные товары попадали на рынок только в том случае, если они не были нужны вельможам. Помимо кархане знать держала свои хлебопекарни, сады, где выращивались фрукты к столу и т. п. «На базаре нельзя найти ничего, кроме дряни, которую не хотят брать вельможи» [9, с. 222].

Сельское ремесло также делилось на захваченное местной феодальной верхушкой и работавшее преимущественно на нее (по системе джаджмани) и на более свободное, товарное. Как и в городе, оно страдало от узости рынка (бедности потребителя и узости территориальных рамок системы). Внутри общины про-

исходил и продуктообмен, и товарообмен, но было бы неправильно противопоставлять их как натуральные и товарные отношения. В продуктообмен вступали не излишки продукции земледельческого и ремесленного хозяйств, а продукт, произведенный профессионально и предназначенный для обмена. Оттого, что в этот процесс иногда вклинивались деньги, менялось немногое. Деревенский базар являлся в большей мере ареной социального общения, чем элементом противостоявшей деревне денежной экономики. Т. Маршалл так охарактеризовал деревенские базары в Карнатаке в начале XIX в.: они «полностью обслуживают жителей окружающих деревень. Продукты торговли на них самые простые — несколько сортов зерна, бесчисленные виды плодов и овощей, растительное масло, пряжа, несколько сортов самой простой ткани... Те, кто приносят что-либо на продажу, обязательно уносят какой-либо нужный им товар, а деньги — лишь кратковременный посредник при торговле» [107, с. 21].

На деревенском базаре не достигалась безличность товара — один из признаков товарных взаимоотношений. Между покупателем и продавцом сохранялись не вещные, а личные отношения. Хорошо это выражено в современном социологическом обследовании, относящемся к Восточной Бенгалии: крестьяне, съезжающие на базар дважды в неделю, «как правило, знакомы друг с другом, связаны родственными узами, взаимодействуют друг с другом публично, а также в частном порядке в бесчисленных видах взаимодействий» [61, с. 113].

Широкая областная община нуждалась в экономическом центре. Таковым мог стать базар, о котором уже говорилось. По-видимому, во многих районах страны экономический центр общины лежал в небольшом городке, в поселении, отличавшемся от обычной деревни. В Северной Индии и на Декане такую роль играл, возможно, центр парганы, носивший название «касба» («касаба») (этот вопрос разработан недостаточно). Автор «Табакат-и Акбари» утверждает, что в империи Акбара было 3200 касба, каждый из которых являлся центром для 100—1000 деревень [64, с. 170]. По своему положению в налоговой системе касба не отличались от деревень — их жители точно так же страдали от непомерных налогов и незаконной барщины, как и жители деревень. Среди жителей касба были и земледельцы. Однако среди них в качестве авторов петиций с жалобами упоминаются цирюльники, маслобойщики, плотники, кузнецы, горшечники, ювелиры, портные, набойщики [117, с. 234—235].

Наследниками касба Могольского периода были, очевидно, мелкие поселки в середине XIX в., описанные в справочнике по Ауду: «Небольшие торговые центры, где есть все для нужд сельской общины, встречаются повсюду на расстоянии нескольких миль друг от друга. Они состоят обычно из нескольких глиняных хат по сторонам дороги, с одним-двумя строениями, отличающимися от других наличием второго этажа и черепичной крышей, где живут торговцы зерном и ростовщики, обычно тот и другой

в одном лице. Кроме них имеются медник... несколько торговцев тканями... лавка кондитера и один-два навеса, под которыми продавец жареных зерен разводит свой костер из сушняка и жарит индийские сорта гороха... В базарные дни, обычно два раза в неделю, навес под деревьями, окаймляющими дорогу, укрывает временные ряды, где разносчики и корабейники выставляют на циновках, расстеленных на земле, связки стеклянных бус, ярко раскрашенные браслеты из лака или стекла, табак, высушенный для жевания или смешанный с сахарной пастой — для курения, и скудный ассортимент самых распространенных специй и овощей» [83, с. XIV—XV].

Конечно, общинная замкнутость этой мелочной торговли могла быть прорвана, если появлялся рынок — как правило, внешний. Такую роль сыграл для ряда районов Восточного побережья и Бенгалии вывоз тканей в азиатские и африканские страны, а затем и в Европу в XVI—XVII вв. Однако эти процессы, в региональном масштабе очень важные, не вели к интеграции городской и сельской экономики.

Большое значение в процессе проникновения товарных отношений в деревню нередко придают введению денежного налога. Интересно, что он стал наиболее распространенной формой налога тогда же, когда возродилась дихотомия города и деревни — с XIII в. в Северной и с XIV в. в Южной Индии [86, с. 236; 4, с. 89—90]. Это логично. Большая концентрация верхушки господствующего класса в городе и появление наемных армий вызвали необходимость в централизации также и ресурсов, которыми эта верхушка могла располагать. Перевозки этих ресурсов в натуральной форме были немыслимы. Отсюда стремление любым способом перевести подати в денежную форму. Этот перевод занял несколько веков, но в XVI в. в Могольской империи налог исчислялся в натуре уже только в Кашмире, Синде, в некоторых районах Раджпутаны и Ориссы. На остальной территории он поступал чиновникам в деньгах.

Практически это означало, что денежный налог с деревни вносился местным ростовщиком, который получал затем возможность реализовать на рынке натуральный продукт, собранный старостой в счет налога. Дальнейшее продвижение продукта шло через тот общинный базар или общинный городок, о котором говорилось выше. Именно сюда приезжал за зерном, хлопком, индиго и т. п. крупный купец или его агент. Это создавало иллюзию товарной связи «глубинки» с городом. Однако с точки зрения экономических последствий этой системы она не связывала крестьянское хозяйство с рынком, а отрезала от него. Она позволяла функционировать «полуденежной» сельской экономике в условиях денежного налога, выращивания технических культур и т. п. Конечно, наиболее важным в этом консервировании полунатуральности был тот факт, что подавляющая часть вырученных от продажи денег уходила из села без эквивалента.

Колониальное господство и формирование традиционных структур

Дихотомия городской и сельской экономики, носившая в до-колониальный период преимущественно воспроизводственный характер, с английским завоеванием приобретает качественно новые черты. Но для понимания этих процессов в их исторической перспективе, видимо, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, завоевание Индии заняло целую историческую эпоху: если захват Бенгалии начался в 1757 г., то завоевание последних районов на северо-западе, составляющих ныне Северо-Западную Пограничную провинцию Пакистана, было завершено лишь в 1893 г. Иначе говоря, завоевание Индии, начавшись в период господства торгового капитала, закончилось лишь в эпоху империализма. Длительность завоевания придавала растянутость во времени всем процессам ломки традиционных производительных сил и производственных отношений. Если в восточных и южных районах страны уже к середине XIX в. система колониальной эксплуатации приобрела относительную завершенность, то в Синде и Пенджабе она только начала складываться. К тому же разновременность захвата отдельных районов обусловила применение в них различных методов эксплуатации. Например, Бенгалия испытала на себе методы эксплуатации торговым, промышленным и монополистическим капиталом метрополии, тогда как эксплуатация северо-западных районов практически сразу приобрела монополистический характер.

Во-вторых, политические факторы заставили англичан применить на территории страны различные методы управления. Наряду с районами, непосредственно управляемыми колониальным аппаратом — Британской Индией, в стране было сохранено около 600 так называемых туземных княжеств, на которые приходилось около $\frac{1}{3}$ территории и $\frac{1}{4}$ населения Индии. Запрещая им внешнеполитические и внешнеэкономические связи, колониальный аппарат оставлял вопросы внутреннего управления практически полностью в руках местного правителя. Поэтому ни реформы, проводившиеся колониальными властями, ни насильственное втягивание страны в международное разделение труда не оказали заметного воздействия на многие княжества. Даже к концу колониального периода многие из них продолжали оставаться заповедниками феодализма.

Наконец, неоднородность процессов ломки традиционных производительных сил и производственных отношений усугублялась разной степенью втягивания отдельных районов в колониальный синтез. Некоторые районы, где происходило развитие производства технических культур, в том числе на экспорт, подвергались постоянному воздействию крупных торгово-промышленных или транспортных центров. Одновременно оставалось довольно значительное число «глухих углов», которые по природно-климатиче-

ским, транспортным и т. п. соображениям не привлекли внимания англичан. Иначе говоря, политика колониальных властей и стихийные рыночные законы способствовали углублению разрыва между уровнями развития отдельных местностей.

Вследствие этого при анализе процессов социально-экономического развития Индии в колониальный период очень трудно выявить их конечные результаты, ибо при отмеченной неоднородности эти процессы резко различались по своим масштабам, глубине, скорости протекания и т. п. Поэтому в последующем изложении будут показаны не столько результаты, сколько основные направления и тенденции социально-экономических изменений в колониальной Индии.

*

Колониальное завоевание сопровождалось потерей социальных функций и доходов верхушкой традиционного правящего класса, а следовательно, и многочисленной его челядью, армией и частью религиозных институтов, связанных с ними. Это сразу же сказалось на положении группы городских ремесел, производивших предметы роскоши, культа, оружие и пр., которая лишилась основного заказчика. К тому же с середины 80-х годов XVIII в. в европейских странах начали проводиться дискриминационные меры по отношению к импорту индийских промышленных изделий (таможенные пошлины, достигавшие 70—80% их стоимости, а иногда и прямые административные запреты). Поскольку потребительские и военные потребности колониального аппарата удовлетворялись преимущественно за счет поставок метрополии, все эти обстоятельства привели к такому резкому сокращению спроса на продукцию высших городских ремесел, от которого они уже не смогли оправиться. Между тем городские ремесла, сосредоточенные в крупных городах, отличались наиболее высоким уровнем социально-экономической организации, поэтому их разорение надолго задержало становление социально-экономически более высоких типов производства в стране.

Ликвидация феодальных дворов, армий и разорение городских ремесел способствовали сокращению населения крупных городов, падению соотношения между промышленными и сельскохозяйственными видами труда, перемещению части населения в сельское хозяйство, своеобразной «аграризации» экономики. Можно выделить два основных последствия этих изменений.

В силу благоприятных природно-климатических факторов, освоенности лишь наиболее плодородных земель и пр. сельское хозяйство Индии отличалось более высокой производительностью труда, чем промышленное производство. Поэтому «аграризация» экономики, расширение сельскохозяйственного производства даже экстенсивными методами, создавала возможность для увеличения — относительного и абсолютного — перераспределения чистого продукта колонии в пользу метрополии.

Далее, «аграризация» экономики меняла характер спроса на внутреннем рынке. Увеличение доли сельского населения и потребности мирового рынка при существующей производительности труда смещали спрос в сторону сельскохозяйственной продукции. Поскольку спрос колониального аппарата, как уже отмечалось, на промышленную продукцию удовлетворялся за счет импорта из метрополии, то потребление промышленной продукции из внутренних источников еще более сокращалось. Поэтому даже если отвлечься от конкуренции импортных товаров (воздействие которой требует специального анализа), происходило объективное сокращение возможностей для развития местной промышленности.

С падением экспорта промышленных изделий и «аграризацией» экономики налогообложение сельского хозяйства становится важнейшим источником доходов колониального аппарата. Между тем различия в формах землевладения и землепользования, уровня обложения поземельным налогом, методах его сбора, значительная доля натуральных отношений в сельском хозяйстве и т. п. препятствовали как целенаправленной эксплуатации колонии, так и увеличению доходов колониальных властей. Поэтому с конца XVIII в. английские колониальные власти начинают проведение серии земельно-налоговых реформ в стране.

В 1793 г. на территории провинции Бенгалия, Бихар, Орисса и части провинции Мадрас была введена земельно-налоговая система постоянного заминдари, передавшая землю в собственность бывшим крупнейшим сборщикам налогов и «навечно» зафиксировавшая ставки поземельного налога. В 1815 г. на территории тогдашних Соединенных и Центральных провинций (ныне Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш) была установлена земельно-налоговая система временного заминдари: земля передавалась в собственность различным категориям бывших сборщиков налогов, а ставка поземельного налога должна была периодически пересматриваться. В 1820—1825 гг. на территории Бомбейской и остальной части Мадрасской провинций (ныне Махараштра и Тамилнад) была введена земельно-налоговая система райятвари, по которой земля передавалась общинной верхушке и общинникам при условии своевременной уплаты поземельного налога. В 1828 г. была провозглашена собственность колониального государства на леса, пустоши и необрабатываемые земли, а в 1854 г. в Пенджабе была введена в действие видоизмененная система райятвари, по которой земля передавалась в собственность крестьянской общине. В последующие десятилетия эти земельно-налоговые реформы были дополнены законами, вводившими права «вечной» аренды для некоторых категорий арендаторов, ограничивавшими права землевладельцев на повышение ренты, сдерживавшими переход крестьянских земель в пользу торгово-ростовщических каст.

Следует также отметить следующие важнейшие черты земельно-налоговых реформ — сочетание крупного помещичьего земле-

владения с мелким крестьянским землепользованием, повсеместное повышение ставок обложения, усиление регулярности сборов поземельного налога, во многом независимо от величины урожая, а также полный переход к сбору поземельного налога в денежной форме. Поскольку земельно-налоговые реформы англичан достаточно хорошо изучены в советской индологической литературе, наша задача состоит не в разборе самих этих реформ, а в выявлении их воздействия на социально-экономический строй Индии в целом.

Основным социально-экономическим результатом этих земельно-налоговых реформ были ликвидация верховной собственности государства на землю на большей части территории страны и становление и развитие различных форм частного землевладения. Но одновременно колониальные власти сохранили собственность на необрабатываемые земли, а также на часть земель, переданных в постоянное пользование крестьянам. Само введение частной или квазичастной собственности на землю привело к подрыву сельской общины на большей части территории страны.

Таким образом, сформировавшаяся в Индии сложная и крайне неоднородная система аграрных отношений была результатом двух процессов. С одной стороны, она была продуктом деятельности английского колониального аппарата, приспособлявшего индийское сельское хозяйство к нуждам капиталистической метрополии. Об этом отчетливо свидетельствует становление частной собственности, подрыв общины и принудительная товаризация сельскохозяйственного производства. С другой стороны, она была следствием естественноисторической эволюции индийской деревни, что отражалось в сохранении мелкого крестьянского землепользования, продуктообменных воспроизводственных связей между земледельцем и ремесленником, трудовых отношениях, базирующихся на межкастовом взаимодействии, и т. п. Иначе говоря, система аграрных отношений в колониальной Индии представляла собой своеобразный синтез традиционных и свойственных раннему капитализму черт, что дает основания отнести ее к структурам переходного типа. Поэтому применение по отношению к ней термина «традиционный» не вполне правомерно; его употребление возможно лишь для отличия от нее других систем производственных отношений, возникших на более современной основе.

Теоретически становление аграрных структур переходного типа создавало возможности для развития в их недрах новых производственных отношений капиталистического типа. Но для понимания сущности этой переходности, направления ее дальнейшего развития необходимо проанализировать экономические последствия колониальных земельно-налоговых реформ.

Как уже отмечалось, земельно-налоговые реформы были направлены на повышение ставок поземельного обложения, отчасти за счет перераспределения ренты в пользу колониального государства: в районах постоянного заминдари налог был установ-

лен в размере 90% ранее взимавшейся ренты, в районах временного заминдари — 85%. Однако на протяжении всего XIX в. наблюдалось постепенное снижение доли поземельного налога как в валовом продукте сельского хозяйства, так и в общей массе выплачиваемой непосредственным производителем ренты-налога. Это явление можно объяснить несколькими факторами. В районах земельно-налоговой системы райятвари колониальные власти под влиянием бегства крестьян с земли из-за непомерных ставок обложения и прямых крестьянских выступлений вынуждены были во второй половине XIX в. понизить размеры ставок поземельного обложения. К тому же периодические пересмотры ставок обложения в районах райятвари и временного заминдари отставали от общего роста цен на сельскохозяйственную продукцию и увеличения продукции более дорогих технических культур.

В то же время относительное сокращение поземельного обложения сопровождалось повышением рентных и процентных платежей. Остановимся прежде всего на причинах относительного и абсолютного расширения ренты.

Во-первых, с понижением ставок налогообложения, происходившим на протяжении XIX в., в районах райятвари возникала возможность для присвоения ренты. В связи с этим начался процесс централизации земли деревенской верхушкой и торговоростовщическим капиталом, что вызывало рост крестьянской аренды: если численность крестьян-землевладельцев к концу XIX в. абсолютно сократилась, то число арендаторов возросло. В результате к концу колониального периода крупным землевладельцам в этих районах принадлежало около $\frac{2}{5}$ всех обрабатываемых земель. В районах заминдари также происходило расширение площади под арендой: в связи с переходом к колониальному государству собственности на необрабатываемые земли и леса расширение обработки из-за увеличения численности населения могло происходить лишь на основе аренды.

Во-вторых, первоначальная ставка налогообложения в районах заминдари (постоянного и временного) была настолько велика, что при сохранении традиционного образа жизни большинство первых заминдаров не могло выплатить налог и их имущества были проданы за долги. Поэтому как стремление сохранить традиционный образ жизни, так и повышение потребностей в связи с втягиванием страны в мировую торговлю заставляли заминдаров всемерно расширять присваиваемую часть ренты-налога. В этих целях широко использовались различные незаконные поборы с крестьян, присвоение доходов от улучшения земли, перехода к возделыванию более дорогих культур, аграрное перенаселение и пр.

Кроме того, в стране с древнейшей земледельческой цивилизацией именно обладание землей определяло социальный статус индивида. Поэтому сами социально-престижные соображения толкали на покупку земли. С перестройкой же экономики на производство меновых стоимостей и с повышением ренты приобре-

тение земли стало и выгодной сферой инвестирования доходов. В условиях же конкуренции иностранных товаров на внутреннем рынке, резких колебаний конъюнктуры на мировом рынке и т. д. недвижимость, особенно сельскохозяйственные земли, превращалась не только в самую выгодную, но и в наиболее безопасную сферу приложения капиталов. Поэтому в сложившихся в колониальный период условиях повышение ренты влекло за собой увеличение спроса на землю как объект собственности. В свою очередь, повышенный спрос вызывал рост цен на землю, а последний стимулировал дальнейшее повышение земельной ренты.

Наконец, резко возросшие масштабы отчуждения чистого продукта непосредственного производителя вследствие повышения поземельного налога и ренты, втягивания его в товарно-денежные отношения при постоянных колебаниях конъюнктуры рынка, вызываемых не столько национальными, сколько международными факторами, определили усиление неустойчивости и нерегулярности воспроизводства хозяйства мелкого производителя. Поэтому поддержание простого воспроизводства даже при обычных условиях оказывалось не всегда возможным. Эти обстоятельства лежали в основе усиления зависимости непосредственного производителя от ростовщического капитала. В то же время становление частной собственности на землю создавало гарантию погашения долга.

Действительно, большая величина отчуждаемого продукта вынуждала мелкого производителя обращаться к ростовщическому кредиту не только в чрезвычайных обстоятельствах (стихийные бедствия, резкие колебания цен и пр.), но и для поддержания непрерывности производства и даже выплаты налога или ренты. В свою очередь, хроническая задолженность давала возможность ростовщику «отрезать» должника от рынка: сбыт своей продукции и закупку необходимых товаров последний должен был осуществлять через ростовщика-торговца. Монополизация рыночных связей позволяла ростовщику-торговцу получать дополнительные доходы за счет разницы цен.

Таким образом, торгово-ростовщический капитал превратился в неотъемлемый элемент воспроизводства сельского хозяйства, а ростовщический процент стал важнейшим инструментом эксплуатации непосредственного производителя. В «нормальной обстановке» деятельность ростовщического капитала ухудшала возможности воспроизводства, а в чрезвычайных обстоятельствах (кризисы, стихийные бедствия) приводила к массовому переходу земли в руки ростовщиков и обезземеливанию крестьянства.

Вследствие отмеченных обстоятельств на протяжении всего колониального периода происходило постепенное изменение соотношения между тремя основными инструментами эксплуатации мелкого производителя в сельском хозяйстве. К концу 30-х годов XX в. доля поземельного налога упала до 4%, а к концу 40-х годов — до 1% валовой стоимости продукции сельского хозяйства. Накануне проведения аграрных реформ в независимой Индии

удельный вес поземельного налога в выплачиваемой ренте колебался от 6% в Ассаме до 39% в Уттар-Прадеше, т. е. он был в 2,5—16 раз ниже ренты. В целом же по районам постоянного заминдари рента в 4 раза превышала поземельный налог.

Ростовщическая задолженность в 1937/38 г. почти в 60 раз превышала годовую сумму поземельного налога, а ежегодно выплачиваемый процент — в 3—4 раза. Если сделать два допущения: а) рента на всей площади земель, сдававшихся в аренду, изымала ту же долю валового продукта, что и в районах постоянного заминдари (это несколько завысит ее размеры), б) рента изымала в конце 30-х годов ту же долю валового продукта, что и в конце 40-х годов (что, вероятно, не будет большой ошибкой), то окажется, что накануне второй мировой войны продукт, отчуждаемый всеми внеэкономическими методами, был равен 25—30% валовой продукции сельского хозяйства страны.

Поскольку в первой половине XIX в. рента-налог изымала, по расчетам Э. Н. Комарова, около половины валового урожая крестьянина, то к концу колониального периода доля сельскохозяйственной продукции, отчуждаемой при помощи налога, ренты и ростовщического процента, снизилась [20, с. 56]. Однако рост сельскохозяйственного производства в колониальной Индии происходил экстенсивными методами, за счет освоения менее плодородных и расположенных в худших климатических условиях земель, производительность земли и труда неуклонно понижались. Об этом свидетельствуют повышение числа работников, приходившихся на единицу земельной площади, снижение урожайности большинства культур, а также необходимость введения таможенного протекционизма для двух основных культур — риса и пшеницы — в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Падение производительности и ускорившийся рост населения приводили к тому, что тяжесть внеэкономического бремени, по-видимому, не уменьшилась.

Можно следующим образом суммировать все сказанное выше. С социально-экономической точки зрения главной фигурой в сельском хозяйстве на протяжении всего колониального периода оставался мелкий производитель. Комбинированное воздействие триады — колониального аппарата, помещика и торговца-ростовщика — вело к прогрессирующему ухудшению условий воспроизводства, к соединению мелкого производителя с землей — основным условием производства — во все большей степени на основе аренды. В данной обстановке не могло быть и речи о превращении мелкого производителя в капиталистического предпринимателя. Более того, по мнению В. Г. Растянникова, даже превращение крестьянина в мелкого товаропроизводителя в сельском хозяйстве стран Востока, в частности в Индии, как массовое явление не получило развития.

Не происходило развития капитализма и на другом полюсе — сверху. Этому препятствовали, с одной стороны, трудность расчистки земель от иерархии рентополучателей и производителей

различных категорий и статуса, а с другой — большой доход от сдачи земли в аренду, чем при капиталистических методах ведения хозяйства. Поэтому доходы сельскохозяйственных эксплуататорских классов, за вычетом непроизводительного потребления, направлялись преимущественно в традиционные виды деятельности — скупку земли, торговлю и ростовщичество. Переход же к капиталистическим методам деятельности в сельском хозяйстве был скорее исключением, чем правилом, и происходил главным образом на вновь осваиваемых землях.

Не менее важны и экономические последствия сложившейся системы эксплуатации непосредственного производителя. Ухудшающиеся условия воспроизводства определяли неизменность методов и техники производства, образа жизни и социальных ценностей производителя. Более того, поскольку рыночные связи приводили к постоянным потерям, мелкий производитель всеми силами пытался сохранить натуральный характер воспроизводства продовольственной части фонда личного потребления и натуральный или продуктообменный — фонда производительного потребления. В результате даже ко времени достижения Индией независимости продовольственная часть фонда личного потребления воспроизводилась в значительной мере на натуральной основе; на рынке закупалось лишь 37,2% продуктов, потребляемых в деревне, главным образом соль, спички, сахар и непродовольственные товары. К тому же регулярность воспроизводства этой части фонда личного потребления была низка; она зависела от стечения целого ряда обстоятельств — хорошего урожая, благоприятных цен, а для значительной части крестьянства — и возможностей продажи рабочей силы. В данных условиях продуктообменные связи в воспроизводстве непродовольственной части фонда личного потребления становились невозможными ни для крестьянина, ни для ремесленника. Следствием была окончательная товаризация этого сегмента воспроизводства.

Что же касается фонда производительного потребления, то традиционный характер производства определял локализацию воспроизводственного процесса внутри самого сельского хозяйства; связи же с другими отраслями экономики были крайне слабыми. Даже в начале 50-х годов XX в. в текущих воспроизводственных затратах сельского хозяйства доля поставок из мелкой промышленности составляла 4,6%, крупной промышленности — 2,6 и транспорта — 0,1%.

Таким образом, аграрные структуры переходного типа, сформировавшиеся в колониальной Индии, оказались лишенными способности к дальнейшему саморазвитию. Хотя внутри их происходило накопление предпосылок для развития капитализма (прогрессирующее отделение непосредственного производителя от средств производства, накопление капитала), перераспределение чистого продукта сельского хозяйства в пользу иностранных предпринимателей и местных эксплуататорских классов препятствовало реализации этих предпосылок. Своеобразная стагнация

переходных аграрных структур способствовала сохранению дихотомии между городской и сельской экономикой и по воспроизводственной линии.

Более сложные и противоречивые процессы происходили в городской экономике. Следует, однако, отметить, что колониальный период с точки зрения господствовавших условий и тенденций можно разделить на три подпериода. Первый из них можно датировать последней третью XVIII — 40-ми годами XIX в., второй — серединой — концом XIX в., а третий — началом — серединой XX в. Иначе говоря, эти периоды относительно совпадают с господством торгового, промышленного и монополистического капитала.

Для первого подпериода характерно господство Ост-Индской торговой компании — первоначально монопольного эксплуататора, совмещавшего политические и коммерческие функции, а к концу периода превратившейся в представителя английской олигархии, осуществлявшей политическую власть в Индии, но прекратившей коммерческие операции. Поскольку торговый капитал был заинтересован в получении как можно более высоких прибылей, независимо от господствовавшего способа и методов производства, в этот период не происходило заметных изменений в структуре экономики страны. Однако под влиянием усилившейся эксплуатации и начавшегося импорта иностранных товаров происходило ухудшение условий воспроизводства во всех отраслях экономики. Иными словами, разрушение старого способа производства уже началось, новый же еще не начал формироваться.

Во втором подпериоде колония в политическом отношении переходит под непосредственное управление британской короны, а в экономическом — начинает эксплуатироваться в интересах первоначально промышленного, а затем и монополистического капитала. В это время Индия ускоренными темпами превращается в рынок сбыта, источник сырья и сферу приложения капитала метрополии. В связи с этим на колонию распространяется коммерческое право метрополии, возникает современная система образования, создаются кредитно-банковская система, новые пути сообщения и связь, а затем и отрасли фабричной промышленности. Таким образом, на территорию колонии переносится капиталистическое предпринимательство в его развитых формах.

Все это привело к изменению иерархии городских поселений: ведущее положение в ней переходит от феодального города к торгово-транспортному центру. Во второй половине XIX в. функциональной частью этого центра становится и современная фабричная промышленность. Поскольку именно в это время происходит формирование новых дезинтеграционных процессов в индийской экономике, в последующем изложении наше внимание будет сосредоточено на втором подпериоде колониального развития.

Еще в XVIII в. в Индии начал складываться слой индийских торговцев, выступавших посредниками английского капитала по эксплуатации страны. По мере захвата все новых территорий на

полуострове Индостан, расширения сбыта готовых импортных изделий и нарастания вывоза местного сырья численность этого слоя и масштабы его операций неуклонно увеличивались. Компрадорская деятельность в колониальных условиях была неизбежным этапом в становлении индийской буржуазии. В это время происходило первоначальное накопление капитала, усваивались навыки и методы капиталистических операций, устанавливались тесные связи с фирмами метрополии и т. п.

Однако деятельность компрадоров только в сфере обращения, очевидно, не могла привести к формированию национального капиталистического уклада. Во-первых, компрადоры обслуживали воспроизводство английского промышленного капитала, тем самым сдерживая возможности становления новых форм производства в Индии. Во-вторых, для местного компрадорского капитала было характерно своеобразное расщепление, он постоянно выступал в двух лицах: в отношениях с английскими фирмами он вел операции как придаток иностранного промышленного капитала, а в отношении местных низших форм производства он выступал как традиционный купеческий капитал. Поэтому он оказывал не столько модернизирующее воздействие на экономику, сколько консервативное. По-видимому, без становления капиталистических отношений в сфере материального производства формирование национального капиталистического уклада было невозможным. В связи с этим необходимо рассмотреть положение местной промышленности.

Как известно, ко времени колониального завоевания в Индии сложились три экономически и социально разобщенные группы низших форм промышленности: высшие городские ремесла, обслуживавшие потребительский спрос эксплуататорских классов и поставлявшие свою продукцию на экспорт; внеобщинное ремесло, производившее изделия преимущественно потребительского назначения для низших слоев городского населения и сельских жителей; внутриобщинное сельское ремесло, изготавливавшее изделия как потребительского, так и производственного назначения для сельских жителей. Эти группы различались не только ролью в системе общественного воспроизводства, но и номенклатурой и качеством изделий, характером рынка сбыта и т. п.

Колониальное завоевание и дискриминационные меры в европейских странах нанесли сильнейший удар по высшим городским ремеслам. По мере присоединения к Британской Индии все новых районов Индостана и развертывания промышленной революции в Европе происходило дальнейшее ухудшение положения в этой группе производств: сокращалась занятость, снижался объем и качество выпускаемых изделий. К концу колониального периода высшие городские ремесла занимали ничтожное место в промышленном производстве страны.

Состояние сельского внутриобщинного ремесла было тесно связано с положением сельского хозяйства и судьбой непосредственного производителя в этой отрасли. Как уже отмечалось, уве-

личивавшиеся масштабы эксплуатации и потери при рыночных операциях вынуждали непосредственного производителя ограничивать связи с рынком. В итоге в сельском хозяйстве сохранялось натуральное или квазитоварное воспроизводство средств производства, которое длительное время оставалось неизменным. Именно эта неизменность средств производства и объективное или субъективное отстранение непосредственного производителя от рыночных операций лежали в основе сохранения тесных связей между земледельцем и ремесленником в области воспроизводства фонда производительного потребления. При данном способе производства никакое удешевление цен на средства производства, необходимые сельскому хозяйству, не могло обеспечить проникновения фабричной промышленности на этот рынок. Поэтому с ростом населения и увеличением числа дворов в сельском хозяйстве происходило абсолютное расширение этой сферы ремесленного производства. Однако длительная стагнация сельского хозяйства в колониальный период, невозможность разрушения узколокальных связей между земледельцем и ремесленником препятствовали каким-либо заметным социально-экономическим изменениям в бывшем внутриобщинном ремесле.

Процесс мучительной и крайне затяжной перестройки переживало внеобщинное ремесло. Усиление нерегулярности воспроизводства фонда личного потребления земледельца и сокращение и обеднение городского населения, с одной стороны, конкуренция импортных фабричных товаров — с другой, подрывали само существование этой группы ремесел. В результате произошло полное уничтожение таких наиболее архаичных производств, как ручное прядение, кустарная выплавка металлов и пр. Но в то же время понижение фонда возмещения живого труда ремесленника и переход к использованию более дешевых импортных полуфабрикатов к концу XIX в. позволили ряду отраслей дофабричной промышленности стабилизировать свое положение. Именно в этот период начинается изменение и социально-экономических характеристик внеобщинного ремесла — подчинение его торгово-ростовщическому или даже промышленному капиталу, постепенное перерастание этих видов ремесленного производства в капиталистическую работу на дому и рассеянную мануфактуру. Капиталистическая трансформация бывших внеобщинных ремесел заметно ускорила после первой мировой войны, причем это ускорение в немалой мере было связано с деятельностью крупной фабричной промышленности. В связи с этим, прежде чем рассматривать капиталистическую эволюцию низших форм промышленности, необходимо остановиться на возникновении фабрики в Индии и на последствиях этого явления.

Превращение Индии в интегральную часть системы «метрополия—колония» в эпоху промышленного капитализма сопровождалось распространением на ее экономику, находившуюся на стадии обмена по стоимости, обменных отношений по цене производства. Следствием этого была продажа сельскохозяйствен-

ного сырья по ценам ниже национальной стоимости. Огромные масштабы отчуждаемого продукта и низкий жизненный уровень земледельца, а также нарастание аграрного перенаселения и числа лиц, лишенных средств производства, оказывавших давление на рынок труда, обусловили стабильно низкую стоимость рабочей силы в Индии.

Дешевизна сырья и рабочей силы в принципе создавала благоприятные возможности для развития фабричной обрабатывающей промышленности. Но это общее положение нуждается в ряде уточнений. Поскольку для Индии была характерна прежде всего дешевизна сельскохозяйственного сырья, то речь шла о создании преимущественно отраслей легкой и пищевой промышленности. Однако для механизированной промышленности проблема рынков сбыта представлялась крайне сложной. Основная часть населения страны, сконцентрированная в сельских районах, была еще тесно связана с потреблением ремесленной продукции, а место разрушавшегося городского ремесла во все большей степени занимали импортные товары. Поэтому наиболее перспективным был внешний рынок. К тому же на внешнем рынке местная промышленность могла наиболее полно реализовать свои преимущества, связанные с функционированием в рамках специфической стоимостной системы. В связи с этим национальные фабричные предприятия — по очистке и прессовке хлопка и джута, кожевенно-дубильные, чайные, шелкомотальные, хлопчатобумажные, создававшиеся с конца 40-х годов XIX в. компрадорами, а затем и эксплуататорскими классами деревни, почти полностью специализировались на обслуживании внешнего рынка.

Иначе говоря, становление национальной фабрики в Индии, так же как и в ряде других колониальных и зависимых стран, не было подготовлено предшествующим развитием низших форм местной промышленности. Национальная фабрика была порождением иной социально-экономической системы, поэтому оказалась генетически не связанной ни с эволюцией местной техники, ни с предпринимательством, ни с местным рынком сбыта. }

Что же касается отраслей тяжелой промышленности — металлургии, машиностроения, химии, то обмен товаров по ценам ниже стоимости препятствовал их созданию. Как известно, эти отрасли базируются на минеральном сырье, но закон обмена по ценам ниже стоимости воздействовал на него лишь косвенным образом, т. е. минеральное сырье было относительно дороже сельскохозяйственного. Не спасала и дешевизна рабочей силы: отрасли тяжелой промышленности отличаются более высоким органическим строением капитала, поэтому экономия на переменном капитале оказывает сравнительно небольшое воздействие на издержки производства. Более того, дешевизна рабочей силы сама превращалась в одно из важнейших препятствий на пути развития тяжелой промышленности. Стимулируя всемерную экономию на постоянном капитале и использование оборудования до полного физического износа, она ограничивает спрос на новые сред-

ства производства. В результате спрос и стоимостные факторы сдерживали освоение выпуска средств производства. Поэтому первые предприятия тяжелой промышленности начали создаваться в Индии гораздо позже — через 60—70 лет после появления фабрики в стране. Возникновение этих отраслей было связано как с достижением гораздо большей зрелости капиталистическим укладом в Индии, так и с подъемом национально-освободительного движения и изменением экономической политики колониальных властей (выборочный протекционизм).

Появление национальной фабричной промышленности означало качественный скачок в развитии дихотомии городской и сельской экономик. Во-первых, хотя индийская фабрика первоначально несколько отличалась от своего западного аналога по уровню оснащенности, по формам найма и т. п., она с самого начала по целям и мотивам производства была последовательно капиталистическим предприятием. Во-вторых, в Индии сразу же начали создаваться крупные фабрики, способные выдержать конкуренцию иностранных товаров на рынках сбыта. Мощь фабрики усиливалась тем, что она, как правило, была частью крупной торговой организации, что определяло сокращение издержек не только в сфере производства, но и в сфере обращения. В-третьих, хотя на фабрике XIX в. механизация многих операций еще не была завершена, тем не менее она представляла собой систему индустриального труда неизмеримо более производительного, чем в мелком производстве, базирующемся на ручном труде. Наконец, до конца XIX в. индийская фабрика оставалась своеобразным инородным телом в системе национального воспроизводства. Машины и оборудование, а в Бомбее и Мадрасе даже топливо, наиболее квалифицированные кадры поступали из-за границы, подавляющая же часть продукции экспортировалась. Сырье же поступало преимущественно на базе внеэкономического принуждения из внутренних источников. Иначе говоря, для ранней индийской национальной промышленности была характерна еще большая слабость воспроизводственных связей с остальной экономикой, чем для городских ремесел в начале колониального периода.

Превосходство по типу производственных отношений, масштабам и методам производства, формам соединения живого и овеществленного труда и т. п. позволяло фабричной промышленности постоянно перераспределять в свою пользу часть чистого продукта мелкого производства. Фактически развитие фабричной системы в XIX в. было непосредственно связано с ухудшением условий воспроизводства в традиционных структурах. Более того, замкнутость воспроизводства фабричной промышленности на внешний рынок препятствовала возникновению предпосылок для модернизации мелкого производства, которые возникли в Европе в ходе промышленной революции.

Разрыв по социально-экономическим, экономическим и техническим параметрам между городской и сельской экономикой до-

стиг, по-видимому, наибольшей величины к концу XIX в. Однако в эпоху империализма, особенно в период общего кризиса капитализма, выявились некоторые тенденции, которые обусловили появление как новых противоречий, так и своеобразных «переходных» зон между современными и традиционными структурами, что свидетельствовало о переходе к следующему этапу развития (третьему).

Прежде всего, с ускорением развития капитализма в Индии заметно повысилась зрелость капиталистического уклада. С одной стороны, процессы отделения непосредственного производителя от средств производства и сельской эмиграции привели к появлению рынка свободной рабочей силы после первой мировой войны. В связи с этим в 1925 г. был отменен закон 1859 г. о контрактном найме, ограничивавший свободу рабочего. С этого времени по формам найма индийская фабрика не отличалась от своего западного аналога. С другой стороны, изначально большие масштабы фабрики, сочетание промышленной и торговой деятельности привели к быстрым темпам концентрации и централизации капитала; уже в конце XIX в. появляются национальные управляющие агентства, которые в период общего кризиса капитализма начинают перерастать в монополистические объединения. В 30-х годах XX в. возникают и отраслевые монополии — цементный трест, сахарный синдикат и т. п., контролируемые индийским капиталом. Очевидно, что становление местного монополистического капитала означало продолжение старой тенденции к углублению социально-экономического разрыва между современными и неотрадиционными структурами.

Но в то же время ускорение развития капитализма сопровождалось диверсификацией капиталистического уклада — первоначально отраслевой, а затем и социально-экономической. Хотя в последние полвека английского колониального господства промышленность оставалась наиболее динамичной отраслью индийской экономики (объем промышленного производства возрос в 4,5 раза), не менее важное значение имело расширение сферы национального предпринимательства. В эти десятилетия наряду с обрабатывающей промышленностью индийский капитал осваивает горнодобывающую промышленность, электроэнергетику, плантации, банковское и страховое дело, сферу услуг, автомобильный, судоходный и авиационный транспорт. В результате возникает многоотраслевой капиталистический уклад. Поэтому с конца 20-х годов XX в. противопоставление городской и сельской экономики утрачивает смысл, ибо очаги капиталистического предпринимательства появляются и в сельских районах. Видимо, можно говорить о противостоянии капиталистических и докапиталистических структур в масштабах страны именно с этого времени.

Далее, целый ряд разнородных факторов — общее ускорение капиталистического развития, резко возросшие темпы роста городского населения со времени первой мировой войны, ограниче-

ние иностранной конкуренции в эти же годы и некоторое изменение экономической политики колониальных властей, движение «свадеши» и потребности самой крупной промышленности — привели к изменению положения низших форм промышленности. Если до 1911 г. число лиц, занятых в этой сфере, неуклонно сокращалось, то в 1912—1921 гг. оно стабилизировалось, а с 1922 г. начался постепенный рост занятости. Это означало, что на первом этапе происходило разорение традиционного ремесла, которое еще не компенсировалось ростом капиталистических форм. С усилением развития капитализма в стране эти процессы начали взаимно уравниваться. После первой мировой войны рост низших форм промышленности уже на капиталистической основе стал обгонять разрушение и гибель старых форм. Именно в эти годы в Индии происходит становление капиталистической мануфактуры в таких отраслях, как сахарная, маслобойная, текстильная, стекольная и др., которая в дальнейшем стала перерастать в мелкую фабрику.

Становление капиталистической работы на дому и мануфактуры означало появление своеобразной промежуточной зоны в индийской экономике. По своим социально-экономическим характеристикам она примыкала к капиталистическому укладу, а по масштабам, методам и технике производства — к неотрадиционным структурам. Продолжением этой промежуточной зоны в сельском хозяйстве была сравнительно небольшая группа мелких товаропроизводителей, которая начала формироваться в районах пригородного земледелия.

В эпоху империализма меняется и характер воспроизводственных связей в индийской экономике. Как известно, с конца XIX в. ведущая отрасль индийской промышленности — хлопчатобумажная — начинает переходить к обслуживанию внутреннего рынка. Все же вновь возникавшие отрасли работали преимущественно на внутренний рынок. В результате экспортная квота в продукции индийской промышленности постепенно снижалась и в начале 50-х годов XX в. составляла 14,2%. Можно выделить три основных последствия поворота индийской промышленности к обслуживанию внутреннего рынка. Во-первых, с возникновением отраслей тяжелой промышленности начинают складываться воспроизводственные связи внутри самой фабричной промышленности. В начале 50-х годов на внутрипроизводственное потребление использовалось уже 41,9% ее продукции. Во-вторых, крупная промышленность смогла вовлечь в свои воспроизводственные связи все капиталистически организованные отрасли экономики и часть промежуточной зоны. В начале 50-х годов на продукцию крупной промышленности приходилось 65,1% текущих воспроизводственных затрат строительства, 47,3% — транспорта и связи, 30,3% — мелкой промышленности. В-третьих, хотя в продукции фабричной промышленности преобладали товары потребительского назначения, она еще не могла оказывать доминирующего воздействия даже на фонд личного потребления: в начале 50-х годов за

счет ее продукции формировалось лишь 52,1% потребления промышленно обработанных изделий.

В то же время обращает на себя внимание своеобразная автономность воспроизводственного цикла, сохраняющаяся в сельском хозяйстве и низших формах промышленности. Действительно, в сельском хозяйстве 92,6% текущих затрат воспроизводилось внутри отрасли, в мелкой промышленности — 18,2%. В то же время в мелкой промышленности на долю сельского хозяйства приходилось 48,5% текущих затрат, а в сельском хозяйстве 4,6% текущих затрат приходилось на мелкую промышленность. Иначе говоря, воспроизводство в мелком производстве обеспечивалось за счет тесного взаимодействия сельского хозяйства и низших форм промышленности.

Можно следующим образом суммировать итоги экономической эволюции в колониальный период. На смену дезинтеграции городской и сельской экономики пришла дезинтеграция современных капиталистических и неотрадиционных докапиталистических структур. К дезинтеграции по воспроизводственным показателям добавился разрыв по социально-экономическим и техническим параметрам. Хотя в период общего кризиса капитализма в Индии сложилась своеобразная переходная зона, по тем или иным характеристикам примыкающая как к современным, так и к традиционным структурам, главной тенденцией было углубление разрыва между двумя полюсами. Его основой было повышение социально-экономической зрелости капиталистического уклада, рост его технической оснащенности и развитие внутренней интеграции.

Развитие капитализма и традиционные структуры в независимой Индии

За почти 40-летний период, истекший со времени достижения политической независимости, в индийской экономике произошли заметные изменения: ускорились темпы и неизмеримо возросли масштабы развития капитализма, обновилась техническая база капиталистического уклада и т. п. Казалось бы, что в данной обстановке должно было начаться интенсивное разложение традиционных структур, смыкание их по тем или иным параметрам с капиталистическим укладом, превращение их в резерв для расширения последнего. Но в действительности традиционные структуры, во всяком случае по числу сосредоточенного в них населения, за годы независимости даже выросли; углубились существовавшие и появились новые формы дезинтеграции, отделяющие их от современных. Поскольку в последующем изложении основное внимание сосредоточено на эволюции традиционных структур, задача данного раздела — показать особенности развития капитализма в стране, выявить причины его слабого воздействия на традиционные структуры.

С победой национально-освободительного движения, достижением политического суверенитета система «метрополия—колония» рушится, что влечет за собой целый ряд серьезнейших последствий. Прежде всего, с ликвидацией колониального господства в Индии бывшая метрополия лишается возможностей использования внеэкономического принуждения, а следовательно, ликвидируется некомпенсируемое изъятие чистого продукта в виде налогов, сборов и т. п. в ее пользу. Сводятся к минимуму, а затем и полностью исчезают и возможности применения других внеэкономических методов эксплуатации, обусловливавших ранее привилегированное положение капиталов и товаров метрополии на внутреннем рынке Индии.

Далее, развал системы «метрополия—колония» означал ликвидацию колониального государства и возникновение национального государства. Создание суверенного государства позволяло использовать внеэкономическое принуждение уже не в интересах метрополии, а для укрепления позиций местного правящего класса. Сокращение перераспределения чистого продукта в пользу бывшей метрополии и мирового капиталистического хозяйства, ликвидация возможностей воздействия на национальную экономику в интересах иностранной державы, приток средств из-за рубежа на льготных условиях содействовали, с одной стороны, ускорению темпов экономического роста, а с другой — преобладанию влияния внутренних факторов на все процессы развития.

После 1947 г. государственно-монополистический капитализм бывшей метрополии становится своеобразным внешним фактором по отношению к бывшей колонии. В результате этого вычленения масштабы капиталистических отношений в экономике бывшей колонии скачкообразно сокращаются и по абсолютным масштабам начинают доминировать докапиталистические отношения разного типа. Системообразующие и интегрирующие функции при этом перешли от капиталистической формации метрополии к местному капиталистическому укладу. Однако его интегрирующие потенции оказались слабее, чем капиталистической формации метрополии.

В экономическом плане слабость капиталистического уклада в Индии определялась, во-первых, относительно небольшими количественными размерами; во-вторых, более низким, по сравнению с метрополией, социально-экономическим и организационно-техническим уровнем; в-третьих, выполнением значительной его частью подсобных, по отношению к иностранному капиталу, функций в процессе воспроизводства. В социальном плане интеграционные потенции местного капиталистического уклада ограничивались как долей буржуазии в населении страны, в несколько раз меньшей, чем в метрополии, так и меньшим уровнем концентрации капитала, относительно слабой консолидацией буржуазии и т. п. По-видимому, все эти обстоятельства скачкообразно сокращали влияние последней на население страны. К тому же превращение Индии в автономную часть мирового капиталистического хозяйства ослабило и воздействие буржуазных институ-

тов в более широком смысле — идеологии и культуры, правовых норм, традиций и т. п.

Начавшаяся в результате этих изменений дезинтеграция межукладных связей усиливалась и перестройкой укладной структуры, связанной с проведением целой серии антифеодальных реформ. Еще в начале 50-х годов в Индии были ликвидированы «туземные» княжества, отменены земельно-налоговые системы (постоянное и временное заминдари, махальвари), созданные англичанами, а также повинности, вытекавшие из них, уничтожены провозные пошлины, унифицированы законодательство и налоговая система на территории всей страны и т. п. Устранение феодальных или полуфеодальных отношений означало не только ликвидацию одного из важнейших и крупнейших укладов, но и сокращение масштабов использования внеэкономического принуждения на территории страны. В свою очередь, отмирание внеэкономического принуждения способствовало становлению мелкой собственности, размыванию натуральных основ воспроизводства, развитию товарообменных связей, т. е. ускорению формирования мелкотоварного уклада. Мелкотоварный уклад, расширяющийся за счет феодального (полуфеодального) и полунатурального, постепенно становился основным по числу занятых и масштабам производимого продукта.

Происходило и преобразование иностранного уклада, превращение его в составную часть местного воспроизводства, а отчасти и капиталистического уклада. Это способствовало чисто количественному расширению и повышению социально-экономического и технического уровня последнего. Но сохранение эксплуатации иностранным капиталом местных ресурсов и рабочей силы, хотя и в других формах, сдерживало социально-экономическую трансформацию экономики в целом.

Таким образом, после достижения политической независимости в укладной структуре Индии произошли довольно существенные изменения: сократилось число имевшихся укладов; изменилось соотношение между ними; уменьшилось воздействие полярных укладов — государственно-монополистического бывшей метрополии и феодального. В то же время резко выросло значение промежуточных укладов, в частности мелкотоварного. Но эти изменения означали и ослабление иерархической взаимоподчиненности укладов и, следовательно, усиление дезинтеграционных процессов.

Поскольку в многоукладной системе внутриукладные связи всегда преобладают над межукладными, постольку ослабление воздействия системообразующего уклада и иерархичности укладов создало возможности для ускорения проявления внутренних закономерностей развития. Преобладание низших укладов, в которых воспроизводство приближено к простому, значительны натуральные воспроизводственные связи, низка норма накопления и т. п., обусловили резкое усиление докапиталистических закономерностей воспроизводственного процесса. Они проявлялись в по-

вышении натуральности, сокращении товарного хозяйства и связанном с этим снижении нормы накопления, уменьшении перелива материально-финансовых ресурсов между укладами, в относительном ограничении внешнеэкономических связей. Показателем этих процессов может служить падение доли государственного бюджета в национальном доходе с 17% в конце 30-х годов до 10% в начале 50-х годов, в снижении нормы накопления за тот же период с 10 до 5%.

Результатом дезинтеграции межукладных связей и сокращения эксплуатации господствующим укладом может стать улучшение потенциальных возможностей воспроизводства в низших укладах либо увеличение непроизводительного потребления традиционной элиты, что зависит от характера возникающего социально-экономического строя и правящего класса. Но в любом случае дезинтеграция ограничивает и сдерживает развитие высшего в данной системе социально-экономического уклада. Доведенный до своего логического конца процесс дезинтеграции межукладных связей должен был привести к стагнации, а в современных условиях и к экономическому краху общества. Поэтому преодоление самостоятельности развития каждого уклада становилось вопросом жизни или смерти данного общества.

Ослабление позиций капиталистического уклада по отношению к докапиталистическим и появление дезинтеграционных процессов в межукладных связях угрожали как политическим, так и экономическим интересам национальной буржуазии. Причем для национальной буржуазии как класса необходимо было не просто восстановление межукладных связей, а перестройка их на основе экономических методов взаимодействия. Только такие типы межукладных связей могли обеспечить расширение пропорций воспроизводства.

Важнейшим фактором межукладной интеграции должно было стать расширение экономических и социальных функций государства. В зависимости от масштабов, методов и направления деятельности государства, характера взаимодействия государственного и частного секторов, влияния внутренних и внешних стихийных факторов на процессы развития можно выделить несколько этапов в истории экономического роста и формирования интеграционных процессов в независимой Индии.

В ходе первого этапа, охватывавшего конец 40-х — первую половину 50-х годов, происходило устранение наиболее острых диспропорций, оставленных колониальной эксплуатацией и разделом страны, а также создавалась «стартовая площадка» для последующего развития. Хотя темпы экономического роста на этом этапе были выше, чем когда-либо в колониальный период, в социально-экономической структуре не произошло изменений, адекватных этому росту. Можно следующим образом сформулировать особенности экономического развития страны в этот период.

Во-первых, расширение капиталистического уклада за счет нового строительства было ограниченным. Это объясняется, с од-

ной стороны, нехваткой некоторых видов сырья, изношенностью инфраструктуры и нечеткостью социально-экономических перспектив, а с другой — использованием значительной части капиталов, накопленных в годы войны, на выкуп английской собственности в стране. В то же время наблюдалось резкое расширение национального капиталистического уклада за счет иностранного в связи с переходом в руки государства собственности колониальных властей (железные дороги, портовое хозяйство, связь, ирригационные сооружения, несколько сотен промышленных предприятий и электростанций, Резервный и Имперский банки). Во-вторых, значительно усилилась концентрация и централизация капитала в капиталистическом укладе. Первоначально централизация захватила преимущественно иностранный сектор, где произошло массовое слияние английских управляющих агентств. Затем, в целях упрочения своих позиций в новых условиях, они начали продавать часть своих акций ведущим группам индийской буржуазии, хотя процесс этот завершился лишь на следующем этапе. Параллельно происходил процесс прямой покупки собственности средних и, отчасти, крупных английских компаний индийской буржуазией. В-третьих, завершение послевоенного восстановления западноевропейской промышленности и расширение возможностей закупки оборудования на мировом рынке позволили начать широкую модернизацию оборудования старых отраслей фабричной промышленности — текстильной, джутовой, сахарной и др. В результате технический уровень и производительность труда в них заметно возросли.

Что же касается мелкого производства, то в нем не произошло заметных социально-экономических или технологических сдвигов в этот период. В сельском хозяйстве повышение цен в годы войны и снижение на этой основе налоговой и ростовщической эксплуатации несколько улучшили условия воспроизводства. Однако незавершенность аграрных преобразований (ликвидация привилегированных систем землевладения затянулась до 1959 г.) и неизменность производственных отношений препятствовали использованию материальных предпосылок для развития этой отрасли. В дофабричной промышленности также складывалась весьма противоречивая ситуация. Введение таможенного протекционизма ослабило иностранную конкуренцию для некоторых отраслей мелкого производства на внутреннем рынке. В то же время сохранение контроля над закупкой и распределением продовольственного сырья и некоторых товаров первой необходимости ограничивало поступление сырья в такие важнейшие отрасли мелкого производства, как пищевая и текстильная.

В целом достижение политической независимости и проведение антифеодалных мероприятий на первом этапе были, по-видимому, наиболее благоприятными для современной части национального капиталистического предпринимательства, которое получило защиту от иностранной конкуренции и большую свободу деятельности на внутреннем рынке. Хотя антиколониальные и

антифеодальные мероприятия способствовали расширению воздействия стихийных рыночных сил на мелкое производство, результаты этого воздействия сказались на них гораздо позже. Отсюда — нарастание противостояния капиталистического уклада докапиталистической периферии, проявлявшееся в увеличении доли прибыли в национальном доходе, возрастании удельного веса акционерных компаний в производимых прибылях.

На втором этапе (середина 50-х — середина 60-х годов) Индия приступила к проведению сравнительно широкой индустриализации. Поскольку ко времени достижения политической независимости местная легкая и пищевая промышленность практически полностью захватили внутренний рынок (импорт был равен 8,2% валовой стоимости ее продукции), а отрасли тяжелой промышленности удовлетворяли лишь немногим более половины существующего платежеспособного спроса, то индустриализация захватила преимущественно отрасли тяжелой промышленности. Такое направление индустриализации отражало общенациональные интересы по преодолению экономической отсталости и зависимости от империализма, а также отвечало интересам национальной буржуазии. Развитие тяжелой промышленности позволяло последней подчинять низшие формы мелкого производства новыми методами, одновременно избегая конфликтов с традиционными эксплуататорскими классами.

Вместе с тем импортзамещающий характер индустриализации, ее направленность на удовлетворение существующего платежеспособного спроса усиливали дезинтеграционные процессы в индийской экономике. Во-первых, ориентация на существующий спрос означала усиление материально-финансовых потоков внутри самого капиталистического уклада (добывающая и обрабатывающая промышленность, механизированный транспорт, связь, электроэнергетика, отчасти строительство). Во-вторых, быстрое возрастание доли тяжелой промышленности, обслуживающей потребности капиталистического уклада, вызывало относительное ослабление воспроизводственных связей между промышленностью и сельским хозяйством, ибо уменьшалась зависимость промышленности от сельскохозяйственного сырья, а докапиталистическое сельское хозяйство не могло служить рынком сбыта для тяжелой промышленности. В-третьих, в ходе индустриализации возрастала зависимость капиталистического уклада от мирового рынка не только по линии капитального оборудования, но и по линии сырья, полуфабрикатов и топлива. Иными словами, в ходе импортзамещающей индустриализации наблюдалась быстрая консолидация капиталистического уклада при все большем его втягивании в международное разделение труда.

В то же время таможенный протекционизм, нехватка товаров на внутреннем рынке из-за переключения валюты на импорт товаров производственного назначения, наконец, спрос, порождаемый самой крупной промышленностью и транспортом, с конца 50-х годов начали приводить к заметному расширению капитали-

стического предпринимательства в мелкой промышленности. По переписи 1961 г. в стране уже насчитывалось 1054 тыс. мелких предприятий с числом занятых от 2 до 9. В результате наблюдалось быстрое обрастание современного капиталистического предпринимательства массой относительно однотипных с ним по характеру производственных отношений предприятий.

Гораздо более сложные процессы происходили в мелком производстве деревни. Ликвидация систем привилегированного землевладения и начавшееся введение потолка землевладения привели к формированию массового слоя мелких товаропроизводителей в сельском хозяйстве, что создавало предпосылки для развития капитализма в этой сфере. Но в условиях субтропического земледелия становление новых методов производства, по-видимому, было невозможно без создания разветвленной инфраструктуры (иригации, дорожного строительства, электрификации и пр.). Между тем индустриализация ограничивала возможности государства по развитию этой сферы, а аграрные реформы вызывали отлив капиталов традиционных эксплуататорских классов из деревни в город.

В данных условиях темпы сельскохозяйственного производства, хотя и возросшие по сравнению с колониальным периодом, отставали от роста городского населения. Более того, сокращение масштабов внеэкономического принуждения в результате аграрных реформ вызывало увеличение потребления в крестьянских хозяйствах и соответствующее понижение товарности. Поэтому для покрытия дефицита государство должно было непрерывно увеличивать импорт продовольствия: если в 1956/57—1960/61 гг. за счет импорта было покрыто 5,2% всего платежеспособного спроса, то в 1961/62—1965/66 гг.—уже 6,5%. Для поддержания социальной стабильности и удешевления индустриализации импортируемое (и, частично, мобилизуемое внутри страны) продовольствие продавалось по твердым ценам, которые, по-видимому, приближались к издержкам мелких производителей. По мере нарастания импорта его депрессивное воздействие на внутренний рынок нарастало. Вследствие этого на протяжении всего второго этапа паритет цен во все большей степени менялся в пользу промышленности, что сдерживало социально-экономические и технические сдвиги в сельском хозяйстве.

В середине 60-х годов произошло два события, которые свидетельствовали о кризисе стратегии импортзамещающей индустриализации. В более широком смысле этот кризис отражал возросшую несбалансированность развития современных и традиционных структур. Первое: несмотря на огромный импорт продовольствия и рекордный урожай 1964 г., цены на продовольствие начали быстро расти, что привело к изменению паритета цен между сельскохозяйственной продукцией и промышленно обработанными изделиями. Второе: промышленность относительно исчерпала существовавший платежеспособный спрос; началось снижение степени использования установленных мощностей и за-

медление темпов развития. Положение было усугублено стихийными бедствиями 1965—1966 гг. и военным конфликтом с Пакистаном.

Все это обусловило переход на третьем этапе развития (середина 60-х — середина 70-х годов) к новой стратегии — переносу центра тяжести на интенсификацию сельскохозяйственного производства. Помимо сдвигов в структуре политической власти практическому осуществлению этой стратегии способствовали два обстоятельства. За годы независимости был создан определенный потенциал для развития сельского хозяйства — оросительные сооружения, электроснабжение деревни, заводы по производству минеральных удобрений, тракторов, ирригационных насосов и пр. Кроме того, изменение после 1964 г. паритета цен в пользу сельскохозяйственной продукции привело к повышению прибыльности этой отрасли и начавшемуся переливу в нее капиталов. Чтобы активизировать этот процесс, государство неоднократно повышало закупочные цены на зерновые, в результате чего они превзошли уровень мирового рынка, и субсидировало сбыт в деревне ряда товаров производственного назначения. Результатом воздействия всех этих факторов явился такой новый процесс, как «зеленая революция» — переход к интенсивным методам ведения сельскохозяйственного производства.

«Зеленая революция», при всей ее ограниченности и очаговом характере, оказала значительное воздействие на всю сферу мелкого производства — как сельскохозяйственную, так и промышленную. За очень короткий промежуток времени к капиталистическим методам операций в сфере сельского хозяйства перешла большая часть сельской элиты — бывших крупных землевладельцев полуфеодалного типа, представителей традиционных видов капитала, зажиточных крестьян. Если учесть только хозяйства, имеющие дизельный или электрический двигатель, и предпринимательские хозяйства в пригородных зонах, то к началу 80-х годов их насчитывалось около 5,5 млн. — примерно $\frac{2}{3}$ всех крупных хозяйств, имеющих в стране.

С появлением предпринимательских хозяйств в аграрной сфере в индийском капиталистическом укладе возникло последнее недостающее звено — воспроизводство продовольствия как основной части переменного капитала на капиталистической основе. В результате к середине 70-х годов в стране завершилось формирование капиталистического уклада, охватывающего все отрасли экономики. Однотипность социально-экономических отношений и относительная близость технического уровня обуславливают неуклонное расширение воспроизводственных связей в денежной и материально-вещественной форме между его отдельными частями.

Одновременно с «зеленой революцией» началось и быстрое техническое переоснащение всей сферы мелкого промышленного производства. Спрос кулацкой верхушки на товары производственного и потребительского назначения, рост потребностей эко-

номики в запасных частях, ремонте, услугах, а промышленности — в полуфабрикатах и одновременно возможности фабричной промышленности поставить необходимое оборудование привели к необычно быстрому перерастанию мелкого капиталистического предпринимательства различных видов в мелкую фабрику. Если в 1964 г. в Индии насчитывалось всего 36 тыс. мелких механизированных предприятий, то в 1976 г. — уже 324 тыс. На протяжении второй половины 60-х — первой половины 70-х годов темпы роста производства в мелкой механизированной капиталистической промышленности оказались выше, чем в крупной.

Наряду с быстрым ростом в сфере мелкого производства происходило два процесса. Во-первых, сам переход к новым, индустриальным методам производства потребовал привлечения рабочих более высокой квалификации, что вызвало широкую замену семейных рабочих наемными. Во-вторых, механизация и выход на более широкий рынок, по-видимому, резко обостряли конкуренцию на рынке. Поэтому капиталовооруженность труда на мелких предприятиях росла более быстрыми темпами, чем на крупных.

Таким образом, в ходе третьего этапа в капиталистическом укладе наблюдались два основных изменения. Прежде всего, происходило втягивание всех отраслей экономики в капиталистическое производство. С этой точки зрения в дальнейшем можно ожидать уже не качественных, а лишь количественных изменений. В то же время усилилась консолидация капиталистического уклада по социально-экономическим, техническим и воспроизводственным параметрам. В ее ходе происходило подтягивание по всем этим показателям наиболее отставших секторов, что и позволяло постоянно наращивать воспроизводственные связи.

Ко второй половине 70-х годов этап импортзамещающего развития сельского хозяйства и связанного с этим роста новых отраслей промышленности завершился. Экономика страны начала вступать в новый, четвертый этап развития. Для него характерно относительное исчерпание потенциала импортзамещения во всех отраслях, а следовательно, зависимость от расширения емкости рынка. Между тем при незавершенности буржуазных преобразований и высоких темпах роста населения платежеспособный спрос на внутреннем рынке, особенно в расчете на душу населения, возрастал медленно. Для такой крупной страны, как Индия, внешний рынок не может играть существенной роли в качестве стимулятора экономического роста. Вследствие всех этих обстоятельств общий темп развития снизился: если в 1951/52—1975/76 гг. он составлял 3,7% в год, то в 1976/77—1982/83 гг. — 3,3%, т. е. снизился на 11%. По-видимому, медленный темп роста будет сохраняться до проведения нового тура социально-экономических преобразований.

В обстановке замедления темпа экономического роста, накопления товарных запасов, колебаний цен и пр. возможности для развития капитализма вширь снизились. На четвертом этапе бо-

лее важное значение имеет процесс углубления развития капитализма. Он сопровождается определенным возрастанием степени зрелости капиталистических отношений, ростом фондовооруженности труда и пр. Но эти процессы ускоряли консолидацию капиталистического производства, дальнейший его отрыв по социально-экономическим и техническим показателям от докапиталистической периферии.

Ускорение развития национального капитализма, базирующегося на системе индустриальных производительных сил, оказало существенное воздействие на традиционные структуры. Во-первых, удельный вес традиционных структур в совокупном и чистом продукте общества начал быстро сокращаться. К началу 80-х годов по первому показателю они уже уступали капиталистическому сектору. Но в условиях демографического взрыва их доля в самодеятельном населении страны сокращалась весьма медленно. Иначе говоря, овладевая экономической сферой деятельности общества, капитализм не мог освоить социальную. Рассогласованность экономических и социальных процессов превратилась ныне в острейшее внутреннее противоречие страны.

Во-вторых, если до середины 60-х годов в каждом низшем укладе имелись свои эксплуататоры и свои эксплуатируемые, то уже на третьем этапе происходило быстрое обуржуазивание традиционных эксплуататорских классов, интеграция их с национальной буржуазией. Разумеется, речь идет не об образовании слоя чисто капиталистических предпринимателей; все они в той или иной степени сочетают капиталистические и докапиталистические методы эксплуатации. Однако их перемещение в капиталистический уклад означает, что эксплуатация осуществляется не столько внутри низших укладов, сколько вне их. В результате низшие уклады как бы «теряли» один из полюсов своей социальной структуры.

В-третьих, наблюдалась своеобразная нивелировка социальных и технических условий воспроизводства. Мелкий товаропроизводитель вследствие парцелляции собственности или ухудшения условий реализации был вынужден сокращать масштабы своих рыночных связей и пополнять свои доходы продажей рабочей силы (собственной или членов своей семьи). Те же экономические факторы выталкивали патриархального крестьянина на рынок в качестве продавца части своей продукции либо рабочей силы; происходило и разрушение его продуктообменных связей с ремеслом. Непосредственный производитель так же становится субъектом производственных отношений нескольких типов, как и представители эксплуататорских классов.

Таким образом, в докапиталистической сфере шло как бы усреднение характера производственных отношений и воспроизводственных условий. Несколько низших укладов начинают терять свои укладные характеристики и постепенно трансформироваться в относительно единый традиционный сектор. Естественно, что единство этого сектора условно; он объединяет самые различные

слои — от люмпена и паупера до постепенно разоряющегося мелкого производителя.

Следовательно, развитие капиталистических интеграционных процессов в независимой Индии способствовало не столько формированию однородной социально-экономической и экономической системы, сколько перерастанию многоукладной системы в дуальную, превращению ее из многополюсной в биполярную. При этом традиционный сектор, по-видимому, нельзя рассматривать как некую временно существующую, переходную структуру.

Дело в том, что научно-технический прогресс и дальнейшая интернационализация мирового хозяйства содействуют неуклонному повышению органического строения капитала в современном капиталистическом секторе и тем самым ограничению спроса на живой труд. В то же время демографический взрыв и разложение традиционных социальных связей в деревне ведут к непрерывному абсолютному, а иногда и относительному увеличению армии труда. Иначе говоря, при данном социально-экономическом строе современный капиталистический уклад не может вовлечь сколько-нибудь значительную часть естественного прироста населения; более того, по мере повышения органического строения капитала может происходить прямое выталкивание занятых в нем рабочих.

Поэтому при сохранении данного социально-экономического строя традиционный сектор не может перейти к более высоким типам производственных отношений или к более современным средствам производства. Абсолютная же численность (а иногда и доля) населения, сосредоточенного в нем, продолжает расти. В то же время ускорение капиталистической трансформации экономики и обуржуазивание традиционных эксплуататорских классов во все большей степени придают капиталистическую форму господствующим здесь производственным отношениям.

Можно предполагать, что сохранение дуальной структуры экономики в Индии — долгосрочная тенденция, вытекающая из особенностей развития капитализма и демографической ситуации в стране. Вместе с тем, видимо, не следует абсолютизировать степень разрыва между современными и традиционными структурами. Последние еще в течение довольно длительного времени будут оставаться потребителями части продукции капиталистического сектора и источником некоторых видов сырья.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ТРАДИЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРУКТУР И ИХ МЕСТО В ИНДИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Сельскому хозяйству, являющемуся крупнейшей отраслью индийской экономики, на долю которой приходится свыше 40% валового внутреннего продукта и с которой связано более $\frac{2}{3}$ населения страны, неизбежно принадлежит первостепенная роль в решении основных задач общенационального развития. В этой связи ускорение темпов развития сельского хозяйства приобретает особо важное значение. Однако относительная внутренняя устойчивость традиционных структур в сфере сельскохозяйственной экономики, понимаемых как совокупность доиндустриальных производительных сил с присущей им крайне низкой общественной производительностью труда, докапиталистических производственных отношений, а также закреплённой традицией системы представлений, обусловленных социальными, психологическими и иными факторами, сдерживает этот процесс.

Традиционные структуры в поземельных отношениях

Традиционные структуры в сфере поземельных отношений представляют собой совокупность докапиталистических укладов, включая мелкотоварный, но последний — лишь в той мере, в какой мелкотоварное производство не является моментом капиталистического производства, а включено в систему традиционных экономических и социальных связей.

В основе сохранения этих структур лежат существующие системы землевладения и землепользования. За годы независимости, несмотря на определенные сдвиги в структуре последних в результате осуществлявшихся аграрных преобразований, не произошло радикального перераспределения земельной собственности. Результатам аграрных реформ и пореформенному развитию земельных отношений в Индии посвящена обширная литература советских и зарубежных авторов. Здесь же обратим внимание на наиболее существенные из них с точки зрения целей настоящей работы.

Данные табл. 1, составленной по результатам национальных выборочных обследований (8-го и 26-го раундов), свидетельству-

ют о заметном сокращении за 1953/54—1971/72 гг. удельного веса крупнейших земельных собственников (размер земельной собственности свыше 10 га) и доли их земельных владений в общем землевладении индийской деревни — соответственно с 3,5 до 2,1% и с 34,3 до 22,9%. Эта тенденция нашла свое отражение в изменении структуры землепользования — доля крупнейших хозяйств (площадь более 10 га) сократилась с 4,2 до 2,2%, а доля приходящейся на них хозяйственной площади — с 36,6 до 22,8%. В то же время следующая группа также крупных (по индийским стандартам) земельных собственников (размер землевладений от 4 до 10 га), сократившаяся относительно — с 9,2 до 7,8% общего числа собственников хозяйств, увеличила долю своих земельных владений с 29,7 до 30,7%.

Таблица 1

Динамика размеров землевладения и землепользования в Индии (все сельские дворы)*,

%

Размер хозяйств, га	Собственнические хозяйства				Хозяйства землепользователей			
	1953/54 г.		1971/72 г.		1953/54 г.		1971/72 г.	
	хозяйства	землевладение	хозяйства	землевладение	хозяйства	обрабатываемая площадь	хозяйства	обрабатываемая площадь
0	22,0**	—	9,6**	—	28,2***	—	27,4***	—
0,01—1,99	52,4	16,8	68,6	24,5	43,1	15,6	49,4	24,2
2,00—3,99	12,9	19,2	11,9	21,9	14,6	18,6	12,9	22,6
4,00—9,99	9,2	29,7	7,8	30,7	9,9	29,2	8,1	30,4
10 и более	3,5	34,3	2,1	22,9	4,2	36,6	2,2	22,8
Итого.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено по [125; 128].

** Безземельные.

*** Не ведущие собственного хозяйства.

На другом полюсе в течение указанного периода произошли еще более существенные изменения. Прежде всего, значительно сократился удельный вес полностью безземельных: доля последних в общем числе сельских дворов уменьшилась с 22 до 9,6%. Одновременно весьма заметно возросла доля маргинальных и мелких собственников (размер владений до 2 га) — с 52,4 до 68,6% с соответствующим значительным увеличением удельного веса приходящейся на них земельной собственности и землепользования.

Логично предположить, что в эту группу перешла значительная часть получивших землю ранее полностью безземельных семей. Однако процесс наделения землей полностью безземельных (как правило, сельскохозяйственных рабочих) не привел к соот-

ветствующим сдвигам в структуре землепользования; доля сельских семей, не ведущих собственного хозяйства, осталась почти неизменной. Основная причина этого заключалась в следующем. Наделение земель значительного числа полностью безземельных и переход последних в категорию земельных собственников практически не меняли их экономического положения, поскольку переход к ведению собственного хозяйства не обеспечивал им в существовавших условиях производства фонда минимально необходимых жизненных средств. Это вынуждало определенную часть лиц этой категории сдавать получаемые ими участки в аренду более состоятельным хозяйствам.

Вследствие измельчания крупных хозяйств (свыше 4 га) произошло увеличение удельного веса средних по размеру хозяйств (2—4 га) в землевладении и особенно землепользовании при одновременном сокращении их удельного веса в общей численности земледельческих хозяйств.

Оценивая данные табл. 1, свидетельствующие об имевшем место перераспределении земельной и хозяйственной площади между различными группами хозяйств в указанный период, следует, однако, иметь в виду одно весьма существенное обстоятельство. Эти данные отражают сдвиги в структуре землевладения и землепользования, происходившие под влиянием различных факторов, в том числе действовавших в противоположных направлениях.

Важнейшим из них был демографический фактор, обусловливавший, в частности, рост земледельческого населения и соответственно уменьшение среднего размера хозяйств. Рост площадей, вовлекавшихся в сельскохозяйственный оборот через освоение в этот период новых земель, напротив, несколько сдерживал общий процесс измельчания хозяйств в стране. Наконец, определенные изменения в структуре землевладения и землепользования явились результатом осуществления аграрных реформ. Чтобы определить действительные сдвиги в распределении земельной собственности и хозяйственной площади, необходимо отделить влияние общего для всех групп измельчания хозяйств путем группировки последних не по интервалам площадей (когда переход хозяйства из одной группы в другую может отражать лишь действие демографического фактора), а по процентным (фрактальным) группам.

Проведенный по указанному методу анализ сдвигов в распределении собственности и хозяйственной земли обнаружил ряд весьма существенных отклонений от данных табл. 1. Прежде всего, верхние 3% собственнических хозяйств (т. е. крупнейшие собственники, размеры землевладений которых превышают 10 га) сохранили свои земли. Подобное положение наблюдается и в структуре землепользования, поскольку верхние 3% хозяйств продолжали в 1971/72 г. сохранять свою хозяйственную площадь. Имевшее место перераспределение собственности земли происходило не за счет преимущественно высших групп (как это

следует из анализа данных национальных выборочных обследований), а за счет менее крупных (4—10 га) и средних групп (2—4 га). В перераспределении хозяйственной площади основной «теряющей» группой также были хозяйства размером 4—10 га, площадь которых перераспределялась в основном в пользу мелких и средних хозяйств.

Наиболее характерной формой проявления традиционных земельных отношений в индийской деревне остается аренда, основанная на сочетании крупного помещичьего землевладения и мелкого крестьянского землепользования. С этой точки зрения сохранение крупнейшего землевладения в пореформенной Индии означает соответственно и сохранение относительно устойчивой базы для существования традиционных структур в сфере земельных отношений.

В целом за период с начала осуществления в стране аграрных реформ доля земельной площади под арендой существенно уменьшилась. По данным национальных выборочных обследований, арендованная земля составляла в 1953/54 г. 20,3% обрабатываемой площади, к началу 70-х годов она сократилась до 10,6%. Доля арендующих сельскохозяйственных хозяйств снизилась за этот период с 39,8 до 20,4% [125; 128].

Советский исследователь Г. Г. Котовский убедительно доказал, что национальные выборочные обследования включают и скрытую аренду и, следовательно, их данные достаточно достоверно отражают картину распространения арендных отношений в Индии в настоящее время [23]. К этому хотелось бы добавить, что элемент определенного занижения тем не менее неизбежно присутствует, на наш взгляд, и в этих данных.

Согласно 26-му раунду национального выборочного обследования 1971/72 г., удельный вес арендованной земли во всей хозяйственной площади наиболее высок был в группе маргинальных (18,9%) и мелких (14,6%) хозяйств. В группе самых крупных хозяйств (свыше 10 га) доля арендованной земли составляла 6% [128, с. 23]. Данные Всеиндийского обследования задолженности и капиталовложений, проведенного Резервным банком в том же году, позволили рассчитать распределение и арендующих хозяйств по группам. Согласно этим расчетам, самый высокий удельный вес арендующих сельскохозяйственных хозяйств — 28,9% — приходился в начале 70-х годов на группу маргинальных хозяйств. Уже в следующей группе также мелких хозяйств (от 1 до 2 га) он составлял 17,5%. Наименьший удельный вес хозяйств, арендующих землю, — 10,3% — обнаружила группа самых крупных земельных собственников (размер землевладения более 10 га).

Внутри группы арендующих хозяйств на долю маргинальных арендаторов приходилось чуть более половины — 51,7% хозяйств и 40% всей площади под арендой, а вместе со следующей группой (1—2 га) — соответственно 71,9% хозяйств и 59,7% арендованной площади. Группа средних (по размеру землевладения)

арендующих хозяйств (2—4 га), охватывая 14% всех арендаторских хозяйств, концентрирует 16% площади под арендой, а на следующую группу (4—10 га) приходится 11,4% общего числа арендующих хозяйств и 18,7% площади. Наконец, в группе самых крупных хозяйств соотношение между долей арендующих хозяйств и арендованной площадью было соответственно 2,6 и 5,5% (подсчитано по [54, с. 55]).

Приведенные цифры говорят о том, что в начале 70-х годов в целом по стране более половины арендованной земли продолжало оставаться у маргинальных и мелких арендаторов. Тем не менее четвертая часть всей арендованной земли была сосредоточена в руках верхних групп арендующих хозяйств. При этом следует отметить, что степень распространения аренды никак не связана с уровнем социально-экономического развития штата. Удельный вес ее может быть относительно высок как в экономически отсталых штатах, так и в наиболее развитых. Но различия в уровне социально-экономического развития вносят существенные коррективы в концентрацию аренды в различных группах хозяйств.

На основе данных Резервного банка Индии (обнаруживших близкие с 26-м раундом национального выборочного обследования результаты в отношении распределения арендованной земли) нами были произведены расчеты по отдельным штатам — полярным с точки зрения их общего уровня экономического развития и развития сельского хозяйства.

Согласно этим расчетам, в Пенджабе — штате, где наиболее высок уровень развития земледельческого капитализма, доля арендующих хозяйств в общем числе земледельческих хозяйств составляла в 1971/72 г. 41,8%. Они занимали 27,6% обрабатываемой площади в штате. Как видим, показатели по Пенджабу значительно превышают среднеиндийские по степени распространения аренды.

Среди арендующих хозяйств Пенджаба на маргинальные и мелкие хозяйства вместе приходилось 25% хозяйств и 29,6% площади под арендой. Наибольший же удельный вес арендованной земли обнаружила группа хозяйств с размером землевладения 4—10 га — 28,9% при удельном весе этой группы в арендующих хозяйствах в 31,1%. Всего же верхние группы (4 га и выше) концентрировали свыше половины земли под арендой (53,6%), одновременно составляя и наиболее многочисленную группу арендующих хозяйств — 55,7%.

В штате Харьяна, сходном с Пенджабом по уровню развития и условиям, в которых оно происходит в сельскохозяйственном секторе, наблюдается аналогичная картина в сфере арендных отношений. Арендующие хозяйства штата составляют 30,7% общего числа земледельческих хозяйств, площадь под арендой — 21,9% общей хозяйственной площади земледельческих хозяйств. Так же как и в Пенджабе, крупные хозяйства здесь преобладают как среди арендующих хозяйств, так и по площади под арен-

дой — соответственно 42,6 и 43%, хотя степень концентрации ниже, чем в Пенджабе. Более высок, однако, по сравнению с Пенджабом, удельный вес средних по размеру арендующих хозяйств и их доля в общей площади арендованной земли — 24,1 и 21,6% против 19,2 и 16,5%.

В отсталом сельскохозяйственном штате Западная Бенгалия наблюдается картина обратная той, которая имеет место в двух названных высокоразвитых сельскохозяйственных штатах. Арендующие хозяйства концентрируются в низших группах хозяйств — маргинальных и мелких; на них приходится 85% всех арендующих хозяйств в штате. Арендованная земля также в основном (на 80%) сосредоточена в этих же группах. Верхние группы — 4,4% арендующих хозяйств — концентрировали менее 10% площади под арендой. Такой же характер носило распределение арендующих хозяйств и арендованной земли в штате Орисса (табл. 2).

Таблица 2

Распределение аренды по группам хозяйств*,
%

Группа хозяйств по размеру землевладения, га	Западная Бенгалия		Орисса		Тамилнаду	
	арендую- щие хозяйства	площадь под арендой	арендую- щие хозяйства	площадь под арендой	арендую- щие хозяйства	площадь под арендой
менее 1	64,1	61,7	65,4	59,9	66,4	59,5
1—2	20,8	19,5	21,2	22,0	17,3	17,6
2—4	10,7	12,1	9,9	11,2	9,8	12,4
4—10	4,1	6,5	3,0	6,2	5,7	9,1
10 и более	0,3	0,2	0,5	0,7	0,8	1,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Подсчитано по [54, с. 155; 125, с. 140].

Приведенные в табл. 2 расчеты являются в известной мере приближенными, поскольку анализируемое здесь обследование Резервного банка дает деление земледельческих хозяйств не по размерам земельной собственности, а по величине активов хозяйств, соотношение между которыми, по нашим подсчетам, выглядит следующим образом. Хозяйства, относящиеся к маргинальным, т. е. размер землевладения которых менее 1 га, примерно соответствуют группе низших хозяйств, величина активов которых до 5 тыс. рупий; хозяйства от 1 до 2 га — группе хозяйств с активами 5 тыс. — 10 тыс. рупий; хозяйства 2—4 га — группе с активами 10 тыс. — 20 тыс. рупий; хозяйства в 4—10 га — соответственно 20 тыс. — 50 тыс. рупий и, наконец, самые крупные хозяйства — размером от 10 га и более — примерно со-

впадают с группой хозяйств, которые имеют активы, превышающие 50 тыс. рупий.

Несмотря на отмеченную ограниченность приведенных данных, достаточно четко прослеживается закономерность: арендованная земля в более развитых штатах сосредоточена по преимуществу в хозяйствах средних и крупных земельных собственников. В более отсталых районах арендованная земля, так же как и сами арендующие хозяйства, сконцентрирована в низших группах хозяйств. Это обстоятельство следует иметь в виду, когда идет речь о происходящем в арендных отношениях в Индии сдвиге в пользу крупных арендаторов (см., например, [177, 18.09.1976]). Мы, к сожалению, не располагаем сравнительными данными о динамике распространения аренды по группам хозяйств, но на основании приведенных выше данных можно утверждать, что такой сдвиг происходит почти исключительно за счет наиболее развитых районов, где интенсивно идут процессы становления и развития предпринимательского хозяйства. В этой связи важно также выяснить, насколько аренда мелких и маргинальных арендаторов отлична от аренды средних и верхних групп.

Аренда земли безземельными и малоземельными крестьянами представляет собой тип докапиталистической аренды, единственной целью которой является обеспечение условий для производства минимума жизненных средств арендатору и его семье. В условиях острого земельного голода в Индии и соответственно высоких ставок арендной платы такому арендатору, как правило, приходится отдавать земельному собственнику в счет ренты и часть необходимого продукта. По этой причине аренде мелких и мельчайших хозяйств всегда сопутствует экономическое закабаление арендаторов, усиливаемое социальной (в том числе кастовой) зависимостью этих групп сельского населения от земельных собственников и других влиятельных социальных групп деревни.

Основным средством эксплуатации малоземельного и безземельного крестьянства посредством земельной ренты в нынешних условиях остается издольщина. Фиксированная денежная и натуральная рента занимает относительно небольшое место в системе рентной эксплуатации. По нашим расчетам, удельный вес площади под арендой земледельческих хозяйств, с которой взималась фиксированная денежная и продуктовая рента, в начале 70-х годов составлял соответственно примерно 16 и 11% по стране в целом, тогда как под издольной арендой находилась примерно половина (48,1%) арендованной земли. В низших группах хозяйств эти показатели были равны соответственно 11, 10 и 52% (подсчитано по [54, с. 55]).

Сохранению издольщины в качестве основного средства рентной эксплуатации индийского беднейшего крестьянства способствует бесправное положение основной массы мелких арендаторов. Г. Г. Котовский считает, в частности, что арендное законодательство, осуществлявшееся в независимый период, не обеспечило

значительную часть арендаторов правами защищенной аренды и не ограничило норму их полуфеодальной эксплуатации [23]. Он также установил, что и в начале 70-х годов скрытая, незарегистрированная аренда, при которой, как правило, арендаторы лишены каких-либо прав на арендуемую ими землю, занимала 55—59% площади под арендой. В скрытой аренде преобладала издольщина (60—66%), а в издольщине доля незарегистрированной аренды составляла не менее 75%. К тому же и открытой, зарегистрированной аренде не всегда сопутствует защищенная, постоянная аренда, но установить это соотношение на основе имеющихся данных не представляется возможным [23].

В то же время сама издольщина как форма полуфеодальной эксплуатации претерпевает ряд существенных изменений в процессе развития капиталистического земледелия в Индии.

Эволюция издольной аренды в стране с колониального периода вплоть до начала 60-х годов XX в. детально исследована В. Г. Растянниковым. Он, в частности, указывает на факт быстрого роста земельных площадей под издольной арендой, начавшийся в колониальный период. Этот рост был вызван усиленным развитием рыночных отношений. В новых условиях наиболее высокий доход земельный собственник мог получить именно при системе издольной аренды, которая давала гораздо более широкие возможности для увеличения рентных платежей, чем фиксированные формы арендной платы [35, с. 149].

Мы намеренно не останавливаемся здесь на характеристике последних двух, так как регулирование законодательством ставок арендной платы (особенно на уровне значительно более низком, чем рыночная ставка) само по себе призвано ограничивать сферу эксплуатации непосредственного производителя докапиталистическими методами.

Сама издольщина по мере развития товарно-денежных отношений претерпевала определенную трансформацию, приобретая форму соучастия земельного собственника и арендатора в процессе производства. В ряде штатов (бывших районах распространения системы заминдари), где законодательством была запрещена сдача земли в постоянную аренду, но была разрешена система производственного соучастия земельного собственника и арендатора, «соучастие» превратилось в главенствующий вид издольной аренды. Подобное соучастие, когда арендаторы таким образом были лишены всяких арендаторских прав с неизбежным результатом — ухудшением условий воспроизводства в их хозяйствах и усилением эксплуатации со стороны земельных собственников, сопровождавшейся эксплуатацией, осуществляемой докапиталистическими институтами (прежде всего ростовщичеством), по сути своей представляло форму традиционной эксплуатации мелкого арендатора — прямое переживание докапиталистических отношений. Однако в нынешних условиях понятие «соучастие» скрывает в себе как форму традиционной эксплуатации мелких арендаторов, так и отличную от нее.

В качестве примера существования различных типов издольщины может служить штат Западная Бенгалия. Одно из недавних обследований арендных отношений в этом штате [177, 27.03.1982] вскрыло существование немногочисленной, но могущественной (экономически и социально) прослойки землевладельцев (из числа крупных собственников), которая всецело определяла характер устных соглашений между землевладельцем и издольщиком. Несмотря на существование закона о земельной реформе в штате, одна из статей которого предписывает распределение продукта, полученного в хозяйстве издольщика, являющегося единственным агентом производства, в пропорции 75:25, а в случае участия земельного собственника в воспроизводственном процессе (путем предоставления издольщику рабочего скота, семян и удобрений) — в соотношении 50:50, в действительности эти положения никогда не соблюдаются.

До 1978 г. в штате не предпринималось попыток регистрации издольщиков — важнейшего условия оказания помощи бесправным арендаторам в целях ослабления их зависимости от произвола землевладельцев и ростовщиков. Однако предпринятая регистрация издольщиков (получившая название «Операция Барга»), преследовавшая, по определению авторов обследования, цель «подорвать полуфеодалное господство джотедаров» (крупных земельных собственников), не дала ожидаемых результатов главным образом из-за малой активности арендаторов. Большая часть их предпочла остаться «нелегальными издольщиками» из страха оказаться согнанными с земли землевладельцем. В результате из общего числа издольщиков-баргадаров, оцениваемого в Западной Бенгалии в более чем 2 млн., был зарегистрирован только 1 млн.

Обследование установило, в частности, что в основе неограниченной власти земельного собственника над мелкими арендаторами лежит зависимость от него как источника основного средства производства — земли. Источником же заемных средств, необходимых для обеспечения самого процесса воспроизводства, являются профессиональные ростовщики и торговцы. И это — типичный пример докапиталистической формы издольщины, когда арендатор — единственный агент производства — служит объектом эксплуатации землевладельца, взимающего произвольно устанавливаемую ренту, и ростовщика, взимающего высокие проценты по предоставляемым займам.

Соучастие землевладельца, выражающееся в предоставлении мелкому арендатору части оборотного капитала, может быть вызвано тем обстоятельством, что последний просто не в состоянии самостоятельно осуществлять процесс производства. В таких случаях землевладелец, как правило, не рассматривает сельскохозяйственную сферу как основной источник своих доходов. Подобного рода минимальное участие земельного собственника в процессе производства при одновременной полной зависимости воспроизводственного процесса в арендаторском хозяйстве от ро-

стовщического кредита позволяет считать такое арендаторское хозяйство остающимся в сфере традиционных, докапиталистических отношений.

В процессе производства более крупных арендующих хозяйств соучастие земельных собственников выражается в предоставлении части орудий и средств производства. Издольщик обеспечивает необходимую рабочую силу и другую необходимую же часть средств производства. Землевладелец традиционно берет на себя также уплату земельного и водного налогов (хотя и не везде). Соучастие землевладельца в производственных расходах означает для него большую долю в полученном урожае, а в ряде случаев (что очень важно) и участие в принятии решений относительно направленности и методов сельскохозяйственного производства. Последнее обстоятельство может отражать стремление собственника использовать арендаторское хозяйство не только как источник земельной ренты, но и как источник получения прибыли, обеспечивая условия для роста производства в этих хозяйствах.

Однако, как показывает практика, для арендаторов это не означает существенного улучшения его положения, поскольку одновременно с растущим участием земельного собственника в производстве растет и доля присваиваемого им продукта, произведенного в арендующем хозяйстве. О выгодности такой формы соучастия именно земельному собственнику свидетельствует тот факт, что в особо благоприятных условиях (при увеличении орошаемой площади в хозяйстве, растущих ценах на сельскохозяйственную продукцию) земельные собственники на сдаваемых ими в аренду землях переходят от фиксированной ренты к издольщине как обеспечивающей наибольшую прибыль.

Сдача земли в аренду с целью получения определенной прибыли, несомненно, влечет за собой сдвиг в системе производственных отношений между арендатором и земельным собственником в сторону капиталистических. Но продолжающееся сохраняться соединение непосредственного производителя с частью средств производства (прежде всего с землей) на условиях издольной аренды позволяет рассматривать эти отношения лишь как переходную к капитализму форму. Это тем более очевидно, что эта категория земельных собственников включает и тех, для кого основной целью извлечения прибыли является увеличение личного потребления.

Таким образом, в настоящее время на фоне общего процесса постепенного сокращения сферы арендных отношений достаточно отчетливо проявляются две основные тенденции в эволюции издольной аренды. В районах относительно развитого торгового земледелия, особенно в очагах распространения новой технологии, довольно интенсивно происходит трансформация издольщины в переходные к капитализму формы через распространение соучастия земельного собственника в процессе производства, сокращающая одновременно сферу докапиталистической формы

эксплуатации через традиционную издольщину. В отсталых районах, где преобладает мелкое арендаторское хозяйство наряду с крупным помещичьим землевладением, сохраняется и основа докапиталистической эксплуатации непосредственного производителя. Консервации традиционных форм эксплуатации в чистом, если так можно выразиться, виде способствует также сам характер аренды — «аренды из нужды», когда аренда клочка земли представляет единственную возможность обеспечить средства существования производителю.

Рассмотренная нами наиболее характерная форма докапиталистических поземельных отношений — издольная аренда — составляет, как отмечалось ранее, часть традиционных отношений в индийской деревне, проявляющих себя также в различных типах хозяйств, которые связаны с докапиталистическими укладами.

Безземельные и наименее обеспеченные землей сельские семьи — основное и наиболее устойчивое ядро традиционного сектора в сфере сельскохозяйственной экономики. К таковым относится в первую очередь группа маргинальных (собственнических и арендаторских) хозяйств размером до 1 га. Индийская официальная статистика определяет их долю в 1971/72 г. в половину общего числа сельских дворов. Данные Национального совета прикладных экономических исследований, характеризующие структуру хозяйственных затрат, доход и накопления в сельском секторе, позволяют в известной мере представить процессы, происходящие в различных категориях хозяйств, с тем чтобы определить их место в системе общего воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве Индии, а также проследить, какие из факторов и каким образом способствуют сохранению их в рамках традиционного сектора и какие, напротив, ведут к постепенному разрушению либо модернизации традиционных структур в сельском хозяйстве. Из последних важнейшими, на наш взгляд, являются следующие.

Прежде всего, это — возросшая роль рынка в осуществлении процесса воспроизводства в хозяйствах сельских производителей, хотя, чем мельче хозяйство и чем, следовательно, хуже условия для осуществления процесса воспроизводства, тем более связь с рынком этих мелких хозяйств носит вынужденный характер, и это последнее обстоятельство есть не что иное, как результат сохранения зависимости непосредственного производителя от традиционных социальных институтов в деревне.

Далее, как результат усиления роли рынка в воспроизводственном процессе в сельском хозяйстве — усиление воздействия современного промышленного сектора, выражающегося в начавшемся (хотя и ограниченном) процессе модернизации производственной базы сельского хозяйства.

И наконец, политика государства, направленная на повышение продуктивности сельского хозяйства, улучшение условий воспроизводства в низших группах хозяйств и поддержку наиболее

уязвимых групп сельского населения (в том числе сельскохозяйственных рабочих), призвана, в частности, способствовать сужению сферы распространения внеэкономических форм принуждения, составляющих социальную базу традиционного сектора. Следует, однако, подчеркнуть, что результаты этой политики до настоящего времени весьма незначительны (см. главу III).

Названную выше группу маргинальных хозяйств (безземельные и собственники менее чем 1 га земли) представляют сельские дворы с наиболее низким доходом (в 1970/71 г. валовой доход составлял 1718 рупий для безземельных и 1878 рупий для земельных собственников при среднеиндийском показателе дохода в 2649 рупий на сельский двор; напомним, что в эту группу включены и сельские дворы, не ведущие земледельческого хозяйства. При этом доход непосредственно от земледельческого хозяйства у производителей, не имевших собственной земли, составлял всего 42 рупии в среднем на хозяйство (или 2,4% их валового дохода). В среднем на сельский двор доход от сельскохозяйственного производства достигал в год обследования 1382 рупии, т. е. 52,2% общего валового дохода сельского двора.

Если же взять только земледельческие хозяйства и выделить среди них группу маргинальных, доля которых в год обследования была 37%, то валовый доход в среднем на хозяйство составит всего 1360 рупий (против 1865 рупий для тех, кто не ведет земледельческого хозяйства). Но доля дохода, получаемого непосредственно от возделывания сельскохозяйственных культур в маргинальных земледельческих хозяйствах, не превышает 40% (38,7%). Другими словами, даже для земледельческих маргинальных хозяйств сельскохозяйственное производство отнюдь не является единственным источником дохода. Весьма существенным источником дохода для них служит доход от продажи рабочей силы членами семей этих хозяйств, составляющий 26,9% валового дохода. Остальная доля дохода приходилась на другие источники.

Крайне низкие доходы, обеспечиваемые сельскохозяйственным производством, в маргинальных хозяйствах превращают продажу рабочей силы в обязательное условие производства самих средств существования в этих хозяйствах. При этом в ряде случаев сельскохозяйственный найм становится главным источником дохода для бедняцких земледельческих хозяйств. В то же время уровень дохода, получаемого от сельскохозяйственного найма, таков, что не позволяет маргиналам подняться в группу с более высокими доходами. Следует отметить, что характер найма определяется, как правило, личной зависимостью работника от работодателей (внеэкономическое принуждение через систему традиционных институтов, предоставление участка земли либо займа, посредством которых осуществляется закабаление работника на длительный срок). Условием для осуществления и сохранения такого характера найма, несомненно, выступает аграрное перенаселение.

Говоря о группе маргинальных хозяйств в целом, следует подчеркнуть также, что их производство подчинено единственной цели — воспроизводству средств существования для производителя и его семьи.

Об условиях осуществления процесса воспроизводства в маргинальных сельскохозяйственных хозяйствах можно судить по данным обследования Резервного банка. Согласно этим данным, в 1971/72 г. 66% всех сельскохозяйственных маргинальных хозяйств вообще не производили никаких хозяйственных вложений. Эти хозяйства концентрировали подавляющую часть — 71,3% — всего количества сельскохозяйственных хозяйств в стране, не имеющих накоплений.

Общая сумма валовых капиталовложений в среднем на хозяйство маргинальной группы едва превышала 50 рупий (при средней величине вложений на сельскохозяйственное хозяйство в стране в год обследования 206 рупий). Практически это означает почти полную невозможность осуществления вложений в основные средства производства, применение которых способствует росту продуктивности хозяйства. Действительно, затраты, направленные на улучшение земли, в маргинальных сельскохозяйственных хозяйствах составляли менее 10 рупий (тогда как в крупных, по классификации Резервного банка, со средним размером землевладения 3,7 га — 45,2 рупии). На сельскохозяйственный инвентарь, сельскохозяйственные машины и транспортные средства маргинальные хозяйства расходовали в среднем 5 рупий в год обследования (понятно, что в данном случае речь может идти только о примитивных орудиях труда традиционного типа); в крупных хозяйствах на эти виды затрат приходилось в среднем 90 рупий. В средства ирригации вложения маргинальных хозяйств не превышали в общей сложности 3 рупии, крупные же расходовали на эти цели в год обследования около 60 рупий (при средних затратах на ирригацию на сельскохозяйственное хозяйство в стране 16 рупий).

Внутри группы маргинальных хозяйств следует особо выделить группу, представляющую, если так можно выразиться, «дно» индийской деревни, которую официальные источники именуют «сельскими бедняками». К этой группе Резервный банк Индии относит сельские семьи, общая сумма активов каждой из которых не превышает 2500 рупий (средний по Индии показатель — 11311 рупий [52, с. 133]). Сопоставление групп сельских семей, распределенных по величине принадлежащих им активов и по размеру находящейся в их владении земли, показывает, что основную массу «сельских бедняков» составляют безземельные сельские семьи и те, размеры собственной земли которых менее 0,2 га. На них, по данным Резервного банка, в 1971/72 г. приходилось 35,1% общего числа сельских дворов в стране, в том числе на низшие их группы (с активами до 500 рупий) — 11,3%. Показательно, что, концентрируя свыше трети общего числа дворов, эта группа владеет менее чем 3% активов сельского сектора.

Анализ структуры активов группы «сельских бедняков» говорит о том, что не менее 11% из них вообще не имеют ни жилища, ни места под жилье. Лишь 30% сельских бедняков владело собственной землей, а доля хозяйств, осуществлявших сельскохозяйственное производство на собственной либо арендованной земле, — всего 38% (18,5% земледельческих хозяйств).

О чрезвычайной узости производственной базы бедняцких земледельческих хозяйств можно судить по средней сумме активов (помимо земли), приходящихся на хозяйство: рабочий скот — 122 рупии, сельскохозяйственный инвентарь — 28 рупий, предметы длительного пользования — 137 рупий (последние в бедняцких хозяйствах, как правило, представляют собой кухонную утварь и другие необходимые предметы домашнего обихода). Соответствующие среднеиндийские показатели равны: 732, 310 и 522 рупии [52, с. 53, 133].

Лишь 28% общего числа земледельческих бедняцких хозяйств производили валовые капиталовложения в сельское хозяйство, и соответственно более 70% не имели накоплений. Средний же размер капиталовложений на хозяйство в 33,4 рупии (при среднеиндийском показателе 205,6 рупии) свидетельствует о крайне ограниченных возможностях осуществления расширенного воспроизводства в хозяйствах этой категории.

Так, сравнение данных обследований 1961/62 и 1971/72 гг. показывает, что за указанный десятилетний период произошел значительный абсолютный рост валовых капиталовложений в сельское хозяйство (хотя частично этот рост вызван ростом цен). Но одновременно наблюдалось сокращение доли этих вложений в валовых вложениях сельских дворов (с 66,2 до 60,7%), в том числе в капиталовложениях земледельческих хозяйств (с 69 до 63%), т. е. сельские дворы в целом и земледельческие хозяйства в частности меньшую часть своих валовых капиталовложений стали направлять в сельскохозяйственное производство. Важно подчеркнуть, что при этом сократилась и доля хозяйств, осуществлявших капитальные вложения в сельскохозяйственное производство как среди всех сельских семей (с 52,5 до 37,8%), так и среди земледельцев (с 66,7 до 48,6%).

Можно говорить о том, что сокращение доли хозяйств, осуществляющих капитальные вложения в сфере сельскохозяйственного производства, происходит прежде всего за счет низших групп земледельческих хозяйств.

Другой важной причиной сокращения доли капиталовложений, направляемых в сельскохозяйственное производство, несомненно, является происходящий процесс втягивания накоплений сельской элиты в общенациональный оборот капитала.

Общая сумма новых валовых капиталовложений сельских дворов оценивалась Резервным банком в 1971/72 г. в 7,2 млрд. рупий. Предыдущее обследование (1961/62 г.) установило сумму капиталовложений в 3,5 млрд. рупий [55, с. 173]. Если принять средний индекс роста цен в течение указанного десятилетия

за 1,8 (это очень приблизительная оценка, так как рост в отношении различных видов активов происходил неодинаковыми темпами), то окажется, что увеличение суммы новых валовых капиталовложений сельских дворов было весьма незначительным. Существенным моментом стало также и то, что в этот период произошло сокращение доли земледельческих хозяйств, в которых происходил процесс накопления (в сфере сельскохозяйственного производства), — с 23,3 до 20% [55, с. 174]. При этом средняя величина новых валовых капиталовложений на хозяйство с учетом происходившего в этот период роста цен осталась практически неизменной.

В структуре новых капиталовложений заметные изменения произошли лишь в отношении сельскохозяйственных орудий. Доля этого компонента основного капитала земледельческого хозяйства увеличилась с 28,6% в 1961/62 г. до 43,2% в 1971/72 г. Однако этот рост произошел в большей мере за счет традиционных видов сельскохозяйственного инвентаря — с 13,8 до 22,4%. Доля сельскохозяйственных орудий улучшенного типа, куда включена и современная сельскохозяйственная техника, возросла с 14,8 до 20,8%. При этом в большинстве штатов заметное возрастание ее удельного веса происходило опять-таки преимущественно за счет улучшенных типов инвентаря, а не собственно современной сельскохозяйственной техники (Бихар, Карнатака, Керала, Махараштра). Увеличение же доли современной техники в новых капиталовложениях пришлось в первую очередь, естественно, на технологически лидирующие штаты — Пенджаб и Харьяну. В этих штатах, вместе взятых, доля улучшенных орудий труда, включая современную технику, возросла с 24,4 до 32%, в Уттар-Прадеше — с 8,8 до 21,9% (главным образом за счет более развитой западной его части). В таких же штатах, как Андхра-Прадеш, Гуджарат, Махараштра, имело место сокращение доли улучшенных типов сельскохозяйственных орудий в новых валовых капиталовложениях, приходящихся на сельскохозяйственный инвентарь и технику.

Что касается ирригационных сооружений (включая колодцы) — второго важнейшего компонента в структуре основного капитала земледельческих хозяйств, то здесь не произошло сколько-нибудь значительного роста за период между двумя обследованиями Резервного банка: 25,5% в 1961/62 г. и 27,1% в 1971/72 г. [55, с. 182—183]. При этом доля вновь сооружаемых колодцев даже сократилась. И наконец, весьма заметное сокращение удельного веса произошло в отношении той части новых капиталовложений, которые обеспечиваются вложениями в землю (в работы по улучшению земли).

Таким образом, изменения, имевшие место в 60-х годах в земледельческих хозяйствах в отношении трех важнейших компонентов основного капитала, служащих материальной базой для роста производительности сельского хозяйства, не привели, как нам представляется, к заметному улучшению структуры основного

капитала в сельском хозяйстве Индии. В условиях сохраняющегося аграрного перенаселения, растущего давления на землю медленное изменение структуры основного капитала, сохраняющей по преимуществу традиционный характер, означает крайне замедленный рост капиталовооруженности труда в сельском хозяйстве страны и соответственно производительности труда в этой отрасли.

Пожалуй, лишь в отношении двух штатов — Пенджаба и Харьяны (основных районов развития «зеленой революции») — можно говорить о происходящем там процессе быстрого роста капиталовооруженности труда и производительности сельского хозяйства. Происходящие в этих штатах сдвиги в структуре новых капиталовложений вызвали в 1961/62—1971/72 гг. резкое увеличение как их общей суммы, так и среднего размера капиталовложений на земледельческое хозяйство. Даже с учетом происходившего в этот период роста цен новые капиталовложения на хозяйство возросли в этих штатах (вместе взятых) не менее чем в 4,5 раза.

Семидесятые годы, по всей вероятности, не внесли существенных изменений в структуру основного капитала и в темпы его роста, если взять сельское хозяйство Индии в целом. Это тем более вероятно, если принять во внимание резкое замедление с начала указанного десятилетия темпов развития «зеленой революции» — основного стимулятора роста новых капиталовложений в сельскохозяйственном секторе.

Медленный рост накоплений в сельском хозяйстве Индии непосредственно связан с преобладанием в нем земледельческих хозяйств, осуществляющих лишь простое воспроизводство. В этой связи уместно также сопоставить данные о валовых капиталовложениях в различных земледельческих хозяйствах с данными о валовых новых капиталовложениях в основные фонды этих хозяйств (табл. 3). Накопление в земледельческих хозяйствах отличает крайне высокая степень концентрации в крупных хозяйствах, обладающих активами свыше 10 тыс. рупий. В то же время низшие группы, с активами до 5 тыс. рупий, имеющие средний размер землевладения менее 1 га и составляющие 36,7% всех земледельческих хозяйств, концентрируют менее 10% валовых капиталовложений в сельскохозяйственном секторе. Степень концентрации валовых новых капиталовложений еще выше: на их долю в крупных хозяйствах, с активами свыше 10 тыс. рупий, приходится 87,2%, в низших группах — 3,8%.

Количество земли в хозяйстве, безусловно, является фактором, определяющим масштабы его производства, доходы и соответственно такой важный аспект его производственной деятельности, как капитальные расходы. Доля хозяйств, не производящих никаких капиталовложений, как правило, выше в штатах (или отдельных районах), где наиболее высок удельный вес маргинальных хозяйств.

Приведенный ранее анализ хозяйственной деятельности мар

Таблица 3

Распределение капиталовложений сельскохозяйственных хозяйств по группам хозяйств*

Группа хозяйств по величине активов		Средний размер земельной площади, га	Доля хозяйств, производивших валовые капиталовложения, %	Доля в валовых капиталовложениях в сельское хозяйство, %	Доля хозяйств, осуществлявших новые валовые капиталовложения в основные фонды, %	Доля в новых валовых капиталовложениях в основные фонды, %
рубли	%					
0—2500	18,5	0,3	28,1	3,0		1,2
2500—5000	18,2	0,9	40,2	6,4		2,6
5000—10 000	23,1	1,4	49,9	12,8		9,0
10 000—30 000	28,6	40,2	3,7	61,4	77,8	30,4
30 000 и более	11,6					56,8
Итого.		2,0	48,6	100,0	19,3	100,0

* Составлено по [55, с. 33—35, 157, 158].

гинальных групп сельскохозяйственных хозяйств, в частности величина и структура дохода и валовые капиталовложения тех из них, которые таковые производят, а также их доля в валовых капиталовложениях, в том числе в новых инвестициях в основные фонды, позволяют отнести их почти целиком к категории хозяйств, осуществляющих лишь простое воспроизводство и по преимуществу на суженной базе.

В группе с активами от 5 тыс. до 10 тыс. рублей валовые капиталовложения производила лишь половина всех хозяйств, а новые капиталовложения в основные фонды осуществляла, вне всякого сомнения, еще меньшая их часть (если сравнить долю хозяйств в валовых капиталовложениях — 12,8% — и в новых инвестициях в основные фонды — 9,0%). Другая половина хозяйств, таким образом, являла собой тип хозяйства, производственная деятельность которого направлена главным образом на воспроизводство жизненных средств.

Лишь о следующей группе хозяйств (активы превышают 10 тыс. рублей), в которой преобладают хозяйства, осуществляющие капитальные вложения (на эту группу приходится подавляющая часть валовых капиталовложений и новых вложений в основные фонды), можно говорить как о типе хозяйств, осуществляющих устойчивое расширенное производство.

Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет размер земельной площади в 2 га считать условной границей между хозяйствами, осуществляющими простое воспроизводство, и накапливающими. Эта граница, естественно, весьма подвижна, поскольку помимо размера землевладения определяется еще рядом факторов, важ-

нейшими из которых являются достигнутый общий уровень социально-экономического развития того или иного штата (или района), развитие орошения и т. д.

Ненакопляющие хозяйства (потребительские по цели производства) могут быть представлены и в группах хозяйств относительно крупного землевладения. В целом по Индии доля земледельческих хозяйств, в которых осуществлялось лишь простое воспроизводство, составляла в начале 70-х годов 51,4%. Вместе с тем накапливающие хозяйства, которые более чем на 60% сконцентрированы в группах хозяйств относительно крупного и крупнейшего землевладения и (что еще более существенно) на которые приходилось почти 80% валовых капиталовложений земледельческих хозяйств, представляют определенной своей частью также потребительские по цели производства хозяйства.

Однако эти хозяйства являют собой иной с социальной точки зрения тип потребительского хозяйства, нежели ненакопляющие. Это — зажиточные хозяйства, как правило, сдающие часть земли в издольную аренду и получающие достаточно высокие доходы с точки зрения обеспечения условий для накопления. Но, как отмечает С. А. Панарин в своем исследовании, посвященном становлению новых сельских общественных институтов в странах Азии и Северной Африки [31], цель производства таких хозяйств — обеспечение престижного потребления, на которое и расходуется получаемый доход. Использование частью сельской элиты получаемых доходов на личное потребление, безусловно, замедляет общий процесс накопления в сельском хозяйстве и соответственно создание условий для ускорения ломки традиционной структуры производительных сил в этой отрасли.

Среди всех земледельческих хозяйств, осуществлявших капиталовложения в сельскохозяйственное производство, доля тех из них, которые производили новые инвестиции в основные фонды, составляла 40%. Но на них приходилось всего 19,3% общего числа земледельческих хозяйств в стране. Совершенно очевидно, что эти хозяйства концентрировались преимущественно в группах, обладающих активами свыше 10 тыс. рупий.

Как отмечалось выше, половина земледельческих хозяйств страны могла осуществлять лишь процесс простого воспроизводства. При этом воспроизводственный процесс в значительной части из них неизбежно сопровождался ухудшением воспроизводственной базы, «проеданием» хозяйства, а существование, выживание производителя происходило за счет либо обращения к несельскохозяйственным источникам дохода, либо усиления его зависимости от различного рода кредитных, прежде всего традиционных, институтов. Характерно, что между 1961/62 и 1971/72 гг. происходило возрастание удельного веса этой категории земледельческих хозяйств (табл. 4).

Ранее уже говорилось о факторах, действующих в направлении разрушения традиционных структур. Увеличение же доли ненакопляющих (а значит, и потребительских) хозяйств, проис-

Таблица 4

Участие сельскохозяйственных хозяйств в процессе накопления*,
%

	1961/62 г.	1971/72 г.
Хозяйства, не производившие никаких капитальных вложений	33,3	51,4
Хозяйства, производившие капитальные вложения	66,7 (43,4)**	48,6 (29,3)**
В том числе хозяйства, осуществлявшие новые капиталовложения в основные фонды	23,3	19,3
Все хозяйства	100,0	100,0

* Составлено по [55, с. 128, 157, 174].

** Доля сельскохозяйственных хозяйств, осуществлявших валовые капитальные затраты, но не производивших новых капиталовложений в основные фонды.

ходившее и в период наиболее высоких темпов развития «зеленой революции», которая знаменует собой начало становления индустриальных производительных сил в сельском хозяйстве Индии, свидетельствует об устойчивости традиционных структур, сохранении ряда воспроизводящих эти структуры условий, которые могут, в свою очередь, оказывать определенное воздействие и на современный сектор.

Экономической основой воспроизводства традиционных форм хозяйствования, несомненно, служит происходящий процесс измельчания крестьянского хозяйства, обусловленный увеличением плотности сельскохозяйственного населения, который ведет к ухудшению условий воспроизводства прежде всего в низших группах хозяйств.

Внутренний механизм взаимодействия ремесла и земледелия

Задача преобразования традиционных структур (и решение многих конкретных вопросов, связанных с их преобразованием), на наш взгляд, неотделима от проблем становления и развития в Индии капиталистического способа производства. Да и сам факт столь длительного сохранения традиционных социально-экономических связей говорит о специфических трудностях, с которыми столкнулось развитие капитализма в стране. В конечном счете столкновение (или оппозиция) современного и традиционного секторов в индийской экономике — это противостояние капиталистических и докапиталистических форм хозяйства.

Изучению генезиса капитализма в Индии посвящена обширная литература. Опираясь на имеющиеся исследования (применительно к теме эволюции традиционных структур), можно, по-видимо-

му, кратко суммировать и выделить необходимые нам следующие аспекты проблемы.

Основу докапиталистической экономики составляют ее аграрная сфера и, следовательно, докапиталистические формы производства крестьянского хозяйства. Отсюда при всей пестроте традиционных социально-экономических связей (в том числе и сохраняющихся в современной Индии) их эпицентром является система воспроизводства крестьянского хозяйства. Поэтому в основу исследования традиционных структур необходимо положить традиционную систему воспроизводства крестьянского хозяйства в индийской деревне (а ранее в индийской общине), ибо пути ее эволюции, внутренний механизм ее функционирования, стадии и особенности ее разложения либо сохранения каких-то звеньев воспроизводственного механизма во многом, если не в решающей степени, определяют судьбы традиционных структур на обширной социально-экономической периферии и в современной Индии. Без этой основы традиционные социально-экономические отношения распадаются на множество внешне разобщенных между собой кастовых и иных связей, которые охватывают самые различные социальные группы населения в Индии, в том числе и его неземледельческие слои.

Исследование традиционной системы воспроизводства крестьянского хозяйства как общего, связующего звена сохранения традиционных структур в аграрном обществе необходимо еще и потому, что генезис и развитие капитализма (как и сами возможности этого развития) во многом зависят от процессов разложения крестьянского хозяйства, разрушения традиционной системы его воспроизводства. Именно с этого начинается утрата натуральности аграрной сферы, проникновение в нее товарно-денежных отношений, развитие и углубление процессов общественного разделения труда, усиление товарного обмена между городом и деревней и т. д. Именно эти процессы, пройденные в свое время в ныне развитых странах Запада, обуславливали в них последовательное развитие капиталистических отношений.

В Индии генезис капитализма и ход его развития оказались иными, во многом отличными от классической западной модели, и немалую роль в этом сыграли особенности традиционной (вернее, докапиталистической) системы воспроизводства крестьянского хозяйства. Особенности, или отличия, эти оказались столь значительными, что и поныне составляют серьезную проблему для развития капитализма в Индии и его производительных сил, приводя, как уже отмечалось, к трудно преодолимой сопротивляемости традиционных структур, вызывая в процессе роста современных, капиталистических форм производства формирование дуальной структуры всего хозяйственного организма.

Результаты проведенных исследований позволяют судить о том, что в Индии были, по-видимому, две основные отличительные особенности, или подсистемы, традиционной системы воспроизводства крестьянского хозяйства в Индии. Первая из них от-

носится к известной в западных странах сфере связей промышленного и земледельческого труда, или к отношению «ремесло—земледелие». Вторая представляет собой традиционные формы найма в индийской деревне, рассмотрению которых посвящен следующий раздел данной работы.

Важность первой подсистемы, т. е. отношения «ремесло—земледелие», как известно, заключается в том, что на прочности этих связей, осуществляемых на натуральной основе, зиждется в докапиталистической экономике натуральность крестьянского хозяйства. На Западе источником возникновения неземледельческих производств был процесс разложения крестьянского хозяйства, «отделение от земледелия» и специализация на различных видах неземледельческого труда тех или иных групп крестьян. Это предполагало или вызывало последовательные стадии «отделения ремесла от земледелия», углубления процессов общественного разделения труда, рост обмена в среде широких слоев непосредственных производителей, а с концентрацией промысловой и специализированной активности в городах и развитие обмена между городом и деревней.

В Индии характер соединения ремесла и земледелия был иным, и прежде всего иным был генезис самого ремесленного труда (что было отмечено в литературе). В силу этого ремесленный труд был не продуктом разложения крестьянского хозяйства, а элементом его дополнения, который формировал внутренний воспроизводственный механизм индийской общины, не вызывая процессов разложения и эволюции крестьянского хозяйства, а, напротив, как бы консервируя традиционный механизм его воспроизводства в этой сфере функционирования производительных сил.

Отсюда натуральность крестьянского хозяйства в Индии была лишь отчасти связана с его деятельностью как замкнутой на самой себе хозяйственной единицы (как это было на Западе). Натуральность крестьянского хозяйства в Индии большей своей частью основывалась на специфическом механизме сложившегося внутриобщинного разделения труда между различными группами непосредственных производителей, и прежде всего между земледельцами и ремесленниками. Именно исторически имея другой генезис, специализированный ремесленный труд индийской деревни оказался тем фактором, который как бы замыкал весь воспроизводственный механизм в индийской общине, удовлетворяя ее основные нужды и выполняя те функции, которые на Западе выполнялись путем последовательного развития обмена и товарно-денежных отношений. В этом заключалась важная специфика индийских условий, без учета которой нельзя понять внутренний механизм функционирования традиционных структур, причин их стойкого и исторически длительного сохранения, направления и характера их последующей эволюции.

В индийской деревне весь этот комплекс отношений существовал в рамках так называемой системы джаджмани. Отличие ее

от обычно понимаемых в таких случаях форм соединения ремесла и земледелия, существовавших в свое время на Западе, заключалось прежде всего в том, что определенные крестьянские хозяйства обладали в рамках этой системы как бы правом на традиционный наем или на труд определенных профессий ремесленников. Последние, по существу, были несвободны, прикреплены к этим хозяйствам, передавались по наследству, разделялись при разделе самого хозяйства между родственниками и т. д.

Эти отношения были освящены религиозными принципами индуизма, являлись одним из опорных звеньев кастовых отношений между социальными группами крестьян и ремесленников в деревне. Практически их трудно было изменить как земледельцам, так и обслуживающим их ремесленникам, ибо против этого восставала вся традиция индуизма. Каждый случай конфликта между крестьянином-джаджманом и его ремесленником-камином мог рассматриваться кастовым панчаятом. Конфликт между ними нередко переходил в кастовый конфликт. Так, земледельца, который решил порвать традиционные связи со своим камином, отказывались обслуживать другие ремесленники этой профессии. Камина же, который ушел от своего джаджмана, не брали другие земледельцы и т. д.

Подобная система выступала и в другом качестве. Она представляла собой как бы систему взаимных социальных и экономических гарантий, но все же подчиненное место в ней занимала группа более низких ремесленных каст. К этому следует добавить и непоследовательность, незавершенность развития товарно-денежных отношений в индийской деревне, которые выражались в различной степени товарности крестьянского хозяйства и производства сельских ремесленников. Сама по себе товарность крестьянского хозяйства, как известно, не отражала реального развития товарно-денежных отношений в индийской деревне, а возникла еще и как результат колониальной эксплуатации страны в качестве аграрно-сырьевого придатка метрополии.

Односторонняя связь индийской деревни с рынком, охватывавшая главным образом ее сельскохозяйственное производство, определила место ремесленного специализированного производства деревни только как подчиненного элемента всего воспроизводственного процесса крестьянского хозяйства, что отрицательно влияло на развитие товарно-денежных отношений и капиталистического предпринимательства в этих отраслях ремесленного труда.

Исследователи индийской деревни 50-х годов отмечали, что «теоретически возможно для неземледельческих каст существовать независимо от экономики деревни. Однако узкий рынок сбыта своей продукции (традиционных товаров) не обеспечивает того прожиточного минимума, который дает оплата зерном. Обычно ремесленник торгует на рынке лишь для того, чтобы дополнить свой более постоянный и надежный доход внутри деревни» [109, с. 16].

Обследования индийских деревень также середины 50-х годов обнаруживают четыре типа экономических связей внутри деревни между различными социальными группами непосредственных производителей, т. е. ее земледельческого и неземледельческого населения (наиболее полный материал по характеру этих отношений дают обследования 50-х и 60-х годов; они, в частности, позволяют определить не только степень их сохранения к периоду независимости, но и особенности последующего их разложения).

Первый тип экономических связей внутри индийской деревни в тот период представлял собой отношения, в основе которых лежали традиционные обязанности определенных групп сельских ремесленников предоставлять земледельцу услуги, непосредственно связанные с сельскохозяйственным производством. За оказание этих услуг они получали от крестьянского хозяйства дважды в год определенную часть урожая. Характер и объем услуг обычно были традиционно фиксированы и в немалой степени зависели от величины надела крестьянина. Например, своеобразной исходной единицей, или исходным уровнем, оплаты сельских ремесленников являлась оплата деревенского кузнеца. Его же оплата, в свою очередь, исчислялась из размеров поля, которое можно было вспахать одним плугом в упряжке с одной парой буйволов (около 15 бигхов земли).

Объем услуг кузнеца по отношению к земледельцу, исходя из этой расчетной единицы, включал в себя изготовление одного плуга, одного серпа и т. д. Если крестьянину необходимо было большее количество сельскохозяйственного инвентаря, выходящее за рамки традиционного объема работ кузнеца, он покупал его на базаре. Однако в традиционные обязанности кузнеца входил и ремонт сельскохозяйственного инвентаря; в этом случае объем его работ расширялся. Джаджман привлекал кузнеца не только для мелкого домашнего ремонта, но и, что еще важнее, для ремонта другого нетрадиционного сельскохозяйственного инвентаря, например механической соломорезки, установки для переработки сахарного тростника и т. д. За эти виды работ кузнец не получал никакой дополнительной оплаты, они как бы входили в объем традиционных услуг.

Причем исходная основа расчетной единицы (одного плуга, или примерно 15 бигхов надела крестьянина) сохранялась. Для земледельца, у которого размер надела составлял две расчетные единицы, объем традиционных услуг кузнеца удваивался, для надела в три расчетные единицы — утраивался и т. д. В последнем случае кузнец обязан был предоставлять земледельцу три плуга, три серпа, ручную соломорезку и т. д. Однако и размер вознаграждения, или традиционной оплаты, возрастал в том же отношении. Согласно материалам того же обследования, каждый кузнец, как правило, обслуживал не менее пяти плугов и с одного плуга или с одной упряжки получал 40—50 сиров зерна.

Для сравнения скажем, что остальные профессиональные группы ремесленников, включенные в эту систему, получали намного

меньше: гончар — примерно столько же, сколько кузнец с одного плуга; дневное вознаграждение кожевника было примерно в три раза меньше, чем вознаграждение кузнеца.

Второй тип экономических связей внутри индийской деревни был основан на существовании традиционных обязанностей различных профессиональных групп оказывать услуги как земледельцу, так и несельскохозяйственному населению деревни, которые вытекали из общинных традиций социально-религиозного характера. Например, представители таких профессий, как плотник, гончар, прачка, парикмахер, в дни религиозных праздников, свадеб, похорон и т. д. несут определенные обязанности в деревне, исходя из общинных традиций, причем эти услуги они оказывают как земледельцам, так и неземледельческим слоям деревни. Оплата за оказание этих услуг также фиксирована и закреплена традицией.

Третий тип экономических связей — это чисто экономические отношения, основу которых составляет, в сущности, бартерный обмен. Они включают также традиционные обязанности одних социальных или профессиональных групп ремесленников оказывать услуги в обмен на услуги других. Например, оплата парикмахера, который обслуживает семью другой профессиональной группы ремесленников, и т. д.

Для четвертого типа характерен денежный расчет за предоставленные услуги. По данным обследования, он осуществлялся не внутри местных слоев, включенных в традиционную систему, а в отношениях, возникающих за пределами этой системы, в сфере «внешних» связей деревни. «Случайный посетитель деревни, — пишет по этому поводу С. К. Дубе, — может получить услуги парикмахера только при условии денежной оплаты... Для большинства населения деревни денежная плата носит нерегулярный, случайный характер» [73, с. 58, 59].

Таков был «исходный уровень», или степень, сохранения традиционных структур в индийской деревне, механизм их функционирования в 50-е годы, т. е. в первое десятилетие независимого развития страны. Чтобы перейти к исследованию некоторых аспектов их дальнейшей эволюции, необходимо предварительно рассмотреть весь этот комплекс вопросов и в несколько иной плоскости. Другими словами, к этому следует добавить еще один момент, влияющий на устойчивость традиционных отношений между этими группами непосредственных производителей в деревне, ибо здесь имеет, на наш взгляд, помимо социально-экономической и чисто агротехнической сторона вопроса, которую нельзя не учитывать. Между тем именно этому аспекту в экономических и социально-экономических исследованиях, посвященных аграрным (традиционным) структурам, уделялось пока еще недостаточное внимание.

Группа сельских ремесел, включенных в систему джаджмани, удовлетворяла, как уже отмечалось, производственные нужды крестьянского хозяйства, среди которых основными были обеспе-

чение (изготовление и ремонт) сельскохозяйственного инвентаря (срок службы традиционного деревянного плуга обычно не превышает трех лет, и потребности в замене составляют около 60% спроса на сельскохозяйственный инвентарь). Отсюда последовательное разрушение традиционных связей в этой сфере в конечном счете может произойти, по-видимому, лишь при переходе крестьянских хозяйств от использования традиционного сельскохозяйственного инвентаря к современному. При сохранении спроса на традиционный сельскохозяйственный инвентарь нельзя ожидать и полного исчезновения традиционных групп сельских его производителей, а отсюда и социальной связанности традиционного типа, ибо за этим в индийской деревне стоит и известная основа кастовых отношений. Таким образом, вся проблема как бы переходит в иную плоскость, и с этой точки зрения положение и место традиционного сельскохозяйственного инвентаря в современных условиях являются в известной мере отражением судеб и дальнейшей эволюции и традиционной системы отношений в деревне (в этой их части).

Эта проблема остается во многом центральной и для более широкого круга вопросов современного экономического развития Индии, ибо переход от традиционного сельскохозяйственного инвентаря к современным его типам составляет одну из важных сторон технической реконструкции сельского хозяйства. С решением этой проблемы во многом связаны и преодоление глубокой дезинтеграции современных и традиционных структур, наконец, расширение рынка для капиталистической промышленности города и т. д. Поэтому на положении и роли традиционных орудий в индийском земледелии следует остановиться подробнее, ибо иначе это будет исследование традиционных структур без исследования их материальной основы.

Прежде всего, в Индии сельскохозяйственным орудиям труда, равно как и всей отрасли этого производства, были присущи свои характерные особенности, и первое, что следует отметить в этой связи, это их крайняя разнотипность, к которой трудно приспособиться крупному фабричному производству, т. е. преодолеть объективную «дробность спроса». К этому следует добавить и малоземелье основной массы крестьянства, которая и экономически не в состоянии перейти к использованию новой техники. Традиционный сельскохозяйственный инвентарь, используемый в крестьянских хозяйствах Индии, всегда отличался (и отличается ныне) большим разнообразием. Хотя полная перепись всех разновидностей традиционных индийских сельскохозяйственных орудий, насколько известно, не проводилась, тем не менее в специальном исследовании, опубликованном в начале 60-х годов, отмечается, например, что в Северной Индии в земледелии использовалось около 20 видов одних лишь плугов; в Южной Индии общее число всех разновидностей плужного инвентаря, используемого крестьянами, доходило до 40 и т. д. [47, с. 18, 185].

Особенности регионального построения отрасли не снимают

значения ее других, не менее важных общеиндийских черт, которые следует на этот раз искать в области социально-экономической.

Далее, как отмечалось выше, выделка и ремонт сельскохозяйственного инвентаря исторически были оторваны от городского производства, мало связаны с ним; за многие века они сформировали автономную систему воспроизводства орудий труда. Воплощаясь в кастовых связях, она входила в комплекс социально-

Таблица 5

Общее количество энергии, используемой в сельском хозяйстве Индии *

Источник энергии	1955/56 г.	1960/61 г.	1965/66 г.	1970/71 г.
Работники, занятые в сельском хозяйстве				
количество, млн. человек . . .	123	131	153	169
в пересчете на л. с. (коэфф. 0,1)	12,3	13,1	15,3	16,9
Тягловый скот				
количество, млн. голов . . .	71	78	79	80
в пересчете на л. с. (коэфф. 0,3)	21,21	23,40	23,55	24,00
Дизельные двигатели				
количество, млн. шт. . . .	0,12	0,23	0,45	0,90
в пересчете на л. с. (коэфф. 5,0)	0,60	1,15	2,25	4,50
Электрические насосы				
количество, млн. ед. . . .	0,05	0,16	0,39	1,35
в пересчете на л. с. (коэфф. 3,0)	0,15	0,48	1,17	4,05
Тракторы				
количество, тыс. шт. . . .	21	31	54	100
в пересчете на л. с. (коэфф. 30,0)	0,63	0,93	1,62	3,00
Всего, млн. л. с.	34,89	39,06	43,89	52,45

* [176, август 1971, т. 26, № 5, с. 297].

экономических отношений между крестьянами и сельскими ремесленниками, которые носили вне рыночный, нередко натуральный характер и отличались большой сопротивляемостью проникновению в эту область товарно-денежных отношений. Вот эта «социальность» судеб традиционного инвентаря выделяет его из всех других «социально безликих» производственных затрат и потребностей крестьянского хозяйства. Как показал опыт независимого развития страны, разрушение этих связей происходит весьма медленно, являясь одной из причин незавершенности развития многих социально-экономических процессов в индийской деревне.

С экономической точки зрения сохранение (или очень медленное размывание) этих отношений превращается в серьезное препятствие для эволюции данной отрасли производства. С этим

связана проблема формирования единого национального рынка на современные средства производства, от этого прямо и непосредственно зависит развитие всей отрасли промышленности по производству сельскохозяйственных машин и орудий, а следовательно, темпы, характер и размер технической реконструкции сельского хозяйства. Сохранение традиционной системы во многом способствует тому, что воспроизводство крестьянского хозяйства все еще в значительной степени осуществляется на натуральной основе. Во второй половине 50-х годов степень товаризации воспроизводственного процесса земледельческих хозяйств Индии составляла 30—35% [34, с. 103]. Правда, сюда входили все производственные затраты, включая затраты на воспроизводство сельскохозяйственного инвентаря. Что же касается последнего, то на 1966 г. он во многом сохранял (в масштабе страны) свой традиционный характер.

Удельный вес железных плугов в общей массе плужного инвентаря к этому времени составил лишь 8%. Это означало, что за прошедшие годы независимого развития и при настоячивых попытках модернизировать техническую основу земледелия удельный вес железных плугов в Индии возрос лишь на 5% (в 1951 г. он составлял 2,8%). Как видно, речь идет все еще о единицах процента. «За 21 год поступательного развития рынка современных орудий труда,— отмечает В. Г. Растянников,— железные плуги не вытеснили и десятка деревянных из каждой сотни единиц применявшегося плужного инвентаря» [34, с. 25].

Подобные темпы выглядят еще более незначительными на фоне все более широкого охвата крестьянских хозяйств другими составляющими процесса «зеленой революции». По-видимому, не будет большим преувеличением сказать, что, несмотря на сравнительно недавнее появление в индийском сельском хозяйстве таких факторов интенсификации, как химические удобрения, новые семена и т. д., их развитие обгоняет темпы перехода от традиционного сельскохозяйственного инвентаря к современным его образцам.

В этом, на наш взгляд, еще раз проявило себя то, несколько особое, положение, которое занимает традиционный сельскохозяйственный инвентарь в индийской деревне и в индийском земледелии в целом. Дело в том, что степень охвата крестьянских хозяйств другими факторами интенсификации прямо зависит от соотношения платежеспособного спроса (со стороны крестьян) и предложения (со стороны промышленности). В ряде случаев лишь недостаток одного или другого бывает причиной медленного проникновения интенсивных методов в крестьянское хозяйство.

Внедрение современного сельскохозяйственного инвентаря сталкивается с препятствиями иного порядка. Прежде всего, в деревне его встречает конкуренция местного производства (конкуренция, которая ослабевает в случае внедрения других составляющих процесса интенсификации). Понятно, что эта конкурен-

ция возможна лишь при сохранении спроса основной массы крестьянских хозяйств на традиционный инвентарь. Предложение современного сельскохозяйственного инвентаря встречало и все еще встречает известное сопротивление индийского крестьянина. И здесь играет роль уже не столько экономическая (либо социально-экономическая), сколько непосредственно агротехническая сторона вопроса. Не случайно, несмотря на то что попытки не единичного, а в известных границах массового внедрения европейских железных плугов в Индии начались с середины XIX в., и поныне подавляющая часть (если не абсолютное большинство) крестьянских хозяйств, причем не только беднейших, использует старые виды сельскохозяйственных орудий. Это, конечно, не отрицает важного препятствия на пути технической реконструкции сельского хозяйства, которое создают малоземелье и нищета основной массы крестьянства. Речь идет о других аспектах вопроса.

Весь ряд иных компонентов «зеленой революции» (семена, удобрения, ирригация) в целом нейтрален или, во всяком случае, не антагонистичен особенностям местных традиций, не затрагивает местное сельское производство. Каковы бы ни были традиции индийского земледелия, крестьянин (если это ему доступно) не откажется от новых, высокоурожайных сортов семян, от удобрений, ирригации своего участка и т. д. Другими словами, их введение в хозяйственный оборот не отрицает, а лишь продолжает и развивает те методы ведения хозяйства, с которыми крестьянин был издавна знаком.

Современный сельскохозяйственный инвентарь, особенно тот, который используется при механизации сельскохозяйственного производства, выступает в индийской деревне не как продолжение и развитие традиционного опыта, а как тип сельскохозяйственных орудий, который встает в известное противоречие с ним. В целом южная зона субтропиков и тропический пояс еще не дали исторического примера перехода к сельскохозяйственным орудиям европейского образца, а именно они ныне выступают в Индии как современный сельскохозяйственный инвентарь.

Европейское земледелие не знало подобного разнообразия почв, климатических условий, такого набора сельскохозяйственных культур и традиционного инвентаря. Способ пахоты и его цели складывались в Европе и в Индии во многом по-разному, ибо пахота там и здесь преследовала, по существу, противоположные задачи. Если в Европе необходимы были глубокая вспашка, отвал и дренаж, то в Индии цель пахоты была противоположной. Крестьянин стремился не осушить, а сохранить влагу в почве, что достигалось частым, неглубоким и безотвальным перекрестным вспахиванием. Поэтому традиционный индийский плуг (при всех его разнообразных видах) сохраняет одну характерную черту — это плуг без отвала, т. е. в европейском варианте не плуг, а соха. Подготовка почвы под посевы пшеницы в Пенджабе и Уттар-Прадеше (на неорошаемых землях) требовала вспашки поля безотвальным плугом от 8 до 10 раз. Более

неприхотливая культура джовар требовала вспашки от 2 до 3 раз, земляной орех — 6 раз и т. д.

Отвальная пахота в Индии применялась при подъеме целины, залежи. В современной Индии она применяется на некоторых тяжелых почвах, главным образом на Декане, при возделывании пшеницы, хлопка, сахарного тростника, кукурузы. Ныне сфера использования европейского железного плуга, конечно, расширилась, причем наблюдается сочетание новых и старых агротехнических приемов. Например, при возделывании таких культур, как хлопок, кукуруза, отвальная пахота нередко сопровождается обработкой поля традиционными орудиями — либо безотвальным плугом, либо мотыгой. Но в целом (помимо других причин) сами условия сельскохозяйственного производства и требования традиционной агротехники препятствуют переходу к современным сельскохозяйственным орудиям.

Вот почему другие факторы интенсификации, которые предлагает западный опыт, оказываются более приемлемыми для индийских крестьян. Стремление использовать западный опыт до последнего времени не распространялось в той же мере на орудия труда.

В процессе замены традиционного инвентаря современным сказывается и несопоставимость уровней в развитии производительных сил разных обществ. Основой традиционной агротехники индийского земледелия продолжает оставаться ручной труд, а орудия ручного труда, в том числе и сельскохозяйственный инвентарь, всегда более тесно и жестко связаны с местными, региональными условиями, нежели другие компоненты хозяйственного процесса. Индийский сельскохозяйственный инвентарь воплотил в себе и закрепил земледельческий опыт не одного поколения, стихийно, но оптимально отразил весь комплекс экологических условий, особенности почв, климата и т. д. (Нельзя забывать и того, что в технической конструкции орудий труда отражаются и особенности физической конституции работника.) Более универсальные, однотипные сельскохозяйственные орудия европейского образца не могут удовлетворить все потребности индийского земледелия, которое ведется сейчас на базе ручного труда со всеми присущими последнему особенностями. И как следствие этого современный инвентарь не может до конца вытеснить традиционный, ибо на сопоставимом уровне техники ручного труда здесь все преимущества на стороне последнего, так как он более приспособлен к местным условиям.

Это обстоятельство подтверждается каждодневным опытом хозяйственной жизни деревни, да и всем развитием социально-экономического процесса. Традиционный сельскохозяйственный инвентарь остается в силе в подавляющей части хозяйств, и это служит одной из причин сохранения традиционного (воспроизводящего на своей собственной основе) комплекса «ремесло—земледелие» и всех связанных с этим процессов.

Проблема замены традиционного инвентаря современным пре-

вращается, в сущности, в проблему перехода в сельском хозяйстве от ручного труда к труду механизированному, ибо вызывает эту смену новый этап в развитии производительных сил общества. Сложность и противоречивость современной ситуации в эволюции агротехнической базы индийского земледелия заключается в том, что еще при невозможности перейти на рельсы механизации индийское сельское хозяйство уже исчерпало почти все ресурсы ведения хозяйства на базе ручного труда. Это вылилось в возникновение своеобразного энергетического (и в целом экологического) кризиса традиционной системы земледелия. Сущность его, в частности, заключается в объективно неотложной потребности перехода от тяглового скота к механическим источникам энергии. Переход этот начался практически лишь в годы независимости, и, несмотря на заметный прогресс в этом отношении, темпы его значительно отстают от потребностей (табл. 5).

Еще в 1960/61 г. живой труд работников и работа тяглового скота обеспечивали 90% всей энергии, потребляемой в сельском хозяйстве. К 1970/71 г. их доля снизилась до 78%; соответственно возросла на 12% доля механических источников энергии, которые к этому времени давали примерно 22% всей энергии, используемой в сельском хозяйстве. Рост за десять лет на 12%, хотя и большой по абсолютным показателям, все же явно недостаточен для Индии.

Дело в том, что в условиях экологического кризиса и напряжения всех ресурсов, которые переживает традиционная система земледелия, использование энергии тяглового скота достигло или достигает своего потолка. Это видно даже из данных, приведенных в табл. 5. Из всех источников используемой в сельском хозяйстве энергии наименьший прирост падает на долю тяглового скота. За 1960/61—1970/71 гг. он составил всего 2%.

В Индии распаханы даже многие пастбища, проблема кормов становится все более острой. В то же время громадное поголовье скота при отсутствии пастбищ не только «конкурирует с человеком» в битве за продовольствие и корма, но и пагубно влияет на состояние распаханых земель. Стоимость тяглового скота за тот же период (10 лет) возросла в Индии в 2 раза, а стоимость его содержания в течение одного года увеличилась в 3 раза и превысила его покупную цену. В то же время потребности в энергии и объем необходимой работы в сельском хозяйстве постоянно растут вслед за развитием методов интенсивного земледелия (развитие ирригации, расширение площадей, с которых снимаются по 2—3 урожая в год, и т. д.).

Энергетический кризис традиционной системы земледелия, его глубина и серьезность видны из некоторых самых общих расчетов. Например, если бы весь прирост используемой к 1970/71 г. энергии шел за счет тяглового скота, то его количество лишь за 1965/66—1970/71 гг. должно было бы увеличиться на 28 млн. голов. Если тот же прирост был бы осуществлен за счет живого труда работника, то численность сельских рабочих должна была

бы лишь за пять лет увеличиться на 85 млн. Таким образом, переход к механическим источникам энергии в сельском хозяйстве Индии становится необходимостью, так как ручной труд в сочетании с использованием тяглового скота энергетически и экологически исчерпал свои ресурсы и не может обеспечить потребности растущего сельскохозяйственного производства, процессы его интенсификации.

По подсчетам индийских специалистов, потребности сельского хозяйства в энергии всех видов составляют 112 млн. л. с., или 0,8 л. с. на 1 га пашни. Исходная база этой оценки занижена: в Японии, например, подобный показатель равен 2,3 л. с. на 1 га, т. е. почти в 3 раза больше. Но даже если исходить из этих явно заниженных расчетов, то наличное количество всех видов энергии, составлявшее в 1970/71 г. 52,4 млн. л. с., было более чем в 2 раза ниже требуемого. Причем, как уже отмечалось, лишь 22% этого количества поставляется механическими источниками энергии.

Таким образом, в судьбу традиционного сельскохозяйственного инвентаря вмешался энергетический кризис. Резко возросшая стоимость содержания тяглового скота приблизилась к издержкам производства при использовании тракторной тяги, и в конечном счете стало более выгодным применение последней.

Можно отметить, что ведущим регионом в процессе начавшейся технической реконструкции сельского хозяйства стала Северо-Западная Индия: штаты Махараштра, частично Уттар-Прадеш и прежде всего Пенджаб, т. е. районы, и раньше имевшие более высокий органический состав капитала еще на уровне традиционной техники. Главной и весьма существенной чертой этого процесса явилось то, что еще до сколько-нибудь заметной технической эволюции здесь произошла эволюция социально-экономическая.

Речь в данном случае идет об эволюции традиционных производителей-ремесленников, которые раньше находились в тесной производственно-экономической связи с крестьянским хозяйством. Уже к началу 60-х годов процессы распада этих связей получили здесь значительное развитие, а следовательно, был открыт путь для роста в этой сфере товарных, рыночных отношений. Дело было не только в том, что крестьянин мог перейти к использованию современных, т. е. европейских, орудий труда. Огромное значение этого сдвига заключалось в товаризации воспроизводственного процесса крестьянского хозяйства: даже прежний сельскохозяйственный инвентарь теперь уже приобретался на рынке. Но путь крупному фабричному производству в эту отрасль все еще был закрыт: во всяком случае, развитие крупного производства при сохранении традиционного спроса было сопряжено со многими трудностями. Например, крупнейшее предприятие в этой отрасли, Тата-Агрико, какое-то время производило 60 видов мотыг. Вот что писал еще в середине 50-х годов орган индийских промышленников ежегодник «Металлообрабатывающая промыш-

ленность Индии»: «Одним из наиболее серьезных препятствий, которые стоят на пути развития производства сельскохозяйственного инвентаря на крупных предприятиях, является бесчисленное разнообразие видов и типов сельскохозяйственных орудий, используемых крестьянами в каждом штате и даже дистрикте страны. До тех пор пока не будет преодолен этот крайне индивидуальный подход к приобретению сельскохозяйственных орудий, нельзя надеяться на сколько-нибудь значительное увеличение их производства на крупных предприятиях» [96, с. 230].

Ведущим в этой отрасли производства стал сектор мелкой промышленности. Будучи сам по себе многослоен, неоднороден, он включал в себя и какую-то массу сельских ремесленников — кузнецов, плотников, переселившихся из деревни в город, и бывших торговцев, и квалифицированных рабочих, техников, инженеров крупных промышленных фирм, которые начинали свое «дело» в этой отрасли. Основное преимущество мелкого производства перед крупным заключалось (и заключается поныне) в том, что, во-первых, оно было в состоянии удовлетворить специфику спроса, существующую в сельском хозяйстве на орудия труда, во-вторых, изделия, выпускаемые мелкими предприятиями, были дешевле выпускаемых на крупных предприятиях, хотя и уступали им по качеству. Именно в изделиях этого сектора наметился тот эволюционно переходный вид от традиционного инвентаря к современному, который в литературе получил определение как «улучшенный» сельскохозяйственный инвентарь — тип, который на крупных предприятиях не выпускали, ибо основа его во многом оставалась традиционной. Бремя начальных этапов в технической реконструкции сельского хозяйства взял на себя сектор мелкого производства (его новые отрасли).

Современная сельскохозяйственная техника проникает в крестьянское хозяйство не сразу, а постепенно, различными своими элементами, каждый из которых проходит своеобразный период испытаний, прежде чем окончательно внедриться в существующий агротехнический комплекс. Обследования земледельческих хозяйств Пенджаба (района, который далее всего продвинулся в освоении новой сельскохозяйственной техники) показали, что крестьяне после покупки трактора еще не переходят на использование всей современной сельскохозяйственной техники. Многие операции, в том числе и посев, они осуществляют традиционной упряжкой буйволов.

Не следует забывать и о большой многосторонней рабочей нагрузке традиционного плуга в хозяйстве крестьянина. Он используется также и как культиватор, как сельскохозяйственное орудие при междурядном посеве некоторых культур, наконец, при уборке урожая земляного ореха, картофеля и т. д. «...Традиционный плуг,— отмечают индийские авторы,— многофункциональное орудие труда, которое трудно заменить, пока не будет разработан какой-либо „улучшенный“ инвентарь подобного типа» [87, 568].

Механизация, конечно, должна вытеснить и вытесняет сельскохозяйственный инвентарь старого типа, но это в перспективе, а практически в наши дни он продолжает составлять основную массу сельскохозяйственной техники, ибо механизация только начинает развиваться, да и условия для ее развития в Индии иные, чем существовали в свое время в европейских странах и в США. Во-первых, объектом механизации является иной набор сельскохозяйственных культур с присущей им агротехникой производства, которую нельзя изменить и приблизить к агротехнике европейской умеренной полосы. Во-вторых, механизация в Индии охватывает относительно узкий фронт работ, в основном пахоту, редко сев и весьма незначительно уборку урожая. В-третьих, вспашка почвы в европейских странах умеренной полосы с использованием тракторной тяги привела к росту урожайности, так как это было дальнейшим развитием традиционной отвальной вспашки, которая при механизации стала более глубокой и качественной. На Востоке уже опыт Японии свидетельствует о том, что пахота с использованием механической энергии повысила производительность труда на этой операции, но сама по себе не привела к росту урожайности. Особенность сельскохозяйственного производства состоит в том, что повышение производительности труда на каждой операции не ведет однозначно и «прямо пропорционально» к росту урожайности, ибо последний есть результат сбалансированного (для данной системы земледелия) комплекса агротехнических приемов.

В советской литературе уже поднимался вопрос о необходимости прохождения развивающимися странами того пути технического прогресса, по которому шли ныне развитые страны. Страны Востока могут при этом избежать многих издержек подобного пути: истощения природных ресурсов, нарушения экологического равновесия. А последнее обстоятельство как раз имеет важное значение для Индии. В отличие от других составляющих агротехнического процесса орудия труда представляют очень сложный и нередко противоречивый комплекс вопросов, который не всегда поддается однозначному решению. Трудно сказать, каким путем пойдет замена традиционного инвентаря, т. е. процесс механизации сельскохозяйственного производства в Индии. Не вызывает сомнений лишь одно: в течение ближайшего будущего традиционный сельскохозяйственный инвентарь будет сохранять еще весьма заметные позиции в агротехнической базе индийского земледелия. Как бы бурно в течение ближайших лет ни развивалась механизация, абсолютные размеры исторической работы по замещению старых орудий труда настолько велики, что выполнение ее потребует значительного времени.

Обращаясь вновь к традиционным структурам, следует сказать, что в этой плоскости вопроса новый этап в развитии производительных сил (для объективных условий, существующих в стране) прокладывает путь прежде всего развитию капитализма. А как раз основным препятствием развитию капитализма служит

традиционный комплекс, вернее, основное производственно-экономическое содержание традиционных отношений.

Дело в том, что подобная система включала не все ремесленные профессии, а главным образом те, которые обслуживали производственные нужды крестьянского хозяйства. Тем самым развитие товарно-денежных отношений в этой сфере было затруднено и связь с рынком крестьянского хозяйства в области удовлетворения своих производственных потребностей была весьма слабой.

Традиционные услуги ремесленника, как уже отмечалось, обеспечивали крестьянину производство и ремонт сельскохозяйственного инвентаря, упряжи и т. д., причем это право было как бы наследственным, закрепленным традицией, в рамках которой ремесленник получал фиксированное вознаграждение, обеспечиваемое вне рамок рыночного обмена, рыночных отношений. Развитие же товарно-денежных отношений в индийской деревне шло главным образом в сфере потребительского спроса крестьянских хозяйств. К тому же по мере развития товарности самого крестьянского хозяйства оно все в большей мере попадало в зависимость от рынка, что нередко приводило к усилению задолженности и нередко к прямому разорению хозяйства. Существование традиционного комплекса, который обеспечивал основные производственные нужды крестьян вне рыночной конъюнктуры, обрачивалось определенной гарантией обеспечения ряда воспроизводственных нужд земледельца за рамками рыночных отношений.

Многочисленные сельские ремесленники, испытывая давление перенаселенности и прямого разорения, которое шло вслед за процессами разорения и пауперизации маломощных малоземельных слоев крестьянских хозяйств, также оказывались в какой-то мере заинтересованными в сохранении традиционного комплекса отношений, ибо последний обеспечивал им определенный минимум средств к существованию.

В результате продукция фабричного производства города с трудом проникала в сердцевину воспроизводственного процесса основной массы крестьянских хозяйств Индии и рыночный спрос сельского хозяйства на фабричную продукцию производственного назначения был относительно мал. Объективно это приводило к узости рынка сбыта для фабричной промышленности, что, как известно, послужило одним из факторов ее нестабильного развития.

Доля фабричной промышленности в воспроизводственных затратах сельского хозяйства к началу 60-х годов, как известно, составляла единицы процента (от 1 до 3%), что оказывалось одним из решающих факторов в формировании дуальности всей экономической системы. Ее в конечном счете и определяла известная автономность воспроизводственного процесса в аграрном секторе экономики. Но эта автономность как раз и базировалась на сохранении традиционных структур, которые оказались намного более жизнестойкими, нежели предполагалось.

Известное представление о дальнейшем ходе разложения традиционных связей дают полевые обследования индийских деревень конца 50-х—60-х годов. Надо сказать, что характер этих отношений и особенно их изучение путем главным образом полевых обследований дают материал на микроуровне процесса. Общиндийскую картину составить по ним вряд ли возможно. Имеющиеся материалы позволяют составить определенное представление о характере разложения этих связей, дальнейшего пути их эволюции. Что же касается точных количественных характеристик сохранения либо степени исчезновения этих связей, то материал не дает возможности их выявить (особенно на макроуровне исследования или в масштабе всей страны).

Полевые обследования показывают, что в первые десятилетия независимого развития разложение этих связей шло неравномерно, по-разному воздействуя на различные группы ремесла, включенные в эту систему. Прежде всего, как общую черту данного процесса следует отметить специфический для Индии его социально-кастовый аспект. И ранее различные касты земледельцев и ремесленников занимали в комплексе традиционных связей (системе джаджмани) неравноправное положение.

В сочетании факторов, способствовавших сохранению данной системы в новейшее время, встретились как бы два процесса. С одной стороны, усиливающееся аграрное перенаселение, обнищание низших слоев земледельцев и ремесленников заставляло тех и других стремиться как можно дольше сохранять систему традиционных услуг, ибо это давало им возможность избежать в той мере, в какой это было возможно, влияния рыночной экономики, которая означала бы для них еще большую степень разорения. Как бы ни были мизерны услуги с той (земледельцы) и с другой (ремесленники) стороны, наличие их все еще давало известную экономическую (а нередко и социальную) гарантию их существования. Для низших слоев земледельцев это во многом была гарантия (в той или иной мере) воспроизводства их хозяйства. С другой стороны, верхние слои крестьянства, сельская элита также стремились сохранить элементы традиционной кастовой и экономической привязанности неземледельческих слоев деревни, ибо, удерживая их в рамках этой системы и используя ее традиционно кастовый элемент воздействия, они пытались усилить эксплуатацию работника методами внеэкономического принуждения.

Период независимого развития страны показал, что сельские ремесла, будучи подчиненным, зависимым элементом в деревне (в том числе и по линии сословно-кастовых отношений), практически не дали выхода на путь самостоятельной эволюции и генезиса новых, более прогрессивных, форм производства. Противоречивость и сложность ситуации, в которой происходило разложение системы, как раз и усиливали значение ее сословно-кастового элемента, ибо нарастание экономических трудностей в индийской деревне во многих случаях неизбежно выливается в фор-

му кастовых конфликтов. Вот что по этому поводу писал один из исследователей этой системы, О. Льюис: «Система джаджмани несет в себе горючий, взрывчатый материал, и по мере того как будут ослабевать традиционные связи, мы, возможно, станем свидетелями резкого обострения конфликта между доминирующими и подчиненными кастами в деревне» [102, с. 82—83].

Однако ожидаемого социального взрыва на этой почве, как показал опыт, не произошло, и причиной этому, на наш взгляд, явилась внутренняя экономическая и социальная неоднородность самой системы (социальный и экономический конфликт в индийской деревне переместился в другую сферу традиционных связей, о чем будет сказано позже).

Помимо неоднородности первой составляющей системы, т. е. группы земледельцев, среди которых эту неоднородность вызывали и процессы дифференциации, поляризации крестьянства, исходно неоднородной была и вторая составляющая системы, т. е. группа включенных в нее сельских ремесленников. Последняя насчитывала четыре профессии — кузнеца, плотника, гончара и кожевника, т. е. в социально-кастовом отношении в нее входили представители как неприкасаемых, низших, так и средних каст деревни. Далеко не равноправное место эти касты занимали и в системе материального вознаграждения за свои услуги, т. е. достаточно резко отличались и по своему экономическому положению.

Выше уже отмечалась существовавшая значительная разница в оплате кузнечно-плотничных отраслей ремесла и таких профессий (также включенных в систему), как гончар и особенно кожевник, который принадлежал к кастам неприкасаемых. С разложением системы отчетливо проявилась и дифференциация в общей ремесленной группе джаджмани. Ведущее и наиболее устойчивое место в экономике деревни продолжали занимать кузнечно-плотничные отрасли ремесла, которые продолжали поставлять традиционный сельскохозяйственный инвентарь для крестьянских хозяйств.

Более того, лишь среди этих профессиональных групп наметились процессы эволюции, перерастания в новые формы производственной активности, миграция сельских кузнецов в города, организация своих мастерских, удовлетворяющих потребности крестьян через рыночный обмен, и т. д. Однако этот процесс, по-видимому, к началу 60-х годов еще не затронул основной массы крестьян. К тому же следует иметь в виду, что сохранение традиционной техники позволяло крестьянским хозяйствам обращаться к традиционным услугам и традиционным отношениям со своими сельскими ремесленниками. Поэтому этот процесс не был последовательным. Здесь можно провести аналогию с колебаниями товарности крестьянского хозяйства, поскольку крестьянин всегда в состоянии вернуться от большой товарности к меньшей и наоборот. По существу, в основе этой возможности лежала и возможность обеспечения каких-то звеньев воспроизводст-

венного процесса вне рынка в зависимости от результатов и условий сельскохозяйственного производства, задолженности и т. д.

Свидетельства обследований, проведенных на рубеже 50—60-х годов, в этом отношении достаточно противоречивы. Например, обследования деревень Западной Бенгалии, Пенджаба, Уттар-Прадеша показали, что уже к середине — концу 50-х годов от 60 до 80 % всего сельскохозяйственного инвентаря было приобретено крестьянами на рынке [116, с. 131]. Другое, более позднее обследование отмечало, что «крестьяне уже сейчас сравнивают цену, которую они платят деревенским ремесленникам, с ценами на аналогичные услуги в городе. Перед лицом этой конкуренции ремесленники либо изменяют род занятий, либо становятся сельскохозяйственными рабочими, как, например, гончар и др. Из всех каст лишь кузнец сохранил свое положение и получает натуральную оплату, согласно традиции» [78, с. 83—84]. Еще одно обследование свидетельствует о том, что в общем доходе оплата натурой у кузнецов и плотников деревни составляет 60 %, в то время как у гончара — 18 % [73, с. 86]. По другим материалам, доля натуральной оплаты в доходе плотников деревни составляла 81 %, других профессий — 30 или 15 % и т. д. [152, с. 162].

Таким образом, на судьбы системы джаджмани в независимый период оказывали непосредственное и противоречивое воздействие, по-видимому, два основных фактора — развитие рыночного обмена и в то же время рыночная слабость основной массы крестьянских хозяйств («потенциальные возможности спроса не могут быть реализованы из-за крайней нищеты крестьян» [47, с. 157]).

Наиболее четко процесс разложения традиционных связей проявил себя по отношению к двум другим профессиональным группам, или отраслям, сельского ремесла — гончарному и кожевенному делу. Неоднородность внутренней структуры системы проявилась и в различном положении отдельных ее профессиональных и социальных групп, возникших в процессе разложения. Если кузнечно-плотничные группы ремесленников, занимая и ранее довольно прочное положение в системе, имели возможность для продолжения своих занятий в новых условиях, то гончары и кожевники как социальная группа оставались экономически и социально на положении низов деревни и в ходе разложения системы оттеснялись в ряды сельскохозяйственных рабочих.

Трудно составить картину процессов разложения (либо степени сохранения) системы в 70-е годы. Это во многом объясняется отсутствием специальных обследований индийских деревень за этот период. Официальные статистические источники материала по системе джаджмани не дают. По некоторым косвенным данным, можно, по-видимому, сказать, что и в 70-е годы процесс разложения системы и разделения сельских ремесел продолжался или даже усилился.

Если исходить из данных переписей населения при всех раз-

личиях в их методике, то общая численность лиц, занятых в домашней промышленности за 1961—1971 гг., сократилась примерно вдвое: с 12 млн. до 6,4 млн. По данным переписи населения 1981 г., общая численность лиц, занятых в домашней промышленности, несколько возросла — до 8,7 млн. Но следует иметь в виду, что категория «домашнее производство», особенно домашнее производство города, не представляет ремесленного производства в собственном смысле этого слова, а включает в себя и различные производства переходных форм, от мелкотоварного до мелкокапиталистического.

При сравнении цифр занятых в домашней промышленности индийской деревни, основную массу которых, по-видимому, составляют сельские ремесленники, видно, что с 1961 по 1981 г. их численность сократилась примерно с 10 млн. до 5,9 млн. [67, с. 185]. Данные обследования Резервного банка Индии 1971/72 г. хозяйств сельских ремесленников показали, что количество хозяйств сельских ремесленников составляло лишь 2,6% всех хозяйств в сельской местности. Комментируя результаты обследования, газета «Экономик таймс» писала, что масштабы разорения ремесленников сопоставимы с разорением традиционных ремесел во времена Ост-Индской компании. В то же время необходимо иметь в виду, что эти данные относятся ко всем отраслям сельского ремесленного производства, а не только к тем, которые ранее были включены в систему джаджмани и составляли один из важных элементов традиционной системы воспроизводства крестьянского хозяйства. Это, по-видимому, еще в меньшей степени относится к кузнечно-плотничным отраслям ремесла, составлявшим ранее как бы сердцевину системы.

Проблема, видимо, по-прежнему заключается в общем переходе от использования традиционного сельскохозяйственного инвентаря к современному его типам, что в немалой степени связано с отмеченными особенностями традиционной системы земледелия в Индии, а в области рыночных связей — в снабжении традиционным сельскохозяйственным инвентарем, в нестабильности, обратимости подобных связей, вызываемых нищетой, малоземельем, задолженностью, финансовой слабостью основной массы крестьянства. Все это, понятно, не относится к сформировавшемуся капиталистическому сектору в сельском хозяйстве Индии, где наиболее полно осуществлен переход к использованию современных агротехнических приемов и средств ведения хозяйства. Речь идет о том, что капитализму в сельском хозяйстве все еще трудно преобразовать обширную периферию широких секторов аграрной экономики, существование которых и составляет причину формирования дуальной структуры всего хозяйства страны.

Негативное значение сохранения традиционных структур для более последовательного развития капитализма в недрах аграрного общества Индии этим не ограничивается. Можно сказать, что традиционные связи «ремесло—земледелие» уже, вероятно, утрачивают то значение, которое они имели в начале независи-

мого развития. Объективный ход роста товарно-денежных отношений, общественного разделения труда, прямое разрушение этих связей в результате процессов разорения, пауперизации основных масс непосредственных производителей на селе, с одной стороны, и переход верхних слоев сельской элиты, крепких кулацких хозяйств к использованию современных орудий сельскохозяйственного производства, «зеленая революция» и т. д.— с другой, несомненно, не только вызвали разложение этих связей, но и привели к формированию капиталистических форм производства в самом аграрном секторе.

Вместе с тем значение традиционных структур как комплекса социально-экономических отношений докапиталистического типа все еще достаточно велико, а капитализм и поныне встречает серьезные трудности на пути своего развития в аграрном обществе Индии. Причиной этого служат, на наш взгляд, многослойная, неоднородная, неоднозначная структура традиционных связей на селе, ее многофункциональный характер. Наиболее наглядно это проявляет себя в следующей сфере традиционных связей на селе — использовании рабочей силы или традиционных формах ее найма. С точки зрения развития капитализма и преобразования традиционных структур эта сфера отношений, на наш взгляд, занимает ключевое место во всей проблеме.

Традиционные формы найма

Традиционные связи ремесла и земледелия никогда не охватывали и не представляли всего комплекса традиционных отношений в индийской деревне. Наряду с этим существовали (и существуют поныне) широкие социальные группы сельского населения, представленные кастами неприкасаемых и другими низшими или низкими кастами, положение которых во всей системе кастовых связей и традиционных социальных и экономических отношений является второй, и наиболее важной, основой сохранения традиционных структур. С экономической точки зрения подобные отношения составляют как бы вторую (после традиционных связей ремесла и земледелия) подсистему воспроизводства крестьянского хозяйства, обеспечивая его важнейшим фактором производства — рабочей силой. Именно в этом и заключается отличие традиционных структур в Индии от существовавших ранее на Западе, ибо подобная система отношений не имеет аналога в экономической истории развитых капиталистических стран. В этом же в немалой степени заключается, на наш взгляд, причина стойкости, исторической сопротивляемости традиционных структур развитию капитализма как способа производства, проникновению его на периферию индийской социальной и экономической жизни.

Для того чтобы в полной мере оценить и понять роль этого звена традиционного комплекса, необходимо прежде всего отме-

тить значение формирования армии наемного труда в генезисе и становлении капитализма как способа производства.

Как известно, класс наемных рабочих, процесс его формирования — один из исходных моментов становления капитализма, и его необходимые предпосылки создавало на Западе первоначальное накопление. Основным его содержанием было лишение непосредственного производителя средств производства, создание в обществе таких условий, при которых массы населения могли обеспечивать себе средства существования лишь продажей своей рабочей силы. Специфика условий в Индии заключалась в том, что в ее традиционной социально-экономической структуре существовали задолго до развития капиталистических производственных отношений обширные слои населения, которые были лишены средств производства еще в недрах традиционного общества и могли существовать лишь продажей своей рабочей силы. Но это означало, что продажа рабочей силы осуществлялась в традиционных формах ее найма и использования. Именно это звено традиционного механизма воспроизводства в индийской деревне (общине) и явилось исторически наиболее устойчивым.

До сравнительно недавнего времени подобный феномен не включался как индийскими, так и западными исследователями в систему традиционного механизма воспроизводства. Еще в 50-х годах существование широкого слоя сельскохозяйственных рабочих в индийской деревне рассматривалось как результат тех же процессов, которые привели к рождению наемной рабочей силы в деревне в ныне развитых странах, т. е. наемная рабочая сила представлялась как продукт развития капитализма, процессов раскрестьянивания и т. д. Только в середине 60-х годов работы, посвященные этой теме, убедительно доказывали, что слой сельскохозяйственных рабочих занимал в социально-экономической структуре индийской деревни весьма определенное и значительное место. Еще в начале XIX в. количество сельскохозяйственных рабочих достигало 25% всего сельского населения [101, с. 180].

Для сравнения укажем, что в пореформенной России рождение класса сельскохозяйственных рабочих, удельный вес которого к концу XIX в. составил 20% всего сельского населения, явилось результатом, как показал В. И. Ленин, глубоких сдвигов в развитии капиталистических отношений в русской деревне, разорванных им процессов «раскрестьянивания», пауперизации и т. д. [3, с. 236].

Приведенные К. Марксом в первом томе «Капитала» фактические данные о переписях населения Англии 1861 г. позволяют судить, что такой же удельный вес — около 20% — имели наемные сельскохозяйственные рабочие во всем сельском населении страны [1, с. 457], т. е. при весьма широком, во всяком случае наибольшем в европейских странах, развитии капитализма в ее сельском хозяйстве.

В Индии такой же удельный вес сельскохозяйственных рабо-

чих во всем сельском населении был не результатом развития капитализма в сельском хозяйстве, а препятствием его развитию, ибо генезис этих социальных слоев был типологически иным, что и придавало совершенно другое качество внешне однотипным явлениям. Во всяком случае, существовавшее ранее в литературе хронологическое отнесение самого факта появления данных слоев к концу XIX — началу XX в. позволяло не замечать это другое его качество.

Суммируя исследования и сведения о безземельных сельскохозяйственных рабочих, Л. Б. Алаев убедительно показывает, что этот социальный слой был присущ индийской общине на всем протяжении ее существования. «Безземельный труд в той форме, которую он имел в конце XIX в., типологически связан со средневековьем, а не с процессом генезиса капитализма... Привязанность слуги к хозяину нередко объяснялась долгом, но чаще задолженность была лишь следствием всей системы отношений» [6, с. 203, 205].

Наконец, большой фактический материал о положении этих групп населения в первой половине XX в. до момента достижения страной независимости содержится в исследовании Г. Г. Котовского [21]. Он показывает, что пережитки полурабского, полукрепостного состояния данных слоев были довольно значительны, а иногда оставались без видимых изменений на всем протяжении исследуемого периода. Таким образом, в период независимого развития Индия вступила с грузом докапиталистических, но отличных от западных моделей социально-экономических связей: к этому времени, т. е. до сколько-нибудь заметного развития капитализма в сельском хозяйстве, не только сельскохозяйственные рабочие являлись отдельным слоем индийской деревни, но и архаичные связи их с земледельцами сохранялись почти в полной мере. Конкретное содержание этих связей рассматривается в упомянутых работах, кратко оно сводится к следующему.

Безземельные жители деревни, представители низших каст, были традиционно связаны с крестьянским хозяйством в качестве сельскохозяйственных рабочих; они работали в поле, выполняли тот или иной вид работы, необходимый в каждом случае землевладельцу.

Институциональной формой прикрепления работника к хозяйству землевладельца была задолженность сельскохозяйственного рабочего. Безземельный рабочий получал в долг определенную сумму, и с этого момента он начинал работать в хозяйстве, отработывая полученный долг и попадая с точки зрения чисто экономических представлений в долговую кабалу к своему кредитору. Долг не выплачивался, задолженность становилась наследственной и как бы воспроизводилась в каждом новом поколении.

Но в реальных условиях индийской деревни состояние долговой кабалы, или наследственной задолженности, означало для члена низшей касты положение во многом отличное от формаль-

но экономического содержания самого факта задолженности. С момента получения определенной суммы денег он не только становился должником, но и входил в определенную систему социальных отношений с землевладельцем. Хозяин-землевладелец приобретал над своим работником власть, мог распоряжаться им по своему усмотрению, отдавать на время для работы в других хозяйствах, заставляя работать не только в поле, но и в домашнем хозяйстве и т. д. Но эта эксплуатация сопровождалась целым рядом социальных обязательств, хозяин как бы опекал своего неприкасаемого. В свою очередь работник должен был всегда и везде защищать интересы хозяина в любых конфликтных ситуациях, даже если это противоречило интересам его собственной касты. В то же время обладание правом на чужой труд, труд неприкасаемых, было элементом престижа для хозяина-землевладельца. Его положение в деревне во многом определялось и тем, сколько человек из низших каст было у него в услужении. Поэтому социальный элемент в этих внешне чисто экономических отношениях (наем работника и долговая кабала) был очень силен. По замечанию Я. Бремана, традиционная система ценностей, внутренне присущая этим отношениям, ставила перед хозяином-землевладельцем вопрос не о том, сколько человек ему нужно для ведения хозяйства, а о том, сколько человек он мог взять себе в услужение [63, с. 55]. Отсюда, по-видимому, идет «внеэкономический спрос на труд», отмеченный В. Г. Растяниновым, который первый в индологии отметил различные формы найма в индийской деревне и дал их полный экономический анализ.

Член касты неприкасаемых, представитель безземельных низших слоев деревни также был в известной мере заинтересован в установлении подобных отношений, ибо это давало ему определенную гарантию против социального произвола высших и средних каст деревни и минимальные средства к существованию. Более того, элемент престижа проникал даже и в эту сторону отношений. Обследование деревень Южного Гуджарата показало, что сельскохозяйственные рабочие, имеющие своего хозяина, обладают большим социальным престижем среди членов своей касты, нежели те, кто не имеет такового.

Таким образом, в эксплуатации низших слоев деревни социальные интересы обеих сторон придавали подобным отношениям черты патриархальности. Эти отношения внешне выглядели как сложившаяся система социальных гарантий, в которой интересы противоположных социальных групп как бы совпадали. Землевладельцу-хозяину подобная система гарантировала обеспечение чужого труда для ведения хозяйства (необходимость в нем возрастала у тех социальных слоев, кастовый статус которых запрещал им самим работать в поле). Для низших, безземельных слоев деревни в той системе кастовых отношений, в которой они находились, просто не было никакой другой альтернативы занятости и получения средств существования, кроме как работа в

качестве сельскохозяйственного рабочего в хозяйстве крестьян. И «заключить контракт» в этих условиях было предпочтительнее, чем лишиться хотя бы минимальных гарантий социального и экономического существования в данной деревне [63, с. 59].

Подобного рода идилическая патриархальность усиливалась или уменьшалась прямо пропорционально размеру хозяйства и состоятельности землевладельца. Чем богаче был землевладелец, представитель зажиточных слоев деревни, тем более патриархальными были его отношения со своими работниками. Чем менее состоятельным был хозяин, тем жестче была эксплуатация. Особенно это стало заметным при разложении данной системы отношений.

Здесь следует отметить, что сельскохозяйственные рабочие в индийской деревне не представляли собой однородного социального слоя. Различны были их степень и формы подчинения и эксплуатации. Они включали всю гамму состояний подчиненности состоятельным слоям деревни, начиная от полурабского, полукрепостного положения и кончая статусом «свободных» сельскохозяйственных рабочих.

Материалы Резервного банка Индии позволяют представить общую структуру сельского населения на 1971/72 г., из которой видна неоднородность всего отряда рабочей силы деревни. Так, из 75 млн. хозяйств 38 млн., или более половины, прибегали к продаже своей рабочей силы, причем 11,4 млн. не вели собственного хозяйства, у 13 млн. хозяйств имелся небольшой надел земли (т. е. это были сельскохозяйственные рабочие с наделом) и у примерно такого же числа хозяйств продажа рабочей силы была не основным, а побочным источником дохода [51, с. 30—31, 74, 78].

Необходимо подчеркнуть, что отряд сельскохозяйственных рабочих в Индии пополнился, безусловно, и за счет разорения самих крестьян, ремесленников и других социальных слоев деревни. Но поскольку основное внимание в данной работе уделяется прежде всего традиционным структурам, анализ традиционных форм найма имеет весьма серьезное значение для самого содержания политэкономических процессов, формирования рынка труда, идущих в современной Индии (не менее важное значение все это приобретает и для практики экономического и социального развития страны).

В условиях Индии процесс первоначального накопления не может полностью объяснить характер и закономерности формирования армии наемного труда еще и потому, что здесь огромные массы населения вообще не в состоянии были попасть под его действие, так как ранее не обладали никакими средствами производства и не могли ими обладать. Следовательно, примерно четвертая часть всего населения (касты неприкасаемых) были отделены от средств производства еще задолго до появления капитализма. Очевидно, что существуют свои закономерности, по которым идет трансформация этой части населения в армию наем-

ных рабочих. Выявление их тем более важно, что упомянутые слои находились в той системе связей с высшими кастами, крестьянами-землевладельцами и т. д., которые сами по себе предполагают отношения работников и работодателя.

В период независимости традиционный закабаленный труд сельскохозяйственных рабочих продолжал и все еще продолжает оставаться одной из основ традиционной системы воспроизводства крестьянского хозяйства и препятствует развитию капиталистических форм найма в индийской деревне. По-видимому, в наши дни именно эти связи, а не традиционные отношения ремесленников и землевладельцев (которые в 70-е годы при интенсивном разорении сельского ремесла утрачивают свое значение) являются основным фундаментом, на котором держится вся система традиционных, в том числе и социально-кастовых, отношений на селе. Причем эти отношения (в отличие от связей «ремесло—земледелие») оказываются наиболее стойкими и как бы стержневыми для всего процесса эволюции индийского аграрного общества. Таким образом, экономической основой сохранения традиционных структур в индийской деревне является наряду с отношениями «ремесло—земледелие» прежде всего вторая подсистема воспроизводства крестьянского хозяйства, т. е. закабаленный сельскохозяйственный труд деревни.

Если же говорить о процессе перехода населения к новым видам занятости, в том числе и к капиталистическому (наемному) труду как одному из основных условий становления и победы капиталистического способа производства в масштабе всей экономики, то именно трудности и проблематичность этого перехода в индийской деревне, масштабы и глубина этих трудностей и составляют одну из главных и исторически не решенных задач.

Не случайно **основной социальный конфликт** в индийской деревне — это конфликт между землевладельцами и традиционным закабаленным трудом, главным образом низшими кастами деревни. Долговая кабала сельскохозяйственных рабочих формально была отменена лишь в 1975 г. и только тогда, когда накал социального конфликта достиг опасных для общества размеров. Однако, как отмечалось в индийской литературе, формальная отмена кабальной задолженности не решила, да и не могла решить проблемы. Прежде всего в силу того, что сама задолженность — это лишь форма традиционного социального и экономического подчинения низших слоев, вытекающая из всего строя социально-экономических отношений в деревне.

Количественное определение сферы закабаленного наемного труда в современной Индии, по-видимому, невозможно. По некоторым оценкам, в конце 70-х годов в долговой кабале находилось 63% всех сельскохозяйственных рабочих. Но положение остальных рабочих в деревне, в сущности, мало чем отличалось от них, если иметь в виду уровень материальной обеспеченности и социальный статус. Более того, положение «должника», или сродного батрака, давало сельскохозяйственному рабочему гарантию

«долга» или «дохода», что для него, в сущности, было одно и то же. Кроме того, принадлежность его к хозяйству земледельца давала определенные социальные преимущества перед полностью бесправными его коллегами, вынужденными довольствоваться случайными заработками и полностью предоставленными произволу любого из представителей более высоких каст деревни.

Тем более что, находясь за рамками традиционной формы долговой кабалы, сельскохозяйственный рабочий в то же время не мог не становиться должником (ибо таков был уровень его материальной обеспеченности), но уже на иных, может быть более «современных», более жестких, условиях. Сама по себе задолженность сельскохозяйственных рабочих, необходимость прибегать к заемным, чужим средствам, чтобы обеспечить свое существование, была заложена, внутренне встроена в традиционную систему и не была результатом экономических процессов развития капитализма, которое приводило к разорению одних социальных слоев и обогащению других, как, например, в европейской деревне или в России.

Полевое обследование сельскохозяйственных рабочих в Бихаре (дистрикт Паламау) дает некоторое представление о реальном положении как закабаленных сельскохозяйственных рабочих, так и «свободных». В этом отношении данное обследование значительно отличается от официальных оценок уровня и характера закабаленного сельскохозяйственного труда. Прежде всего, официально в дистрикте было освобождено 600 закабаленных рабочих, а авторы обследования определяют количество закабаленных сельскохозяйственных рабочих здесь примерно (оговаривая ограниченность своих подсчетов, сделанных на базе выборочных обследований небольшого числа деревень) в 20 тыс.

Основным источником пополнения закабаленного сельскохозяйственного труда являются социальные слои беднейшего крестьянства и так называемых «свободных» сельскохозяйственных рабочих. Причем в кастовом отношении это — низшие касты и представители племенных групп. В дистрикте большинство этих слоев составляют касты чамаров, племенные группы мунда, оран и т. д. «Здесь нет необходимости, — отмечают авторы обследования, — подсчитывать калории и определять статистически уровень нищеты с тем, чтобы определить физически необходимый минимальный уровень средств существования. Деревенская элита сама позаботилась об этом. Методом „проб и ошибок“ на протяжении многих десятилетий был определен с предельной точностью тот размер минимально необходимого материального обеспечения, который позволяет семье сельскохозяйственного рабочего не умереть с голоду и обеспечивает ему физическую возможность работать в поле. Этим необходимым размером, или уровнем, оплаты являются два сира зерна в день (около 1,5 кг в день). Свидетельства, относящиеся к колониальному периоду, говорят о существовании точно такого же размера оплаты труда» [177, vol. XI, № 18, 1.05.1976].

Причем, по данным того же обследования, «свободный» сельскохозяйственный рабочий получал фактически столько же, сколько и работник, находящийся в долговой кабале у своего хозяина. У него были практически тот же уровень потребления, те же условия жизни. Различие было лишь в отношении к хозяину-землевладельцу. При долговой кабале сельскохозяйственный рабочий полностью принадлежал своему хозяину, «свободный» рабочий мог заработать еще немного на каких-нибудь работах.

Однако эта возможность все же была ограничена, так как и «свободный» сельскохозяйственный рабочий находился в рамках постоянного социального давления со стороны деревенской элиты и ее окружения. За три года число случаев (только зарегистрированных полицией) расправы сельской элиты с кастами неприкасаемых увеличилось в 2 раза: в 1976 г. оно составило 5968, в 1977 — 10 879 и в 1978 г. — 12 525. Причем характерной чертой этих конфликтов, по свидетельству автора, является то, что основной активной силой репрессий в них выступают не прежние феодальные или полуфеодальные элементы деревни, а новый класс богатых крестьян — кулаков, ведущих капиталистическое хозяйство [153, с. 94].

Таким образом, даже новые социальные слои деревни используют традиционную «модель найма», превращая ее в мощный инструмент внеэкономического принуждения, что сказывается и на непоследовательном развитии капитализма в сельском хозяйстве Индии.

Даже в таком штате, как Харьяна, «большинство сельскохозяйственных рабочих, — отмечают авторы обследования, — просто не знали о существовании закона об установлении фиксированного минимума заработной платы; они знали только размер заработной платы, устанавливаемый землевладельцами» [178, 13.06.1978]. Это, по-видимому, общее положение с установлением минимума заработной платы да и других административных решений, которые практически не доходят до основной массы сельского населения, подтверждают данные других обследований, в частности обследования по Западной Бенгалии, Бихару и ряду других штатов.

Например, комиссия, составленная из членов законодательного собрания штата Западная Бенгалия, обследовала степень реализации принятых законов о предоставлении наследственных прав на землю земледельцам (баргадарам), ранее обрабатывающим земельный надел на условиях издольной аренды. Обследование проводилось в четырех дистриктах — Миднапуре, Джалпайгури, Западном Динаджпуре и Дарджилинге. Комиссия пришла к выводу, что издольщики этих дистриктов (где издольная аренда была распространена в большей, нежели в других дистриктах, степени) не знают о том, что правительство приняло постановление о предоставлении им наследственных прав на землю и что землевладелец уже не может лишить их возможности об-

рабатывать их земельный участок, «согнуть их с земли». Сельскохозяйственные рабочие этих районов также не знали о постановлениях правительства, устанавливающих минимальные ставки заработной платы для всех сельскохозяйственных рабочих штата.

Комиссия, в частности, отмечала, что в штате «существует полная дезорганизация сельскохозяйственных рабочих как класса. Не зная о протекционистских мерах, уже принятых правительством штата, значительные массы безземельных сельскохозяйственных рабочих получают заработную плату, которая ниже установленного правительством минимума» [177, vol. XI, № 45, 6.11.1976]. Таким образом, наемные сельскохозяйственные рабочие в Индии в большей своей части оказались в стороне от социальных и экономических процессов развития деревни за годы независимости, и положение их, как свидетельствуют общендийские данные и материалы полевых обследований, мало изменилось. Особенно это заметно в тех районах, которых еще мало коснулось влияние «зеленой революции». Переход к капиталистическим формам найма там затруднен еще в большей степени, чем в относительно развитых районах.

Изменить традиционные формы найма издавна работающих в данной местности сельскохозяйственных рабочих, к тому же в значительной части местных неприкасаемых, означает для крестьянина-землевладельца нанесение ущерба его социальному статусу, социальному престижу в деревне. Поэтому новые формы и условия найма рабочей силы там, где они развиваются, означают потерю занятости для прежних социальных групп традиционных сельскохозяйственных рабочих.

Обследование деревень Тамилнаду американской исследовательницей Т. С. Эпштейн, проведенное ею дважды — в 1955 и 1970 г., выявило эти формы замены традиционного найма более современными, причем последние осуществлялись по заключению контракта с рабочими, которые набирались «за пределами деревни» [79, с. 46]. Этот процесс замены вскрыл еще одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство.

Обследованные ею две деревни оказались неодинаковыми по уровню своего благосостояния, что выразилось прежде всего в разном уровне развития сельскохозяйственного производства. Если в одной деревне продолжала господствовать традиционная система земледелия, то вторая деревня отличалась введением новых агротехнических приемов ведения хозяйства, большей урожайностью сельскохозяйственных культур и главной культуры — риса и т. д. Но все это оказалось тесно связанным с характером использования рабочей силы, что можно было вскрыть, по-видимому, лишь при полевых обследованиях.

Дело в том, что сохранение традиционных отношений между землевладельцами и сельскохозяйственными рабочими предполагает и сохранение традиционной агротехники ведения хозяйства. Это весьма важный момент, который зачастую не отмечается в литературе. Подобно традиционным связям «ремесло—земледе-

лине», имеющим свою технологическую сторону, т. е. рутинную технику, застойное существование которой в немалой степени объяснялось и прочностью всего комплекса внутриобщинных связей (вторичных по своей природе, но трудно поддающихся быстрому и радикальному изменению), традиционные связи крестьян и сельскохозяйственных рабочих также несли (и несут) с собой важный технологический аспект.

Применяя из поколения в поколение лишь определенные операции в полеводстве, социально и экономически угнетенная прослойка сельскохозяйственных рабочих не только не была заинтересована (при сохранении всей системы традиционных форм оплаты) в повышении производительности труда, но и оказалась неспособной применять новую агротехнику производства там, где это было возможно. В деревне возник барьер на пути повышения агротехнического уровня земледелия в виде низкой, вернее, традиционной квалификации рабочей силы. Таким образом, весь комплекс прежних связей между крестьянами-землевладельцами и сельскохозяйственными рабочими в конечном счете стал серьезным препятствием широкому развитию производительных сил в сельском хозяйстве.

К этому следует добавить и весьма низкий уровень знаний современной агротехники производства у самих крестьян. Представители более высоких каст, издавна используя чужой труд в земледелии, обладали весьма незначительной собственной практикой в полеводстве. Низшая и наиболее многочисленная часть крестьянства составляла широкий слой мелких и мельчайших хозяйств, которые из-за своей маломощности объективно не могли выйти за пределы традиционной системы земледелия.

Полевое обследование, проведенное в штате Харьяна (дистрикт Хиссар) в 70-е годы, показало, например, что лишь 13% сельских хозяйств используют удобрения, согласно агротехническим нормам, у 50% внесение удобрений не соответствует необходимым стандартам, а 37% всех сельских хозяйств вообще не знали о подобной проблеме. Причем это были хозяйства, использующие достаточно широкий комплекс современных агротехнических средств [105, с. 28].

Крестьяне одной из обследованных деревень Тамилнаду должны были отказаться от использования традиционного сельскохозяйственного труда касты неприкасаемых своей деревни и нанять рабочую силу со стороны с тем, чтобы улучшить и в принципе изменить традиционную агротехнику производства и перейти к японскому методу выращивания риса [79, с. 46].

Рабочая сила в индийском сельском хозяйстве по-прежнему отличается низкой производительностью, сохраняя один из важнейших источников функциональной перенаселенности всей аграрной сферы. При этом трудности ее развития, повышения уровня необходимой квалификации для новых, более прогрессивных агротехнических методов ведения хозяйства и т. д. непосредственно связаны с сохранением прежних традиционных обществен-

ных отношений. Лишь их коренная ломка может открыть простор и для развития всей системы производительных сил, прежде всего их главного элемента — человеческого фактора. Это, по-видимому (наряду с другими причинами), все более выходит на первый план всей проблемы отсталости, ибо в современных условиях (быстрого научно-технического прогресса во всех сферах общественного производства) вопросы качества рабочей силы оказываются в конечном счете решающими в экономическом развитии. Сохранение же прежних рутинных приемов труда, в данном случае в сельском хозяйстве, социальная и экономическая несвобода работника и т. д. не в состоянии увеличить продуктивность производства, отдачу земли и (с точки зрения проблем занятости) объем трудовых затрат в земледелии.

Что же касается самого механизма традиционных социально-экономических связей, который в силу определенного комплекса историко-экономических причин оказался наиболее устойчивым к воздействию и проникновению капиталистических производственных отношений в традиционный сектор, то одним из главных звеньев этого механизма, на наш взгляд, являются традиционные формы организации и использования рабочей силы в аграрном обществе Индии, т. е. традиционные формы найма. В генезисе капитализма формирование армии наемного труда — ключевой момент всего процесса. И не случайно в современной Индии основным препятствием последовательному развитию капитализма, росту его «изнутри» на уровне основных групп непосредственных производителей становятся стойкие пережитки традиционных форм использования рабочей силы.

В связи с исследованием структуры традиционных связей следует отметить, что до недавнего времени главной формой их организации (и фактором их исторической устойчивости) признались особенности соединения ремесла и земледелия в индийской деревне, которые описывались в рамках известной системы джаджмани. В индологической литературе эти исследования получили достаточно полное развитие. Действительно, с точки зрения развития историко-экономических процессов и их политэкономического содержания распад докапиталистических форм хозяйственной жизни и возникновение новых этапов общественного разделения труда непосредственно зависят от разрушения традиционного соединения ремесла и земледелия, отделения промышленного труда от земледельческого. Именно специфика этих связей в индийской деревне (общине) и обуславливала прочность всей структуры традиционных хозяйственных и социальных связей на селе. Устойчивость и значительность их сохранения либо масштабы их разрушения и рассматривались как основной индикатор распада либо сохранения традиционных структур в аграрном обществе Индии.

Последние годы показали, что упомянутые связи являются лишь одним из звеньев, или подсистемой, общего механизма функционирования традиционных социально-экономических отно-

шений в индийской деревне. В частности, оказалось, что со значительным распадом прежних связей «ремесло—земледелие», заметным сокращением их удельного веса и повышением уровня рыночных связей в этой сфере отношений вторая подсистема, представленная традиционными формами найма, сохраняется, а вместе с этим сохраняется и известная устойчивость самих традиционных структур.

Именно это обстоятельство заставило по-иному подойти к рассмотрению всего комплекса традиционных связей на селе и определить их различную функциональную роль как во всем механизме функционирования традиционных структур, так и в процессах их эволюции и распада. В этой связи необходимо обратить самое пристальное внимание на традиционные формы найма рабочей силы в индийской деревне, попытаться выяснить их историко-генетические корни, а отсюда их место во всем механизме традиционных структур и их сопротивления последовательному развитию капитализма. Это тем более важно, что данная проблематика по своей сути оказывается связанной с более широким кругом вопросов развития современной Индии, в частности с формированием и функционированием дуальной структуры ее хозяйственного организма.

Традиционные структуры в кредитной сфере

Сфера обращения, несмотря на определенную модернизацию в годы независимости, играла заметную роль в формировании дуальной системы хозяйства, в замедлении экономического роста, четко обозначившемся в середине 60-х годов. Сфера обращения сама также как бы расщепилась. В ее верхних ярусах, связанных с современными укладами, усилилась интеграция — достаточно в этом плане назвать рост бюджетного перераспределения и кредитно-банковской системы, появление государственной продовольственной корпорации и т. д. И в то же время, особенно на стыках сельского хозяйства и промышленности, сфера обращения сохраняла докапиталистические черты и служила фактором углубления дуальности индийского хозяйства, усиливала дезинтеграционные процессы. Такое воздействие сферы обращения связано с ее организацией и с сильными позициями торгово-ростовщического капитала, сковывающими перестройку деревни на капиталистической основе, подрывающими эффективность мер государственного регулирования.

Наличие отсталых форм кредита, его нехватка, действие «низших и худших форм капитала», эксплуатация непосредственных производителей путем грабительского процента неизменно увеличивали и продолжают увеличивать дефицитность крестьянских хозяйств, ограничивая возможности накопления в сельском хозяйстве, препятствуя использованию интенсивных факторов роста.

В индийской деревне ростовщичество выступает как консервативная сила, задерживающая разложение застойных, малопродуктивных докапиталистических форм хозяйства. Отделяя непосредственного производителя от рынка, оно препятствует воздействию на него стоимостных факторов, создающих стимулы к повышению производительности труда. Ростовщический капитал участвует в первоначальном накоплении капитала, но он же мешает полному вводу накоплений в капиталистическое производство, так как высокий ростовщический процент удерживает их, направляет в каналы внеэкономической эксплуатации заемщиков. По мнению В. Г. Растяникова, ростовщическая эксплуатация тормозит товаризацию воспроизводственного процесса в крестьянском хозяйстве и развитие общественного разделения труда в индийской деревне [34, с. 107].

Важная роль ростовщического и торгового капитала в выкачке прибавочного продукта индийских крестьян в метрополию в колониальный период, в его изъятии эксплуататорскими классами в период независимости убедительно показана в советской индологической литературе. Для выяснения значения ростовщичества в современный период необходимо рассмотреть размеры и динамику задолженности сельского населения (в целом и его важнейших групп), соотношение различных форм сельскохозяйственного кредита.

Наиболее богатый материал по этому вопросу дает третье всеиндийское (выборочное) обследование состояния сельских активов и задолженности, которое проводилось в 1971/72 г. (июль—июнь). Предшествующие обследования (1951/52 и 1961/62 гг.) выявили монопольные (первого) и почти монопольные (второго) позиции докапиталистических форм кредита и торгово-ростовщического капитала в сельском и земледельческом кредите (т. е. кредите, предоставленном крестьянским хозяйствам). В 1951/52 г. на кредитную кооперацию и государство приходилось 3,7 и 3,9% задолженности крестьянских хозяйств, а в 1961/62 г.—соответственно 9,9 и 5,6%, доля банковских ссуд составляла всего 1,8 и 0,3%, а докапиталистические формы кредита — неорганизованный денежный рынок — более 90 и 80%. В 1961/62 г. каждая третья семья была вынуждена обращаться за займами к профессиональным ростовщикам и ростовщикам-землевладельцам. На эти группы приходилась примерно половина суммы, взятой крестьянами в долг в течение года.

В 1971/72 г. удельный вес организованного кредита возрос до 31,7% величины крестьянской задолженности. Таким образом, очевидно, что в сельском кредите продолжают доминировать ростовщики (табл. 6). За 1962—1971 гг. сельская задолженность в текущих ценах возросла на 95% и составила 38,5 млрд. рупий (примерно 10% валового внутреннего продукта по сравнению с 13,2% в 1961/62 г.). При этом 37,5 млрд. рупий — 88% суммы задолженности — приходилось на 72,4% хозяйств. За десятилетие удельный вес долгов, связанных с производственными целями,

Таблица 6

Структура источников сельского
и земельного кредита *,
%, на 30 июня

Источник кредита	Все сельские дворы		Крестьянские дворы	
	1961 г.	1971 г.	1961 г.	1971 г.
<i>Организованный кредит</i>				
Государство	6,6	6,7	6,7	7,1
Кредитная кооперация	10,4	20,1	11,4	22,0
Коммерческие банки	0,3	2,2	0,3	2,4
Страхование	—	0,1	—	0,1
Фонды сбережений	—	0,1	—	0,1
Всего	17,3	29,2	18,4	31,7
<i>Неорганизованный кредит</i>				
Ростовщики-землевладельцы	47,1	23,1	48,1	23,1
Профессиональные ростовщики	13,8	13,8	13,8	13,1
Торговцы	7,5	8,7	7,1	8,4
Помещики	1,1	8,6	0,9	8,1
Родственники и друзья	5,8	13,8	5,2	13,1
Прочие	7,5	2,8	6,5	2,6
Всего	82,7	70,8	81,6	68,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено по [53, с. 40].

увеличился с 38 до 50% за счет повышения такой задолженности крестьянских дворов. Необеспеченными были 58% долгов [53, с. 9].

В течение рассматриваемого периода общую динамику организованного кредита определял прежде всего кооперативный кредит, он рос более высокими темпами, чем неорганизованный кредит, во всех штатах. В общей сумме крестьянской задолженности удельный вес кооперативного кредита удвоился. По штатам рост организованного кредита был наибольшим в Махараштре, Гуджарате, Керале и Пенджабе. На кооперативный кредит в этих штатах приходилось $\frac{2}{3}$ — $\frac{1}{2}$ всей суммы обязательств. Еще в семи штатах он возрос до $\frac{1}{3}$. Но прогресс кредитной кооперации, как и в предшествующее десятилетие, не был равномерным. Значительно отставали в развитии кооперативного кредита штаты Бихар, Раджастхан. Его рост замедлился в Джамму и Кашмире, Андхра-Прадеше, Ассаме, отражаясь на показателях всего организованного кредита.

Доля хозяйств, сообщивших о задолженности по кооперативным ссудам, даже несколько снизилась за десятилетие (с 9,9 до 9,8%). Эти усредненные данные (по стране в целом) также являются результатом весьма пестрой картины по штатам. Доля таких хозяйств варьировалась от 31% (Махараштра) до 5% (Ассам). Но главное, процент хозяйств, задолжавших институтским кредиторам, прямо коррелирует с величиной находящихся в их распоряжении активов, вновь давая основания утверждать, что использование организованного кредита — привилегия имущего населения деревни, кулацких хозяйств.

Число хозяйств, сообщивших о задолженности кооперативам, составляя всего 2% в низшей по размерам активов группе, увеличивается до 23% в высшей группе. В хозяйствах двух низших групп с активами до 1 тыс. рупий средний долг на семью по кредиту, полученному от кооперации, был менее 10 рупий, аналогичный долг достигал 1284 рупии у наиболее зажиточных семей (с активами от 100 тыс. рупий) [53, с. 65].

Меньшие изменения в структуру крестьянской задолженности внес государственный кредит. За рассматриваемое десятилетие вырос он незначительно — всего на 0,4%. Только в Ассаме удельный вес государственных ссуд поднялся до четвертой части, а в Джамму и Кашмире — до восьмой части общей суммы обязательств и, снизившись, остался на высоком уровне (16—12%) в Западной Бенгалии и Махараштре. Число крестьянских дворов, давших сведения о задолженности государству, было менее 5%.

Однако в целом по стране более $\frac{2}{3}$ кредита (по задолженности) было получено крестьянскими хозяйствами на неорганизованном денежном рынке. Удельный вес кредитов неорганизованного денежного рынка достигал 90—85% общей суммы в штатах Раджастан, Бихар и Андхра-Прадеш и 80—70% в Джамму и Кашмир, Химачал-Прадеш, Тамилнаду, Карнатака, свидетельствуя о распространении и почти неограниченном всевластии ростовщического капитала, паразитирующего на нужде, изоляции и отсталости. Вместе с тем обследование, проведенное в 1971/72 г., выявило целый ряд изменений в структуре докапиталистического кредита.

Прежде всего, в позаймствованиях крестьян заметно снизились ссуды ростовщиков-землевладельцев. Удельный вес кредиторов, занимающихся и сельским хозяйством, снизился с 48% в 1961 г. до 23% в 1971 г. Уменьшилось к тому же и число хозяйств, занимавших у этой группы кредиторов (с 25 до 12%). В течение предшествующих десятилетий динамика этих показателей была диаметрально противоположной. Ростовщик-земледелец начал выдвижение на авансцену в ростовщическом кредите еще в 30-е годы. В 50—60-е годы кулак, сочетающий производство на рынок с ростовщическими операциями, стал центральной фигурой в ростовщическом кредите, оттеснив профессионального ростовщика. Укрепление позиций многоликого, участвующего и в торговле, «сельского ростовщика кулака-миroeда» отражало

процесс расслоения индийской деревни, увеличение числа крупных хозяйств, которые втягивались в капитализм медленно, «консервативно», одновременно продолжая использовать часть средств для первоначального накопления путем ростовщического грабежа своих же соседей.

На рубеже 60—70-х годов (и это показали данные 1971/72 г.) выросли стимулирующие расширение производства и производительную реализацию накоплений спрос и цены на зерно и другую продукцию сельского хозяйства и в городе и у дефицитных сельских хозяйств. Появилась возможность использовать новую технологию и агротехнические средства, увеличивать денежные ресурсы до размеров, требуемых на механизацию ферм и на покупку тракторов, рытье колодцев, расчистку участков и т. д. — на осуществление инвестиций за счет более дешевого (по некоммерческим — субсидарным ставкам) кооперативного или государственного (банковского) кредита. Эти факторы в 70-е годы, видимо, стали действовать еще более сильно. В то же время процесс дальнейшего обнищания деревенских масс повысил риск кредитования бедняцких семей. Пауперизированная деревня становилась менее привлекательной альтернативой финансовым инвестициям. Возможно, стало несколько более сложно обходить антиростовщическое или земельное законодательство.

Тем не менее, несмотря на относительное уменьшение доли в суммарных показателях, за ростовщиками-землевладельцами сохранилась львиная часть такого кредита. Весьма вероятно, что в связи с усилившейся притягательностью операций по контрактации товарной массы, возросшей прибылью, получаемой в ходе реализации, часть кредитов, предоставленных крупными и средними крестьянскими хозяйствами, занимающимися раздачей денег в рост, скрыта в возросшей по удельному весу группе кредитов, формально беспроцентной, под рубрикой «родственники и друзья».

Заметим, что фактор роста спроса и цен на зерно и другую товарную продукцию сказался и на повышении удельного веса доли натуральной задолженности (получаемой и частично погашаемой в натуральной форме) в общей сумме обязательств. Натуральная задолженность в 1971/72 г. составила 2,5% общей суммы задолженности по сравнению с 1,5% в 1961/62 г. Авторы обследования причиной такого роста натуральной задолженности считают повышение цен на зерно и другие товары, которые берут в ссуду бедные слои деревни, и вещного компонента займов, полученных по введенной в конце 60-х годов системе «кредитов под урожай», а также цен на некоторые компоненты сельскохозяйственного производства, поставляемые кооперацией. Натуральная задолженность увеличилась, в частности, в штатах Бихар и Орисса, где велика доля населения племен. В Ориссе часть, приходящаяся на натуральную задолженность, самая высокая — 20% всего долга; там продолжают существовать зерновые банки [28, с. 137—142]. В условиях растущих цен на зерно и инфляции

в том же направлении действует и право ростовщика как сильной стороны диктовать форму ссуды.

Потесненные в 40—60-е годы ростовщиками-землевладельцами, профессиональные ростовщики к началу 70-х годов по размерам аккумулируемой задолженности стабилизировали свои позиции. Число же семей, занимавших у этой группы ростовщиков, снизилось по стране в целом с 7,8 до 6,8% за 1962—1971 гг., хотя такое снижение не было повсеместным. Профессиональные ростовщики продолжают составлять очень большой отряд деревенских кредиторов, чьи операции простираются на всю страну. Являясь обычно выходцами из определенных каст, они нередко тяготеют к отдельным районам страны.

Так, по переписи 1961 г., было зарегистрировано 34 тыс. профессиональных ростовщиков и местных банкиров, из них 19,2 тыс. считались городскими и 14,8 тыс. — деревенскими. Из последних 14,2 тыс. вели операции в Раджастанхоне, Андхра-Прадеше и Уттар-Прадеше. В Западной Бенгалии, Майсуре, Махараштре, Мадхасе и Гуджарате $\frac{2}{3}$ — $\frac{4}{5}$ их числа действовало в городах. Находящиеся в городах ростовщики удовлетворяли и потребности сельского населения обычно в займах на более крупные суммы, чем, например, сельские лавочники (в том числе на свадьбы, похороны). В начале 60-х годов было введено лицензирование профессиональных ростовщиков в семи штатах, такие лицензии были выданы 25 тыс. лиц. Таким образом, число профессиональных ростовщиков еще очень велико. Хотя часть таких ростовщиков потянулась в темные при базарные городские улочки, где грабительским кредитом и одновременно спекуляцией товарами можно заниматься более свободно, где легче обходить антиростовщическое законодательство, они сохранили и весьма обширные сельские цитадели. В 1971/72 г. наиболее высокой доля задолженности профессиональным ростовщикам была в штатах Мадхья-Прадеш, Тамилнаду, Уттар-Прадеш, Раджастанхон, Харьяна, Орисса.

Признанной неотъемлемой чертой индийской деревни является уния между ростовщичеством и торговлей, объединение в одном лице ростовщика и торговца. Начало 70-х годов характеризовалось расширением торгового кредита и повышением роли этих категорий кредиторов. Роль торговцев, лавочников, комиссионных посредников, бродячих торговцев особенно велика в штатах — производителях зерна, где операции по авансированию под урожай являются средством контрактации продукции. Задолжавший крестьянин обычно сбывает свою продукцию сразу после сбора урожая на самых невыгодных условиях, когда цены на местном рынке наиболее низкие. Продажи «из нужды» — в уплату процентов и платежей по долгу заставляют непосредственных производителей сбывать свою продукцию в больших размерах, искусственно завышая товарность мелкого хозяйства. Обычно ростовщик — торговец, владелец деревенской лавки, комиссионный агент — занимает монопольное положение по отношению к

крестьянину как продавец потребительских товаров, скупщик его продукции, и это обеспечивает дополнительные выгоды, возможность диктовать условия. Одновременно производитель превращается в хронического заемщика, остро нуждающегося в кредите для поддержания своей жизни. Торгово-ростовщический капитал становится необходимым компонентом воспроизводства рабочей силы. Иногда высокая торговая прибыль влечет в эту сферу такое количество представителей, что они конкурируют между собой, и займы становятся средством закрепления поставщиков. Поскольку основная прибыль мобилизуется от торговых операций, займы предоставляются на сравнительно выгодных условиях, однако часто за ними таятся отнюдь не патриархальные отношения. Нельзя исключать случаев, когда такая задолженность может выражать сугубо докапиталистические отношения — остатки элементов патронажа, характерного для социального строя индийской деревенской общины. Например, это утверждают авторы, обследовавшие денежный рынок района Северный Аркот штата Тамилнаду. Личностные и внутрикастовые отношения также могут вносить в них свою специфику. По данным обследования в районе Северный Аркот, на денежном рынке выступали 2300 торговцев, ведущих операции по закупке необработанного риса у примерно 180 тыс. крестьянских хозяйств, и между торговцами существовала определенная конкуренция. Торговцы сообщили о том, что они выдают ссуды деньгами и натурой примерно половине их клиентов. Средней ставкой называли 13—14%. Процент не взимался, если крестьянин поставлял больше зерна, чем требовалось для погашения долга, но ставка повышалась до 25% при просрочке платежа. Авторы обследования считают, что кредит торговцев «поддерживает операции мелких крестьян, которые не могли бы выжить без такого кредита». Высокий и растущий спрос на кредит для производительных и потребительских целей позволял торговцам «относиться по-разному к своим клиентам». Большое социальное давление использовалось в отношении лиц, задержавших платежи, — моральное, а также запугивание и физическое насилие. Согласно высказываниям торговцев, примерно 5% заемщиков оказывались полными банкротами. «Медленные» плательщики — не обязательно наиболее бедные крестьяне, напротив, иногда ими являлись крупные крестьяне, которые сами ссужали занятые деньги [89а, с. 16—18].

При средней для страны цифре 8,4% торговый кредит выше этого показателя наблюдался в штатах Гуджарат, Пенджаб, Мадхья-Прадеш, возрастал до пятой части сельскохозяйственного кредита в Раджастхане и третьей — в Джамму и Кашмире. Примечательно, что за 1962—1971 гг. возросло число хозяйств землевладельцев, сообщивших о задолженности торговцам с 4,2 до 5,2% в среднем по стране и с 9,8 до 16,5 в Гуджарате, с 12,8 до 24,8 в Джамму и Кашмире, с 2,5 до 17,4 в Пенджабе, с 11,6 до 19,2% в Раджастхане [53, с. 57]. Однако на деле значение торгового кредита еще больше, поскольку его часть, особенно

кредиты оптовых торговцев, непогашенные местные векселя и тому подобные суммы, включена в рубрику «прочие неинститутские кредиты», составлявшую в некоторых штатах весьма крупную статью. Кроме этого, беспроцентные торговые кредиты могли повлиять и на повышение суммарных показателей удельного веса кредиторов группы «родственники и друзья».

Данные обследования свидетельствуют об увеличении ростовщических операций помещиков, причем даже в штатах, где была отменена система заминдари. Несомненно, что при сохранении в широких масштабах скрытой (издольной) аренды продолжается и использование накоплений помещиков на ростовщические цели. Можно предположить, что изменение места этой группы кредиторов отражает и дальнейший процесс оземеливания (территоризации) ростовщиков. Этот процесс обнаружился еще в 50-е годы и усилился с ростом притязаний на земельную собственность деревенской верхушки, преимущественно из бывших феодальных элементов. Сказалось и возросшее участие помещиков в контрактации зерна. Участие помещиков в кредитных операциях особенно заметно в Бихаре, Андрха-Прадеше, Карнатаке, где их удельный вес в задолженности составляет 14—17%, а также в Харьяне, Ориссе, Пенджабе, Тамилнаду, где он выше 10% [53, с. 42].

Стремление использовать докапиталистические источники доходов наблюдается и у явно буржуазных и примыкающих к ним слоев. Участие в ростовщических операциях выходцев из недеревенских социальных групп — чиновников, юристов и лиц других свободных профессий — отмечал Н. Д. Гродко [15а, с. 265]. Представители разных групп состоятельного населения продолжают пополнять ряды ростовщиков, расширяя симбиоз старого и нового в индийской деревне. Увеличивается и численность лиц, занимающихся ростовщичеством. Например, в районе Северный Аркот за десятилетие (к 1975 г.) число ростовщиков, выдающих ссуды под заклад товаров, возросло с 10 до 72, среди ростовщиков появились мелкие государственные служащие, учителя, клерки [89а, с. 18, 19]. Высокий ростовщический процент, а подчас и престижность занятия обуславливают использование на ростовщические операции и части поступающего в деревню организованного кредита.

Особо следует остановиться на такой категории сельских кредиторов, как «родственники и друзья». В эту рубрику по статистике заносились только беспроцентные займы. Доля задолженности, приходящаяся на эту группу кредиторов, возросла за десятилетие в 2,5 раза, с 5,2 до 13,1% общей суммы, а в штатах Джамму и Кашмир и Химачал-Прадеш — до 31—32% и в Ассаме и Западной Бенгалии — до 24—27%. Довольно существенно возросло также число хозяйств, сообщивших о долгах «родственникам и друзьям», — с 4,6 до 8,8% для страны в целом и с 7,2 до 16,8 в Джамму и Кашмире, с 10,2 до 13,6 в Гуджарате, с 7,8 до 12,6 в Керале, с 2,8 до 12,8% в Тамилнаду [53, с. 57].

Повышение в структуре докапиталистического кредита груп-

ны «родственники и друзья» — явление отнюдь не случайное. Всегда бывшее показателем неразвитости кредитной системы страны, замкнутости и фрагментарности локальных секций или сегментов неорганизованного денежного рынка, в современной Индии оно стало и показателем дезинтеграционных процессов, углубления дуальности, хотя влияние именно этих факторов трудно вычленишь из возможного «разбухания» этой статьи за счет замаскированного включения в нее других категорий кредиторов, например торговцев или помещиков, как это уже отмечалось. Она, конечно, включает и кредит традиционных нанимателей рабочей силы в деревне.

На нижнем ярусе сферы обращения — деревенских денежных рынках — наибольшие ресурсы сосредоточены у местной элиты: лавочников, помещиков, ростовщиков, крупных крестьян. Ссудные ставки этого рынка непомерно высоки. Тем не менее спрос на заемные средства огромной, живущей впроголодь массы сельского населения, прежде всего именно на пропитание, систематически удовлетворяется не полностью. Наблюдается дискриминация заемщиков, кредиторы могут выбирать более удобных для них лиц на основе имущественного положения, личностных, кастовых связей. Не предъявляют спроса многие потенциальные заемщики. В условиях хронического недостатка заемных фондов (структурная характеристика фрагментарных локальных денежных рынков) в оборот вовлекаются и средства «случайных кредиторов», а иногда и кредиторов поневоле, средства сельского общества — друзей, соседей, родственников, временные кассовые остатки населения, часто крайне скудные.

Авторы деревенского обследования в штате Керала приходят к выводу о том, что распределение рационазируемого кредита среди потенциальных заемщиков подчиняется «нерыночному механизму». При распределении недостаточных кредитных ресурсов возникают специфические (некоммерческие) приоритеты — они диктуются «логикой выживания» — необходимостью сохранить жизнь членов и социальные нормы общества; это — займы на питание, на похороны, свадьбы и т. п. цели. Рационазирование кредита, отмечается в обследовании, сопровождается дискриминационной практикой и не нейтрально к социальному статусу. Люди, располагающие большими активами, имеют более легкий доступ к рационазируемому кредитному фонду, привилегированное положение позволяет захватывать ключевые позиции и в распределении кредита. Принимается во внимание и необходимость для кредитора сохранить ссудный фонд. Например, в 70-е годы менее рискованными стали считать ссуды лицам, уезжающим в страны Персидского залива [174а, с. 24]. Локальный денежный рынок фрагментарен, разделен на «сугубо персонифицированные» ячейки, связанные личностными отношениями. Дробны и разнообразны условия кредита, процентные ставки. Такой кредит, не «огороженный», конечно, полностью от внешних влияний, органично вплетен в весь комплекс традиционных отношений в деревне.

В тисках ростовщического капитала находятся и другие группы сельского населения. Еще более бесприсветно в этом отношении положение сельскохозяйственных рабочих и ремесленников. Они практически лишены возможности использовать организованный кредит. Так, в задолженности на 14% дворов сельскохозяйственных рабочих (1,7 млрд. рупий — 4,7% общей суммы для сельского населения) 96% приходится на неорганизованный денежный рынок. Кооперативы же обеспечивают им только 3% кредитов. Крупнейшим кредитором сельскохозяйственных рабочих являются ростовщики-землевладельцы. При среднем показателе для страны в целом 29% их доля возрастает до 95% в Химачал-Прадеше, она более половины в Бихаре и около трети в штатах Раджастан, Андхра-Прадеш, Джамму и Кашмир, Тамилнад, Мадхья-Прадеш. Вторая по значению группа кредиторов для них — помещики, на которых приходится более пятой части задолженности сельскохозяйственных рабочих. Т. е. в обоих случаях кредиторами сельскохозяйственных рабочих выступают наниматели. Более высок и удельный вес кабального кредита профессиональных ростовщиков — 16% в целом по стране и около трети в Ассаме, Западной Бенгалии, Уттар-Прадеше. Уступают им позиции торговцев — всего 7,1%, но их доля очень высока в Джамму и Кашмире — треть всей суммы. «Скромные» позиции торговцев в задолженности сельскохозяйственных рабочих, на наш взгляд, естественны. Они связаны с тем, что эта категория заемщиков не располагает товарной массой — основным объектом притязаний торгового капитала. И не случайно у этой категории сельских заемщиков особенно высок удельный вес группы «родственники и друзья» — около пятой части всей суммы (половина в Керале, треть — в Западной Бенгалии, Химачал-Прадеше, Гуджарате). Традиционные наниматели рабочей силы могут попасть и в эту группу кредиторов. Такой состав кредиторов — свидетельство испытываемого сельскохозяйственными рабочими острого кредитного голода, крайне ограниченной возможности получить даже ростовщический кредит.

Симптоматичны и данные более позднего выборочного обследования задолженности сельскохозяйственных рабочих в 1964/65—1974/75 гг. За этот период число дворов, имеющих долги, возросло с 60,6 до 70% и до 80 и 75% в штатах Харьяна и Пенджаб. В среднем на хозяйство долг увеличился с 244 до 584 рупий. Он выше среди имеющих землю, чем среди безземельных. Доминируют по-прежнему профессиональные ростовщики, удельный вес их ссуд в предоставленном кредите поднялся с 30,6 до 48%. Доля же кооперативного кредита почти не изменилась и осталась крайне низкой — 5,1 в 1964/65 г. и 5,3 в 1974/75 г., а у дворов, относящихся к низшим кастам, она даже снизилась с 4,7 до 3,8%. Удельный вес банковского кредита, не отмеченного в 1964/65 г., составил 3,5% и только 2% — для выходцев из низших каст. Главной причиной образования задолженности остались потребительские нужды: питание, а также неотложные семейные по-

требности, в частности оплата религиозных церемоний, но доля таких ссуд несколько снизилась (с 53 до 48%) при увеличении позаймствований на производственные цели с 11,9 до 12,7%! и многоцелевых займов — с 1,9 до 14,6%.

Свидетельством сохранения кабальной системы отношений является существование наследственной задолженности — около 6% всей суммы долговых обязательств сельскохозяйственных рабочих, как и в 1964/65 г. В 1974/75 г. удельный вес такой задолженности в штатах Махараштра, Гуджарат, Карнатака возрос до 19,6% долга. Сохранение наследственной задолженности отражает существование системы закабаленного труда как основы традиционного воспроизводства в сельском хозяйстве. Такие отношения, будучи оплотом старого в процессе трансформации аграрного строя индийской деревни, безусловно, сдерживают развитие капиталистических форм найма рабочей силы [177, 26.05.1979, с. 894].

К наиболее бедствующим группам сельского населения относятся и ремесленники — 2,4% общего числа сельских хозяйств. В задолженности ремесленников (536 млн. рупий — 1,4% всей суммы) лишь 5% было получено от институтских источников. В их кредитовании также преобладают самые обременительные формы частного кредита. Треть кредитов (по сумме обязательств) они получили от ростовщиков-землевладельцев, 17,4% — от профессиональных ростовщиков, 13,1% — от торговцев и пятую часть средств — от «родственников и друзей», что является подтверждением нехватки любого кредита, даже наиболее обременительного.

Сопоставление размеров задолженности и собственности (величины активов) наглядно показывает, что имущие слои сельского населения аккумулировали основную массу полученного кредита.

Вместе с тем имущие и неимущие слои деревни по-разному ощущали бремя задолженности. За 1962—1971 гг. общая сумма долговых обязательств по отношению к сумме активов сельских и крестьянских хозяйств снизилась с 7 до 4%. Заметим, что снижение отношения «задолженность—активы» имело место во всех штатах и объясняется в первую очередь стремительным взлетом цен на землю. Следует сказать, что авторы обследования отмечают большую недооценку задолженности для 1971/72 г. — примерно на 30% по сравнению с 17% в 1961/62 г. Однако задолженность, составляющая лишь 2% величины активов для группы наиболее богатых крестьянских семей, повышается до 12,6, 20 и 40% у трех нижних групп хозяйств, находящихся за линией бедности (18,5% числа хозяйств) (табл. 7). Примерно такого же уровня бремя долгов достигает у нижних групп хозяйств сельскохозяйственных рабочих (35%), «прочих неземлевладельцев» (39%) и особенно у ремесленников (42%).

Еще более контрастно сопоставление хозяйств по отношению «задолженность — стоимость земли». Равные 3% в высшей иму-

Таблица 7

Задолженность крестьянских дворов*

Группа по размерам активов, рупии	К стоимости активов, %	К стоимости земли, %	На акр земельной площади, рупии
0—500	39,8	223,7	749
500—1 000	19,7	66,3	416
1 000—2 500	12,6	28,7	250
2 500—5 000	8,2	15,2	163
5 000—10 000	5,8	9,6	133
10 000—15 000	4,8	7,4	123
15 000—20 000	3,9	5,9	110
20 000—30 000	4,0	5,7	100
30 000—50 000	3,5	4,9	127
50 000—100 000	3,0	4,0	133
Свыше 100 000	2,3	3,0	160
Всего	4,1	6,0	131

* Составлено по [53, с. 21, 23. 26].

щественной группе, долги более чем вдвое превышают стоимость земли в низшей группе. Положение в группе беднейших крестьян чрезвычайно трудное в большинстве штатов. В Ассаме и Тамилнаду обязательства превышают стоимость земли в 6—5,5 раза и в 3—4 раза еще в ряде штатов. Доходы маргинальных хозяйств совершенно недостаточны для обеспечения самых минимальных жизненных потребностей (о тяжести задолженности для нижних групп по размерам собственности говорят и расчеты задолженности на акр земельной площади) [53, с. 25].

В разных группах хозяйств по размерам собственности существенно отличаются и цели позаймствований. Если в общей массе долги на производственные (текущие и инвестиционные) затраты возросли, то в нижних группах характер позаймствований изменился мало. У групп земледельцев, находящихся за линией бедности (с активами до 2,5 тыс. рупий), 65—72%¹ обязательств связано с семейными расходами, в которых преобладают затраты на пропитание. На обеспечение минимальных жизненных потребностей занимают ремесленники и сельскохозяйственные рабочие. У этих групп с производственными целями связаны лишь 23 и 8% задолженности.

Занимая из крайней нужды, крестьяне-бедняки, сельскохозяйственные рабочие, ремесленники не могут почти ничего представить в обеспечение долга. Подтверждает это положение появление, например, такой формы обеспечения займа, как залог карточки магазинов «справедливых цен». В рыбацкой деревне Пувар (штат Керала), по данным полевого обследования, 54,3% хозяйств использовали такие карточки как залог при получении

ссуд у местных лавочников [174а, с. 8—11]. Не имело обеспечения 80% задолженности у крестьянских хозяйств с активами до 2,5 тыс. рублей и 40—45% — у крупных хозяйств, имевших активы от 50 тыс. рублей, 84% — у сельскохозяйственных рабочих и 90% — у ремесленников [53, с. 78, 112, 116]. Отсутствие собственности, надежда получить деньги сразу, без формальностей и бюрократической волокиты, особенно сложных для неграмотного человека, и тому подобные обстоятельства толкают таких заемщиков к частным кредиторам.

Таблица 8

Распределение денежной задолженности крестьянских дворов по группам активов и источникам кредита *, на 30 июня 1971 г.

Группа хозяйств по размерам активов, рубли	Денежная задол- женность		Источники кредита			Задол- женность, получен- ная по ставкам выше 12,5%
	рубли	%	Инсти- тутский кредит, %	Неорганизованный кредит		
				%	в том числе торгово- ростовщи- ческий**	
0—500	112	0,3	6,2	93,8	75,6	50,9
500—1 000	275	0,8	6,3	93,7	74,0	61,1
1 000—1 500	1 473	4,5	10,4	89,6	74,5	58,3
2 500—5 000	2 880	8,8	14,5	85,5	69,5	55,5
5 000—10 000	5 201	15,8	20,5	79,5	64,1	49,0
10 000—15 000	4 010	12,2	25,8	74,2	61,1	46,1
15 000—20 000	2 823	8,6	31,3	68,7	54,8	41,4
20 000—30 000	4 413	13,4	36,7	63,3	50,5	39,4
30 000—50 000	4 742	14,4	40,0	60,0	49,2	32,9
50 000—100 000	4 329	13,2	46,1	53,9	42,6	29,0
100 000 и выше	2 645	8,0	51,2	48,9	42,6	20,3
Всего	32 900	100,0			55,2	40,5

* Составлено по [53, с. 53, 148].

** Без «беспроцентных» долгов по группе «родственники и друзья».

Материалы обследования 1971/72 г. подтвердили характерную закономерность: на бедняцкие хозяйства приходится большая часть обременительной ростовщической задолженности и, напротив, организованный кредит остается привилегией имущих слоев деревни (табл. 8). Удельный вес организованного кредита постоянно возрастает от низшей группы к высшим — «прямо пропорционально состоятельности» [53, с. 38]. Его доля, составляя лишь 6—10% у хозяйств с активами до 2,5 тыс. рублей, возрастает до 51,2% у наиболее зажиточных хозяйств с активами в 100 тыс. рублей и больше.

Обращаясь к динамике ростовщического процента, следует отметить, что возросший объем организованного кредита вызвал некоторое понижение общего уровня ссудного процента (хотя ростовщический кредит всегда характеризовали и чрезмерная межрайонная высота и пестрота процентных ставок). Но инфляционный процесс в 60—70-е годы и повышение операционных расходов банков в 70-е годы определили повышение уровня ссудного процента на организованном денежном рынке. Ростовщический же капитал активно использовал в своих интересах повышение спроса на производственный кредит (в частности, в связи с процессом «зеленой революции»), а также на потребительские ссуды в связи с ухудшением экономического положения сельских низов и несколько компенсировал за счет возросшего процента «потерю места». Именно такой вывод, на наш взгляд, напрашивается из данных о распределении денежной земледельческой задолженности по уровню ссудного процента.

В форме ссудного процента ростовщический капитал продолжает отторгать значительную часть прибавочного продукта непосредственных производителей деревни. При этом именно немущие слои деревни получают займы на самых невыгодных условиях.

Сопоставление процентных ставок по ссудам и группам хозяйств в зависимости от имущественного ценза показывает, что у крестьян с активами до 2,5 тыс. рублей 27—30% задолженности имело ставки 25% и выше и 23—31% — в границах 12,5—25%, т. е. 50—60% заемных средств были получены на очень тяжелых для малопроизводительных хозяйств условиях. Аналогичное положение наблюдается и в группах сельскохозяйственных рабочих и ремесленников — по ставкам выше 12,5% ими было получено 54 и 54% обязательств [53, с. 150, 158].

Таким образом, обследование 1971/72 г. еще раз показало: чем беднее хозяйство крестьянина (сельскохозяйственного рабочего или ремесленника), тем меньше доля организованного кредита в задолженности, выше удельный вес ссуд, полученных по более высоким ставкам, тяжелее бремя долга и значительно труднее выплатить обязательства.

Специфические особенности сельскохозяйственного производства, рассредоточенность на большой территории, сезонный характер производства, нестабильность его объема, удаленность от рынков сбыта, трудности хранения урожая, необходимость переработки продукции предъявляют повышенные требования к организации сферы обращения и обуславливают большую потребность отрасли в кредите. Однако масштабы направляемых в сельское хозяйство средств, их формы, организация еще далеко не соответствуют потребностям отрасли. Официальные цели предоставления банковских и кооперативных кредитных ресурсов и их фактическое использование не совпадают. Сохранение комплекса традиционных структур в деревне позволяет сельской буржуазии перераспределять организованный кредит в свою пользу, извле-

касть дополнительную прибыль от реализации товаров. И в то же время воссоздаются условия для действия торгово-ростовщического капитала, сохранения ростовщичества. При этом в условиях дуальной экономики массовая пауперизация неимущего крестьянства приобретает огромные размеры.

Не менее отрицательно на положение мелкого непосредственного производителя в сельском хозяйстве воздействует и рыночный механизм в целом, организация торговли. Дробность товарного производства и платежеспособного спроса (отражение низкой производительности традиционной периферии) обуславливает большой удельный вес мелкого розничного товарооборота и низкий уровень специализации, сказывается на возможности снижения издержек обращения, на структуре и ассортименте торговли, ограничивает возможность государственного вмешательства в снабжение населения и промышленности.

Экономическое положение деревни определяет масштабы и структуру спроса на локальных рынках. В сельской Индии $\frac{3}{4}$ всех расходов — это расходы на продовольствие, прежде всего на продовольственное зерно. Поэтому рынок продовольственного зерна — важнейшая часть рынка сельскохозяйственных товаров, на нем реализуется примерно треть валового продукта отрасли [44, с. 197].

Локальные деревенские рынки характеризуют ограниченность товарной массы, сезонность ее поступления, возникающие время от времени острые нехватки, территориальная рассредоточенность и слабые транспортные связи, гетерогенность и стратификация потребительского и производственного спроса, разобщенного многочисленными кастовыми регламентациями, местными обычаями малоподвижного населения. Следствием принудительного изъятия продукта помещиками и ростовщиками-торговцами является преобладание на деревенском рынке закупок над сбытом.

Важнейший структурный дефект локального рынка — отсутствие обмена по стоимости, разрыв в уровнях цен, выплачиваемых или получаемых непосредственным производителем, и оптовых цен на предметы потребления, продовольствие, средства производства. «В отношении торговли земледельцы в Индии еще более беспомощны, чем в отношении финансов», — писал известный политический и общественный деятель профессор Д. Р. Гадгил. — Земледелец продает продукт не только в наименее выгодное время, но и на нерегулируемом рынке или на месте лицу, которое часто является его кредитором» [82а, с. 8].

Сфера обращения в Индии оказывает депрессивное воздействие на объем товарного производства, искажая и снижая влияние импульсов цен на отгороженного от рынка непосредственного производителя. Она повышает издержки обращения производительного капитала за счет неразвитости производственной инфраструктуры и чистые издержки обращения из-за многоступенчатости и многочисленности торговых посредников.

Разница между ценой товара, получаемой производителем, и ценой, уплачиваемой потребителем, по отдельным товарам достигала 20—58% [28а, с. 52].

Общеизвестно, что торговля как сфера занятости в Индии гипертрофированна. В торговлю устремляются и за высокой и за любой дополнительной прибылью. Поэтому нередко торговый капитал уже на деревенском рынке действует в конкурентной обстановке, что лишает его возможности завышать торговую прибыль (как, например, в упомянутом выше районе Северный Аркот). В таких условиях как средство конкуренции используются одновременно операции на денежном рынке. Авансирование производителя используется для обеспечения контрактации продукции по фиксированной цене (часто заниженной) для последующей перепродажи с прибылью. Гипертрофия торговли усиливает унию торгового и ростовщического капитала.

Рекрутирование новых лиц в торговлю связано с погоней за более высокой прибылью предпринимательских слоев города и деревни, демографическим фактором — большей многочисленностью семей торговцев по сравнению с крестьянскими семьями, необходимостью найти занятость для сыновей в таких семьях. Торговые семьи делятся с целью сокрытия дохода от налогообложения.

Организованный сектор занимает лишь небольшую часть внутренней торговли, значительная ее часть представлена непрофессионалами. На нижнем ярусе — деревенских рынках — в торговле время от времени участвуют сами производители (члены их семей), спорадически реализующие некоторую часть своего продукта, а иногда и продукта соседей, совершающие бартерные сделки. В торговых операциях принимают участие и владельцы транспортных средств, хранилищ. Непрофессионалам трудно конкурировать на рынке. Мелкие производители страдают от отсутствия мест розничной продажи, их плохой организации (число регулируемых рынков остается небольшим), недостатка транспортных средств, сертификатов качества, неразвитости складского хозяйства. Им наносит ущерб незнание рыночной конъюнктуры, невозможность обоснованно определить виды и объем производства товара. Играть большую роль, а в более отсталых штатах и отдельных районах с потребительским направлением производства доминируют в концентрации зерна, производимого в крестьянских хозяйствах, по-прежнему помещики, профессиональные ростовщики и торговцы, представляющие купеческий капитал старого типа. «Здесь продолжается эксплуатация непосредственного производителя методами первоначального накопления» [44, с. 200].

Как уже отмечалось, узость внутреннего рынка, особенно его части, связанной с сельским хозяйством, сказывается на возможности специализации. По данным национального выборочного обследования, в 1969/70 г. число хозяйств, занимающихся торговлей, определялось в 2,6 млн. в сельском и 1,4 млн. в городском

секторе Индии. Соответственно 3,4 и 7,4% сельских и городских хозяйств. При этом основным занятием ее назвали 58,8% хозяйств, занимающихся торговлей в сельской местности, и 85,6% в городе. Удельный вес хозяйств, занятых только в торговле, заметно коррелирует с уровнем развития штата: от 85,1% в сравнительно развитой Харьяне до 38,0% в более отсталой Ориссе. Характерна и потоварная специализация занятых в торговле семей: в торговле продовольствием было занято 67% сельских семей и 55% городских, в целом по стране в торговле табачными изделиями было занято 13% семей и в торговле промышленными товарами и полуфабрикатами — 12%.

Товарооборот и ряд других показателей операций значительно меньше на торгующую семью в деревне, чем в городе. В среднем на торгующую семью в месяц показатели были следующими (в рупиях):

	Сельская семья	Городская семья
1. Валовые продажи	425	1475
2. Валовые покупки	388	1293
3. Выручка (торговая разница)	37	182
4. Исползовано на неторговые цели	19	17
5. Комиссия агентская, брокерская и т. п. операции	2	20
6. Валовая выручка (3+4+5)	58	219
7. Затраты на торговые операции	10	22
8. Добавленная в торговле прибыль (6—7)	48	197

Таким образом, валовая прибыль на торгующее сельское хозяйство была менее 50 рупий, в 4 раза ниже соответствующей оценки для городского сектора, торговая маржа, исчисленная как отношение торговой выручки к валовым покупкам, — 9,6 и 14%.

Узость организованного сектора иллюстрирует и недостаточное развитие сбытовой кооперации. Доля продовольственного зерна, главным образом пшеницы и риса, реализуемого через сбытовую кооперацию, выросла за десятилетие к началу 70-х годов в 5 раз, но всего до 10% товарного выпуска. Следует отметить, что вопреки уставным ограничениям сбытовые кооперативы на деле оказываются не загороженными от проникновения в них местных торговцев, лавочников, комиссионных агентов, от крупных оптовиков, которые захватывают в них руководящие посты. Зависимость производителя от торгово-ростовщического капитала усиливается тем обстоятельством, что обработка многих продуктов находится в руках лиц, примыкающих к последнему слою. В результате «сбытовая кооперация, возникнув с помощью государства как новая организационная форма, противостоящая старым видам капитала», оказывается втянутой в облуживание интересов преимущественно эксплуататорской деревенской верхушки [44, с. 206].

Авансирование производителя и скупка продукции по фиксированным ценам характерны для сбыта продукции технических культур, производство которых сосредоточено в руках мелких крестьян. На рынках джута, хлопка, табака, земляного ореха торговцы-ростовщики оговаривают цены заранее. Роль сбытовой кооперации в реализации технических сельскохозяйственных товаров незначительна, за исключением рынка сахарного тростника.

Организованные формы сбыта для целого ряда продуктов, производимых кустарным способом, например гура или кханда, отсутствуют. Реализация продуктов ремесла, кустарной и домашней промышленности также в большой степени зависит от низших форм капитала, осуществляющих авансирование производителя с последующей скупкой продукции по заниженным ценам. Кредитование внутренней торговли в крупных масштабах осуществляют местные банкиры и представители профессиональных торгово-ростовщических каст, действующие в разных районах Индии.

Действующий на стыке традиционного и капиталистического секторов торгово-ростовщический капитал мешает трансформирующему воздействию государственных мероприятий; в результате в розничной торговле и закупке продукции у непосредственного производителя продолжают преобладать (или даже усиливаться) докапиталистические формы.

Механизм образования и поддержания маргинальных слоев населения

В современной индийской действительности экономическим содержанием процесса пауперизации стала маргинализация производства и потребления. Быстрый рост населения, исчерпание фонда необрабатываемых, но годных к обработке земель, неспособность капиталистического способа производства стать всеобъемлющей основой для перехода от старых традиционных типов соединения земли, живого и овеществленного труда к современным лежат в основе широкого распространения явления производственной маргинализации. Таким образом, под производственной маргинализацией понимается соединение живого труда с овеществленным и землей в условиях все увеличивающегося изобилия первого и дефицита второго, т. е. капиталистически нерациональное соединение факторов производства, неизбежным следствием которого является низкая норма прибавочного продукта. Распространение маргинализации в производственной сфере ведет к неблагоприятному соотношению объема производства, прежде всего продовольствия и предметов первой необходимости, и общей численности потребителей. Это явление можно рассматривать как маргинализацию потребления, т. е. рост дефицита потребления основной массы населения.

Пауперизм, в обычном понимании этого термина, означает нищету масс, отсутствие необходимых средств существования. С этой точки зрения правомерно считать пауперами всех неимущих и малоимущих работающих и безработных. Однако среди этой огромной категории бедняков можно выделить по крайней мере три группы лиц, различных по своему отношению к процессу производства и средствам производства. Если начинать с самого низа социально-производственной шкалы бедных и беднейших слоев, то здесь оказываются люмпены. Их основное отличие — дезинтегрированность относительно экономической сферы деятельности общества. На Востоке, в частности в Индии, люмпены — результат многовековой социально-кастовой дискриминации и побочный продукт эволюции многоукладного колониального и трансформации постколониального общества. Экономически бесфункциональные, они, естественно, в своей массе и маргиналы по потреблению.

Аграрное и индустриальное перенаселение в независимой Индии породило значительную по численности категорию лиц наемного труда, полностью разобщенных со средствами производства — сельскохозяйственных рабочих, наемных работников мелких и мельчайших предприятий традиционного сектора. Основной характеристикой их участия в труде можно считать вынужденную слабую интенсивность и регулярность рабочего процесса. Это пауперы в конкретном смысле слова. В то же время они типичные маргиналы по производству и потреблению.

И наконец, мы имеем наиболее многочисленную категорию мелких и мельчайших производителей-собственников, или собственно маргиналов. Их отличительной чертой также является производственный и потребительский маргинализм.

Перечисленные категории бедного и беднейшего населения Индии — люмпены, пауперы и маргиналы — входят в состав традиционных структур, и в этом смысле традиционные структуры это и маргинальные структуры.

Исследование процессов маргинализации в производственной сфере и потреблении предполагает рассмотрение отдельных уровней механизма формирования маргинальных производителей, конкретных форм, которые приобретают этот процесс, или, иными словами, социального портрета труженика-маргинала, а также оценку абсолютных и относительных масштабов распространения этого явления.

Складывание определенных пропорций между природно-ресурсной основой производства, прежде всего земельным фондом, доступным для обработки, и наличными трудовыми ресурсами служит важным фактором развития. Но при достижении производительными силами потолка развития на данной стадии эти пропорции могут превратиться в ограничитель дальнейшего экономического роста. По мере приближения к верхней максимальной границе нагрузки природно-ресурсной основы на данной стадии развития может создаться впечатление неминуемой ката-

строфы в ближайшем же будущем. Например, известный индийский экономист П. К. Ваттал еще в 30-е годы писал: «...увеличение сельского населения достигло точки насыщения, и никакие нововведения в этой отрасли, включая орошение при помощи каналов, не улучшают положения, так как все они будут перекрыты гигантским приростом населения» [173, с. 153]. Рост населения Индии действительно привел к резко выраженной отрицательной динамике показателя нагрузки земельного фонда. В 1911 г. на каждого жителя приходилось 0,4 га пашни, а в 1978/79 г. — 0,22 (рассчитано по [174, с. 139; 3, с. 53]). Сократилась и доля обрабатываемых земель, приходящаяся на одного занятого в сельском хозяйстве: с 3,4 га в 1928 г. до 0,83 га на 1978/79 г. (рассчитано по [173, с. 142—144; 162, с. 53]). В 60-е годы на каждого нового занятого в сельском хозяйстве имелось только 0,12 га.

Исчерпаемость (конечность) земельного фонда — важнейшего ресурса сельскохозяйственного производства — относительна и может преодолеваться путем внедрения достижений НТР, структурными сдвигами в использовании национального дохода, перераспределением капитала и трудовых ресурсов. Возможности манипулирования этими факторами в настоящее время достаточно ограничены, а фонд необрабатываемых, но годных к обработке земель как никогда близок к абсолютной границе исчерпания.

За последнее десятилетие каждый гектар пашни должен прокормить на 1,5 человека больше, чем в предыдущем десятилетии. Создается впечатление, что сейчас наступает очередной этап приближения к границе максимальной нагрузки земельного фонда населением, который может быть преодолен в условиях накопленного гигантского аграрного перенаселения не столько самым широким внедрением достижений НТР, сколько качественно новыми разработками.

Расширению сферы маргинализации трудовых ресурсов способствует и все больший дефицит основного капитала, в частности в промышленности, относительно численности рабочей силы. Стоимость создания одного рабочего места в тяжелой промышленности в середине 70-х годов составила свыше 45 тыс. рупий. Стоимость создания нового рабочего места в секторе мелкой промышленности также растет быстрыми темпами — с 1963 по 1972 г. возросла в 3,6 раза.

Таким образом, объективной основой маргинализации населения в производственной сфере служит дефицит земли и капитала относительно живого труда. Причем экстенсивным путем эту диспропорцию нарушить нельзя. Только меры интенсивного порядка, например увеличение доли орошаемых земель или снижение капиталоемкости промышленного производства, могут привести к ослаблению дефицита основных факторов производства по сравнению с рабочей силой.

Развитие современной Индии в направлении создания индустриальной и постиндустриальной системы производительных сил ведет, однако, к тому, что преобладающей тенденцией ста-

новится повышение капиталоемкости промышленного производства и снижение трудоемкости сельскохозяйственного, что выливается в устойчивую тенденцию сокращения спроса на труд.

В то же время причины маргинализации не сводятся только к возрастающим диспропорциям между живым и овеществленным трудом, живым трудом и земельным фондом. Широкому развитию производственного маргинализма в Индии способствуют и исторические предпосылки функционирования экономической системы, при которой наличие производителя-маргинала вызывалось необходимостью содержания значительного резерва рабочей силы для активного сезона сельскохозяйственных работ (А. П. Колонтаев), и по смыслу они составляли резервную армию труда. Кроме того, традиционная аграрная экономика включала в свою производственную структуру группы фактически пауперизированного и социально деклассированного населения. Речь идет о неприкасаемых индийской сельской общины, за которыми традиционно были закреплены некоторые производственные занятия, но которые были лишены права на землю даже в случае, если она по какой-либо причине пустовала и не обрабатывалась. Бывшие неприкасаемые, наделенные землей, в период независимости остаются потенциально наиболее уязвимой частью населения; последняя страдает от усиления эксплуатации со стороны сельской верхушки, присваивающей прибавочный продукт через систему докапиталистических институтов кабального труда и мелкой издольной аренды. Усиление эксплуатации сельского паупера и маргинала призвано сократить разрыв между уровнем производства прибавочного продукта в сельском хозяйстве и потребностями в инвестициях, а также резко увеличившимися стандартами потребления сельской верхушки.

Трансформация социальных отношений в деревне ведет к тому, что традиционный механизм поддержания маргинальных слоев, выражавшийся в определенных гарантиях физического существования и хотя бы незначительного участия в труде, все более вытесняется капиталистическим конкурентным рынком труда. Современный механизм формирования маргинальных слоев связан с насыщенностью практически всех секторов хозяйства трудовыми ресурсами. Избыточное предложение рабочей силы в условиях ограниченного проникновения капиталистических отношений в экономику отдельных секторов и отраслей препятствует эффективному переходу избыточных трудовых ресурсов в другие секторы. В Индии, чтобы прекратить рост занятости в сельском хозяйстве, надо обеспечить темп прироста занятости в других отраслях не менее чем 8,5% в год. На самом деле, сельские маргиналы и пауперы, мигрируя в поисках работы в города, способствуют больше росту городской безработицы и городского пауперизма, чем пополнению производительного населения городов. Огромные масштабы неполной занятости в сельском секторе и ограниченные трудопоглощающие возможности городов привели к тому, что характерным проявлением пауперизации стал меж-

секторный перелив безработицы, а не межсекторный перелив трудовых ресурсов.

Истоки маргинализма в городе, помимо имманентных городской экономике причин, кроются и в чрезмерном оттоке сельского населения в города. Сельские мигранты оседают преимущественно в неорганизованном секторе городов. Этот сектор по производственным отношениям идентичен сельскому, но опережает его по уровню развития, интенсивности производственных связей, в том числе с организованным сектором. Но эти обстоятельства не в состоянии компенсировать рост численности собственной и пришлой рабочей силы и, следовательно, воспрепятствовать широкой производственной маргинализации неорганизованного сектора городов. Таким образом, основным источником маргинализма в индийской экономике — сельскохозяйственный сектор. Именно масштабы этого сектора определяют масштабы маргинализации в сфере производства.

Социальные формы маргинальных производителей включают работающих по найму, мелких самостоятельных хозяев, представителей неоплачиваемого семейного труда и сельских тружеников, сочетающих ведение собственного хозяйства с работой по найму. Наиболее многочисленную категорию трудовых ресурсов, вынужденных продавать свою рабочую силу, составляют безземельные сельскохозяйственные рабочие. Хотя в Индии доля работников наемного труда невелика по сравнению с развитыми капиталистическими странами — 13,9%, она с 70-х годов начала быстро расти не только за счет увеличения численности сельскохозяйственных рабочих (их доля в этой категории — 30%), но и за счет обогащения социальной палитры трудовых ресурсов комплексной формой работника. Обеднение крестьянства (рост задолженности, обезземеливание) вынуждает владельцев мелких наделов искать дополнительный источник дохода, совмещая ведение собственного хозяйства с отходничеством в города, а чаще с работой по найму в сельской местности.

Рост предложения наемного труда свидетельствует, однако, не о росте капитализма вглубь, а только о том, что традиционный механизм поддержания маргинальных слоев дополняется в настоящее время относительным перенаселением. Основная же по численности категория производителей-маргиналов состоит из мелких предпринимателей города и деревни, мелких и маргинальных крестьян, ремесленников, торговцев, занятых на транспорте. В 1972/73 г. они насчитывали 130 млн. человек, или 54,2% всех реальных трудовых ресурсов. Семейное производство есть исторически сложившаяся наиболее распространенная форма производственной ячейки, которая является одной из основных форм маргинальной мобилизации женского труда.

Конкретными формами проявления растущей маргинализации на периферии индийской экономики стало увеличение скрытой безработицы в крестьянских хозяйствах, основанных на семейном труде, ухудшение условий сезонной занятости неземлевладельче-

ских слоев в сельском хозяйстве, перенасыщение непроизводительных форм занятости в торговле и нематериальных услугах, хроническая явная безработица в городах, представленная, с одной стороны, недавними выходцами из деревни, а с другой — образованными представителями средних городских слоев. Горизонтальная мобильность рабочей силы — трудовых ресурсов из деревень в города продиктована обнищанием сельского населения. Потоки мигрантов состоят в основном из профессионально мало-подготовленных к работе в городе выходцев из деревень. С такими данными не так уж много возможностей для окончательного закрепления в городах, и потому поток мигрантов в города встречается с потоком, хотя и менее многочисленным, возвращающихся мигрантов. Одним из главных амортизаторов растущей маргинализации городского и сельского населения является рост непроизводительной занятости в торговле и сфере услуг. Этот процесс, в свою очередь, способствует консервации неэффективной системы сбыта, в частности многоступенчатой системы торговых посредников, завышению чистых издержек обращения и, следовательно, увеличению разрыва между ценами, выручаемыми производителем и уплачиваемыми потребителями. Такой разрыв все более характеризует субсидирование непроизводительной занятости.

Подход к проблеме трудовых ресурсов Индии в плане разделения их на экономически активное население и безработных связан с заимствованием традиционных для западной экономической науки взглядов. В реальной современной ситуации, однако, такое подразделение — не суть проблемы. Под явной, или активной, безработицей понимается обычно наличие у временно оказавшихся за пределами экономической деятельности определенных профессиональных навыков. Причем потерявший работу активно стремится изменить свое положение. Критерием занятости в данном случае является уровень дохода, дающий возможность удовлетворить потребности на уровне той или иной современной модели потребления (городской или фермерской). Значительная часть этой безработицы регистрируется биржами труда. Характерна она в основном для верхних эшелонов трудовых ресурсов. И все же данные бирж труда не совсем адекватно отражают динамику явной безработицы, так как, с одной стороны, они просто свидетельствуют о росте осведомленности населения с данным видом услуг, а с другой — обеспеченные средние городские семьи дают возможность своим членам годами состоять в списках желающих получить вакансию, а на самом деле годами выступать в роли разборчивой невесты, дожидаящейся выгодного и престижного места.

Суть проблемы, таким образом, не в росте явной безработицы, а в широком распространении маргинального состояния, характеризующегося сочетанием временной занятости с постоянными поисками работы. Постоянные поиски работы маргиналами связаны с необходимостью удовлетворения хотя бы минимальных

потребностей. В Индии маргинализацией охвачены как городской, так и сельский сектор.

Закономерно в связи с этим возникает вопрос, какие оценки распространения явления маргинализации можно получить на основе индийских статистических источников. Проблема эта далеко не простая. Индийские переписи являются богатым источником информации по количественным и структурным характеристикам рабочей силы начиная с 1901 г. Но пользоваться данными переписей для выявления динамики трудовых ресурсов приходится с существенными оговорками, и тем не менее ситуация до конца не проясняется. Одна из основных причин этого — в неразработанности концепции занятости применительно к условиям восточного общества и позднем (только в переписи 1981 г.) внимании к проблеме маргинализации как ключевой в этой динамике. Неразработанность эта имеет своим истоком объективное обстоятельство в виде пестроты социально-экономических форм занятости и безработицы и в то же время отражает длительное давление западного стереотипа в осмыслении проблемы трудовых ресурсов. Вопрос о более соответствующей индийским условиям классификации трудовых ресурсов не возникал вплоть до 60-х годов, т. е. до тех пор пока проблема скрытой безработицы во всех ее формах не проявилась со всей остротой.

Определенные попытки осмысления проблемы трудовых ресурсов все же делались и нашли свое отражение в постоянной смене критериев занятости в переписях и национальных выборочных обследованиях. До переписи 1951 г. основным для характеристики занятого населения служил критерий дохода. Все трудоспособное население делилось на получателей дохода (занятых) и не получающих доход (не работающих). В переписях 1901, 1911 и 1921 гг. использовалась только двойная классификация трудовых ресурсов. Данные этих переписей в связи с этим практически не дают никакой возможности получить информацию о распространении явления маргинализации, так как лица, получающие доход, не дифференцировались по степени достаточности дохода для поддержания собственного существования. Более того, лица, получающие нетрудовой доход (доход от собственности, помещики-абсентеисты, рантье, нищие, бродяги, заключенные и хронические больные), попадали под рубрику занятого населения.

В переписях 1931 и 1951 гг. применялась уже тройная классификация, т. е. отдельно выделялась категория лиц, которые получали доход, недостаточный для собственного жизнеобеспечения, так называемые «получающие доход иждивенцы». С известной долей натяжки эту категорию можно отнести к маргиналам. При этом третья категория в этой переписи — «иждивенцы, не получающие доход» — оказалась смешанная, так как объединила фактически занятое население, каковыми являются занятые в семейном предприятии или личном хозяйстве, и безработных. Следовательно, на величину, соответствующую чис-

ленности категории работников неоплачиваемого семейного труда, мы недоучитываем размеры маргинального населения.

С 1961 г., и включая перепись 1981 г., использовался критерий «интенсивности экономической активности в течение базисного периода». Основанием для отнесения к занятому населению служила работа более 1 часа в день в течение сезона деловой активности (для сезонных видов деятельности) или занятость в течение хотя бы 1 дня из 15 дней базисного периода (для регулярных видов деятельности). Впоследствии продолжительность базисного периода в две недели стала называться текущим статусом. Перепись 1961 г. дала самый высокий, 43%, из всех переписей колониальной и независимой Индии, коэффициент участия в труде. Это произошло главным образом за счет учета в составе трудовых ресурсов маргиналов всех степеней и оттенков. В то же время классификация переписи 1961 г. не дает никаких возможностей для выделения этой категории из общего объема занятых. С этой точки зрения перепись 1961 г. мало сопоставима с остальными переписями.

Естественно, что сокращение базисного периода в переписи 1971 г. до 1 недели не только привело к несопоставимости ее результатов с предыдущей переписью, но и дало парадоксальные результаты. Например, при общем приросте населения в 109 млн. человек численность экономически активного населения сократилась на 8 млн. Делались попытки путем проведения выборочных обследований привести в некоторое соответствие результаты переписей 1961 и 1971 гг. Так, более реальной оценкой численности экономически активного населения, главным образом за счет дополнительного учета маргиналов, считается 214 млн. занятых вместо 180 млн. Опять-таки с известной долей неопределенности эту разницу в 34 млн. человек плюс 5,7 млн. человек, занятых менее полугода в течение года (поправка, приводимая только в переписи 1981 г.), что составляет около 20% всего экономически активного населения, можно отнести к маргиналам. В ходе выборочного обследования рынка труда в 1972/73 г. выяснилось, что 28,2% населения имеют только нерегулярную работу: в сельском секторе — 30,2%, в городах — 13,4%.

В переписи 1981 г. впервые занятые подразделены на две основные категории — занятых более полугода в течение базисного периода в 1 год (основные работники) и занятых менее полугода (маргиналы-работники). Вторая категория составила 11% всего экономически активного населения.

Для наших целей представляет интерес и такой показатель, как коэффициент участия в труде. Одно время считалось, что он имеет устойчивую тенденцию к постоянному снижению. Если исходить из этого предположения (в силу изложенных выше причин плавающие от переписи к переписи границы трудовых ресурсов не дают надежной основы для выявления реальной тенденции), то окажется, что громадными темпами должна расти явная безработица. Она и растет, но главным образом в горо-

дах, где захватывает современный сектор и его периферию. Но разрыв в коэффициентах участия в труде между переписями 1961, 1971 и 1981 гг. никак не покрывается даже самыми высокими оценками явной безработицы. Следовательно, рост показателя участия трудовых ресурсов в экономической деятельности происходит за счет роста маргинальной занятости.

Таким образом, ни переписи, ни выборочные обследования не дают возможности оценить истинные масштабы, а также наметить хотя бы некоторые границы маргинализации трудовых ресурсов в производственной сфере. Доля нерегулярно занятых, которая может быть получена из этих источников, дает представление лишь о наиболее острой форме маргинализации, соответствующей, очевидно, такому уровню производительности, который не обеспечивает воспроизводство в полном объеме необходимого продукта.

Об изменении масштабов маргинализации трудовых ресурсов приходится поэтому судить на основании косвенных данных и оценок экспертов. Быстрый рост предложения трудовых ресурсов в результате демографического взрыва в первые десятилетия независимого развития основным бременем лег на периферию экономической системы — на уклады и секторы, оказавшиеся вне сферы непосредственной капиталистической трансформации. В течение всего периода независимости занятость в организованном секторе росла чрезвычайно медленно, и в результате его доля во всем экономически активном населении в 1977/78 г. составила только 9%. В организованном секторе темп прироста занятости почти вдвое отстает от темпов прироста населения. Чрезвычайно ограниченные по сравнению с имеющимися ресурсами рабочей силы возможности организованного сектора по предложению рабочих мест видны из следующих расчетов индийских экономистов. Темп прироста производства в современном секторе в 5% в среднем в год приводит к поглощению 0,225% прироста трудовых ресурсов, а для повышения прироста трудовых ресурсов до 0,3% в год нужен темп прироста производства в 6—7%.

Разрыв между спросом и предложением трудовых ресурсов постоянно увеличивается, и вся тяжесть накапливающегося избытка предложения труда ложится на неорганизованный сектор. В 70-е годы ежегодно на рынок труда поступало новых 5 млн. человек. При этом прирост занятости в организованном секторе не превышал 550 тыс. мест. Остальные 4,5 млн. вынужденно оседали в и без того переполненном неорганизованном секторе. Имеется и такой расчет неполной занятости в индийской экономике. При условии, что полная занятость выражается 300 рабочими днями в году при 8-часовом рабочем дне, оказывается, что 40% экономически активного сельскохозяйственного населения могут считаться полностью безработными.

В сельском хозяйстве о росте маргинализации позволяет судить динамика численности сельскохозяйственных рабочих. След-

ствием процессов обнищания, а также таких процессов, как изменение условий аренды и консолидации земель, стал быстрый рост численности сельскохозяйственных рабочих. Их число особенно быстро возрастало в 60-е годы — с 1961 по 1971 г. на 51%, или с 31,5 млн. до 47,5 млн. Причем численность мужчин возросла с 17,3 млн. до 31,5 млн., или на 83%, а численность женщин — с 14,2 млн. до 15,8 млн., или на 11%. Доля этого контингента рабочей силы увеличилась с 16,7% в 1961 г. до 26,3% в 1971 г. Среднегодовой темп прироста составил 4,2%, что почти вдвое выше, чем темпы прироста сельскохозяйственного населения. В последующем десятилетии ограничение возможностей дальнейшего поглощения сельскохозяйственного труда сказалось в существенном снижении темпов прироста сельскохозяйственных рабочих — численность рабочих мужчин в 1981 г. составила 34,4 млн., или возросла на 9,2%, а женщин — 20,95 млн., или возросла на 29%.

Увеличение, очевидно, как и в предыдущие годы, происходило не только за счет естественного прироста, но и вследствие процесса дальнейшего обезземеливания. Выборочные обследования рабочей силы, предпринятые в 1972/73 и 1977/78 гг., показали, что численность самостоятельных мелких хозяев-мужчин сократилась на 7% и все они перешли в категорию работающих по найму, а женщин — на 30% [177, с. 1101]. В конце 70-х годов, по данным Национального совета прикладных экономических исследований, 73,2% всех сельских хозяйств поставляли работающих по найму [123, с. 3]. Плановая комиссия оценивает ежегодное предложение труда по найму в размере 150 млн. человек. Следовательно, не только безземельные сельскохозяйственные рабочие формируют предложение на рынке труда. Столь широкое предложение объясняется главным образом широким распространением мелких и маргинальных хозяйств, мелкотоварным неземледельческим производством, не обеспечивающим необходимого минимума жизненных средств.

Нерегулярная, эпизодическая занятость части трудовых ресурсов означает, что вклад этой части населения в производство национального дохода незначителен и едва ли выходит за рамки продукта, необходимого для воспроизводства собственной жизни. Таким образом, неизбежным следствием процессов маргинализации в производственной сфере является маргинализация потребления. Хотя на первый взгляд все выглядит несколько иначе. За более чем 30-летний период независимого развития приход на душу населения возрос почти на 50% (правда, в первом пятилетнем плане декларировалось его удвоение к началу 70-х годов). Возросли в расчете на душу населения и конечные личные потребительские расходы. Однако о реальном потреблении населения можно получить представление при сопоставлении прироста производства и населения. За 30 лет производство товаров на каждого индийца в постоянных ценах 1970/71 г. возросло на 135%, а население за этот же период — на 91,6%. При

этом темп прироста основного продукта питания, зерновых, имел тенденцию к замедлению: в 1956—1961 гг. он составлял 3,85% в среднем в год, в 1961—1971 — 3,35, в 1971—1979 гг. — 2,7%. В результате производство зерновых возросло лишь на 107,7%.

Для анализа вопроса о базе для изменения стандартов потребления широких масс представляет интерес исследование уровня продуктивности сельского хозяйства по округам. Средняя продуктивность 1 га (стоимость всех видов продукции, произведенной на 1 га) в 1965—1973 гг. составляла 974 рупии. Если учесть, что в тот период каждый гектар поддерживал существование четырех человек, то это означает, что на одного человека производилось в среднем сельскохозяйственной продукции на сумму 244 рупии в год. Из 282 округов страны 133 округа имеют среднюю продуктивность менее 974 рупий в год, а 83 округа — даже менее 700 рупий. По мнению проф. А. Митры, который приводит эти данные в своей монографии [112, с. 115], лишь округа, где продуктивность свыше 1300 рупий, могут без снижения жизненного уровня выдерживать современные темпы роста населения. Но доля таких округов в посевной площади составляет только 20,5% всех обрабатываемых площадей, и в них размещается $\frac{1}{3}$ всего населения страны. Следовательно, $\frac{4}{5}$ обрабатываемых земель не обеспечивают достаточно надежной базы для увеличения потребления продовольствия $\frac{2}{3}$ населения страны. Остается, таким образом, со значительной долей вероятности предположить, что низкий относительно численности населения уровень производства промышленных товаров и продовольствия способствует расширению маргинализации потребления.

Естественно, что при низком общенациональном уровне дохода существенное значение приобретает степень неравномерности его распределения по группам населения. В конце 60-х годов эта неравномерность была значительна: 5% наиболее состоятельного населения присваивали 20% национального дохода, а беднейшие 20% населения — 8% национального дохода.

Еще большей неравномерностью отличается распределение потребительских расходов. В 1967/68 г. доля низших 10% населения в общем объеме потребительских расходов составляла 1,8% (1,83% в городах и 1,97% в деревнях). К 1975/76 г. неравномерность распределения потребительских расходов несколько ослабла: доля низших 10% населения поднялась до 2,27% (2,5% в деревнях и 2,26% в городах) [123, с. 8]. Но значимость данной тенденции для изменения жизненного уровня сколько-нибудь значительной части населения невелика, так как при низком общенациональном уровне доходов на душу (по этому показателю Индия входит в число беднейших стран мира) и потребительских расходов доля преобладающей части населения слишком мала, чтобы обеспечить ей хотя бы сносные условия существования.

Уровень жизни населения, а также степень распространения

бедности и нищеты можно рассматривать в двух ракурсах. Во-первых, с точки зрения суммы расходов на продовольствие и основные предметы жизненного фонда и, во-вторых, с точки зрения структуры семейного бюджета. Эти подходы позволяют выделить ту часть населения, которая затронута процессом маргинализации потребления.

В 1962 г. в Индии была официально установлена граница, отделяющая более или менее благополучную часть населения от его бедствующей части — в ценах 1960/61 г.; она составила 15 рупий ежемесячных потребительских расходов. Оценки размеров бедствующей части населения Индии довольно многочисленны и несколько отличаются друг от друга в зависимости от закладываемых концепций и критериев. Но различия в критериях не столь велики, чтобы имеющиеся оценки противоречили или взаимно исключали друг друга. Так, чаще всего за калорийную норму питания принимается величина 2250 ккал. По этому критерию, как подсчитали А. Дандекар и Н. Ратх, за гранью бедности в 1970/71 г. находилось 46,54% всего населения (45,56% сельского и 50,5% городского). Оценка Плановой комиссии для 1977/78 г. показала некоторое расширение абсолютных и относительных границ бедности — 48,71% всего населения (50,29% сельского и 42,88% городского). Правда, эта оценка исходит из несколько более высокой калорийной нормы питания — 2400 ккал в деревнях и 2100 ккал в городах.

Интересную оценку распределения бедности и нищеты изложили В. Рао и М. Вивекананда. Они предложили перегруппировать данные выборочного обследования бюджета семей в 1973/74 г. в соответствии с долей бюджета, расходуемой только на предметы первой необходимости. По этому критерию, за гранью бедности оказывается 45,1% сельского населения. Т. е. почти у половины сельского населения страны 80% бюджета приходилось только на две статьи расходов — продовольствие и топливо. Эта оценка, как и многие другие оценки маргинализации потребления, оказывается близкой к 50% всего населения. Последний критерий к тому же поставит в соответствие два явления — неравномерность распределения расходов и уровень маргинализации потребления. Исследования М. Вивекананды и В. Рао выявили положительную корреляцию этих показателей. Яркими выразителями очагами бедности, по критерию структуры семейного бюджета, оказываются штаты, отличающиеся наибольшей неравномерностью распределения потребительских расходов: Ассам (88,9% за гранью бедности), Гуджарат (85,2%), Западная Бенгалия (74,1%), Орисса (62,5%), Бихар (60%) [177, 1111].

Сопоставление данных официальной статистики уровня занятости и потребления выявляет гораздо большую маргинализацию потребления по сравнению с маргинализацией производственной сферы.

Стандарты потребления, соответствующие уровню бедности и

нищеты, особенно негативно сказываются на характеристиках и особенностях воспроизводства рабочей силы. Доля расходов на продовольствие свыше 80% в Керале, например, соответствует расходам в течение месяца в размере 19,7 рупии (цены 1973/74 г.) на душу населения, в Пенджабе — 32,9 рупии, в Западной Бенгалии — 34,4 рупии [177, с. 1112]. Такой размер расходов явно недостаточен для обеспечения нормального по весу и сбалансированного по составу питания. Главной чертой продовольственного потребления беднейших групп является острая калорийно-белковая недостаточность и нехватка важнейших витаминов. В результате хронической недостаточности и неполноценности питания сопротивляемость заболеваниям снижается и физическая работоспособность находится на низком уровне. Кроме того, особенно для сельской бедноты характерны малый рост и вес. Подобные качественные особенности работников служат серьезным препятствием для вовлечения их в современное интенсивное, особенно промышленное, производство.

Об абсолютном уровне нищеты и недопотребления можно судить и из анализа приростных коэффициентов потребления. 97% прироста дохода сельских бедняков идет на увеличение потребления самых необходимых предметов жизненного фонда (89% на продовольствие, из них 41% на зерно) [154, с. 38]. Как показали расчеты, эластичность спроса от дохода практически всех видов продовольственных товаров (не говоря уже о промышленных товарах и услугах), кроме низкосортных зерновых, превышает 1. Т. е., по определению группы исследователей, выполнивших эти расчеты, практически все предметы, составляющие необходимый фонд жизненных средств, являются для беднейших из бедных 30% населения Индии предметами роскоши. Такой уровень потребления предполагает острейшую форму маргинализации потребления продовольственных и особенно промышленных товаров и услуг трети городского и сельского населения. Это подтверждается и динамикой такого показателя, как калорийная норма питания. Так, каждый индеец в среднем потреблял в 1967/68 г. 94% калорийной нормы, а в 1977/78 г. — уже только 86%.

Динамический аспект проблемы маргинализации потребления предполагает решение вопроса об изменении общего уровня нищеты. Ответить на этот вопрос однозначно пока довольно затруднительно. К выводу о расширяющихся границах маргинализма подводят приведенные выше данные о снижении калорийной нормы питания. Но более точную информацию дает анализ соотносительной динамики ставок заработной платы и цен на основные потребительские товары. С середины 50-х годов это соотношение для наиболее многочисленного отряда особо маргинализированных производителей — сельскохозяйственных рабочих складывалось в сторону снижения жизненного уровня. И это несмотря на то что ставки заработной платы имели постоянную тенденцию к росту практически во всех штатах. С середины 60-х и до

середины 70-х годов, по данным последнего обследования сельских трудовых ресурсов, они удвоились [141, с. 6] даже в условиях значительного превышения предложения над спросом на труд. Однако этот рост везде отставал от роста стоимости жизни, в том числе от роста цен на продовольствие. Данные национального выборочного обследования показывают снижение подушевого потребления сельского населения: с 21,47 рупии в месяц (в ценах 1960/61 г.) до 18,39 рупии в 1970/71 г. и 18,28 рупии в 1973/74 г. [177, с. А-55].

Общие потребительские расходы сельской бедноты составляли на душу в 1967/68 г. 247,5 рупии в год, а городских бедняков — 292,6 рупии, что было вдвое ниже среднеиндийских показателей. Дело в том, что доходы, которыми располагает эта категория населения ($\frac{1}{3}$ всего населения страны), составляют только $\frac{1}{3}$ их реальных потребительских расходов [154, с. 35]. Средства на финансирование потребительского дефицита беднейших слоев перераспределяются из подразделений капиталистического сектора. Перераспределение средств для покрытия дефицита потребления все чаще принимает форму привлечения к экономической деятельности, а не чистого кормления. Попытки решения этой задачи предпринимаются при помощи многочисленных программ борьбы с сельской безработицей.

Равновесное состояние социально-экономической системы индийского общества, безвозвратно нарушенное в колониальный период, продлило жизнь традиционного сектора. В настоящее время традиционный механизм образования и поддержания маргинальных слоев, в основе которого лежала экономическая потребность, жестко закрепленная социальной структурой общества, уступает место новому механизму, базу которого составляют абсолютные размеры маргинальных структур, приводящие к дефициту земли и капитала относительно живого труда.

Широкое распространение маргинализации традиционного сектора в производственной и потребительской сфере объясняется таким уровнем развития, который препятствует замещению традиционных экономических и социальных связей. Хотя данные официальной статистики и камуфлируют нарастание маргинализации в производственной сфере, на основе косвенных данных можно с большой долей вероятности судить о разрастании масштабов этого явления. Очевидно при этом, что производственная маргинализация будет нарастать неограниченно вширь, захватывая все новые группы трудовых ресурсов, коль скоро современный сектор будет функционировать по законам слабо контролируемой капиталистической экономики.

Распространение маргинализации в сфере потребления опережает развитие этого процесса в сфере производства. Ныне абсолютные рамки маргинализации потребления уже столь велики — уровень потребления более чем $\frac{1}{3}$ населения на грани физиологического минимума, что дальнейшее развитие процесса пойдет, очевидно, вширь за счет увеличения относительных ра-

мок, т. е. возрастания доли населения, жизненный уровень которой ниже среднего.

Маргинализация в широких масштабах производственной и потребительской сферы вызывает необходимость адаптации всего экономического механизма к условиям трудоизбыточности, низкой эффективности и удерживания воспроизводственных пропорций в соотношениях, обеспечивающих расширенное воспроизводство в современном секторе и воспроизводство населения на его периферии.

В настоящее время проблема маргинализации решается в большей степени посредством государственного вмешательства в перераспределение доходов и потребительских расходов, нежели на путях ускорения экономического роста.

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Государство воздействует на докапиталистические уклады косвенно и непосредственно.

Косвенное воздействие осуществляется через политику государства в отношении государственно-капиталистического и частнокапиталистического укладов, эволюция которых, в свою очередь, оказывает влияние на докапиталистические уклады. Характер этого влияния рассматривается в тех разделах работы, где говорится о положении традиционных укладов в социально-экономической структуре и их взаимодействии с другими укладами.

Непосредственное воздействие государства на докапиталистические уклады осуществляется путем регулирования норм производственных отношений, денежного и товарного рынков, с которыми связаны эти уклады.

Анализ этого воздействия представляет особую сложность. Связанные с докапиталистическими укладами непосредственные производители составляют основную массу населения страны (в том числе и основную массу избирателей); поэтому заручиться поддержкой этих слоев имеет исключительно важное значение для сохранения власти правящего класса. Эти уклады представляют, далее, главный резервуар занятости; с характером их развития и трансформации связаны в конечном счете перспективы расширения внутреннего рынка. Неудивительно, что правительство в своей официальной политике отводит большое место программам помощи данным слоям населения, постоянно декларирует свое намерение улучшить их материальное и социальное положение. Однако данные слои практически не представлены в существующей в Индии структуре социально-политической власти (за исключением отдельных штатов, где у власти находятся леводемократические правительства) и не имеют эффективного влияния на деятельность государства. В то же время политика, отвечающая их интересам, связана с перераспределением ресурсов, затрагивающим сиюминутные нужды влиятельных слоев правящего класса, которые противодействуют ее реальному осуществлению. В результате в политике по отношению к докапиталистическим укладам наблюдаются наибольшие отклонения действительной политики государства от официально провозглашенной (нередко преследующей пропагандистские цели).

Для выявления действительного эффекта государственной политики в отношении докапиталистических укладов необходимо сопоставить официальную политику с действительными параметрами мер, принимаемых во имя ее осуществления, и фактическими результатами этих мер.

Политика государства в отношении докапиталистических укладов в сельском хозяйстве

Объектами государственного воздействия в этой области являются докапиталистические уклады. Это воздействие осуществляется путем государственного регулирования норм землевладения и землепользования и путем воздействия на рынок финансовых ресурсов, средств производства и сбыта.

Новые нормы землевладения и землепользования были установлены государством в ходе проведения аграрных реформ. Вопрос об аграрных реформах подробно рассматривался в советской литературе [22; 23; 35], поэтому мы ограничимся лишь основными выводами, касающимися предмета исследования.

По своей сущности аграрные реформы можно разделить на две основные группы.

К первой относятся законы, ликвидирующие земельную систему заминдари, которые к 1954 г. были распространены на все штаты, где существовала эта система (примерно 45% территории страны). В соответствии с этими законами в распоряжении заминдаров были оставлены лишь земли, выделенные им для ведения «личного хозяйства», а основная часть земли, с которой они прежде собирали арендную плату, была изъята у них (за выкуп) государством. Эта часть земли, арендовавшаяся прежде защищенными арендаторами и находившаяся в их постоянном и наследственном владении, была передана последним с условием, что они будут выплачивать поземельный налог непосредственно государству.

Реформа, устранив феодальных посредников между государством и земледельцами, формально установила во всей стране единообразную систему земельной собственности, аналогичную той, которая существовала в районах земельно-налоговой системы райятвари. Она покончила с крупной феодальной земельной собственностью, закрепленной юридическими установлениями. С «защищенных арендаторов» прекратилось взимание различных феодальных повинностей (абвабов) [22, с. 65—68].

Однако реформа не сопровождалась, по существу, реальным перераспределением земли. В руках прежних феодальных посредников остались обширные земли, составлявшие сферы их «личного хозяйствования». «Защищенные арендаторы» стали собственниками той земли, которая и прежде находилась в их постоянном и наследственном владении. После проведения реформы они

стали выплачивать ренту-налог, «равный прежним ставкам арендной платы», непосредственно государству [113, ч. 1, с. X—XIII, XVII]. Действительная структура землевладения не была затронута, поэтому высокая концентрация земли в руках крупных земельных собственников по-прежнему сочеталась с малоземельем и безземельем основной части сельскохозяйственного населения.

Продолжающийся рост громадного аграрного перенаселения повышает цену на землю, сохраняя рыночный механизм высокой, феодальной по своему характеру, **ренты**.

Это вызвало необходимость второй группы реформ, которые, во имя развития капиталистических методов хозяйствования, ограничивали свободу рынка в области землевладения и землепользования. Иными словами, обеспечение условий для развития капитализма в сельском хозяйстве потребовало ограничения основного механизма его функционирования.

Одним из направлений такой политики стали реформы арендных отношений, развернувшиеся во второй половине 50-х годов. Юридически ограничивая свободу рынка в области производственных отношений между землевладельцем и арендатором, государство пыталось придать аренде капиталистический характер путем снижения уровня ренты и замены натуральной ренты фиксированной денежной. Первоначально в ряде штатов потолок арендной платы был установлен на высоком уровне, достигавшем 50% валовой продукции; к 1983 г. он был снижен до 20% (кроме Андхра-Прадеш, Пенджаба и Харьяны). Оценивая уровень законодательно установленной нормы арендной платы, В. Г. Растяников пишет, что «для подавляющего большинства арендующего крестьянства она осталась бы рентой феодальной, т. е. рентой... поглощающей весь прибавочный продукт производителей», хотя «полное осуществление арендного законодательства... знаменовало бы определенный шаг на пути становления капиталистической земельной ренты», ибо «у некоторых, наиболее состоятельных арендующих производителей, которые превращаются в предпринимателей, увеличилась бы доля и масса прибавочного продукта, оседающего в хозяйстве» [35, с. 304—305].

Однако даже относительно высокий законодательно установленный максимум арендной платы был значительно ниже рыночного уровня ее, определяемого «давлением на землю». Высокий спрос на землю, острая «конкуренция арендаторов» позволяют крупным земельным собственникам использовать угрозу сгона арендаторов с арендуемых земель для того, чтобы вынуждать их выплачивать арендную плату выше установленной законом. Поэтому в дополнение к юридическому ограничению «свободы рынка» в определении уровня ренты государство установило и юридические ограничения на свободу установления и отмены арендных отношений, выбора арендаторов и т. п.

Способствуя — в совокупности с ограничением размеров арендной платы — укреплению хозяйства арендаторов, законодательное повышение «устойчивости» аренды представляется на

поверхности мерой, сдерживающей сокращение площади под арендой и переход землевладельцев к ведению собственного хозяйства. Но в действительности оно вызывает прямо противоположный эффект.

С одной стороны, трансформация феодальной аренды в капиталистическую рассматривалась лишь как этап на пути к полному устранению арендных отношений посредством последующего перехода арендуемых земель в собственность арендаторов (что официально провозглашалось основной целью арендного законодательства) [169, с. 227]. Для этого арендаторам предоставлялось право выкупать землю, на которую распространяются их права защищенной аренды.

С другой стороны, землевладельцу предоставлялось право «возвращать» себе для ведения собственного хозяйства определенную часть земель, которую он прежде сдавал в аренду, и осуществлять тем самым сгон арендаторов с этой части земель. В случае «добровольного» отказа арендаторов от земли землевладельцам разрешалось «возвращать» землю сверх максимума, предусмотренного арендным законодательством.

Чтобы получить право на выкуп земли, так же как на защищенную аренду, арендатор обычно должен был доказать, что он обрабатывает эту землю в течение ряда лет, не имеет задолженности по выплате арендной платы, не нарушает условий аренды, не использует землю для несельскохозяйственных целей и т. п. Однако в ряде штатов «учет арендаторов, субарендаторов и издольщиков не велся [146, с. 165—174], в других штатах попытки ввести такой учет натолкнулись на сопротивление землевладельцев и были оставлены или же учетные данные длительное время не обновлялись. В результате к началу 70-х годов лишь 3,5—4 млн. арендаторов приобрели арендуемую землю общей площадью 3,3—4 млн. га [82, с. 176].

Напуганные перспективой утери своих земель или по крайней мере сокращения получаемой с них арендной платы, крупные землевладельцы стали широко использовать «возвращение» земель, что сопровождалось массовым сгоном арендаторов.

В результате вопреки официально провозглашенным намерениям правительства изживание арендных отношений шло не столько путем перехода арендуемой земли в собственность арендаторов, сколько путем сгона арендаторов и обращения земельных собственников к ведению собственного хозяйства. Иными словами, арендное законодательство ускоряло своеобразный процесс «огораживания», своего рода «расчистки» земель под контролем крупных земельных собственников, подготавливающий переход к капиталистическим методам хозяйствования.

В том же направлении действовали законы об ограничении размеров земельной собственности. Крайне медленный процесс введения потолка на земельные владения, высокий уровень его во многих штатах, многочисленные исключения (особенно в отношении «передовых» капиталистических хозяйств), различные

законные и незаконные лазейки для обхода законов, судебные тяжбы земельных собственников, общая неорганизованность и слабость сельской бедноты лишили эти законы реального перераспределительного значения. За все время их действия до сентября 1982 г. было распределено среди безземельных и мало-земельных лишь 1,49 млн. га земель, что составляет лишь около 1% обрабатываемых земель и примерно 6% общей площади земельных владений размером 12 га и выше [184, 3.9.1982].

Таким образом, государственные меры, связанные с введением потолка на размеры землевладения, не затронули сколько-нибудь существенно крупного землевладения и не улучшили положения безземельных сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян.

Вместе с тем потолок существенно лимитировал возможности роста крупных земельных владений. Это не могло не оказывать влияния на развитие капитализма в сельском хозяйстве. Во-первых, в условиях громадного аграрного перенаселения и связанной с ним высокой цены на землю (следовательно, и высокого уровня ренты) ограничение роста крупного землевладения сужает возможности расширения базы феодальных и полуфеодальных отношений. Во-вторых, потолок уменьшает непроизводительные вложения накоплений в покупку земли и «высвобождает» средства для производительных инвестиций в сельское хозяйство. В-третьих, ограничивая возможности экстенсивного развития крупных хозяйств, он толкает их на интенсивный путь развития капитализма. Совокупное значение потолка состоит, таким образом, в том, что он заставляет деревенскую верхушку переходить от сдачи земли в феодальную по своей сущности аренду к ведению интенсивного капиталистического производства. Именно в этом, видимо, и состояла истинная цель данной меры в Индии, о чем свидетельствует тот факт, что до 1972 г. «хорошо управляемые» и «механизированные» хозяйства освобождались от действия потолка.

Официальная оценка аграрных реформ к 1981 г. дается в «Шестом пятилетнем плане»: «Программа земельных реформ, принятая с начала планового периода, имела целью перераспределить этот первичный ресурс (землю.—*Авт.*). Первый этап — отмена заминдари и посреднического землевладения — был в значительной мере успешно осуществлен. Последующие этапы земельной реформы были связаны с такими мерами, как реформы аграрных отношений, защита издольщиков, установление потолка на размеры землевладения и консолидация земли. Темпы их проведения, особенно законодательства о потолке, были невысокими, имелись многочисленные лазейки для обхода этих мер, поэтому их влияние на структуру землевладения невелико» [155, с. 8].

Таким образом, государственное регулирование норм землевладения и землепользования, определявшееся в конечном счете характером государства в Индии, мало что дало для достижения декларируемой цели этого регулирования — предоставления

«земли тем, кто ее обрабатывает». Оно не обеспечило перераспределения земли в пользу безземельных и малоземельных, устойчивости аренды и снижения уровня арендной платы для основной массы непосредственных производителей. Однако неэффективность аграрных реформ с данной точки зрения и официально признание ее правительством не должны заслонять их роли в достижении другой, необъявленной, но четко просматривающейся в самом характере этих реформ цели. Лимитируя «свободу рынка» в области поземельных отношений, ограничивая всякую аренду (как феодальную, так и капиталистическую), понижая ее относительную выгодность по сравнению с ведением собственного хозяйства и устанавливая предел для расширения размеров землевладения, они ограничивали феодальные методы эксплуатации непосредственных производителей деревенской верхушкой и «выталкивали» последнюю на путь интенсивного капиталистического ведения собственного хозяйства.

Если регулирование норм землевладения и землепользования способствовало достижению этой цели негативными, ограничительными методами, то государственное регулирование денежного рынка, рынка средств производства и рынка сбыта, расширяя и удешевляя поставки материальных и финансовых ресурсов для сельского хозяйства и гарантируя экономичные поддерживающие цены на его продукцию, создавало стимулы для того же процесса, повышая относительную и абсолютную выгодность ведения собственного интенсивного хозяйства. По сути дела, это были две взаимосвязанные и взаимодополняющие стороны единой аграрной политики.

Государственные меры по регулированию рынка сельскохозяйственных средств производства, денежного рынка и рынка сбыта способствуют товаризации помещичьих и крестьянских хозяйств, росту их взаимосвязей с государственно-капиталистическим и частнокапиталистическим укладами, модернизации их производственной базы и в конечном счете преобразованию традиционных укладов в капиталистической и мелкотоварный уклады, включенные в общий кругооборот национального капитала страны.

Однако при сохранении высокой степени концентрации земли в руках кулацко-помещичьей верхушки, при безземелье и малоземелье основных масс сельскохозяйственного населения влияние этих мер на различные типы хозяйств весьма неодинаково. Недифференцированные по социальным группам, они неизбежно в наибольшей мере утилизируются первой, ибо в ее руках концентрируется не только земля, материальные и финансовые ресурсы, но и связанное с этим доминирующее положение в деревне, а также политическое влияние, в том числе на государственные и кооперативные организации, занимающиеся осуществлением этих мер. Напротив, подавляющее большинство маргинальных хозяйств (до 1 га) и значительная часть мелких хозяйств (1—2 га) не обладают тем минимумом земли, при котором применение современных средств производства может сделать хозяйство эконо-

мичным, практически не имеют доходов, которые можно было бы использовать для производительного накопления, и активов, которые можно было бы предложить в качестве обеспечения организованного кредита. Так как доходы этой группы населения не покрывают даже ее мизерных потребительских расходов, она в первую очередь нуждается в потребительском кредите. Поэтому упор на производственные ссуды в государственной кредитной политике еще больше ограничивает доступ бедноты к организованному кредиту. Наряду с социальной принужденностью и политической слабостью данных слоев все это крайне лимитирует возможности их конкуренции в получении благ государственной поддержки.

Длительное сохранение такого положения вызвало необходимость резервирования определенной части ресурсов за беднотой и создания специальных организаций, предназначенных для удовлетворения ее нужд. Однако масштабы таких мер, которые проводятся с начала 70-х годов, крайне невелики.

В 1971/72 г. Резервный банк Индии призвал кооперативные банки штатов выделять не менее 20% своих ссуд центральным кооперативным банкам для кредитования владельцев мелких, маргинальных и экономически слабых хозяйств; в 1975/76 г. такое же указание получили центральные кооперативные банки в отношении их ссуд первичным кооперативам. Но эта норма не носила директивного характера: ее несоблюдение лишь несколько уменьшало масштабы кредитования центральных банков кооперативными банками штатов.

С 1972/73 г. начала осуществляться «программа дифференцированных ставок процента», согласно которой ряд категорий заемщиков, имеющих низкий уровень дохода, получил право на определенные льготы при кредитовании их коммерческими банками, в частности на льготную ставку процента (4%). Эта программа имеет чисто пропагандистский характер: каждому государственному банку предлагалось выделить на нее «по крайней мере» 0,5% (!) общей суммы кредита, предоставленного в предшествующем году (в декабре 1978 г. норма была увеличена до 1%).

Естественно, что такие меры не могли предотвратить концентрации организованного кредита в руках крупных землевладельцев. К концу 1977/78 г. на долю владельцев земельных участков свыше 4 га (около 15% всех хозяйств) приходилось свыше 43% суммы выданных первичными кредитными кооперативами ссуд, в том числе на долю владельцев земельных участков свыше 8 га (около 5% хозяйств) — свыше 18%. В то же время на долю маргинальных землевладельцев (до 1 га), которым принадлежало 55% хозяйств, приходилось лишь 15% ссуд. Доля крестьян-арендаторов составляла менее 2%, а сельскохозяйственных рабочих — менее 1% [164, ч. 1, с. 105, 127—131].

Концентрация долгосрочного кооперативного кредита еще выше: на долю владельцев участков свыше 4 га на то же время

приходилось 49% общей суммы ссуд, выданных земельными банками развития, в том числе на долю владельцев участков свыше 8 га — 33%. В то же время доля маргинальных землевладельцев составляла лишь 11% [164, ч. 1, с. 197—199].

Что касается «программы дифференцированных ставок процента», то к концу 1979/80 г. доля ссуд, выданных бедноте по этой программе, в общей сумме ссуд коммерческих банков составляла лишь 0,8%, в том числе лишь 7% их прямых ссуд сельскохозяйственным производителям.

Несостоятельность обычной системы организованного кредита в удовлетворении кредитных нужд бедноты вызвала появление кредитных организаций, специально предназначенных для этой цели.

В системе сельскохозяйственной кредитной кооперации для преодоления «главного недостатка в сфере сельского кредита — игнорирования (экономически.— Авт.) слабых и мелких земледельцев» в начале 70-х годов стали создаваться «кооперативные общества обслуживания земледельцев», а в горных районах и районах расселения племен — аналогичные им «крупные многоцелевые общества». Однако масштабы деятельности этих организаций, призванных удовлетворять нужды сельской бедноты, невелики: сумма выданных ими ссуд на конец 1977/78 г. составляла лишь 6% суммы займов первичных обществ сельскохозяйственного кредита [164, ч. 1, с. 142—145].

В системе коммерческого банковского дела это направление кредитной политики выразилось в создании «региональных сельских банков», решение о которых было принято в 1975 г. в связи с провозглашением «Программы из 20 пунктов». Но ссуды, полученные сельской беднотой из этого источника, составляли на конец 1980/81 г. лишь 0,6% суммы кредитов коммерческих банков, 0,7% общей суммы организованного сельскохозяйственного кредита и 7% суммы прямых займов государственных коммерческих банков сельскохозяйственным производителям.

Доля направляемого государством институционального кредита (кооперативов, коммерческих банков и государства) в общей задолженности сельского населения увеличилась с 6% в 1951/52 г. до 32 в 1971/72 и примерно 35% в конце 70-х годов [26]. Как было показано выше, в наибольшей степени от этого выиграли крупные хозяйства, доля которых в кооперативном кредите примерно втрое больше их доли в общем числе хозяйств. В той мере, в какой политика государства способствовала расширению организованного кредита сельской бедноте, она помогла главным образом ее верхушке — мелким землевладельцам (1—2 га); в 1977/78 г. их доля в общем числе хозяйств (18%) примерно соответствовала и их доле в кооперативном кредите. В то же время маргинальные землевладельцы, на которые приходится свыше половины общего числа хозяйств, по-прежнему получают в 4—5 раз более низкую долю организованного кредита. Как отмечается в «Шестом пятилетнем плане», «доля арендаторов,

сельскохозяйственных рабочих и сельских ремесленников сохранялась в течение последнего десятилетия на уровне 3—5% общей суммы кооперативного кредита» [155, с. 179]. В целом доля организованного кредита в общей задолженности сельскохозяйственных рабочих и сельских ремесленников в конце 70-х годов составляла лишь 5% [70, с. 13].

Характер распределения организованного кредита сельскому хозяйству во многом предопределил и распределение современных средств производства. Поскольку организованный кредит был в большой мере увязан с покупкой последних, его высокая концентрация в руках помещичье-кулацкой верхушки, несомненно, играла важную роль в сосредоточении у нее львиной доли предоставляемых государством удобрений, высокоурожайных семян, пестицидов, сельскохозяйственных машин, ирригационных насосов и т. п. Их концентрация даже выше, чем концентрация организованного кредита, ибо зажиточные хозяйства имеют возможность использовать также и собственные накопления. Доля середняцких хозяйств, естественно, меньше. Что касается мелких и маргинальных хозяйств, то, как подчеркивается в «Шестом пятилетнем плане», достигнутое увеличение предоставляемого им организованного кредита «недостаточно для удовлетворения их первейших производственных нужд. Хотя доля мелких и маргинальных земледельцев в кредите (35%), очевидно, больше их доли в землевладении (21%), приток кооперативных ссуд все еще мал, тем более что при закупках средств производства они зависят в основном от заемных средств, в отличие от крупных землевладельцев, которые могут пустить в дело получаемые ими прибыли» [155, с. 177]. Кроме того, как уже отмечалось, крестьянская беднота вынуждена использовать значительную часть заемных средств на удовлетворение первостепенных потребительских нужд, что еще больше ограничивает долю ресурсов, которую они могут выделить на приобретение современных средств производства.

Поскольку, как и в случае с другими видами государственной помощи частному сектору, недифференцированные по социальным слоям поставки современных средств производства для сельского хозяйства мало что дают малоимущей и неимущей части сельскохозяйственного населения, правительство и в этом случае вынуждено было искать выход в принятии программ и создании организаций, специально ориентированных на помощь бедноте. С 1969/70 г. стали осуществляться «Программа помощи мелким хозяйствам» (имеющим земельную площадь 1—3 га, или уровень годового дохода 1,2—3,6 тыс. рублей) и «Программа помощи маргинальным хозяйствам и сельскохозяйственным рабочим». В середине 70-х годов обе программы были объединены в рамках единой «Программы помощи мелким хозяйствам», а затем постепенно преобразованы в «Программу интегрированного сельского развития», которая была распространена на сельских ремесленников.

Масштабы осуществления этих программ и их практическая значимость были невелики. За первые 10 лет их действия (1969/70—1979/80) на их проведение было ассигновано 3,6 млрд. рупий, из которых было использовано лишь 2,3 млрд. рупий, или 64%. Средства, затраченные на них с 1969/70 по 1978/79 г., составили лишь 1,6% общих ассигнований на сельское и сельскохозяйственное развитие в этот период [26].

Результаты осуществления этих программ были незначительны. За десятилетний период было «идентифицировано» 16,7 млн. лиц, имеющих право на получение помощи, из которых ее получили лишь 7 млн.: 6,1 млн. «воспользовались усовершенствованной агротехникой в результате предоставления им субсидируемых средств производства», 0,9 млн. приобрели молочный скот, птицу, овец и т. п., 0,9 млн. осуществили ирригационные работы и 0,1 млн. получили другие виды помощи. Комментируя эти результаты, авторы «Шестого пятилетнего плана» пишут: «Лица, идентифицированные для предоставления помощи, составляют лишь небольшую часть тех, для кого она предназначена, да и из них получившие помощь составляют лишь около половины. Более того, помощь, предоставленная большинству из них, по своему характеру не ведет к созданию каких-либо дополнительных активов. Действительная польза от такой помощи для повышения дохода ее получателей... во многих случаях весьма сомнительна» [155, с. 168]. В докладе парламентского комитета по контролю за государственными расходами (май 1972 г.) говорится, что средние размеры помощи, предоставляемой каждому получателю, составляют лишь 600—700 рупий, в то время как минимальная сумма займов и субсидий, необходимая для преодоления черты бедности, составляет 4—5 тыс. рупий. Комитет пришел к выводу, что данные программы не улучшили сколько-нибудь существенно положение сельской бедноты [26].

Аналогичным образом мелкие земледельцы мало что выиграли от политики поддерживающих закупочных цен и развития регулируемых рынков в городских центрах, направленной на уменьшение эксплуатации производителей торгово-ростовщическим капиталом и обеспечение сбыта их продукции по ценам не ниже определенного минимума. В частности, как отмечается в «Шестом пятилетнем плане», «мелкий производитель, не обладающий достаточными рыночными излишками, не может ездить в городской торговый центр и вынужден продавать свою продукцию по низким ценам мелким торговцам» [155, с. 112]. И в этом случае в главном выигрыше оказываются владельцы крупных хозяйств, имеющие наибольшие рыночные излишки.

* * *

Государственное воздействие на докапиталистические уклады в сельском хозяйстве способствовало переходу крупных землевладельцев от сдачи земли в полуфеодалную аренду к ведению

собственного интенсивного капиталистического хозяйства. В какой-то мере это воздействие способствует также модернизации производственной базы середняцких хозяйств, их товаризации, втягиванию в общий кругооборот капитала, трансформации в мелко-товарный уклад.

Сокращение земли, сдаваемой в аренду, и связанный с ним сгон арендаторов оказывают существенное влияние на положение владельцев мелких хозяйств, уменьшая число хозяйств, ведущихся на арендуемой земле, и сокращая общую земельную площадь хозяйств вследствие потери приарендованной земли. В результате ускоряется процесс «раскрестьянивания» мелких земледельцев, превращения их в сельскохозяйственных рабочих. В условиях массовой безработицы и неполной занятости, а также вследствие особой важности в индийской деревне социального статуса, связанного с землевладением, многие из них всеми силами стремятся сохранить хотя бы небольшие клочки собственной земли. Однако доля работы по найму в источниках их доходов постоянно возрастает. Все это ведет к росту численности своего рода «рабочих с наделом», к которым относят не только собственно сельскохозяйственных рабочих (доля которых в сельском населении возросла с 25% в 1961 г. до 38% в 1971 и 1981 гг.), но и основную часть владельцев маргинальных хозяйств (за 1960/61—1976/77 гг. их доля в общем числе хозяйств возросла с 41 до 55% при росте доли в земельной площади с 7 до 11%) [26].

Таким образом, политика государства объективно ведет к сокращению сферы традиционных структур в сельском хозяйстве, способствуя изживанию феодальной и полуфеодальной аренды, капиталистической трансформации кулацко-помещичьих хозяйств, преобразованию середняцких хозяйств в мелко-товарный уклад, превращению основной части мелких хозяйств в маргинальные, владельцы которых получают все большую долю дохода от работы по найму.

Что касается мероприятий, направленных на повышение занятости бедноты в личных хозяйствах путем обеспечения ее организованным кредитом, современными средствами производства и технологией, то на практике они были крайне невелики по своим масштабам и не обеспечивали ни существенного повышения занятости, ни роста связанных с нею доходов. При ограниченности и низкой оплате работы по найму в сельской местности это означало сохранение крайней нищеты владельцев мелких и маргинальных хозяйств и сельскохозяйственных рабочих. Это, в свою очередь, консервирует экономическую базу их зависимости от ростовщического кредита, а соответственно кабального труда, торгово-ростовщических методов их эксплуатации.

В этих условиях законы об «освобождении» деревенской бедноты от их задолженности ростовщикам, о «сокращении» подлежащих выплате долгов или «моратории» на их выплату, принятые властями штатов в соответствии с объявленной в 1975 г. «Программой из 20 пунктов», не улучшали, а ухудшали ее ма-

териальное положение. В докладе Резервного банка за 1975/76 г. сообщается: «Главным итогом принятых правительствами ряда штатов мер по облегчению долгового бремени стало сокращение неинституционального кредита. Это чревато особенно серьезными последствиями для экономически слабых слоев сельского общества, т. е. сельскохозяйственных рабочих, ремесленников, а также мелких и маргинальных земледельцев, удовлетворение потребностей которых в кредите (в том числе потребительском) зависит от неинституционального сектора» [139, 1975/76, т. 1, с. 114].

Ничтожные результаты принес и принятый в 1976 г. в соответствии с той же программой закон об отмене системы кабального труда. Этот закон провозгласил, что каждый кабальный рабочий считается свободным и освобождается от долговых отработок, и призвал правительства штатов принять меры к их «реабилитации» (обеспечению источниками существования).

Принятие закона об отмене системы кабального труда отнюдь не означало действительной ликвидации этой системы. В опубликованном в 1981 г. «Шестом пятилетнем плане» отмечалось, что «даже идентификация этой категории породила резко различные оценки, отчасти из-за отсутствия ясной концепции, а отчасти из-за недостатков административного механизма правительств штатов» [155, с. 408].

Действительно, в условиях, когда большинство рабочих неорганизованного сектора постоянно находится в долгу, в том числе у своих нанимателей, наблюдается тенденция снижения уровня выплачиваемой им заработной платы, существования долговых отработок и прочих видов неоплачиваемой работы на нанимателя, что делает весьма зыбкими критерии выделения «кабальных рабочих» из основной массы рабочих неорганизованного сектора, прежде всего сельскохозяйственных рабочих. Крайне трудным, если не невозможным делом является также выделение предусматривающих отработки долгов из общей задолженности рабочих. Так, к концу 1982/83 г. правительства штатов «идентифицировали» и «освободили» 152 тыс. кабальных рабочих, из них «реабилитировали» 113 тыс. [60, т. 2, табл. 9.11]. В то же время Национальная организация выборочных обследований определила численность кабальных рабочих в 350 тыс., а Гандистский фонд мира и Национальный институт труда — в 2,2 млн. [155, с. 408].

Значительно более низкие оценки, сделанные на официальном, особенно на правительственном, уровне, не случайны. Официальная «идентификация» кабальных рабочих предполагает в соответствии с законом «освобождение» их, хотя бы формальное, от обязанности долговых отработок и даже от выплаты связанных с такими отработками долгов. Естественно, в условиях массовой задолженности сельских рабочих деревенской верхушке это не может не вызывать опасений и недовольства последней и соответствующего давления ее на тесно связанные с нею (особенно на местном уровне) административные органы.

Но и сами кабальные рабочие часто не склонны «идентифицироваться». В условиях массовой безработицы и недоступности организованного кредита для рабочих неорганизованного сектора работа, даже сопряженная с кабальными отработками, часто является единственным источником дохода, а предоставляемые нанимателем займы, даже сопряженные с ростовщическим процентом и кабальными отработками,— единственным источником покрытия разрыва между расходами и доходами. Поэтому «освобождение» кабального рабочего, не сопровождающееся предоставлением ему альтернативной занятости, источника дохода и кредита, может привести к потере каких бы то ни было средств существования или же обресть на новую кабалу. Следует отметить, что, как явствует из приведенных выше цифр, даже из мизерного числа «освобожденных» кабальных рабочих было «реабилитировано» лишь 30%. Но, как отмечается в «Шестом пятилетнем плане», «любая частичная реабилитация подрывает саму цель программы и ведет к тому, что они («освобожденные» кабальные рабочие.— О. М.) снова попадают в фактическую кабалу» [155, с. 408]. Таким образом, государственная политика вряд ли существенно уменьшила масштабы кабального труда.

Аграрная политика государства, способствуя изживанию традиционных структур в сельском хозяйстве, модернизации его производственной базы, товаризации помещичьих и крестьянских хозяйств, а также «раскрестьяниванию» середняцких и бедняцких хозяйств, ослабляет традиционные связи этой отрасли с сельским ремеслом, подрывает экономическую базу существования традиционных структур и в промышленности. Это обостряет проблему занятости связанного с ними населения, повышает важность специальных мер в этой области.

Политика государства в отношении докапиталистических укладов в промышленности

Официальную политику индийского правительства по отношению к докапиталистической мелкой промышленности, сформулированную в 50-е годы, характеризует следующее высказывание Дж. Неру: «В настоящее время и в ближайшем будущем ремесло и деревенская промышленность призваны занять важное место в экономике и должны поддерживаться всеми доступными средствами» [181, октябрь 1958, с. 191].

Первоначально место докапиталистической мелкой промышленности определялось практически так же, как и капиталистических мелких предприятий. Прежде всего, их развитие должно было обеспечить занятость растущего населения, поскольку крупная, особенно тяжелая, промышленность, которой отводилась основная роль в индустриализации страны, слишком капиталоемка для осуществления этой цели. «При нынешних темпах роста на-

селения...— говорится в «Первом пятилетнем плане»,— возможности непосредственного увеличения занятости в крупной промышленности ограничены, особенно если упор должен быть сделан на расширение отраслей, производящих средства производства. Чтобы вовлечь в несельскохозяйственные сферы занятости весь ежегодный прирост рабочей силы или значительную часть этого прироста, следует положиться главным образом на мелкую и кустарную промышленность, связанную со сравнительно небольшими капиталовложениями» [81, с. 25].

Кроме того, мелкая промышленность должна была обеспечить «лучшее использование местных ресурсов и достижение местной самообеспеченности в отношении определенных типов сельскохозяйственных орудий и таких потребительских товаров первой необходимости, как продовольствие и одежда», «эффективную мобилизацию тех ресурсов капитала и опыта, которые в противном случае остались бы неиспользованными».

Преследовались и определенные социальные цели. Рост мелкой промышленности рассматривался как база развития «индивидуального, сельского или кооперативного предпринимательства», «метод обеспечения более справедливого распределения дохода», способ избежать нежелательных последствий незапланированной урбанизации и т. п. [145, с. 47].

Включение в категорию «мелкая промышленность» как капиталистического, так и докапиталистических ее укладов привело к двойственности подхода к социально-экономическим формам ее развития. С одной стороны, это развитие мыслилось в рамках расширения частного предпринимательства. С другой стороны, провозглашалось, что «одной из основных целей будет придание этой сфере промышленности определенной кооперативной направленности», «создание мелких промышленных кооперативов по всей стране», в частности для того, чтобы «вознаграждение производителя не было перехвачено торговыми посредниками» [81, с. 25]. Т. е. наряду с развитием частнокапиталистического уклада в промышленности ставилась задача преобразования докапиталистических и раннекапиталистических форм производства в ответвление государственно-капиталистического уклада.

Поскольку при существующей в Индии социально-экономической и политической структуре «свобода рынка» и «свобода предпринимательства» неизбежно крайне ограничивают доступ мелкой промышленности к организованному денежному рынку, рынку современных средств производства и рынку сбыта, курс на поддержку мелкой промышленности потребовал резервирования за нею определенной части этих рынков. Это направление политики государства особенно проявилось со второй половины 60-х годов. После национализации в 1969 г. 14 крупнейших частных банков число мелких промышленников, получивших ссуды этих банков, возросло с 51 тыс. в 1968/69 г. до 844 тыс. в 1980/81 г., а доля их в общей сумме выданных ссуд—с 8,5 до 14%. Число товаров, производство которых было зарезервировано за

мелкой промышленностью, увеличилось с 46 в 1967 г. до 51 в 1969/70, 124 — в 1970/71, 177 — в 1973/74, 180 — в 1976/77, 807 — в 1978 и 837 — к августу 1983 г. Число товаров, государственные закупки которых полностью или частично были закреплены за мелкой промышленностью, возросло с 16 в 1956/57 г. до 27 в 1960/61, 84 в 1965/66, 124 в 1968/69, 241 в 1976/77 и 438 в 1982/83 г. Доля мелкой промышленности в государственных закупках (на внутреннем рынке) поднялась с 3% в 1959/60 г. до 6 в 1961/62—1963/64, 10 в 1969/70—1973/74 и 11% в 1974/75—1975/76 гг. и 13% в 1980/81—1981/82 гг. [26].

Развитие данного направления политики отчетливо выявило, однако, что внутри мелкого производства действуют те же факторы и закономерности, которые определяют характер раздела рынков между крупной и мелкой промышленностью. Поэтому государственное резервирование определенной части рынков за мелкой промышленностью в целом, недифференцированное по ее различным укладам, неизбежно приносит основные выгоды более крупным предприятиям ее частнокапиталистического уклада и мало что дает кустарям и ремесленникам, составляющим основную массу занятых в ее докапиталистических укладах.

Такое положение еще больше усугублялось тем обстоятельством, что организации, имевшие дело с мелкой промышленностью, в том числе государственные и государственно-кооперативные, обычно руководствовались в своей деятельности «коммерческими» принципами и методами, заимствованными из развитых капиталистических стран. Эти методы неизбежно действовали в пользу более крупных и современных предприятий и мало подходили для бедноты, связанной с докапиталистическими укладами. Так, 92% общей суммы ссуд, предоставленных в 1979/80 г. мелкой промышленности коммерческими банками, приходилось на предприятия с инвестициями в машины и оборудование свыше 100 тыс. рублей, в то время как доля более мелких предприятий составляла лишь 6%, а доля ремесленников, сельской и домашней промышленности — лишь 2% [139, 1980/81, с. 134, 272].

Но поддерживаемое государством развитие мелких фабричных предприятий отрицательно сказывается на кустарном производстве, вытесняя последнее с мелких, локальных рынков, куда трудно проникнуть крупной промышленности. Как отмечалось в докладе Комитета по контролю и субсидиям, курс на поощрение «современной мелкой промышленности» причиняет «ущерб традиционным источникам занятости в сельской промышленности» [136, с. 341].

В то же время развитие верхнего звена капиталистической мелкой промышленности происходит в основном на базе более или менее современной техники производства (внедрению которой способствует и политика государства) с относительно невысоким потенциалом занятости. Поэтому оно не обеспечивает решения проблемы занятости, а в той мере, в какой вытесняет кустарную промышленность, даже усугубляет эту проблему.

В этой связи особое значение приобретают государственные программы, специально ориентированные на помощь кустарной промышленности.

О распределении государственных ассигнований между различными типами мелкой промышленности свидетельствует табл. 9.

Таблица 9

Структура государственных плановых ассигнований на мелкую промышленность *,
среднегодовые данные, млн. рублей

	1951/52— 1955/56 гг.	1956/57— 1960/61 гг.	1961/62— 1965/66 гг.	1966/67— 1968/69 гг.	1969/70— 1973/74 гг.	1974/75— 1978/79 гг.	1979/80 г.	1980/81— 1984/85 гг. **
Сельская и кустарная промышленность	52 (83)	244 (68)	252 (52)	262 (59)	301 (60)	620 (58)	1840 (64)	2320 (65)
Кустарное ткачество .	22 (36)	59 (16)	51 (10)	45 (10)	58 (12)	200 (19)	486 (17)	622 (17)
Художественные промыслы .	2 (3)	10 (3)	11 (2)	15 (3)	12 (2)	60 (6)	232 (8)	222 (6)
Прочие сельские и кустарные промыслы .	28 (44)	175 (49)	191 (40)	202 (46)	231 (46)	360 (33)	1122 (39)	1476 (42)
Мелкая механизированная промышленность	10 (17)	116 (32)	229 (48)	180 (41)	200 (40)	450 (42)	1055 (36)	1240 (35)
Мелкое механизированное ткачество .	—	4 (1)	3 (1)	2 (1)	6 (1)	6 (1)	7	8
Прочая .	10 (17)	112 (31)	226 (47)	178 (40)	194 (39)	444 (41)	1048 (36)	1232 (35)
Всего	62 (100)	360 (100)	481 (100)	442 (100)	501 (100)	1070 (100)	2895 (100)	3560 (100)

* Рассчитано по [70, т. 2, с. 164; 82, с. 289; 109, 1981/82, с. 106—107; 145, с. 440; 155, с. 190; 163, 1978, с. 204—206; 169, с. 438; 170, 1961/62, с. 154, 1963/64 с. 113].

Цифры в скобках — процентные соотношения.

** План.

Внутри мелкой промышленности действуют различные типы хозяйств, отличающиеся по уровню производительных сил, степени развития товарных и капиталистических отношений. Каждый тип мелкой промышленности требует своего набора способов и методов государственной поддержки. Неодинакова также и степень влияния на политику правительства связанных с ними социальных слоев. Все это обусловило существование различных программ помощи мелкой промышленности, дифференцированных по ее видам.

В этих программах мелкая промышленность подразделяется на две большие группы: «традиционную» и «современную». К первой были отнесены кустарное ткачество, художественные промыслы и различные традиционные сельские и кустарные промыслы. Общим для них было преобладание кустарной техники производства. Напротив, для «современной» мелкой промышленности было типично механизированное производство.

Мелкая механизированная промышленность — это преимущественно капиталистический уклад, в то время как в кустарных промыслах преобладают докапиталистические и раннекапиталистические формы производства. Сравнение ассигнований на развитие этих двух групп отраслей мелкой промышленности показывает, что в период первого пятилетнего плана (1951/52—1955/56) они в основном направлялись на развитие докапиталистической промышленности, доля которой превышала $\frac{4}{5}$ общих ассигнований. Однако в годы ускоренной индустриализации (1956/57—1965/66) резко возросла доля ассигнований на развитие современного капиталистического уклада мелкой промышленности; в 60-е годы произошло даже абсолютное сокращение ассигнований на кустарную промышленность. С учетом резкого увеличения во второй половине 60-х годов кредита капиталистической мелкой промышленности доля докапиталистического уклада ее в совокупных финансовых ресурсах, выделяемых на развитие мелкой промышленности, уменьшилась значительно больше.

Хотя по уровню развития производительных сил, товарных и капиталистических отношений кустарные промыслы стоят много ниже мелкой механизированной промышленности и в этом смысле тоже противостоят последней как «традиционные» «современной», их нельзя полностью относить к «традиционным структурам», если под последними понимать докапиталистические уклады, не включенные в общий кругооборот капитала. Место таких укладов в различных промыслах неодинаково. Поскольку государственная политика не дифференцируется по укладам, ее приходится рассматривать в целом для каждого вида кустарных промыслов. Такая необходимость вызывается и тем, что в общем механизме экономического роста вся кустарная промышленность выполняет многие из тех функций, которые свойственны «традиционным структурам». Вместе с тем неоднородность различных промыслов по социально-экономической структуре, уровню развития и месту в экономике определила существенные различия в политике правительства по отношению к ним, по степени интенсивности государственной поддержки и ее эффективности.

Государственная политика по отношению к кустарному ткачеству. Выделение кустарного ткачества (из фабричной пряжи) как объекта государственной помощи из других видов кустарной промышленности имеет определенные основания.

Во-первых, это — крупнейшая отрасль кустарного производства. В 1951 г. в Индии действовало примерно 3 млн. кустарных

ткацких станков. С учетом неработающих членов семьи от кустарного ткачества в 50-е годы зависело свыше 10 млн. человек [89, с. 1, 4; 170, 1963/64, с. 113].

Во-вторых, эта отрасль кустарного производства отличается относительно высоким развитием товарных и капиталистических отношений. Примерно треть ткачей к началу 60-х годов работали в городах; тяготение к городам наблюдается и среди сельских ткачей. Хотя свыше $\frac{9}{10}$ ткачей работали на дому, многие из них фактически превратились в рабочих капиталистической рассеянной мануфактуры. Одни работали на «ткача-хозяина», обычно принадлежавшего к зажиточным слоям традиционных каст ткачей, нанимавшего за определенную плату более бедных членов той же касты, снабжавшего их пряжей и забиравшего их готовую продукцию, изготовленную в соответствии с его указаниями. Другие находились в зависимости от торговцев пряжей или тканями.

В-третьих, эта отрасль кустарного производства характеризуется наибольшей интеграцией с фабричной промышленностью. Она базируется на фабричном сырье, что существенно снижает стоимость ее продукции, повышает ее конкурентоспособность на рынке сбыта и позволяет увязать ее развитие с развитием фабричного производства и общим повышением эффективности в текстильной промышленности.

В-четвертых, она производит промышленную продукцию первой необходимости, пользующуюся массовым спросом, и в то же время может быть приспособлена и для производства тканей, удовлетворяющих спрос зажиточных слоев населения и зарубежных потребителей, в том числе художественных, недоступных для фабричного производства.

Все это определило высокий удельный вес данной отрасли в общих ассигнованиях государства на развитие кустарного производства.

Государственная поддержка кустарного ткачества осуществляется по четырем основным направлениям: 1) резервирование за ним определенной части рынка сбыта и рынка сырья; 2) помощь в ценовой конкуренции путем налоговых мер и субсидирования; 3) обеспечение необходимыми элементами производства и повышение его технического уровня; 4) ослабление эксплуатации ткачей торгово-ростовщическим капиталом путем вытеснения последнего государственно-кооперативными институтами.

Первая группа мер состоит прежде всего в сдерживании роста мощностей фабричной ткацкой промышленности и ограничении или полном запрещении фабричного производства определенных видов тканей. Поскольку рост фабричного прядильного производства не только не ограничивался, но и всячески поощрялся, за децентрализованным ткачеством резервировалась тем самым определенная часть рынка сбыта и рынка основного сырья — хлопчатобумажной пряжи. Еще накануне завоевания независимости, в 1945/46 г., было принято решение зарезервиро-

вать не менее 25 % прироста прядильных мощностей в фабричной промышленности за производством пряжи для кустарной ткацкой промышленности, ограничив в соответствующей пропорции расширение парка фабричных ткацких станков. После завоевания независимости в начале 50-х годов правительство провозгласило, что определенная часть нового прядильного оборудования на текстильных фабриках будет резервироваться за производством пряжи для кустарной ткацкой промышленности, а затем приняло в принципе рекомендацию Комитета по изучению текстильной промышленности 1954 г. о том, что расширение фабричной текстильной промышленности будет разрешаться лишь в прядильном, но не в ткацком секторе. Кроме того, оно обязало текстильные фабрики ежеквартально продавать определенный минимум производимой на них пряжи кустарной ткацкой промышленности, а не перерабатывать эту пряжу на своих ткацких станках [165, с. 6—7].

В результате таких мер с 1950 по 1982/83 г. при росте числа веретен на 115% (с 10,6 млн. до 22,8 млн.) число ткацких станков в фабричной хлопчатобумажной промышленности возросло лишь на 9% (с 192 тыс. до 210 тыс.) [151, с. 519; 155, с. 273]. Правда, владельцы текстильных фабрик пытались обойти эти ограничения под предлогом модернизации, заменяя механические ткацкие станки на автоматические (с 1956 по 1973 г. число последних увеличилось с 12 тыс. до 38 тыс., т. е. в 3,2 раза) [151, с. 78]. Но и с учетом этого обстоятельства несомненно, что политика государства предельно ограничила расширение мощностей крупной фабричной ткацкой промышленности.

Наряду со сдерживанием прироста новых мощностей в фабричном ткачестве индийское правительство запрещает или ограничивает фабричное производство определенных видов тканей, особенно сильно конкурирующих с тканями кустарного изготовления. Еще в 1948 г. фабрикам было запрещено производить сари и дхоти с каймой больше определенной ширины, простыни, покрывала, некоторые виды грубых тканей и т. п. В 1952 г. было принято решение о том, что фабричное изготовление дхоти должно быть ограничено до 60% уровня 1951/52 г. [89, с. 8; 165, с. 7]. Но эти меры отличались меньшей последовательностью и эффективностью. Как отмечалось в докладе Комитета по контролю и субсидиям (1979 г.), «в инструкциях о резервировании имеются лазейки, которые позволяют фабричному сектору проникать в сферы, зарезервированные за сектором кустарного ткачества. Например, 60% кустарного производства составляют дхоти и сари. Однако фабричному сектору разрешается производить одноцветные белые дхоти и сари с каймой не более $\frac{1}{4}$ дюйма для дхоти и $2\frac{1}{2}$ дюйма для сари. Недавнее внедрение... набивных синтетических и смешанных тканей, пригодных для изготовления сари, усилило его проникновение на рынок, зарезервированный для кустарных сари» [136, с. 184].

Содействие сбыту продукции кустарного ткачества на рынке

осуществляется также путем ее субсидирования и дискриминационного налогообложения конкурирующей с ней продукции фабричной промышленности. В то время как кустарные ткани освобождены от налогов, фабричные облагаются акцизами. В 1953 г. на все фабричные ткани, кроме тех, которые идут на экспорт, был установлен дополнительный акциз (3 пайсы на 1 ярд ткани), поступления от которого использовались для развития кустарного ткачества. Для «содействия сбыту кустарных тканей путем уменьшения неблагоприятного для них разрыва в стоимостной конкуренции с фабричными тканями» [165, с. 8] с 1954 г. правительство прибегает и к прямому субсидированию кустарной промышленности. Оно осуществлялось в форме финансируемых государством скидок с цены кустарных тканей. Величина такой скидки при розничной продаже (до 50 рупий в 1954—1963 гг. и до 100 рупий с сентября 1963 г.) составляла в 1954—1957 гг. 9,4%, в 1958—1960 — 6 и с 1961 г. — 5%. Кроме того, время от времени, особенно в периоды праздников, а также в случае накопления непроданных запасов разрешались дополнительные скидки (обычно в размере 5%) на срок до 15 дней. Скидки разрешались и при оптовых продажах: в 1955—1959 гг. — 6% и с 1960 г. — 3% [165, с. 8].

Масштабы государственной поддержки этого рода даже в период ее наивысшего развития оставались недостаточными для того, чтобы устранить разницу в ценах на кустарные и фабричные ткани. Согласно данным Управления кустарного ткачества, даже с учетом дискриминационного акциза и налога на продажу фабричных тканей, субсидий, а также значительно меньшей заработной платы кустарей-ткачей по сравнению с фабричными рабочими-текстильщиками, в середине 50-х годов фабричные ткани продавались на 11% дешевле кустарных. Как видно из приведенных выше данных, с начала 60-х годов степень субсидирования уменьшилась почти вдвое.

Со времени третьего пятилетнего плана акцент был перенесен «на более позитивные формы помощи» — на обеспечение кустарного ткачества необходимыми элементами производства и развитие его техники. Принимались меры по расширению поставок пряжи по доступным ценам, в том числе путем усиления государственного контроля над производством, ценами и распределением фабричной пряжи, необходимой кустарям-ткачам. Наряду с упомянутым выше ограничением мощностей фабричного ткачества и соответствующим высвобождением растущей продукции фабричного прядения для кустарного ткачества в марте 1973 г. была сделана попытка законодательного регулирования цен и распределения фабричной пряжи. Кроме того, текстильным фабрикам было предписано выпускать определенную часть этой «рыночной» пряжи, предназначенной для децентрализованного сектора, в мотках, которые могут быть использованы лишь в кустарном ткачестве. О распределении фабричной пряжи в первой половине 70-х годов свидетельствуют следующие данные [137, с. 28]:

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.
Фабрики				
тыс. т	559	512	556	593
процент к итогу	58	58	57	60
Децентрализованный сектор				
тыс. т	406	369	416	405
процент к итогу	42	42	43	40
<hr/>				
Итого, тыс. т	965	881	972	998

Исходя из расчетных потребностей кустарного ткачества в пряже в 300—450 тыс. т, Полномочная группа по изучению кустарного ткачества, из доклада которой взяты эти данные, пришла к следующему выводу: «Поставки пряжи меньше оцениваемых потребностей... Политика... при которой правительство стало контролировать цену и распределение... оказалась недейственной главным образом из-за судебных тяжб, затеянных фабриками... контроль (правительства. — Авт.) был недостаточно твердым» [137, с. 28—30]. Впоследствии положение не улучшилось. Уже в апреле 1973 г. законодательный контроль над ценами и распределением пряжи был отменен. Что касается установления определенного минимума пряжи, которая должна выпускаться в мотках, то, по мнению Комитета по контролю и субсидиям (1979 г.), новые нормы (110% уровня производства такой пряжи в 1974 г. для существующих фабрик и 60% всего производства новых фабрик) не отвечали потребностям кустарного ткачества в пряже [166, с. 185].

Среди других мер по развитию кустарного ткачества можно назвать воздействие на номенклатуру продукции: ткачей информировали о видах тканей, пользующихся большим спросом на рынке, и помогали осваивать технику их изготовления, повышать прочность, качество и художественную отделку тканей. С этим направлением помощи тесно связано содействие сбыту кустарных тканей путем расширения их экспорта и продажи через государственные сбытовые организации. Однако, как показало обследование Плановой комиссии, «подавляющее большинство ткачей» «не могли производить ткани повышенного качества», ибо в «домашней кустарной промышленности переход на изготовление популярных изделий требует соответствующих типов ткацких станков, необходимых приставок к ним и инструментов» [165, с. 34].

Усилия по развитию техники кустарного ткачества принесли довольно ограниченные результаты. Государственная помощь несколько ускорила начавшуюся еще в колониальный период замену традиционных ткацких станков станками с летающим челноком, в 1,7 раза большей производительности. Организованное Плановой комиссией выборочное обследование показало, что к началу 60-х годов около 40% ткачей стало использовать жаккардовые механизмы и приставки, необходимые для изготовления пользующихся повышенным спросом тканей. Но применение

большинства других усовершенствований оставалось весьма ограниченным и охватывало менее 10% ткачей. Не получили сколько-нибудь широкого распространения ручные полуавтоматические и педальные ткацкие станки, дающие соответственно прирост производительности в 4—5 раз и 6—7 раз по сравнению с традиционным ткацким станком, в 2—3 раза и в 4 раза по сравнению с летающим челноком. Не удалось добиться большого успеха и во внедрении рамочного ткацкого станка. Государственная помощь была недостаточной для устранения таких препятствий внедрению усовершенствованной техники, как нищета и тяжелые жизненные условия ткача, не позволяющие ему приобретать более дорогостоящее и крупное по размерам оборудование. Отрицательную роль играют также недостаточные масштабы и неудовлетворительная постановка обучения ткачей работе с новой техникой, слабая связь программ обучения ткачей с программами внедрения новой техники. Однако основной причиной, видимо, следует считать недостаточную эффективность самих усовершенствований в кустарной технике. Как справедливо отмечалось в публикации индийского отделения МОТ, «существует предел увеличению производительности кустарных ткацких станков и уменьшению стоимости их конечных продуктов, и никакое улучшение не сделает кустарные товары дешевле фабричных». Именно это обстоятельство сдерживает внедрение более производительной, но и более дорогостоящей кустарной техники не только не имеющими для этого средств ткачами, но и их хозяевами и торговыми посредниками — даже при наличии государственной поддержки.

Одной из главных проблем, с которыми сталкивается осуществление всех мер поддержки кустарного ткачества, является его рассредоточенность. Отмечая «непреодолимые трудности в разработке программ контролируемого распределения пряжи в крайне децентрализованном секторе кустарного ткачества», Полномочная группа констатировала, что «почти во всех штатах полностью отсутствует инфраструктура для распределения пряжи и кредитования ткачей». В результате ткач приобретает пряжу «на черном рынке по цене, намного более высокой, чем та, которая указана в конторских книгах фабрик», а «система контроля над ценами без надлежащей системы распределения ведет только к спекуляции и злоупотреблениям в розничной торговле» [137, с. 33]. В докладе Комитета по контролю и субсидиям отмечается, что «качество пряжи, поставляемой для кустарных ткацких станков, хуже, а цены на нее значительно выше, чем цены, выплачиваемые фабричным сектором» [136, с. 184].

В этой связи ключевое значение для всех программ государственной помощи кустарному ткачеству имеет создание институциональной базы их осуществления — государственно-кооперативных организаций. Уже в начале 50-х годов было решено «направлять помощь отрасли только через кооперативные общества» [89, с. 69]. Развитие кооперации должно было обеспечить «замещение торговых посредников кооперативными обществами тка-

чей» и тем самым ослабить эксплуатацию последних торгово-ро-стовщицким капиталом путем вытеснения последнего из сферы снабжения их сырьем, орудиями производства и сбыта готовой продукции. Вместе с тем кооперация рассматривалась и как альтернатива преобразованию докапиталистических укладов в частнокапиталистический. «Независимый, или самостоятельный, ткач,— отмечалось индийским отделением МОТ,— явно находится на пути к исчезновению, и ему предстоит выбирать между вступлением в кооператив и работой на ткача-хозяина» [89, с. 69]. По сути дела, намечалось преобразовать докапиталистические уклады и частнокапиталистическую рассеянную мануфактуру отрасли в государственно-капиталистический уклад и государственно-капиталистическую рассеянную мануфактуру.

Действительно, кооперативы ткачей есть, по существу, полу-государственные организации, ответвления государственно-капиталистического уклада. «Кооперативный сектор в нашей стране,— отмечается в докладе Полномочной группы,— не является полностью независимым и частным предприятием. Он контролируется правительством в соответствии со специальными законами; обычно правительство организует кооперативы, а затем предпринимает усилия по привлечению членов. Государственные органы не только играют очень важную роль в организации кооперативов, но и продолжают проявлять активную заинтересованность и в их функционировании» [137, с. 95—96].

Наряду с «решением центрального правительства ограничить круг получателей всех мер помощи лишь кустарями-ткачами, охваченными кооперацией», государство содействовало развитию последней путем участия в паевом капитале обществ, а также кредитования паевого взноса их членов. К концу 1977/78 г. лишь 49% паевого капитала первичных обществ кустарей-ткачей было сформировано за счет средств их членов; 34% составлял пай государства, 12% — государственные ссуды ткачам на финансирование их паевого взноса и 5% — пай центральных кооперативных обществ [164, 1977/78, ч. 2, с. 239]. В совокупности кооперативы были призваны создать ту систему, через которую государство осуществляло бы снабжение кустарей кредитом, сырьем, техническими знаниями, улучшенной техникой производства, а также организовать сбыт их продукции.

Иногда это получает завершение в такой системе, когда кооперативы дают ткачам-членам пряжу на выделку, забирают их готовую продукцию и выплачивают им фиксированную заработную плату, что превращает членов кооперативов в своеобразных рабочих-надомников государства, связанных с ним через организационную структуру кооперации. Выборочное обследование, организованное Плановой комиссией, выявило «усиливающуюся среди ткачей тенденцию скорее работать на кооператив в качестве рабочего-надомника, чем приобретать у кооператива пряжу для самостоятельного производства» [165, с. 41].

Проведенное в 1962/63 г. выборочное обследование показало,

что кооперативы являются наилучшим инструментом избавления ткачей от эксплуатации торгово-ростовщическим капиталом и улучшения их материального положения: примерно $\frac{3}{4}$ кустарей, переставших работать на ткача-хозяина, вступили в кооператив, а главным мотивом этих перемен было стремление «больше зарабатывать». При этом «члены кооперативов были более прогрессивными, чем независимые ткачи, в переходе к улучшенной технике», их чистый доход рос намного быстрее (в 1956/57—1961/62 гг. — на 58% против 22% у рабочих-надомников и 15% у независимых ткачей). Правда, в среднем он оставался ниже, чем у других категорий ткачей (авторы обследования связывают это с тем обстоятельством, что в кооператив вступают преимущественно более бедные ткачи); однако эти разрывы уменьшаются. Если в 1956/57 г. чистый доход ткача — члена кооператива в среднем был на 31% ниже, чем у рабочего-надомника, и на 79%¹ ниже, чем у независимого ткача, то в 1961/62 г. эти разрывы уменьшились соответственно до 1 и 30% [165, с. 48]. По данным же Всендийского управления кустарного ткачества, доход членов кооперативов был выше, чем других категорий ткачей: в 1959/60 г. среднемесячный доход ткача — члена кооператива составлял в различных штатах 40—90 рупий, рабочего-надомника — 35—80 рупий и независимого ткача — 35—75 рупий [114, с. 120].

Вместе с тем в развитии системы кооперации в кустарном ткачестве обнаружились существенные недостатки. Как отмечает в докладе Полномочной группы, «эта система, к сожалению, до сих пор интегрировала лишь кредитные аспекты кооперации, в то время как снабженческо-сбытовым аспектам было уделено очень мало внимания» [137, с. 9]. Так, в начале 60-х годов центральные кооперативные организации снабжали пряжей менее $\frac{1}{3}$ обследованных кооперативов, в то время как $\frac{2}{3}$ кооперативов приобретали пряжу на рынке у оптовых и розничных торговцев [165, с. 31]; «нерегулярные поставки пряжи были доминирующей причиной, побудившей 70% ткачей, вышедших из кооперативов, перейти к работе на ткача-хозяина» [165, с. 23].

Правда, была сделана попытка организовать производство сырья в рамках самой кооперативной системы, ибо, как отмечалось в докладе Полномочной группы, «поставки пряжи кооперативному сектору лучше всего могут быть обеспечены путем поощрения кооперативных прядильных фабрик» [137, с. 29]. Однако государственная поддержка создания таких фабрик была явно недостаточной.

К концу 1977/78 г. в Индии насчитывалось лишь 60 кооперативных прядильных фабрик, имевших лицензии на 1370 тыс. веретен, из которых работало только 725 тыс.; их доля в общем числе фабричных веретен составляла соответственно лишь 6 и 3% [92, 1980, с. 308; 160, 1970, с. 107; 164, 1977/78, ч. 2, с. 341]. При этом, несмотря на «желательность создавать прядильные фабрики кооперативами ткачей», «некоторые кооперативные прядильные фабрики были образованы производителями хлопка и

владельцами механических ткацких станков и как таковые не имеют прямых связей с кустарями-ткачами» [137, с. 29—31]. К концу 1977/78 г. лишь 28% кооперативных прядильных фабрик, 37% их лицензированных и 35% действующих веретен принадлежали потребителям пряжи (причем не только кустарям-ткачам, но и владельцам механических ткацких станков); 38, 33 и 41% соответственно принадлежали производителям хлопка, 24, 30 и 24% — кооперативам смешанного типа [164, 1977/78, ч. 2, с. 341].

Отсутствие надежной системы обеспечения пряжей по доступным ценам обостряет проблему сбыта, с которой сталкиваются кооперативы кустарей-ткачей. Обследование Плановой комиссии показало, что «существующий в кооперативном секторе порядок сбыта продукции кустарного ткачества является неудовлетворительным, недостаточным и страдает от отсутствия единообразия», что объясняется «главным образом слабостью связей между первичными и центральными кооперативными обществами» [165, с. 53]. С тех пор положение мало изменилось, и в докладе Полномочной группы (1974 г.) вновь отмечалось, что в сбыте продукции кооперативов ткачей «участие центральных обществ было незначительным» [137, с. 44]. Характерно, что в нарушение принятого первоначально решения ряд центральных кооперативных и государственных организаций продает кустарные ткани, производимые вне первичных кооперативов, нередко на предприятиях, принадлежащих ткачам-хозяевам, т. е. в частнокапиталистическом укладе [137, с. 44].

Аналогичное отклонение наблюдается и в отношении субсидирования сбыта кустарных тканей: «Вопреки основной цели предоставления субсидируемой скидки с цены только продукции кооперативов ткачей она разрешается и при продаже тканей, закупленных у ткачей-хозяев» [137, с. 97]. Это еще больше затрудняет сбыт и усугубляет финансовые трудности кооперативов: «Для содействия продаже кустарных тканей... правительства штатов согласились возмещать скидки, предоставляемые обществами... К сожалению, во многих штатах скидки в течение долгого времени не возмещались первичным кооперативам. Это создало трудности в финансовой структуре кооперативов» [137, с. 46].

Результатом такого положения является сохранение зависимости от торгово-ростовщического капитала: «Вследствие ограниченности возможностей, предоставляемых центральными обществами, первичные кооперативы сталкиваются с проблемой замораживания своего оборотного капитала в готовой продукции. Чтобы преодолеть эти трудности, некоторые общества, а также их члены вынуждены сбывать свою продукцию оптом торговцам» [165, с. 54].

Таким образом, как отмечается в докладе Полномочной группы, внутри кооперативной системы «недостаточное внимание снабжению и сбыту привело к сохранению системы эксплуатации, существующей на рынке снабжения пряжей и рынке сбыта тканей,— худшему виду эксплуатации ткача» [137, с. 9]. К тому же

ведет и недостаточная финансовая поддержка со стороны государства.

На развитии кооперации отрицательно сказываются также внутренние недостатки социально-экономического плана. К вступлению в кооператив обычно толкает крайняя нужда и угроза разорения; поэтому «тенденция, видимо, состоит в том, что членами кооперативных обществ становятся более бедные слои ткачей». Это — одна из важных причин финансовой слабости большинства кооперативов, а также того факта, что, хотя чистые доходы членов кооперативов растут значительно быстрее, чем других категорий ткачей, они нередко остаются ниже, чем у последних (что, в свою очередь, сдерживает приток в кооперативы более зажиточных ткачей). Вместе с тем даже наиболее бедные владельцы ткацких станков стремятся воспрепятствовать вступлению в кооператив ткачей, не имеющих собственных станков. Обследование Плановой комиссии показало, что в 45% обследованных кооперативов наличие собственного ткацкого станка было обязательным условием для вступления в кооператив. В публикации индийского отделения МОТ также указывается, что не имеющие собственного станка ткачи «не допускаются в кооперативные общества ткачей, поскольку владение станком является необходимым условием и поскольку государственная политика не поощряет увеличения числа ткацких станков» [89, с. 72].

Таким образом, с одной стороны, кооперативы ткачей объединяют более бедные слои кустарей, с другой — лишенные собственных средств производства, беднейшие ткачи не допускаются в кооперативы и не могут воспользоваться благами кооперации. Поэтому кооперативы ткачей остаются в подавляющем большинстве кооперативами частных собственников. Кооперация существует лишь в сфере обращения, но не затрагивает решающую сферу — сферу производства, где полностью сохраняется индивидуальный, надомный характер труда, базирующийся на отсталой ручной технике. Это служит главным препятствием на пути радикальной технической модернизации и повышения общего уровня экономической эффективности кооперативного ткачества.

Правда, для обеспечения работой ткачей, не имеющих собственных ткацких станков, поощрялось создание при кооперативах ткачей централизованных промышленных заведений, которые одновременно должны были служить своего рода демонстрационными центрами улучшенной техники и улучшенных методов производства, а также производственных кооперативов. В этих целях государственные организации и центральные кооперативы предоставляют помощь для приобретения усовершенствованных орудий труда, а в случае с производственными кооперативами — также займы на формирование основного и оборотного капитала. Но масштабы такой помощи были совершенно недостаточными для их широкого распространения и успешной работы. Лишь 23% обследованных Плановой комиссией кооперативов ткачей основали у себя централизованные промышленные заведения. По

своим размерам эти заведения были весьма невелики (в среднем 23 ткацких станка на каждое), 24% находящихся в них ткацких станков полностью бездействовало, а остальные простаивали 40—60% рабочего времени. Нехватка сырья, финансовых средств, трудности сбыта сказывались на работе централизованных заведений не менее отрицательно, чем на работе кооперативов в целом. Кроме того, при использовании усовершенствованной техники (особенно механических ткацких станков) с особой силой проявлялись отрицательные действия таких факторов, как отсутствие или нехватка электроэнергии, соответствующих производственных навыков, возможностей квалифицированного ремонта и т. п. Те же причины сдерживали и развитие самостоятельных производственных кооперативов [165, с. 30—32].

«Шестой пятилетний план» вновь обещает, что «в избранных районах бесстаночным ткачам будет оказано содействие для организации их в кооперативы промышленного типа». Характерно, что и в этом случае «конечная цель» состоит в том, чтобы они «стали владельцами станков» [155, с. 197—198], т. е. частными собственниками.

Кооперация в кустарном ткачестве Индии уменьшает масштабы эксплуатации ткачей торгово-ростовщическим капиталом, но, как уже говорилось, не освобождает их от этой эксплуатации полностью, ибо сохраняется большая зависимость — как кооперативов в целом, так и отдельных их членов — от торговцев по линии обеспечения сырьем, кредитом и сбыта готовой продукции. Другими словами, эта зависимость сохраняется в области внешних связей кооператива в сфере обращения. Но торгово-ростовщический капитал проникает и во внутреннюю структуру кооперативов, дополняя эксплуатацию ткачей «извне» эксплуатацией «изнутри». В обследовании Плановой комиссии с тревогой отмечалось увеличение в кооперативах доли членов, не занимающихся ткачеством (в среднем с 10% в 1956 г. до 12% в 1962 г.), в том числе торговцев и предпринимателей. Указывалось также, что в 52% обследованных кооперативов всеми делами заправляли одно или несколько лиц, в том числе в 25% — ткачи-хозяева и торговцы, которые нередко занимали посты президентов кооперативов [165, с. 25—27]. В этих случаях возникает тенденция превращения кооперативов в ширму, скрывающую обычное частнокапиталистическое предприятие, а большинство их членов — в наемных рабочих.

Отмеченные недостатки, и прежде всего отсутствие достаточной государственной поддержки, особенно с 60-х годов, сдерживают развитие кооперации в кустарном ткачестве. Наибольший рост был характерен для 1950/51—1955/56 гг., когда число ткацких станков, охваченных кооперацией, возросло с 626 тыс. до 1026 тыс., а их доля — с 21 до 50%. Но затем темпы роста заметно снизились: а с середины 60-х годов рост фактически прекратился и даже наметилась тенденция к сокращению кооперированного ткачества. Число ткацких станков, охваченных коопе-

рацией, за 1966/67—1979/80 гг. сократилось с 1410 тыс. до 1317 тыс., а их доля снизилась до 44%. Действительная доля кооперированных ткачей еще ниже, ибо значительная часть ткацких станков постоянно простаивает. К концу 1979/80 г., при формальном охвате кооперацией 1317 тыс. станков (43,6% всех станков), «эффективный охват оценивается примерно в 940 тыс., или 31%, против установленного пятым пятилетним планом задания в 60% [70, ч. 2, с. 163; 137, с. 10; 155, с. 197; 164, 1977/78, ч. 2, с. 229, 234, 247; 165, с. 9]. Иными словами, свыше $\frac{2}{3}$ кустарей по-прежнему находятся вне кооперации и непосредственно не получают от государства помощи, даже в тех небольших масштабах, в каких она предоставляется членам кооперативов.

Крайне отрицательно сказался на положении кустарного ткачества рост механических ткацких станков с электроприводом. Первоначально внедрение таких станков рассматривалось как путь повышения технического уровня производства в сфере кустарного ткачества, постепенного преобразования его в механизированное.

Однако бесконтрольное распространение механических ткацких станков на базе мелких капиталистических предприятий не только не улучшает положение кустарей, но и грозит им массовым разорением даже больше, чем конкуренция фабричной промышленности, ибо, используя преимущества механизации, такие предприятия могли удовлетворять специфические потребности местных локальных рынков, вытесняя кустарное ткачество из его главного прибежища. Отдавая себе отчет в этой опасности, правительство не приняло рекомендаций Комитета по изучению текстильной промышленности 1954 г. о всеобщем переходе от кустарных к механическим ткацким станкам. Более того, в начале 50-х годов оно запрещало установку новых механических ткацких станков с электроприводом [165, с. 7]. В последующие годы установка таких станков была разрешена лишь кооперативам кустарей-ткачей, и в «Третьем пятилетнем плане» правительство заявило о том, что «уже приняты эффективные меры для предотвращения установки механических станков кем бы то ни было, кроме кооперативов кустарей-ткачей» [169, с. 430].

Осуществление этой программы столкнулось с серьезными трудностями. Самостоятельно работающие ткачи-кустари с их мизерными финансовыми ресурсами были не в состоянии перейти к применению электрифицированных станков вследствие их дороговизны и неэкономичности в условиях домашней промышленности. Нехватка финансовых ресурсов и сырья ограничивала внедрение таких станков и в кооперативах. В «Третьем пятилетнем плане» говорится: «В начале второго пятилетнего плана была принята программа замены кустарных ткацких станков механическими на кооперативной основе с целью улучшения экономического положения кустарей-ткачей... Однако прогресс был крайне медленным, и из 13 тыс. механических станков, санкционированных к концу второго пятилетнего плана, было установ-

лено лишь 3,5—4 тыс.». В последующие годы результаты были также малообнадёживающими; об этом говорит тот факт, что из 105 тыс. механических станков, санкционированных в 1966 г., к концу июня 1969 г. было установлено только 14 тыс., а к концу апреля 1972 г. — лишь 32,5 тыс. Поэтому в проекте «Пятого пятилетнего плана» вновь отмечались «низкие темпы установки механических станков, которые правительство предоставило в распоряжение штатов и союзных территорий». Таким образом, внедрение механических станков как мера помощи населению, занятому в кустарном ткачестве, не имело большого успеха [70, ч. 2, с. 163; 82, с. 292; 169, с. 430].

В то же время запреты и ограничения правительства не смогли предотвратить рост мелких капиталистических предприятий, оснащенных электрифицированными станками. С одной стороны, возможности эффективного государственного контроля над такими предприятиями были весьма ограниченными. С другой, политика правительства в области текстильной промышленности создала благоприятные предпосылки для их роста. Во-первых, основание таких предприятий позволяло обойти запрет на расширение мощностей в фабричной промышленности. Во-вторых, такие предприятия имели возможность изготавливать те виды тканей, производство которых на фабриках запрещено. В-третьих, на них не распространялись дискриминационные акцизные сборы, установленные на фабричные ткани. В-четвертых, эти предприятия фактически не попадали под действие фабричного законодательства, что позволяло их собственникам усиливать эксплуатацию рабочих путем введения более длительного рабочего дня и выплаты значительно меньшей заработной платы, чем на фабриках. Это облегчалось, в-пятых, тем, что уровень организованности и сознательности рабочих на таких предприятиях несравненно ниже, чем на фабриках, что уменьшает для предпринимателей риск забастовок и других выступлений рабочих, а также связанных с этим финансовых потерь.

Все это привело к быстрому росту незарегистрированных механических ткацких станков на мелких предприятиях, основанных вопреки государственному запрету представителями мелкого, среднего и даже крупного торгового и промышленного капитала. Значительная часть таких станков была установлена владельцами фабрик в целях обхода ограничений производства фабричных тканей, избавления от акцизных сборов, увеличения прибылей за счет усиления эксплуатации рабочей силы, захвата местных рынков и т. п. Доля подобных рассредоточенных мелких отделений фабрик в общем числе незарегистрированных механических ткацких станков оценивается примерно в 25%. Нередко предприниматели, в том числе крупные, ставят под свой контроль механические ткацкие станки не только мелких частных предприятий, но и формально принадлежащие кооперативам ткачей [114, с. 121].

Столкнувшись с этой проблемой, правительство попыталось

ввести дополнительные ограничения на мелкие предприятия, оснащенные механическими ткацкими станками, особенно на более крупные из них. Так, в начале 70-х годов производство трех видов тканей было зарезервировано лишь за кустарным ткачеством, а еще восемь видов тканей — лишь за кустарным ткачеством и мелкими предприятиями, имеющими не более четырех механических станков [137, с. 57].

Таблица 10

Размеры совокупного косвенного налога
на серые хлопчатобумажные ткани в 1974/75 г. *

Виды тканей по источнику их производства	Размер акциза, пайсы на 1 кв. м				
	Вид тканей				
	Сверхтонкие	Тонкие	Средние		Грубые
			А	Б	
Фабричные	63,90	42,90	17,90	12,30	7,70
Произведенные на механизированных предприятиях децентрализованного сектора:					
с 25—49 станками	11,03	9,11	5,65	3,89	3,04
с 5—24 »	10,41	8,39	5,05	3,37	2,52
с 1—4 »	9,78	7,76	4,52	2,92	2,07
Кустарные	4,30	—	—	—	—

Продолжение табл.

Виды тканей по источнику их производства	Отношение к акцизу на фабричные ткани, %				
	Вид тканей				
	Сверхтонкие	Тонкие	Средние		Грубые
			А	Б	
Фабричные	100	100	100	100	100
Произведенные на механизированных предприятиях децентрализованного сектора:					
с 25—49 станками	17	21	32	32	39
с 5—24 »	16	20	28	27	33
с 1—4 »	15	18	25	24	27
Кустарные	7	—	—	—	—

* [137, с. 60—61].

Аналогичным образом еще в 1955 г. акцизы были распространены на продукцию механических станков, хотя одновременно правительство установило принцип предоставления ей некоторых льгот [137, с. 59]. Эти льготы были дифференцированы в зависимости от размеров предприятия; они уменьшались с увеличением числа установленных станков. Об отношении совокупных косвен

ных налогов, взимаемых с тканей, произведенных на различных предприятиях децентрализованного сектора, к косвенным налогам на ткани фабричного сектора свидетельствует табл. 10. Степень налогообложения продукции мелких механизированных предприятий в несколько раз ниже, чем фабричной продукции, особенно предприятий с не более чем четырьмя станками.

Особыми льготами и уступками самым мелким заведениям, по своему характеру переходным к капиталистическим, правительство, видимо, хотело открыть больший простор развитию мелких капиталистических предприятий «снизу» (в том числе и путем механизации кустарного ткачества) в противовес проникновению в этот сектор «сверху» (в том числе крупного и среднего капитала). Уже само по себе это было отступлением от прежней политики поддержки кустарного ткачества по линии кооперации. Но это открывало и лазейки для обхода ограничений более крупными предприятиями, ибо, «как только продукция покинет механический ткацкий станок, становится крайне трудно установить, произведена ли она на предприятии с более чем четырьмя станками или на более мелком предприятии» [137, с. 57—58].

Комментируя политику ограничений видов тканей, которые могут производиться на механических станках, Полномочная группа констатировала: «Действительная практика характеризуется скорее нарушениями, чем соблюдением этих правил... В результате защита, которая якобы была предоставлена кустарному ткачеству путем резервирования за ним определенных видов продукции, в значительной мере осталась на бумаге, и сектор механических станков производит их, когда находит это выгодным» [137, с. 57—58]. Ставки же косвенных налогов дают «громоздкое преимущество сектору механических станков в конкуренции как с кустарным ткачеством, так и с фабричным сектором», особенно ввиду того что «действительный налог» на механические ткацкие станки взимается по самой низкой ставке, ибо «около 90% станков были заявлены принадлежащими предприятиям с числом станков не более четырех» [137, с. 60].

Авторы доклада приходят к выводу, что сама концепция, положенная в основу внедрения механических ткацких станков, в индийских условиях была ошибочной в социально-экономическом отношении: «Первоначально внедрение механических ткацких станков поощрялось для того, чтобы ткач-кустарь, получив финансовые средства и помощь, прямо перескочил из кустарного в механизированное ткачество... Хотя механический ткацкий станок предназначался для кустаря-ткача... эти станки в значительной мере принадлежат другим, и если ткачи-кустари и связаны с ними, то лишь в качестве рабочих или участников, играющих незначительную в коммерческом отношении роль... Каждый новый механический станок вытесняет шесть кустарных... К тому же кустарное ткачество — это отрасль, в которой занят не отдельный человек, а семья. Если национальная политика состоит в

поддержке расширения кустарного ткачества для увеличения занятости... одновременное поощрение механических ткацких станков служит противоположной цели» [137, с. 5—6].

Однако сколько-нибудь эффективных мер для изменения такого положения принято не было, и через пять лет в докладе Комитета по контролю и субсидиям (1979 г.) отмечалось, что «сектор механических ткацких станков в широких масштабах вторгается в сферу, зарезервированную за кустарным ткачеством», «происходит постоянный рост числа незаконно установленных ткацких станков», что «задерживает рост» кустарного производства тканей [136, с. 184].

Вопреки официально провозглашавшейся политике рост механизированного мелкого ткачества происходил быстрыми темпами. Число зарегистрированных механических станков возросло с 20 тыс. в 1953 г. до 150 тыс. в 1963, 290 тыс. в 1971/72 г.; в конце 1979 г. оно достигло 483 тыс., а к концу 1982 г. увеличилось до 573 тыс. [70, ч. 2, с. 163; 136, с. 184; 155, с. 201].

В результате проведения политики государства при росте производства хлопчатобумажных тканей в 1951—1982/83 гг. в 2,2 раза фабричное производство с 1955 г. сократилось. Ограничение фабричной промышленности позволило децентрализованному производству полностью утилизировать рост рынка и увеличить выпуск продукции более чем в 7 раз, а доля его поднялась с 21 до 70%. Что касается динамики составных частей децентрализованного производства, то здесь выделяются два периода. В 1951—1960 гг. наиболее быстро росло кустарное производство; при среднегодовых темпах прироста 8% его доля в общем производстве хлопчатобумажных тканей поднялась с 17 до 26%, а внутри децентрализованного сектора — с 81 до 84%. Но в последующие годы начался бурный рост мелкого механизированного ткачества, который, вероятно, был связан не только с развитием самостоятельного мелкого капиталистического производства, но и со стремлением крупных фабрикантов обойти ограничения фабричного производства путем создания мелких ткацких филиалов и зависимых отделений. Это, видимо, оказывало депрессивное воздействие на кустарное производство: среднегодовой темп прироста последнего в 1961—1982/83 гг. резко упал — до 3%, а его доля внутри децентрализованного сектора снизилась с 84% в 1960 г. до 46% в 1982/83 г.

Общее число зарегистрированных ткацких кустарных станков увеличилось с 2849 тыс. в 1961/62 г. до 3021 тыс. в 1979/80 г., или лишь на 6% [155, с. 197; 165, с. 9]. Поскольку этот «рост» в какой-то мере был связан с увеличением доли зарегистрированных кустарных ткацких станков (центральное правительство лишь в 1956 г. дало правительствам штатов указание регистрировать все кустарные станки), можно заключить, что число последних в этот период практически не увеличивалось, а, возможно, даже сократилось. В докладе Полномочной группы отмечалось, что «в ряде районов страны кустари-ткачи уже бросают свое тради-

ционное занятие» [137, с. 67]. Замедлению темпов роста кустарного производства в этот период способствовало также уменьшение государственной поддержки его с 1960 г.: сокращение ассигнований (см. табл. 9), отмеченное выше снижение уровня субсидирования и ослабление внимания развитию кооперации.

Вместе с тем в курсе на развитие децентрализованного ткачества политика увеличения занятости как бы отошла на второй план. Общее число занятых в кустарном ткачестве в годы независимости не только не увеличилось, но, видимо, даже несколько сократилось: в 1979/80 г. оно оценивалось в 6,15 млн. (полностью и частично занятые). Они произвели 2900 млн. м тканей, в то время как в мелком механизированном ткачестве в том же году производство 3450 млн. м тканей обеспечило занятость лишь 1,1 млн. человек. Таким образом, потенциал занятости в расчете на одно и то же количество произведенных тканей в первом случае был примерно в 7 раз выше, чем во втором, а потери потенциального прироста занятых, связанные с развитием мелкого механизированного ткачества, составили около 6 млн. человек. Правда, при отсутствии существенного увеличения числа занятых в кустарном ткачестве, производство кустарных тканей с 1951 по 1982 г. более чем утроилось. Это говорит о том, что политика государства способствовала увеличению рабочего времени и сокращению масштабов скрытой безработицы ткачей, а отчасти и повышению производительности кустарного ткачества. Но социально-экономическая структура кустарного ткачества не позволила ткачам воспользоваться этим для существенного улучшения своего положения.

Ткачи-хозяева и торгово-ростовщический капитал «перехватывают» основную часть дополнительных доходов, связанных с государственной поддержкой кустарного ткачества, увеличением рабочего времени и повышением производительности и интенсивности труда в этой отрасли, мало что оставляя работающим здесь ткачам. В докладе индийского отделения МОТ об обследовании, относящемся к середине 50-х годов, отмечалось: «Хотя несомненно, что занятость увеличилась и частичная безработица уменьшилась, представляется, что повышения жизненного уровня ткачей не произошло» [89, с. 15]. Организованное Плановой комиссией выборочное обследование, относящееся к началу 60-х годов, показало, что «доход средней семьи ткача все еще остается на низком уровне — более низком, чем доход средней индийской семьи» [165, с. 48].

В 1956/57—1961/62 гг. при росте валового дохода в расчете на 1 ткацкий станок с 1790 до 2125 рупий издержки увеличились с 1161 до 1281 рупии. В результате чистый доход в расчете на 1 ткацкий станок поднялся с 629 до 844 рупий, или с 52 до 70 рупий в месяц. Иными словами, в номинальном выражении чистые доходы кустарей-ткачей возросли за этот период на 34% при росте стоимости жизни на 20% [60, 1980, табл. 18.4; 185, январь 1971 г., с. 7]. Таким образом, реальные доходы увеличились в

среднем на 12%. Но к 1976 г. номинальный среднемесячный доход ткача снизился до 65 рупий, или на 7%, при росте стоимости жизни в 2,84 раза [60, 1980, табл. 18.4; 138, с. 112], т. е. реальные доходы по сравнению с 1961/62 г. упали на 67%.

Следует заметить, что в ценах 1976/77 г. минимальный прожиточный минимум среднемесячных потребительских расходов в расчете на человека, определяющий официальную границу бедности, составлял 61,8 рупии в сельской местности и 71,3 рупии в городской [71, с. 50]. Поскольку кустарное ткачество является главным занятием ткача, а его семья состоит из 4—5 человек, это означает, что жизненный уровень подавляющего большинства семей кустарей-ткачей в несколько раз ниже прожиточного минимума, определяющего официальный уровень бедности. Иными словами, они живут в условиях крайней нищеты. В 1976 г. доход ткача был в 5,4 раза ниже средней заработной платы фабричного рабочего, или равнялся лишь 18% ее [155, с. 411].

Политика государства в отношении художественных промыслов. Особое место в кустарном производстве занимают художественные промыслы. Их отличие состоит прежде всего в самом характере производственного процесса: изделия этих промыслов «представляют собой, по существу, продукт художественного мастерства, имеющий художественную ценность» [114, с. 125]. Это, в свою очередь, обычно органически связано с ручным характером труда, что затрудняет механизацию художественных промыслов и предохраняет их от прямой конкуренции фабричной промышленности.

Вторым важным отличием художественных промыслов является специфика рынка на их продукцию. В отличие от большинства основных отраслей промышленности Индии, изготавливающих предметы первой необходимости, художественные промыслы поставляют, по существу, предметы роскоши. Однако это особые предметы роскоши; они удовлетворяют декоративные, социальные, религиозные и тому подобные потребности, тесно связанные с традициями индийского общества. Поскольку на нынешнем этапе развития Индии власть традиций еще весьма велика, это способствует устойчивости спроса на продукцию художественных промыслов. Это же обстоятельство препятствует ее вытеснению стандартными изделиями западного типа, производимыми фабричной промышленностью. Связанная с этим художественная неповторимость продукции индийских художественных промыслов, ее национальная специфика обеспечивают ей спрос за рубежом; поэтому внешний рынок играет очень большую роль в развитии художественных промыслов.

Проблема сбыта для художественных промыслов — это главным образом проблема приспособления к меняющемуся спросу, моде, проблема организации сбыта. Более острой для них является проблема сырья и материалов. Нехватка металлов, шерсти, ценных пород дерева, драгоценных и полудрагоценных камней и т. п. существенно сдерживает расширение производства.

Однако главным препятствием их развитию и улучшению положения занятых в них ремесленников является засилье торгово-ростовщического капитала. Нищета большинства ремесленников и связанная с этим постоянная нехватка собственных средств для ведения производственной деятельности, плохое знание рынка (особенно зарубежного) — все это создает благоприятные условия для закабаления их скупщиками. В «Первом пятилетнем плане» отмечалось: «Торговля изделиями художественных промыслов в основной своей части находится в руках торговых посредников, многие из которых связаны с этими промыслами из поколения в поколение. Как правило, эти торговые посредники ведут операции в небольших масштабах и работают на заказ. Они ориентируются на собственные финансовые ресурсы и служат связующим звеном между ремесленниками, экспортерами и иностранным покупателем» [81, с. 327]. Эти промыслы представляют собой преимущественно капиталистическую мануфактуру, в значительной мере рассеянного типа (базирующегося на домашнем труде), и переходные к ней формы.

Такая организация художественных промыслов не в состоянии обеспечить их быстрое развитие. Авторы «Первого пятилетнего плана» писали: «Были отдельные случаи улучшений, введенных по инициативе торговых посредников, но в общем и целом существующая организация кустарных художественных промыслов не обеспечивает ни эффективности производства, ни улучшения качества, ни соответствия стандартам, ни, в сущности говоря, планового увеличения производства. Торговые посредники не в состоянии определить в достаточной степени и потребности зарубежных рынков. В результате, за немногим исключением, кустарные промыслы в основном остаются статичными в своих методах и подходах» [81, с. 327]. Неспособность торговых посредников обеспечить расширение экспорта кустарных художественных изделий связывается также с несоответствием их финансовых ресурсов необходимым масштабам поставок на крупные зарубежные рынки: «Для таких больших рынков, как в США, требуются крупные партии товаров, но торговые посредники, которые организуют их производство в Индии, способны финансировать производство лишь ограниченного количества товаров» [81, с. 327].

Наконец, господство торговых посредников в художественных промыслах подрывает саму основу их развития вследствие нещадной эксплуатации торгово-ростовщическим капиталом ремесленников. Утилизируя все выгоды, связанные с увеличением спроса на кустарные художественные изделия и повышением цен на них, торговцы выплачивают ремесленникам мизерную плату. Это обрекает ремесленников на нищенское существование, что понижает и социальный престиж этой профессии. Дети ремесленников не желают продолжать дело своих родителей и ищут другие сферы занятий (этот процесс стимулируется происходящим в годы независимости заметным повышением уровня грамотности и образованности масс). В результате подрывается наследствен-

ный характер передачи профессиональных навыков, который является одной из основ поддержания определенного качественного уровня изделий индийских художественных промыслов.

Разрабатывая политику в отношении художественных промыслов, индийское правительство ставило перед собой несколько целей: обеспечение занятости, сохранение и развитие культурных традиций, увеличение экспортных поступлений. Однако наибольшее значение, видимо, придавалось задаче увеличения экспорта.

В свете этих задач первостепенное внимание уделялось воздействию на номенклатуру и характер изделий — для приведения их в соответствие с изменениями спроса по различным группам потребителей как в самой Индии, так и за рубежом. В целях расширения рынка на продукцию художественных промыслов в том и другом случае ставится задача большей ориентации на массовый спрос, что предполагает увеличение производства более дешевых изделий, а также изделий, имеющих не только декоративно-художественную ценность, но и утилитарное назначение. Такая политика означала переориентацию художественных промыслов с феодального на капиталистический и капитализирующийся рынок в Индии и на разнообразные рынки за рубежом. В той мере, в какой она отвечала объективным тенденциям развития, она, несомненно, способствовала увеличению производства в художественных промыслах.

Общее руководство мероприятиями государства в этой области осуществляло созданное в 1952 г. Всеиндийское управление по художественным промыслам и его пять региональных отделений. Часть функций этого управления, связанных с содействием экспорту, была передана основанной в апреле 1958 г. Индийской корпорации развития художественных промыслов. В ведении управления находилось около 40 различных промыслов, однако специальные программы развития в основном распространялись лишь на 12. Постепенно, особенно в 70-е годы, основное внимание все больше сосредоточивалось на промыслах, обладающих значительным экспортным потенциалом: прежде всего ковроткачестве, ювелирном промысле и др.

Одно из главных направлений политики государства — помощь ремесленникам в освоении новых образцов изделий путем создания центрального, региональных, штатовских и местных центров по разработке и пропаганде образцов изделий, организации передвижных выставок и обучения ремесленников изготовлению новых образцов и т. п. Пропаганда новых образцов изделий была связана с закупочной политикой государственных организаций, осуществляющих сбыт кустарных художественных изделий через экспортные предприятия и специализированные крупные государственные магазины внутри страны. Число последних было доведено до 115 в 1960/61 г., 190 в 1969/70 и 250 в 1979/80 г. [92, 1970, с. 357; 1980, с. 336, 169, с. 446]. Было основано также несколько государственных компаний, раздававших заказы и сырье ремесленникам и сбывавших их продукцию;

в этом случае последние получают заработную плату от государства и являются фактически рабочими-надомниками государственно-капиталистической рассеянной мануфактуры. В ряде случаев производство некоторых кустарных художественных изделий организуется государством в централизованных мастерских. Государственные предприятия ориентируются главным образом на внешние рынки.

Таблица 11

Экспорт изделий художественных промыслов *

Год	Млн. рупий			Доля в общей стоимости экспорта, %		
	Драгоценные и полудрагоценные камни	Прочие	Всего	Драгоценные и полудрагоценные камни	Прочие	Всего
1958			67			1,1
1961/62			193			2,8
1965/66	233(218)	175	408(393)	1,8(1,7)	1,4(1,4)	3,2(3,1)
1968/69	448(175)	317	765(492)	3,3(1,3)	2,3(2,4)	5,6(3,7)
1970/71	419(173)	280	699(453)	2,7(1,1)	1,8(1,9)	4,5(3,0)
1973/74	1069(329)	667	1736(996)	4,2(1,4)	2,7(2,7)	6,9(4,1)
1975/76	1485(643)	1035	2520(1678)	3,7(1,6)	2,5(2,6)	6,2(4,2)
1978/79	7137(2469)	2430	9567(4899)	12,5(4,7)	4,2(4,6)	16,7(9,3)
1979/80	5190(1716)	3135	8325(4851)	8,1(2,8)	4,8(5,1)	12,9(7,9)
1980/81	6019(1851)	2919	8938(4770)	9,0(3,0)	4,3(4,6)	13,3(7,6)
1981/82	6796(3337)	3542	10338(6879)	8,8(4,5)	4,5(4,7)	13,3(9,2)

* [60, 1950/51—1969/70, с. 89, 105; 74, 1973/74, с. 43, 1974/75, с. 45, 1976/77, с. 104—105; 1979/80, с. 128—129, 1982/83, с. 135—141; 92, 1961, с. 343; 160, 1975, с. 204, 205; 170, 1961/62, с. 158].

Цифры в скобках — данные за вычетом стоимости импортированных драгоценных и полудрагоценных камней.

В годы независимости экспорт изделий художественных промыслов, в первую очередь изделий из драгоценных и полудрагоценных камней, заметно возрос и стал одной из крупнейших статей индийского экспорта (табл. 11). К концу 70-х годов он занял первое место среди источников экспортных поступлений. Даже за вычетом стоимости импортированных драгоценных и полудрагоценных камней — сырья для ювелирной промышленности — стоимость экспорта изделий художественных промыслов занимает ныне четвертое-пятое место среди источников экспортных поступлений. Экспорт играет главную роль в расширении рынка сбыта для этой отрасли кустарной промышленности. Если в 1961 г. внешний рынок обеспечивал сбыт примерно 8% общей продукции художественных промыслов, то в 1966 г. его доля возросла до 13%, в 1973/74 — 18, в 1979/80 — 41, в 1982/83 г. — 42%.

Значительно медленнее растет продажа кустарных художественных изделий через государственные специализированные магазины (в млн. рупий): 1960/61 г. — 27, 1965/66 — 35, 1968/69 — 44, 1969/70 — 53, 1971/72 — 56, 1973/74 г. — 80. Доля государст-

ва в общей стоимости кустарных изделий, проданных на внутреннем рынке, все еще остается ничтожной, хотя она поднялась с немногим более 1% в 1960/61 г. до примерно 2% в 1971/72 г. [74, 1973/74, с. 43; 1974/75, с. 45; 82, с. 281]. В 1978/79 г. была принята программа развития сельских сбытовых центров и в опытным порядке было создано 60 таких центров на уровне блока общинного развития.

Возможности радикального улучшения техники художественных промыслов ограничены самим характером этих промыслов. «Применение машинной техники возможно лишь для обработки сырья в целях уменьшения стоимости его, но что касается конечного продукта, то ведущую роль в придании ему художественной специфики играет скорее рука, чем машина» [114, с. 126]. Поэтому государственная помощь в этой области была весьма ограниченной; в последние годы внимание уделяется созданию центров общего пользования для обслуживания кустарных промыслов.

Государственные организации участвовали также в снабжении художественных промыслов дефицитными материалами (в том числе за счет импорта) и обеспечивали их кредитом. В целях сохранения и развития мастерства, а также для обеспечения притока необходимых квалифицированных кадров предпринимались усилия по организации подготовки таких кадров как в государственных учебных заведениях, так и путем различных форм поощрения мастеров, осуществляющих такую подготовку частным порядком. Наибольшее внимание уделялось производствам, имеющим значительный экспортный потенциал. Например, к концу 70-х годов было подготовлено около 100 тыс. работников в области ковроткачества [82, с. 294; 179, 27.03.1973].

Учитывая, что одной из главных причин, сдерживающих развитие художественных промыслов, являются низкие заработки, нищета и тяжелые жилищные условия ремесленников, что, в свою очередь, связано с эксплуатацией их торгово-ростовщическим капиталом, индийское правительство провозгласило свое намерение способствовать развитию в художественных промыслах кооперации и различного рода ассоциаций кустарей и мелких предпринимателей [81, с. 328; 169, с. 446]. Число кооперативов в сфере таких промыслов возросло с примерно 1000 в 1957/58 г. до примерно 1600 в 1960/61 и 2486 в 1976/77 г. Однако к концу 1977/78 г. их число сократилось до 1707, а число индивидуальных членов — с 98 тыс. до 80 тыс. Остались кооперативы с относительно большей долей участия государства в паевом капитале, в результате чего средняя доля государства повысилась с 21 до 32%. Вместе с займами правительства и центральных государственно-кооперативных кредитных институтов доля государства в совокупном капитале этих обществ составила в 1977/78 г. около 40%.

Однако в целом масштабы государственной помощи были недостаточными для того, чтобы сделать кооперативы жизнеспособными.

собными и обеспечить их широкое распространение. В 1977/78 г. средние размеры активов в расчете на один кооператив составляли лишь 13,7 тыс. рупий, а в расчете на одного члена — 294 рупии; из 1707 кооперативов функционировало лишь 869, насчитывавших 52,6 тыс. членов (49% кооперативов, на которые приходилось 34% членов, бездействовали). Роль кооперативов в производстве и сбыте изделий художественных промыслов ничтожна: их стоимость составляла соответственно 14,6 млн. и 16,9 млн. рупий. На долю кооперативов в 1977/78 г. приходилось лишь 4% ремесленников (в том числе действующих кооперативов — 3%) и 0,3% их продукции [71, с. 182; 164, 1977/78, ч. 2, с. 278—280, 301—304]. Как отмечалось в докладе Рабочей группы по художественным промыслам, «организация художественных промыслов в кооперативы не приобрела широких масштабов, а те кооперативы, которые были организованы, функционируют неудовлетворительно» [114, с. 173].

Таким образом, государственно-капиталистический уклад (государственный и государственно-кооперативный секторы) не играет существенной роли в сфере художественных промыслов.

Государственные средства, выделяемые на эту отрасль в течение длительного времени, были тоже невелики. Как видно из табл. 9, среднегодовые плановые ассигнования, поднявшись с 2 млн. в 1951/52 — 1955/56 гг. до 10 млн. в 1956/57—1960/61 гг., затем (с учетом роста цен) практически не увеличивались до середины 70-х годов. Лишь с периода пятого пятилетнего плана (1974/75—1978/79), видимо в связи с курсом на форсирование экспорта, они резко возросли, их доля в общих ассигнованиях на мелкую промышленность поднялась с 2—3 до 6—8%, в том числе в ассигнованиях на кустарную промышленность — с 4 до 10—13%.

Именно в 70-е годы начался быстрый рост производства художественных промыслов. Если в 1961—1966 гг. валовая продукция их увеличилась (в млрд. рупий) с 2,53 до 3,17 (чистая — с 1,38 до 1,73), а в 1966—1971/72 — с 3,2 до 3,8, то в 1971/72 — 1973/74 гг. — с 3,8 до 10,65, а в 1973/74—1979/80 гг. — с 10,65 до 20,5. Иными словами, среднегодовой темп прироста возрос соответственно с 4,6 и 3,5% до 67,4 и 11,5% [82, с. 287; 155, с. 187]. Даже с учетом быстрого роста цен, имевшего место в этот период и весьма приблизительной оценки продукции промыслов, резкое ускорение темпов роста их продукции в 70-е годы представляется несомненным. Увеличение производства сопровождалось ростом численности занятых: с 1 млн. в 1961/62 г. до 1,5 млн. в 1973/74, 2,03 млн. в 1979/80 и 2,5 млн. в 1982/83 г. [82, с. 287].

Вследствие слабого развития государственных и государственно-кооперативных форм в сфере художественных промыслов господствующее положение здесь занимают мелкие частнокапиталистические предприятия и переходные к ним формы производства (преимущественно в виде рассеянной мануфактуры). Зависимость от частных хозяев и торгово-ростовщического капитала

отнимает у ремесленников значительную часть тех дополнительных доходов, которые получают промыслы в связи с расширением рынка, особенно внешнего, и связанного с этим роста цен и увеличения рабочего времени. Так, еще в 1973 г. руководители Всеиндийского управления кустарных художественных промыслов признавали, что, хотя «увеличение спроса и цен на производимые товары привели к некоторому росту заработной платы ремесленников... их условия жизни все еще далеко неудовлетворительны». Условия, в которых они «живут и работают, являются примитивными», «доходы кустарей обычно ниже доходов фабричных рабочих», «в ряде случаев ремесленник не обеспечен работой в течение всего года» и т. п. [179, 27.03.1973].

С этим фактически соглашались и составители проекта пятого пятилетнего плана. Среди основных задач в области художественных промыслов ставилась задача «повысить доходы и улучшить условия работы ремесленников», предпринять «более интенсивные меры в направлении прогрессивного уменьшения роли торговых посредников во внутреннем сбыте и экспорте» кустарных художественных изделий [70, ч. 2, с. 168].

Государственная политика в отношении других кустарных промыслов. Государственные программы помощи кустарным промыслам помимо упомянутых выше распространяются еще на 28 видов сельских производств. Большинство из них (в настоящее время 25) входит в ведение Комиссии по кхади и сельским промыслам. Это — главным образом наиболее отсталые виды традиционного сельского ремесла, обслуживающие внутрихозяйственные и внутридеревенские нужды сельского населения: производство кхади (кустарных тканей из пряжи ручной выделки), кустарные очистка и помол зерна, производство растительного масла, неочищенного сахара (кхандсари) и патоки (гура), бумаги, мыла, переработка и сохранение фруктов, кузнечный, плотницкий, гончарный, кожевенный промысел. Сюда же входят такие промыслы, как пчеловодство, кустарное изготовление спичек, сбор лекарственных растений, смол и шеллака, производство биогаза, изделий из бамбука и т. д. В значительной мере они представляют собой натуральное хозяйство. Некоторые из этих промыслов носят характер вспомогательных и побочных занятий сельскохозяйственного населения, другие существовали в рамках традиционных внутриобщинных связей, в частности системы джаджмани. Однако по мере развития товарно-денежных отношений в деревне и внедрения современных средств производства и предметов потребления многие эти промыслы приходят в упадок.

Особое положение среди сельских промыслов занимают койровое производство и шелководство, находящиеся в ведении соответственно Управления по койровому производству и Управления по шелковому производству. Специфика этих промыслов состоит в том, что они, во-первых, имеют относительно широкий рынок для своего развития, носят преимущественно рыночный

характер и, во-вторых, довольно узко локализованы в соответствии с природно-ресурсной базой.

Основная цель государства в отношении сельских промыслов была сформулирована в «Первом пятилетнем плане» следующим образом: «Деревенские промыслы занимают центральное место в программах сельского развития. Уменьшение возможности найти оплачиваемую работу является одной из причин падения жизненного уровня некоторых групп сельского населения. Продукция крупной промышленности все больше ограничивала рынков для ряда ремесел. В настоящее время занятия этих ремесленников обеспечивают им лишь частичную занятость; поэтому они имеют тенденцию вливаться в ряды сельскохозяйственных рабочих. Развитие за пределами сельского сектора не было достаточно быстрым, для того чтобы предотвратить увеличивающееся давление населения на землю. Поэтому развитие сельских промыслов должно быть делом государства в той же мере, в какой и увеличение сельскохозяйственного производства. В самом деле, их нельзя отделить друг от друга, ибо увеличение сельскохозяйственного производства предполагает более полное использование наличных трудовых ресурсов, отвлечение избыточной рабочей силы в другие сферы деятельности» [81, с. 315]. Кроме того, развитие коирового производства должно было сыграть свою роль в увеличении экспортных поступлений, а развитие шелководства — в обеспечении сырьем шелкоткацкой промышленности и сокращении его импорта.

Как видно из табл. 9, «прочие сельские и кустарные промыслы» постоянно были крупнейшим объектом государственного финансирования кустарной промышленности. Однако внутри этой группы произошло известное смещение акцентов (табл. 12).

Таблица 12

Динамика государственных ассигнований
на «прочие сельские и кустарные промыслы»*,
среднегодовые данные

Годы	Млн. рублей				Доля в ассигнованиях на мелкую промышленность, %			
	Отрасли в ведении ККСП**	Шелководство	Койровый промысел	Всего	Отрасли в ведении ККСП**	Шелководство	Койровый промысел	Всего
1951/52—1955/56	25	3	28	40(49)	4(5)	...(.)	44(54)
1956/57—1960/61	165	6	4	175	46(68)	2(3)	1(2)	49(73)
1961/62—1965/66	178	9	4	191	37(74)	2(4)	1(1)	40(49)
1966/67—1968/69	185	13	4	202	42(70)	3(5)	1(2)	46(77)
1969/70—1973/74	205	17	9	231	41(67)	3(6)	2(3)	46(76)
1974/75—1978/79	286	59	15	360	27(46)	5(10)	1(2)	33(58)

* [70, ч. 2, с. 164; 82, с. 289, 293; 145, с. 440; 155, с. 190; 169, с. 438].

Цифры в скобках — доля в ассигнованиях на кустарное производство в мелкой промышленности.

** ККСП — Комиссия по кхад и сельским промыслам.

Ассигнования на традиционные отрасли, входящие в ведение Комиссии по кхади и сельским промыслам, в абсолютном выражении возросли более чем в 6 раз в период второго пятилетнего плана (1956/75—1960/61), но затем в реальном выражении (с учетом роста цен) не только не увеличились, но даже сократились. Во второй половине 70-х годов резко уменьшилась их доля как в общих ассигнованиях на мелкую промышленность, так и в ассигнованиях на кустарную промышленность.

Львиная доля этих ассигнований предназначена на развитие кхади. В период первого пятилетнего плана она составляла примерно 67%, второго плана — 81, третьего плана — 75, четвертого плана — 62%. Стремясь возродить ручное прядение, вытесненное конкуренцией фабричной пряжи, индийское правительство первоначально ставило довольно широкую цель: создать адекватную базу для самой крупной отрасли кустарного производства — ткачества, уже давно перешедшего на переработку фабричной пряжи. «Цель децентрализованного прядения в широких масштабах, — говорится во «Втором пятилетнем плане», — состоит главным образом в том, чтобы обеспечить потребности кустарных ткацких станков, которые в настоящее время зависят от фабричной пряжи» [145, с. 444].

Некоторое представление о масштабах государственной финансовой помощи остальным промыслам, входящим в ведение Комиссии по кхади и сельским промыслам, может дать структура ассигнований комиссии в 1961/62 г. Эти ассигнования распределялись следующим образом: производство кхади — 70%, пищевых растительных масел — 8, ручная очистка риса и производство рисовой муки — 6, производство непищевых растительных масел (касторового, нимового и т. п.) и мыла — 3, пальмового сока и сахара из него — 3, кожаной обуви и кожаных изделий — 3, гончарных изделий — 2, местных неочищенных сортов тростникового сахара (гура и кхандсари) — 2, бумаги — 2%. Кроме того, незначительные ассигнования были выделены для развития переработки второстепенных растительных волокон (сизаля, конопли и т. п.), кустарного производства спичек, поощрения кузнечного и плотничьего ремесел, а также для развития пчеловодства [170, 1963/64, с. 113—116].

Что касается ассигнований на койровый промысел и шелководство, то в первом случае их доля оставалась более или менее стабильной, а во втором наблюдался резкий рост во второй половине 70-х годов (см. табл. 12).

Значительную часть ассигнований на развитие сельских кустарных промыслов составляют субсидии, идущие, в частности, на: 1) покрытие разницы между ценой, по которой их изделия продаются потребителям, и более высокой ценой, выплачиваемой государством производителям, 2) финансирование производства для собственных нужд, 3) финансирование центров, занимающихся производством и сбытом изделий сельских промыслов. Из 2,14 млрд. рупий, предоставленных Комиссией по кхади и сель-

ским промыслам за первые 17 лет ее существования (1953/54—1970/71 гг.), 1,35 млрд. рупий (63%) — субсидии [180, 9.XI.1974].

Государственные субсидии на поддержку кхади возросли с 23,8 млн. рупий в 1956/57 г. до 59,8 млн. рупий в 1963/64 г., или в 2,5 раза, а общая сумма их только за эти 7 лет составила 314,3 млн. рупий. За счет этих средств потребители получали скидку в размере 10% стоимости шелковых тканей кхади и 19% стоимости остальных видов кхади и готовых изделий из них (включая основную часть продукции отрасли — хлопчатобумажные ткани и изделия). Из тех же средств выплачивались субсидии производителям кхади для собственных нужд — в размере 0,31 рупии за каждый квадратный ярд произведенных тканей, а также центрам, занятым производством и распределением кхади, — в размере 6% их стоимости [92, 1961, с. 331; 114, с. 91].

С 6 апреля 1964 г. система скидок потребителям была заменена новой системой стимулирования производства кхади, также основанной на государственных субсидиях. Согласно этой системе, производители кустарной пряжи из собственного хлопка получали соответствующее количество хлопчатобумажных тканей бесплатно, не выращивающие хлопчатник производители кустарной пряжи — по ценам хлопка, а остальные сельские жители — по ценам хлопчатобумажной пряжи. В то же время горожане должны приобретать ткани по рыночным ценам. Наряду со стимулированием производства кхади целью данной системы было, таким образом, увязать сельское производство кхади с сельским потреблением произведенной продукции и, сократив потребление городских тканей, создать замкнутую внутридеревенскую систему производства и потребления текстильных изделий. Это представляет собой своеобразную попытку возродить традиционную замкнутую внутридеревенскую базу сельского ремесла при помощи государственных субсидий, направленных на повышение конкурентоспособности сельских изделий по сравнению с городскими.

За счет государственных субсидий оплачивалась весьма значительная часть стоимости производимых изделий кхади. В 1956/57—1962/63 гг. безвозмездная помощь государства равнялась примерно 29% стоимости произведенных изделий кхади, в том числе финансируемые государством скидки и субсидии — 25%.

Субсидии и прочая безвозмездная помощь составляли значительную часть ассигнований и на развитие других сельских ремесел. Так, доля безвозмездной помощи в общей сумме помощи, предоставленной к концу 1961/62 г. на развитие различных сельских кустарных промыслов, была: в маслодельном промысле — 30%, рисопереработке — 18, в кожевенном промысле — 47, производстве пальмового сока — 66, гура и кханда — 44, непищевых масел и мыла — 30, бумаги — 45, гончарных изделий — 36, в пчеловодстве — 89%. Как и в случае с кхади, часть безвозмездной помощи шла на выплату субсидий. Такие субсидии выплачивались, в частности, за очищенный вручную рис [170, 1961/62, с. 155; 1963/64, с. 114—116].

Вместе с тем масштабы и степень субсидирования сельских промыслов имели тенденцию уменьшаться.

Это проявилось, в частности, в относительном сокращении доли безвозмездной помощи и увеличении доли займов в финансовых средствах, предоставляемых Комиссией по кхади и сельским промыслам. Доля первой по кхади снизилась с 44% в период первого пятилетнего плана до 40 в период второго и 37% в период третьего, по остальным сельским промыслам — соответственно с 46 до 39 и 29%. Если до конца 50-х годов абсолютные среднегодовые размеры безвозмездной помощи, выданной Комиссией, все же заметно возрастали, то в 60-е годы этот рост практически прекратился. Так, среднегодовая безвозмездная помощь ККСП сельским промыслам (кроме кхади) увеличилась с 2,9 млн. рупий в период первого плана до 14,0 млн. в период второго и лишь до 14,8 млн. рупий в период третьего (с учетом роста цен, имевшего место с середины 50-х годов, в реальном выражении она, видимо, даже несколько сократилась) [114, с. 91—92; 185, январь 1971, с. 8].

Этот процесс продолжался и в 70-е годы, в частности в период пятого пятилетнего плана (1974/75—1978/79). Отмечая, что в это время «элемент субсидирования был несколько сокращен», «Шестой пятилетний план» (1981 г.) констатирует: «... пять лет назад 20-процентное субсидирование ткачества в кхади было заменено более низкой субсидией в форме 10-процентной скидки с продажной цены кхади. Кроме того, займы, предоставляемые Комиссией по кхади и сельским промыслам, которые прежде были беспроцентными, теперь выдаются под 4%» [155, с. 196].

С учетом роста цен государственное субсидирование кхади в 70-х годах по сравнению с началом 60-х годов даже уменьшилось. Заметное увеличение номинальных субсидий в период правления партии «Джаната парти» с 76 млн. до 150 млн. рупий было все же недостаточным, чтобы превзойти достигнутый в середине 60-х годов максимум в реальном выражении. Таким образом, для политики субсидирования кхади характерна та же тенденция, что и для политики субсидирования кустарного ткачества, о которой говорилось выше.

Вместе с тем во второй половине 70-х годов резко возросло субсидирование импортируемого хлопка и потребления контролируемых видов тканей фабричного производства. Комментируя это обстоятельство, Комитет по контролю и субсидиям отмечал: «...основная часть субсидий, предоставляемых центром, приходится на импортируемый хлопок и контролируемые ткани... Масштабы субсидий кустарному ткачеству и кхади носили второстепенный характер... Хотя правительства штатов предоставляют некоторые дополнительные небольшие субсидии кустарному ткачеству и кхади, общие масштабы этих субсидий весьма невелики по сравнению с более крупными субсидиями, предоставляемыми фабричному сектору» [136, с. 198].

Поддержка сельских промыслов при помощи субсидий тесно

связана с государственными закупками их продукции. Так, стремясь расширить рынок на кхади, правительство обязало определенные категории государственных служащих носить форму, сшитую из кхади. Это позволило увеличить государственные закупки кхади. Закупки центрального правительства возросли с 0,4 млн. рупий в 1953/57 г. до 9,6 млн. в 1958/59 и 11,4 млн. рупий в 1963/64 г. Значительное количество кхади закупали и правительства штатов: так, в 1958/59 г. их закупки составляли 9,1 млн. рупий, а в 1961/62 г. — 15,3 млн. рупий. В конце 50-х — начале 60-х годов примерно $\frac{1}{5}$ всех запродаж кхади приходилась на долю государственных закупок. Другими словами, около $\frac{1}{5}$ всего рынка кхади обеспечивалось государственными закупками [33, с. 70; 170, 1961/62, с. 154, 1963/64, с. 113]. Аналогичные меры поддержки применялись и в отношении ряда других сельских промыслов.

В тех случаях, когда сельские кустарные промыслы сталкивались с сильной конкуренцией фабрик, их поддерживали иногда и путем ограничения роста мощностей соответствующих отраслей промышленности. Такие ограничения применялись с 1956 г. в отношении маслodelьных фабрик, с 1958 г. — в отношении рисоочистительных фабрик. Расширение и создание крупных фабрик ограничивалось также в кожевенной, кожевенно-обувной и спичечной промышленности.

Для поддержки промыслов в их конкуренции с фабричной промышленностью использовалась и налоговая политика. В то время как продукция сельских промыслов фактически освобождена от налогов, фабричные предприятия в рисоочистительной, сахарной, маслodelьной и других отраслях фабричной промышленности вынуждены платить довольно высокие налоги на производимые товары, причем нередко часть этих налоговых сборов идет на поддержку кустарного производства.

Определенные меры предпринимались также по снабжению сельских промыслов дефицитным сырьем и материалами, по производственному кредитованию их, а также по рационализации и улучшению техники производства. Так, для развития производства кхади в 1956/57 г. было принято решение о широком внедрении усовершенствованной четырехверетенной прялки (амбар чаркхи). С внедрением этой прялки связывались большие надежды. Предполагалось, что она позволит настолько увеличить производство ручной пряжи и улучшить ее качество, что пряжа, выработанная на таких прялках, станет основным сырьем для кустарного ткачества, перерабатывающего в основном фабричную пряжу. Правительство надеялось, что новая прялка заменит традиционную одноверетенную прялку и последняя будет использоваться лишь в ограниченных масштабах для удовлетворения части внутридеревенских и местных нужд [145, с. 444]. Ожидалось также, что с внедрением амбар чаркхи ручное прядение из вспомогательного, подсобного занятия превратится в основное занятие, что позволит увеличить занятость и сократить масштабы

безработицы в сельской местности. К концу 1960 г. было изготовлено и распределено свыше 330 тыс. усовершенствованных прялок и около 37 тыс. прядильщиков было обучено работе на них [170, 1963/64, с. 154].

Аналогичные усилия предпринимались и в других отраслях сельского ремесла. Так, в рисоперерабатывающем промысле внедрялись улучшенные ручные жернова и рисорушки, в маслодельном — улучшенные маслопрессы, в производстве местных сортов сахара — ручные и pedalные центрифуги, в койровом производстве — pedalные прядильные машины, в гончарном — улучшенные гончарные круги и обжиговые печи и т. п.

Однако, оставаясь в рамках кустарной техники производства, эти усовершенствованные орудия труда не могли обеспечить необходимого повышения производительности. Так, связанное с внедрением амбар чаркхи повышение производительности ручного прядения оказалось недостаточным для того, чтобы сделать последнее конкурентоспособным перед лицом фабричного прядения и стимулировать расширение производства. Значительная часть усовершенствованных прялок простаивала: в 1961 г. — 40%, а в 1963 г. — уже 60% [114, с. 94]. Ожидалось, что такие прялки будут работать по 8 часов в день в течение 300 дней в году; в действительности они работали в среднем по 2 часа в день в течение примерно 200 дней в году, т.е. около 17% расчетного времени [169, с. 440]. Таким образом, внедрение амбар чаркхи не смогло превратить ручное прядение из подсобного занятия (в основном женщин) в постоянную, основную работу. Удельный вес кхади, произведенного при помощи таких прялок в общем производстве кхади, увеличившись с 4,3% в 1956/57 г. до 36,1 в 1959/60 г., затем перестал расти и остался на уровне 35—36%. Аналогичным образом доля их в общей занятости кустарей-прядильщиков, поднявшись с 6,5% в 1956/57 г. до 24,8% в 1960/61 г., затем оставалась на уровне примерно 25% [114, с. 93; 170, 1961/62, с. 154, 1963/64, с. 113].

Разочарованные результатами внедрения амбар чаркхи, правительство резко сократило масштабы финансирования этой программы: с 60,5 млн. рупий в 1958/59 г. до 18 млн. рупий в 1962/63 г. Их доля в общих государственных расходах на развитие кхади упала с 31% в период второго пятилетнего плана до 9% в период третьего пятилетнего плана [114, с. 93—94]. В этот период предполагалось дополнительно внедрить 300 тыс. (4,5% плановой программы), а в последующие годы их внедрение фактически прекратилось [82, с. 285]. Была поставлена цель разрабатывать и распространять более производительные 6- и 12-веретенные прялки, но работа в этой области находится еще в начальной стадии. Кроме того, такое увеличение числа веретен требует значительно больших усилий для приведения прялки в движение, что ставит вопрос о желательности электродвигателя. Но это означает переход от ручного к машинному производству, резко удорожит орудия труда и потребует значительно больших средств

в связи с резким расширением масштабов производства. Основная масса кустарей-прядильщиков не обладает необходимыми для этого капиталами; поэтому наиболее подходящей для осуществления нового направления технических усовершенствований является не мелкотоварная, а мелкокапиталистическая промышленность. Таким образом, в социально-экономическом плане программа внедрения 12-веретенных прялок является известным перенесением акцента с поддержки докапиталистического на поддержку мелкокапиталистического производства.

Не удалось добиться сколько-нибудь значительного повышения технического уровня и других кустарных сельских промыслов. Как отмечалось в «Третьем пятилетнем плане», «те технические усовершенствования, которые были введены, были недостаточны для существенного повышения производительности и потому не получили всеобщего признания» [169, с. 442].

Наряду с усовершенствованием ручной техники производства принимались меры по разработке и внедрению «промежуточной техники» — механических орудий труда с электродвигателем: мелких электрифицированных рисорешек, маслопрессов (для производства растительных масел), дробилок сахарного тростника, в койровом производстве было намечено механизировать производство волокна и изготовление циновок и т. п. Однако, как и в случае с кхади, использование этой, значительно более дорогостоящей, техники требовало финансовых затрат, недоступных большинству кустарей, и потому осуществлялось уже в основном не на мелкотоварной основе, а на базе мелкокапиталистических предприятий. Рост таких предприятий весьма губительно сказывается на кустарном производстве соответствующих товаров, ибо небольшие размеры позволяют им использовать преимущества механизации для захвата ограниченных локальных рынков главной сферы сбыта продукции кустарей.

Со второй половины 60-х годов резко уменьшились также усилия государства по развитию государственной и государственно-кооперативной институциональной базы поддержки сельских и кустарных промыслов. Об этом свидетельствуют данные о численности различных государственных институтов и организаций, а также кооперативов в сфере деятельности Комиссии по кхади и сельским промыслам [60, 1979, ч. 1, табл. 15.3; 1980, ч. 1, табл. 16.3; 155, с. 196]:

Год	Зарегистрированные государственные институты и организации	Кооперативы
1955/56	242	60
1960/61	720	11 765
1965/66	1037	19 371
1970/71	675	23 298
1975/76	688	23 715
1977/78	694	27 383
1978/79	739	27 842
1979/80	735	24 800

Таблица 13

Первичные кооперативы в сельских кустарных промыслах в 1977/78 г.*

	Промыслы, находящиеся в ведении Комиссии по кхади и сельским промыслам							Шелководство	Койровый промысел
	кхади	рисочистка и помол зерна	производство растительных масел	производство гура и кханд-сари	свежение и дубление кож	производство изделий из кожи	гончарный промысел		
Число кооперативов, всего . .	156	678	1079	490	1111	740	607	206	479
действующих, число . .	71	199	418	288	280	337	213	105	384
%	46	29	39	59	25	46	35	51	80
Число индивидуальных членов, тыс. .	13	20	36	13	26	19	21	35	202
в том числе в действующих кооперативах, тыс. .	7	6	12	7	8	9	12	32	179
%	54	30	33	54	31	47	57	91	89
Павой капитал, млн. рупий .	1,4	1,8	4,9	4,7	2,5	2,3	1,8	1,2	19,1
Доли участия, %									
правительства	10	2	15	1	6	12	18	44	77
кооперативов	1	—	1	3	1	—	...
индивидуальных членов	89	98	84	96	93	88	82	56	23
из собственных средств	84	97	81	96	90	86	80	35	23
из займов правительства	5	1	3	...	3	2	2	21	...
Функционирующий капитал, млн. рупий	25,3	13,3	40,4	17,7	11,9	9,5	14,5	10,0	78,1
Стоимость продукции, млн. рупий	13,0	28,8	44,3	5,5	8,8	11,0	5,8	1,1	49,9
Сумма запродаж, млн. рупий	14,8	31,8	49,9	5,6	13,5	20,9	7,7	4,9	59,4
Средние размеры кооператива по числу членов									
всех обществ	83	29	33	26	23	26	35	170	422
действующих	99	30	28	24	29	27	56	305	466
по функционирующему капиталу, тыс. рупий	162	20	37	36	11	13	24	48	163

* Рассчитано по [164, 1977/78, ч. 2, с. 242, 248—250, 269—280, 284—299, 309—316].

Участие государства в развитии кооперации в основных сельских и кустарных промыслах было невелико (табл. 13). Об этом, в частности, говорит незначительность его доли в павом капитале (исключение составляют лишь шелководство и койровый промысел), а также общая ограниченность финансовых ресурсов, выделяемых кооперации. С этим связана финансовая и организационная слабость кооперативов. Число кооперативов и их членов невелико, причем очень большая часть их фактически бездействует. Даже в районах, на которые распространяются программы помощи государства, доля ремесленников, охваченных кооперацией, ничтожна. В частности, в кхади на долю кооперативов в 1977/78 г. приходилось 1,4% ремесленников (в том числе

на долю действующих кооперативов — 0,8%), 2% их продукции и 2,2% их запорож [60, 1979, ч. 1, табл. 15.3].

Доля кооперации в шелководстве тоже незначительна: в 1977/78 г. на кооперативы приходилось лишь 1% занятых в этой отрасли. Наибольшее развитие получила кооперация в койровом промысле: в том же году она охватывала 40% занятых, в том числе в действующих кооперативах — 36%. Доля ее в общем производстве отрасли в конце 70-х годов составляла примерно 20—25% [71, с. 182; 155, с. 199].

Государственная помощь оживила такую практически исчезнувшую отрасль, как кхади. Производство тканей из кхади возросло с 1,3 млн. м в 1951/52 г. до 84,8 млн. м в 1965/66 г. Но, достигнув в этом году рекордного уровня, производство кхади затем стало сокращаться или стагнировать. Удельный вес кхади в общей продукции текстильной промышленности остается небольшим: с 8% в 1960/61 г. доля кхади в общем количестве произведенных в стране хлопчатобумажных тканей поднялась до 11 в 1965/66, но затем снизилась до 7 в 1970/71 и 1972/73 и менее чем до 1% в 1979/80 г. [60, 1974, ч. 1, табл. 11.2; 1980, табл. 16.3; 74, 1974/75, с. 75].

Тенденция к затуханию темпов роста, стагнации или сокращению производства с середины 60-х годов характерна и для многих других основных сельских промыслов. Что касается увеличения стоимости продукции, то оно отражает преимущественно инфляционный рост цен, а также расширение числа промыслов, охватываемых программами Комиссии по кхади и сельским промыслам с 14 в 1965/66 г. до 20 в 1970/71, 24 в 1977/78 и 26 в 1979/80 г.

В целом масштабы достигнутого производства весьма невелики. Помимо кхади программы помощи комиссий затронули реально еще лишь три промысла. Так, в 1967/68 г. в общей стоимости продукции всех сельских промыслов (кроме кхади) в районах и сфере действия этих программ доля продукции ручной рисоочистки и помола зерна составила 19%, производства растительных масел — 27, гура и кханда — 29%. На долю продукции всех остальных промыслов приходилось, таким образом, лишь 25% [185, январь, 1971, с. 5].

Стагнация производства с середины 60-х годов характерна и для койровой промышленности, что во многом связано с сокращением экспорта койровых изделий (тыс. т): 1950/51 г. — 84, 1955/56 — 81, 1960/61 — 71, 1965/66 — 70, 1970/71 — 49, 1975/76 г. — 36 [60, 1950/51 — 1970/71, с. 96—97; 71, с. 183; 74, 1974/75, с. 103, 1977/78, с. 102, 1979/80, с. 129; 185, январь, 1971, с. 4]. Поскольку на внешних рынках реализуется примерно половина продукции этой отрасли, такое сокращение не могло не сказаться на уровне производства.

Относительно устойчивые темпы характеризовали лишь рост продукции шелководства — шелка-сырца, базирующийся на импорте замещения.

Общее число занятых в производстве кхади, достигнув максимума в середине 60-х годов, затем резко сократилось и начало вновь расти лишь в конце 70-х годов. Рост занятых в остальных сельских промыслах, находящихся в ведении Комиссии по кхади и сельским промыслам (особенно постоянно занятых), шел более устойчивыми темпами, отчасти за счет включения в эту сферу новых промыслов. В целом, однако, с середины 60-х годов наблюдалось сокращение или стагнация общего числа занятых. Заметный рост вновь начался лишь в конце 70-х годов. Максимум, достигнутый в 1965/66 г., был превзойден лишь в 1979/80 г.

Правда, степень занятости в расчете на каждого занятого, видимо, возросла. Об этом говорит заметное увеличение доли полностью занятых в общем числе занятых (при среднегодовой занятости в производстве кхади 180—190 дней в году полностью занятые работали в 1965/66 г. 6—8 часов в день, а частично занятые — 4—6 часов) [185, январь 1971, с. 7].

В какой-то мере это, очевидно, способствовало повышению доходов кустарей, хотя в целом рост этот был незначительным и не внес коренных улучшений в их жизненный уровень. Средний доход ремесленника в сфере деятельности Комиссии по кхади и сельским промыслам с 1955/56 по 1979/80 г. увеличился в 5,8 раза; однако за тот же период оптовые цены возросли в 5,3 раза, а розничные — в 4,4 раза [60, 1980, табл. 18.4, 18.7; 74, 1980/81, с. 110; 182, март 1980, с. 473]. Иными словами, средний реальный доход кустаря за 24 года увеличился примерно на 30%.

При крайне низком исходном уровне дохода такое увеличение не могло сделать хозяйство кустаря жизнеспособным. По отношению к средней заработной плате фабричного рабочего средний доход в кустарных промыслах составлял в 1977/78 г. лишь 7%, а по отношению к прожиточному минимуму потребительских расходов в расчете на душу населения (определяющему черту бедности) он составлял в 1979/80 г. 46% для сельской местности и 40% для городской [155, с. 51, 441]. Таким образом, он более чем вдвое ниже того минимума, который необходим для того, чтобы вывести за черту нищеты самого кустаря, и, естественно, не обеспечит существование его семьи. Он может стать лишь весьма ограниченным подспорьем в их общих доходах, побочным доходом семьи.

Следует также отметить, что программы помощи не всегда в полном объеме достигают тех сельских кустарей, для которых они предназначены. В частности, в докладе Комитета по кхади и сельским промыслам (1968 г.) отмечалось, что «главными получателями помощи по программе развития кхади были женщины из семей средних классов» и что «выгоды от программ развития сельских промыслов не достигли нуждающихся слоев сельского населения» (цит. по [185, январь 1971, с. 8]).

Подводя общие итоги осуществления программ Комиссии по кхади и сельским промыслам к 1979/80 г., составители «Шестого пятилетнего плана» пишут следующее: «Большое число коопе-

ративов продолжает оставаться бездействующими. Существующая сбытовая инфраструктура не способна справиться с увеличившимися масштабами деятельности, и объем непроданных товаров остается большим. Производительность и доходы низки, что отражает низкий уровень технологии в этом подсекторе» [155, с. 196].

Но даже эти программы распространялись лишь на незначительную часть сельских ремесленников. Как отмечалось в том же документе, «даже среди промыслов, включенных в программы Комиссии по кхад и сельским промыслам, степень охвата ремесленников низкая, и эта деятельность по-прежнему ограничена несколькими штатами, на которые традиционно приходится основная часть производства и занятости» [155, с. 196].

Согласно официальной оценке, в 1965/66 г. программы комиссии охватывали лишь 19% всех занятых в рисоочистительном и мукомольном промысле, 16 — в производстве растительного масла, 16 — в производстве дубленых кож, примерно $\frac{1}{3}$ кустарного производства спичек, 6% производства и 2% занятых в гончарном промысле, 4% производства гура и кханда, 3,4% кустарного производства мыла. Доля кустарей, охваченных этими программами, в бумагоделательном, кузнечном и плотницком промыслах была ничтожной [185, январь 1971, с. 9]. Поскольку, как уже говорилось, после 1965/66 г. масштабы осуществления программ по развитию большинства сельских кустарных промыслов расширились незначительно, а в ряде случаев даже сократились, их влияние на эти промыслы практически не увеличилось.

В целом степень государственного воздействия на эту наиболее отсталую часть кустарного производства, в основном докапиталистического, сосредоточивающую большинство кустарей и ремесленников страны, была незначительной, особенно после резкого замедления темпов расширения этих программ со второй половины 60-х годов.

* * *

Подводя итог всему сказанному о политике государства в отношении кустарной промышленности, можно выделить два основных этапа этой политики.

До середины 60-х годов происходило довольно быстрое расширение программ помощи этой промышленности путем сдерживания роста конкурирующих с нею отраслей фабричной промышленности, резервирования за нею определенной части рынка сырья и рынка сбыта, внедрения усовершенствований техники производства, широкого применения государственных субсидий. Институциональной основой этой политики было развитие системы государственно-кооперативных организаций, которое, по сути дела, означало курс на преобразование докапиталистических укладов промышленности в государственно-капиталистический

уклад. Результатом этого этапа был заметный рост производства и занятости в кустарных промыслах, охваченных программами помощи, расширение доли кустарной промышленности, охваченной кооперацией.

С середины 60-х годов наблюдается перенос акцентов государственной политики в области промышленности на развитие мелкого механизированного производства современного типа. Одновременно ослабевает курс на развитие кооперации в мелкой промышленности. По сути дела, это означало перенос центра тяжести с поддержки докапиталистических и государственно-капиталистического укладов мелкой промышленности на частнокапиталистический. Поскольку основное внимание стало уделяться развитию более капиталоемкой и менее трудоемкой мелкой промышленности современного типа, задача обеспечения занятости объективно отступила на второй план, а на первый план выдвинулось развитие мелкого капиталистического предпринимательства. Результатом этого курса стала тенденция к стагнации и даже сокращению докапиталистического кустарного производства, которая усиливалась ростом мелких капиталистических производств, вытеснявших кустарную промышленность с местных, локальных рынков. Внутри самой кустарной промышленности, ее более современных секторов, усиливается частнокапиталистический уклад за счет докапиталистических и государственно-капиталистического. В той мере, в какой рост кустарной промышленности все же происходит, значительная часть связанного с этим увеличения доходов присваивается хозяевами кустарных заведений, торгово-ростовщическим капиталом, тогда как положение основной массы кустарей и ремесленников остается крайне тяжелым.

Обострение проблемы занятости несколько усиливает внимание государства к кустарной промышленности в конце 70-х годов, особенно с периода правления партии «Джаната». Однако принятые меры, при сохранении в основном прежнего курса, были недостаточными для сколько-нибудь существенного изменения положения. Как отмечалось в «Проекте пятилетнего плана на 1978—1983 гг.», составленном при правительстве партии «Джаната», «расширение занятости в большинстве традиционных сельских промыслов не оправдало надежд... Расширение объема производства в ряде традиционных промыслов было совершенно незначительным... Цели различных программ по повышению квалификационного уровня работников и техники производства, развитию вспомогательных производств, росту промышленности в сельских и полугородских районах и повышению уровня доходов в ряде этих промыслов в общем и целом не были достигнуты в сколько-нибудь ощутимых масштабах... Большинство ремесленников, кустарей и других мелких промышленников не смогло получить необходимого комплекса помощи и услуг, особенно дефицитного сырья... Большинство кустарей и ремесленников, особенно принадлежащих к более бедным слоям общества и рабо-

тающих в мелких городах и деревнях, не смогли удовлетворить свои потребности в кредите» [71, с. 177].

Эти выводы были фактически подтверждены в «Шестом пяти-летнем плане», составленном уже при правительстве ИНК(И): «Сектор традиционных промыслов по-прежнему характеризуется низким уровнем технологии, который приводит к низкой производительности и недостаточным доходам. Наряду с этим трудности с получением сырья нужного качества по доступным ценам и отсутствие должной системы сбыта их продукции по достаточно высоким ценам лишили ремесленников значительной части тех доходов, которые они могли бы получить. Увеличившийся приток институциональных средств в децентрализованный промышленный сектор недостаточно распространился на ремесленный сектор, который в удовлетворении основной части своих потребностей в капитале продолжает зависеть от неинституциональных источников, часто под непомерно высокий процент» [155, с. 188]

«Большое число ремесленников и кустарей,— отмечается далее в этом документе,— в обеспечении ресурсами и сбыте продукции, как и ранее, в значительной мере зависят от торговых посредников, которые присваивают основную часть их доходов. Сбыт продукции таких традиционных промыслов, как кустарное ткачество, художественные промыслы и кхади, по-прежнему в очень большой степени зависит от предоставляемой им скидки; при отсутствии скидок объем непроданной продукции достигает весьма крупных размеров» [155, с. 194].

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СТРУКТУР НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Характер воздействия традиционных структур на темпы и пропорции экономического роста определяется, с одной стороны, закономерностями расширенного воспроизводства в низших докапиталистических укладах, с другой — взаимодействием этих укладов и современного капиталистического сектора, влиянием традиционных структур на капиталистическое расширенное воспроизводство. Разграничение этих двух аспектов воздействия докапиталистических структур является в значительной мере условным, поскольку оба аспекта теснейшим образом взаимосвязаны между собой. Однако, на наш взгляд, оно оправдано из методических соображений, так как позволяет рассмотреть роль традиционной периферии в экономическом росте с различных сторон.

Темпы и пропорции воспроизводства в докапиталистических укладах

Рассмотренные факторы функционирования докапиталистических укладов проявляются весьма противоречиво в характере их динамики в период независимости.

Прежде чем приступить к анализу конкретных результатов этой динамики, представляется целесообразным выявить их общие параметры в структуре национального хозяйства. До сих пор индийская статистика не дает сводных показателей на этот счет. В обобщенных же материалах национальных счетов традиционные типы хозяйства учитываются совместно с другими низшими укладами, что в совокупности квалифицируется, по индийской терминологии, как неорганизованный сектор соответствующих отраслей (табл. 14). Подобная группировка правомерна лишь в том случае, когда еще нет в действительности полного выделения мелкокапиталистического уклада из разряда всего мелкого производства. Вместе с тем представляется, что названный процесс в Индии до сих пор не завершился.

В 1960/61 г. из пяти основных сфер экономики в трех (сельское хозяйство, торговля и банковское дело) наблюдалось ошутимое преобладание неорганизованного сектора. К 1978/79 г. почти во всех указанных сферах относительно сокращалась доля

Т а б л и ц а 14

Динамика чистого продукта в организованном и неорганизованном секторах *, %

	1960/61 г.			1965/66 г.			1970/71 г.			1976/77 г.			1978/79 г.		
	удельный вес			удельный вес			удельный вес			удельный вес			удельный вес		
	в от- расли	в чистом внутреннем продукте		в от- расли	в чистом внутреннем продукте		в от- расли	в чистом внутреннем продукте		в от- расли	в чистом внутреннем продукте		в от- расли	в чистом внутреннем продукте	
Сельское хозяйство	1,2	0,59		1,5	0,7		1,4	0,6		1,9	0,8		2,1	0,8	
организованный сектор	98,8	48,5		98,5	45,1		98,6	46,7		98,1	39,0		97,9	36,7	
неорганизованный сектор															
Обрабатывающая промышленность	57,5	8,1		60,7	8,8		62,4	8,3		63,1	9,8		63,5	10,6	
организованный сектор	42,5	5,9		39,3	5,8		37,6	5,1		36,9	5,7		36,5	6,1	
неорганизованный сектор															
Транспорт (включая складские помещения и связь)	81,9	3,5		84,1	3,8		66,3	3,0		62,0	3,3		56,3	2,9	
организованный сектор	18,1	0,7		15,9	0,7		33,7	0,2		38,0	0,2		43,7	0,2	
неорганизованный сектор															
Торговля (включая отели и рестораны)	9,1	0,8		10,0	1,1		7,5	0,8		9,9	1,3		9,1	1,2	
организованный сектор	90,9	8,8		90,0	9,6		92,5	10,3		90,1	12,2		90,9	12,7	
неорганизованный сектор															
Банковское дело (включая страхование имущества, операций)	29,2	1,2		37,8	1,6		38,5	1,8		54,1	3,0		53,4	3,0	
организованный сектор	70,8	2,9		62,2	2,7		61,5	3,0		45,9	2,6		46,6	2,6	
неорганизованный сектор															

* Рассчитано по [120, с. 136—137; 152—153].

неорганизованных хозяйств, а в банковском деле организованный сектор занял преобладающее положение.

В сельском хозяйстве в начале периода независимости наблюдалось абсолютное преобладание мелких и мельчайших хозяйств. По данным доклада комиссии по борьбе с наводнениями и переписи 1951 г., численность всех хозяйств до 4 акров определялась соответственно в 62,5 и 62,0%.

Наблюдающаяся дробность низших групп хозяйств становилась камнем преткновения для ускорения подъема сельского хозяйства и повышения его эффективности. Об исключительной важности реорганизации структуры землевладения и землепользования в Индии говорилось еще в колониальное время в материалах национального комитета по планированию: «До тех пор пока радикально не реорганизована вся система землепользования и пока земельные участки не приспособлены в гораздо большей степени для экономичного функционирования, чем это имеет место теперь, потенциал наших земель останется значительно ниже нормального или оптимального уровня» [123а, с. 23—24]. Плановая комиссия Индии, в свою очередь, отмечала на старте независимости (1952 г.), что в основе многих трудностей, препятствующих развитию сельского хозяйства, лежит то, что великое множество землевладений малы по своим масштабам и неэкономичны [81, с. 187].

За годы независимости в стране фактически не удалось добиться ограничения парцелляции крестьянских участков и их консолидации. Не дали ощутимых результатов и разработанные в отдельных штатах (например, в Бомбее и Уттар-Прадеше) мероприятия по установлению пределов допустимого дробления земель, равно как первоначально широко декларировавшиеся программы кооперирования мелкого землепользования. В частности, введение в оборот новых земель, явившееся в 50-е годы решающим фактором повышения производства в сельском хозяйстве, не смогло оказать сколько-нибудь серьезного сдерживающего воздействия на преодоление парцелляции земель.

Для того чтобы судить о степени тормозящего воздействия отмеченных особенностей функционирования традиционных укладов на масштабы производства в сельском хозяйстве и его эффективность, следует сделать одно предварительное замечание. В 50-е годы, т. е. на стадии преимущественно экстенсивного роста сельскохозяйственного производства, применение традиционной техники и технологии, базировавшейся на тягловой силе и ручном труде, не только не тормозило продуктивности труда, но и в условиях роста давления на землю могло сопровождаться более высокой производительностью на небольших участках по сравнению с крупными. Причина в том, что использование таких обычных средств производства, как воловья упряжка, плуг, органические удобрения, в сочетании с усиленным ручным трудом фактически означало относительно большее приложение капитала на единицу площади. К тому же 50-е годы представляли собой пе-

риод сравнительно благоприятных цен на продукцию сельского хозяйства.

Отмеченное положение основательным образом изменилось в 60-е годы с внедрением в стране новой сельскохозяйственной стратегии и развертыванием «зеленой революции», что означало переход к интенсивным способам хозяйствования. Связанная с применением целого комплекса технико-экономических средств (усовершенствованные машины и инвентарь, высокоурожайные семена, химические удобрения, пестициды и др.), а также с расширением ирригации, новая стратегия улучшила условия функционирования аграрной сферы и способствовала увеличению производства в средних и крупных хозяйствах.

Сказанное, разумеется, не исключало при благоприятных обстоятельствах известных перспектив наращивания производства в низших группах хозяйств, особенно при наличии орошения или каких-либо других факторов интенсивного порядка. В связи с этим в индийской печати встречаются, на наш взгляд, преувеличенные заключения, что стратегия интенсификации сельского хозяйства меняет условия производства на малых площадях.

Таблица 15

Показатели хозяйственной деятельности 75 низших сельских дворов в дистрикте Горакхпур в 1973/74 г. *

Группа хозяйств	Средний состав семьи	Число способных к труду	Число работающих	Средний размер функционирующего хозяйства, акры	Доля орошаемой площади, %	Интенсивность хозяйствования, %
Дворы безземельных сельскохозяйственных рабочих	5,32	4,68	4,68	—	—	—
Маргинальные дворы	4,38	3,36	3,32	1,53	18,75	148,35
Дворы мелких хозяйств	4,60	3,20	3,00	3,56	12,35	136,72

* [178, 10.03.1975].

В данном контексте наглядной иллюстрацией служат материалы микроэкономического обследования 75 индивидуальных дворов, предпринятого в дистрикте Горакхпур (Уттар-Прадеш). Были изучены условия труда и быта батраков, а также крестьян-собственников, имевших маргинальные и мелкие наделы — в среднем 1,53 и 3,56 акра (табл. 15). Площади мельчайших хозяйств использовались более эффективно даже по сравнению с мелкими наделами, что определялось большим использованием орошения. В данном обследовании вместе с тем отмечалось, что из-за малых размеров площадей ни те, ни другие хозяйства, как правило, не добивались самоокупаемости, что не могло не препятствовать их расширенному воспроизводству.

Помимо того, имеются свидетельства роста в ряде случаев технической оснащенности докапиталистических хозяйств. Согласно сообщениям печати, расширение интенсивных приемов земледелия в Гуджарате нашло свое проявление также в том, что отдельные мелкие дворы оказались клиентами тракторных прокатных пунктов. В районе Канджари, где имелись достаточные ирригационные ресурсы и где выращивалось до трех урожаев в год, в числе клиентуры проката были зафиксированы дворы с наделами от 2 до 5 акров и от 5 до 10 акров. Последние группы преобладали. С увеличением размеров владений удельный вес хозяйств, пользовавшихся услугами станций, неуклонно снижался. Так, среди владений свыше 15 акров только 12% прибегали к услугам пунктов проката. Крупные хозяйства зачастую обладали собственными машинами.

Тем не менее в печати отмечалось, что практика найма тракторов все же отнюдь не нейтральна к физическим размерам крестьянских наделов. В названном районе маргинальные дворы (до 2 акров) почти не пользовались прокатом тракторов, что объяснялось главным образом отсутствием денежных средств. В этом случае крестьяне по традиции стремились прибегать к найму тяглового скота, хотя это не всегда можно было сделать в страдную пору.

В другом районе Гуджарата — Джунагархе, отличавшемся малым ирригационным потенциалом и ограничивавшемся выращиванием одного урожая, прокат трактора могли позволить себе главным образом средние дворы (от 5 до 10 акров) и крупные. На долю же хозяйств от 2 до 5 акров приходилось всего 17% проката. Удельный вес крупных дворов, применявших наем трактора, был выше, чем в Канджари. Наиболее типичными клиентами здесь были хозяйства с наделами до 20 акров. Что же касается мельчайших хозяйств (2 акра и менее), то они не могли нанять трактор вообще.

Отмеченные факты достаточно убедительно говорят о наличии прямой зависимости между размерами участков низших групп дворов и возможностями применения современных средств механизации. Показательно, что если на предыдущем, т. е. экстенсивном этапе процесс развития сельскохозяйственного производства осуществлялся более или менее повсеместно, захватывая и богарные земли, то интенсивные методы применяются в большей степени в районах гарантированного орошения, причем в крупных хозяйствах.

Новая сельскохозяйственная стратегия затронула мелкие и маргинальные хозяйства в гораздо меньшей мере, чем крупные. Мелкокрестьянским дворам было просто не под силу комплексное использование современных факторов производства, тем более что с начала 70-х годов рыночная конъюнктура стала неблагоприятно складываться для продукции сельского хозяйства. В частности, при общем росте индекса оптовых цен на зерновые с 101,1 в 1970/71 г. до 207,8 в 1980/81 г. индекс цен на удобрения

за это же время возрос со 100,6 до 242,7, на пестициды — со 101,5 до 328,6, на металлы и металлоизделия — со 104,7 до 271,8, на топливо, энергию, нефть — со 105,9 до 353,9 [139, 1981/82, с. 28].

Ограниченные возможности использования традиционными хозяйствами современной сельскохозяйственной техники и инвентаря, как и различных других достижений научно-технической революции, сдерживаются не только нехваткой денежных средств. Растущая безработица в стране побуждает руководящие круги выступать за проведение, в сущности, лишь выборочной механизации. Так, Плановая комиссия в конце 70-х годов указывала, что организация государственных пунктов проката тракторов должна предусматриваться только в районах недостаточного дождевого орошения, при трудностях в обеспечении тягловым скотом в нужный момент, при первичной обработке почвы, особенно в тераях, при мелиорации огромных земельных массивов [71, с. 143].

Представляется, однако, что вследствие практического истощения ресурсов свободных земель повышение продуктивности сельского хозяйства, в том числе посредством тракторизации и механизации, остается основательным резервом столь необходимого увеличения масштабов производства в данной отрасли. К тому же не подлежит сомнению, что интенсификация сельских работ не обязательно должна усугублять безработицу. Известно, что если в Индии в 70-е годы на 100 га посевных площадей приходилось только 90 человек занятых, то при более интенсивном земледелии на ту же площадь, например, в Египте требовалось 181, а в Японии — 219 человек [177, 3.03.1979, с. 31]. Весьма убедительными в этом контексте представляются материалы Национального совета прикладных экономических исследований, опубликованные в конце 70-х годов и посвященные воздействию тракторизации на занятость, производительность труда и доходность в земледелии. Они охватывали 26126 землевладений, находившихся в разных агроклиматических условиях. Произведенные подсчеты указывают на увеличение сборов урожая, более высокую интенсивность земледелия, увеличение применения наемной рабочей силы и возрастание доходов в тех хозяйствах, где в сельскохозяйственных работах применялись трактора. Не было выявлено ни одного случая сколько-нибудь значительного вытеснения живого труда в соответствующих механизированных хозяйствах [178, 6.03.1980].

Рассмотренные факторы, тормозящие производительность труда в традиционном земледелии, в свою очередь, не могут не оказывать депрессивного влияния на продуктивность национального сельского хозяйства в целом. В абсолютных показателях это выразилось в снижении производительности на одного занятого с 1641 рупии в 1962/63 г. до 1591 рупии в 1970—1973 гг.

Не менее типичны и другие негативные явления в практике функционирования традиционных структур в данной отрасли, которые серьезно тормозят их развитие. Так, в годы независимости

явно усилилась нестабильность сельскохозяйственного производства. По подсчетам индийских экономистов, коэффициент его нестабильности в колониальную эпоху был ниже, чем в годы независимости. Этот коэффициент увеличился с 4 в 1950/51 г. до 8 в 60-е годы [57, с. 6—7]. Одна из причин его возрастания связана с ухудшением условий производства в низших хозяйствах, в той мере, насколько для них осложняется доступ к ирригации, т. е. к основному фактору интенсификации для названного рода хозяйств. При дефиците ирригационных ресурсов крупные землевладельцы располагают большей гарантией получения воды государственной ирригации. По сообщениям печати на начало 70-х годов, наименее обеспеченные земледельцы штата Уттар-Прадеш были не в состоянии добиться достаточного водоснабжения, когда это было наиболее необходимо, хотя государственные колодцы предназначены преимущественно для удовлетворения потребностей малоимущих крестьян. Поэтому крестьяне не считали артезианские колодцы госсектора надежным источником снабжения водой и порой были вынуждены прибегать к дорогостоящим услугам частных ирригационных сооружений. Таким образом, ирригация, будучи немаловажным инструментом социально-экономической политики, нередко превращалась в средство первоочередного обслуживания интересов деревенской элиты.

В органической зависимости от рассмотренных условий функционирования традиционных хозяйств находится и степень товарности производимой ими сельскохозяйственной продукции.

Согласно подсчетам индийских экономистов, удельный вес товарного выхода мелкокрестьянских хозяйств (до 5 акров) во всей товарной продукции земледелия снизился с 26% в 1950/51 г. до 16% в 1960/61 г. Причем указанное падение было не только относительным, но и абсолютным, коль скоро товарное предложение по отношению к общей массе продуктов растениеводства возросло в Индии весьма незначительно — до 35% в 1960/61 г. против 33,4% в 1950/51 г., т. е. в 50-е годы рассматриваемые хо-

Таблица 16

Товарный выход продукции двух деревень за 1971—1975 гг.*

Группа хозяйств	Размер наделов, акры	Стоимость годовой продукции, рупии	Товарная продукция в валовом производстве соответствующих групп хозяйств, %	Доля товарного выхода в массе всей товарной продукции обеих деревень, %	Доля валовой продукции всех групп в валовом объеме производства обеих деревень, %
Безземельные	—	8 800	25,5	2,1	5,8
Мелкие	0—5	23 720	25,4	5,6	15,7
Средние	5—10	86 320	64,7	20,5	22,1
Крупные	10 и более	303 100	87,0	71,8	56,5

* [57, с. 121].

зяйства практически не способствовали поддержанию товарной массы в стране, так как в 1960/61 г. они закупили на рынке те же 16% товарного зерна [57, с. 25—27].

Также известно, что за 1950/51—1965/66 гг. темпы роста товарных излишков в земледелии в целом составляли 2,9% ежегодно и повысились до 5% в 1965/66—1973/74 гг. [57, с. 24]. В результате если мелкие и мельчайшие хозяйства совместно со средними хозяйствами обеспечивали в 1950/51 г. до половины товарной продукции, то в 1960/61 г. на их долю уже приходилась только $\frac{1}{3}$ ее часть.

Отсутствие сопоставимых показателей в официальной статистике не позволяет проследить отмеченную тенденцию в последующие годы в масштабах всей страны. Тем не менее определенное представление на этот счет дают материалы обследования двух деревень в дистрикте Чинглепут (Тамилнаду), принятых индийскими экономистами в первой половине 70-х годов (табл. 16).

Мелкие хозяйства, включая арендаторов, обеспечивали менее 8% товарной продукции. На долю же крупных хозяйств приходилось чуть ли не $\frac{3}{4}$ всего товарного выхода. Налицо явно тенденция к дальнейшему падению товарности на мелких участках. Вывод индийских экономистов сводился к тому, что беднейшие дворы в 70-е годы выступали как чистые покупатели, а не как производители товарного зерна.

Неизбежное следствие неблагоприятных условий производства, наблюдающихся в традиционных сельских структурах — явная недостаточность доходов даже для обеспечения простого воспроизводства. Поэтому заработки и доходы, получаемые за пределами собственно сельскохозяйственной сферы, занимают существенное место в бюджете соответствующих семей. Об этом наглядно свидетельствуют уже упоминавшиеся материалы обследования 75 сельских дворов в дистрикте Горакхпур за 1973/74 г. (табл. 17).

За счет занятости вне сферы сельскохозяйственного производства маргинальные хозяйства обеспечили примерно половину совокупных доходов (50,2%), тогда как мелкие хозяйства — 51,6%. Для безземельных сельскохозяйственных рабочих характерно преобладание доходов, обеспечиваемых в сфере найма в сельском хозяйстве. Едва ли будет большим преувеличением считать, что структура доходов 75 беднейших дворов дистрикта Горакхпура вполне типична для традиционных деревенских хозяйств всей Индии.

При оценке движения традиционных структур в области промышленности нельзя не указать на серьезные трудности подбора статистических материалов из-за отсутствия в Индии систематизированных, сопоставимых данных, отвечающих требованиям необходимой периодичности. В отношении кхади и деревенской промышленности отмечалось, что статистика охватывает только те индивидуальные хозяйства, которые находились в ведении Комиссии по кхади и деревенской промышленности; тем самым ис-

Таблица 17

Размер чистого дохода в низших группах сельских дворов за 1973/74 г. *,
рубли

Группа хозяйств	Сельскохозяйственные трудовые доходы				Несельскохозяйственные трудовые доходы				
	Работа на собственном участке	Работа по найму	Другие заработки в сфере сельского хозяйства	Всего	Сфера услуг	Ремесло и художественные промыслы	Свободные профессии	Работа по найму	Итого
Безземельные сельскохозяйственные рабочие	—	1728,4	—	1728,4	—	—	—	475,2	2203,06
Маргинальные хозяйства	1225,36	1090,42	75,00	2390,78	—	5,60	5,20	37,40	2438,98
Мелкие хозяйства	1908,20	1162,80	267,50	3338,50	47,00	31,75	106,75	420,00	3944,00
Всего	917,30	1364,76	96,34	2378,40	1,25	10,34	30,20	425,80	2845,99

* [178, 10.03.1975].

Т а б л и ц а 18

Динамика основных форм мелкого промышленного производства *

Отрасль	Объем производства, млн. рублей		Занятость,		Экспорт, млн. рублей	
	1973/74 г.	1979/80 г.	1973/74 г.	1979/80 г.	1973/74 г.	1979/80 г.
А. Кустарная промышленность						
Кхадн	330	980	884	1 124	—	—
Деревенская промышленность .	1 220	3 140	927	1 821	—	—
Ручное ткачество .	8 400	17 400	5 210	6 150	770	2 610
Художественные промыслы и ремесло	10 650	20 500	1 500	2 030	1 950	8 350
Шелководство	630	1 310	1 200	1 600	140	490
Койровое производство	600	860	507	559	160	300
В целом группа А	21 830	44 190	10 221	13 284	3 020	11 750
Б. Современная мелкая промышленность						
Мелкая промышленность	72 000	190 600	3 965	6 460	5 380	10 500
Электрифицированные ткацкие станки	19 800	32 500	1 000	1 100	—	незначит.
В целом группа Б	91 800	223 100	4 965	7 560	5 380	10 500
В. Прочие группы	22 370	42 060	2 450	2 500	—	—
Все мелкое производство	136 000	309 350	17 636	23 344	8 400	22 250

* [155, с. 187].

ключалась существенная часть сельского промышленного производства, не входящая в ее компетенцию. Определение масштабов производства ручного ткачества осуществлялось на основе учета поставок кустарям фабричной пряжи. Что касается ремесла, сводные показатели составлялись на основе сведений об экспортных операциях, сообщаемых Директоратом по государственным закупкам. Тем не менее эти фактически данные дают возможность выявить основные тенденции движения низших форм промышленности и получить достаточно обоснованное представление об их реальных масштабах.

Как отмечалось в табл. 14, доля вновь произведенной стоимости неорганизованного сектора в составе всей обрабатывающей промышленности страны составляла 42,5% в 1960/61 г. и 36,5% в 1978/79 г. Чтобы выделить из названного сектора удельный вес собственно докапиталистических структур, уместно рассмотреть содержащиеся в тексте шестого плана общие сопоставимые сведения о движении производства традиционных и мелкокапиталистических хозяйств за 1973/74—1979/80 гг. (табл. 18).

Докапиталистические уклады по своим масштабам занимают весьма скромное положение в общем выпуске продукции мелкого промышленного производства: лишь 14,3% в 1979/80 г. против 16,5% в 1973/74 г. Только по объему занятости данные уклады все еще ощутимо превосходят мелкую механизированную промышленность, хотя в этом отношении ее размеры относительно сокращаются. Если учесть, что численность мелкокапиталистических предприятий определялась в 1964 г. лишь в 36 тыс., в 1973/74 г. — в 312 тыс. и в 1979/80 г. — примерно в 800 тыс. [178, 3.06.1982], то можно сделать вывод, что темпы роста мелкой механизированной промышленности особенно возросли по сравнению с традиционным сегментом со второй половины 60-х годов.

Вместе с тем, как отмечалось ранее, развитие мелкого производства, в том числе наиболее отсталых его звеньев, являлось одной из первоочередных задач государственной экономической политики, обнародованной в первые годы независимости. Плановая комиссия уже тогда отмечала, что обусловленное обычным техническим прогрессом любое нововведение в той или иной отрасли неизбежно ведет к подрыву и вытеснению низших промышленных форм через механизм внутриотраслевой конкуренции. Поэтому комиссия указывала, что, пока планирование и развитие деревенской промышленности, а также мелкой промышленности не будет рассматриваться как органическая часть программ, разрабатываемых для аналогичных отраслей крупной промышленности, до тех пор будет чрезвычайно трудно стимулировать рост соответствующей периферии, ибо почти каждый технологический или экономический фактор будет становиться препятствием на пути их подъема.

Переходя к рассмотрению итогов развития различных докапиталистических типов промышленности, следует сказать, что их пе-

речень в работе в основном определяется соответственно принятой в индийской статистике классификацией.

С утверждением национальной государственности началось поощрение производства кхади в целях обеспечения занятости в сельской местности и удовлетворения потребностей населения в одежде, хотя деятельность Махатмы Ганди и бойкот иностранных товаров дали немалый импульс этому производству еще накануне независимости.

Стоимость продукции кхади в текущих ценах возросла с 20 млн. рупий в начале 50-х годов до 980 млн. рупий в 1979/80 г. Доля хлопчатобумажного кхади составила до $\frac{2}{3}$ всего объема производства. Число занятых за указанное время увеличилось с 400 тыс. до 1124 тыс. (большей частью при неполном рабочем дне). Продукция кхади предназначена преимущественно для нужд деревенских жителей. Рост производства кхади отличался большой неравномерностью. Выпуск продукции по нарастающей кривой наблюдался лишь до 1965/66 г., после чего произошел значительный спад, отчетливо просматривающийся в следующих данных (млн. кв. м) [178, 8.03.1982]:

1960/61 г.	1965/66 г.	1968/69 г.	1973/74 г.	1979/80 г.
53,76	84,85	66,0	56,0	81,0

Происшедший весьма резкий подъем производства к середине 60-х годов был технически связан с введением в оборот более производительной прялки амбар в 1956/57 г., а позднее — 2-, 6- и 12-шпиндельных прялок. Спад же объяснялся возрастанием цен на сырьевые материалы и другими факторами, влиявшими на производственные издержки. Наметившееся тем самым ошутимое вздорожание продукции кхади крайне затрудняло ее сбыт. Даже с учетом субсидирования изделий кхади их продажная цена заметно превышала складывавшийся на рынке уровень. Имело значение и происходившее наращивание выпуска более дешевого текстиля в иных подразделениях, в том числе на механических станках. Только благодаря применению в центре и штатах активных мер стимулирования производства и сбыта, включая замену изношенных прялок, удалось добиться увеличения темпов роста производства кхади. За 1973/74—1979/80 гг. объем продукции в текущих ценах возрастал на 12,3% в год. Тем не менее по физическому объему потолок 1965/66 г. к указанному году не был достигнут.

Важным резервом увеличения выпуска кхади является повышение его производственной эффективности. По официальному признанию, это оказало бы благоприятное воздействие на всю экономику, поскольку позволило бы снизить субсидирование сбыта соответствующей продукции. Осуществленное за годы независимости совершенствование производства затрагивало все стадии технологического процесса — от подготовки прядильных операций до выпуска готовых изделий. В результате производитель-

ность труда в данной отрасли несколько возросла, что можно проследить по показателям индекса издержек производства хлопчатобумажной пряжи [178, 8.03.1982]:

традиционная прялка (чаркха)	100
амбар-чаркха	75
6-шпиндельная модернизи- ванная чаркха	62
12-шпиндельная модернизи- ванная чаркха .	57

Указанного рода сокращение издержек производства благоприятствовало росту прибавочного продукта и доходов сельских производителей. Недавние обследования производства кхади, проведенные в Тамилнаду и Керале, показали, что кустари-прядильщики, работавшие в течение 8 часов на 2-шпиндельных новых чаркхах, получали в среднем 3 рупии в день, на 6-шпиндельных чаркхах — от 4 до 6 рупий, на 12-шпиндельных чаркхах — от 6 до 8 рупий. Ткач в данной сфере получал за день соответственно от 2 до 5 рупий. Уместно сказать, что кустари, занятые в мастерских посредников-перекупщиков и работавшие на станках с электроприводом, а также те, кто был занят на сельскохозяйственных работах, имели дневную плату от 4 до 10 рупий [178, 8.03.1982].

Увеличение масштабов производства кхади в последние годы наталкивается на такие преграды, как недостаток сырья и качественных красителей, утрата мастерства производителями, конкуренция синтетических тканей, недогрузка станков из-за дороговизны продукции, а также изменение во вкусах потребителей в пользу изделий из шелка, синтетики и фабричных хлопчатобумажных тканей. О степени недогрузки можно судить по показателям Комиссии по кхади и деревенской промышленности: численность прядильщиков на модернизированных чаркхах возросла с 74 тыс. в 1976/77 г. до 95 тыс. в 1977/78 г., однако производство пряжи сократилось с 45 млн. до 37 млн. кг. Еще серьезнее положение сложилось с амбар-прялками. С 1976/77 по 1977/78 г. численность прядильщиков увеличилась с 42 тыс. до 71 тыс., а в 1978/79 г. снизилась до 46 тыс.; выпуск же пряжи за два года сократился с 1,2 млн. до 999 тыс. кг. Решающими причинами спада в названные годы явились несвоевременность поставок запчастей для новых прялок, отсутствие определенных навыков (работы на усовершенствованных прялках. Примечателен такой факт: в начале внедрения амбар-чаркхи прядильщики были в состоянии работать на них не более двух часов в день.)

До недавнего времени индийская статистика, которая обеспечивалась Комиссией по кхади и деревенской промышленности, помимо собственного кхади охватывала 25 видов сельских кустарных промыслов, таких, как ручная очистка (обрушка) риса, изготовление растительного масла (пищевого и технического), производство грубых сортов сахара — гура и кханда, мыловаре-

ние, изготовление труб для ирригации, гончарных изделий, бумаги, кожевенной продукции, спичек, спорттоваров, и т. п.

Особенности функционирования названных видов деревенской промышленности, к которой тесно примыкает и производство кхадди, обуславливаются тем обстоятельством, что индийская сельская периферия во многом базировалась на принципах автаркии, или самообеспечиваемости, что проявлялось во взаимном обмене продуктами труда и услугами в рамках определенных групп населения. Отсюда неотложной задачей правящих кругов становилась перестройка деревенской промышленности в соответствии с меняющимися условиями на селе, в первую очередь в связи с распространением товарно-денежных отношений.

Государственные мероприятия по поддержке кустарного производства, наряду с расширением электрификации индийских деревень, способствовали известному росту объема производства в этой области. По имеющимся данным относительно учтенных видов деревенской промышленности, их общий объем производства в стоимостном выражении возрос с 558,7 млн. рупий в 1965/66 г. до 856 млн. в 1970/71, 1220 млн. в 1973/74 и 3140 млн. рупий в 1979/80 г. [71, с. 183; 155, с. 187]. За 1973/74—1979/80 гг. ежегодные темпы роста соответствующей продукции в неизменных ценах равнялись 8,9%. Общая занятость здесь — частичная и полная — повысилась с 564,4 тыс. человек в 1960/61 г. до 1821 тыс. в 1979/80 г.

Подобным образом одно из важнейших звеньев традиционной промышленности — ручное ткачество, в свою очередь, сосредоточено преимущественно в сельской местности, хотя оно и базируется на фабричной пряже. Как следствие усилий по стимулированию и совершенствованию ручного ткачества, выход его изделий увеличился примерно с 680 млн. м в 1950/51 г. до 1737 млн. м в 1960/61 г., 2280 млн. м в 1970/71 и 2900 млн. м в 1979/80 г. [169, с. 429; 71, с. 183; 155, с. 187]. За 50-е годы объем продукции увеличился в 2,6 раза, тогда как в течение последующих лет — только в 1,7 раза. Преобладающая причина замедления темпов заключалась в сравнительно широком внедрении в производство станков с электроприводом, конкурирующих с ручным ткачеством за материальные ресурсы, за условия сбыта готовых изделий. Если в 1951 г. в Индии насчитывалось всего 23 тыс. электрифицированных станков, то в 1979/80 г. их число достигло 483 тыс., а общий объем выпущенной на них продукции составил 3450 млн. м (119% продукции ручного ткачества). Показательно, что с начала 50-х до начала 80-х годов численность ручных станков в действии увеличилась только с 3 млн. до 3,021 млн. [155, с. 197]. Среди причин замедления роста ручного ткачества можно упомянуть такие обстоятельства, как неполная загрузка имевшихся станков, низкая производительность труда, сравнительно редкое обновление ассортимента. Наблюдавшиеся в стране перебои в электрообеспечении промышленности, обусловившие спад в фабрично-заводской промышленности, включая производство пряжи, ска-

зывались негативным образом и на развитии ручного ткачества.

Отмеченные трудности в движении традиционного ткачества, наряду с осуществлением известного контроля государства над ростом механизированного ткацкого производства, имели последствиями снижение потребления тканей в условиях быстрого прироста населения. В 1980/81 г. потребление хлопчатобумажных тканей на человека определялось в 11,0 м в год, что составило лишь 75% уровня 1965/66 г. (14,7 м) [74, 1982/83, с. 92].

Что же касается занятости, то в начале 50-х годов она определялась в 3,0 млн. человек и в 1979/80 г. — в 6150 тыс., исключая производство изделий из шелка (речь идет о занятости в течение полного рабочего дня).

Выделяемые по индийской классификации в единую группу художественные ремесла и промыслы концентрируются большей частью в городе; они в несравненно большей степени, чем упомянутые выше кустарные производства, зависят от условий сбыта. В 50-е годы в Индии насчитывалось почти 40 традиционных видов ремесел и промыслов, отличительной особенностью которых было высокое мастерство производителей. К ним относятся работы по металлу, дереву, кости, коже, отделка драгоценных и полудрагоценных камней, лакокрасочные работы, изготовление керамических изделий, вышивка, ковроткачество и др.

Разбросанные по всей стране, ремесленники находились в тесной зависимости от посредников. Такая организация производства не способствовала расширению ассортимента, поддержанию высокого качества изделий, не позволяла осуществлять операции в широких масштабах, без чего трудно добиться наращивания эффективности и расширения экспорта. В данных обстоятельствах учреждение ассоциаций и кооперативов ремесленников стало важной формой оживления деятельности последних. В текущих ценах общий объем продукции в 1961 г. определялся в 2530 млн. рупий, в 1966 — 3170 млн., в 1973/74 — 10 650 млн. и в 1979/80 г. — в 20 500 млн. рупий [82, с. 287; 155, с. 187].

Если в колониальный период индийское ремесло было ориентировано в большей мере на внешний рынок, то и теперь экспорт занимает все более значительное место в сбыте его продукции. За 1973/74—1979/80 гг. доля экспорта возросла с 18,3 до 40,7% всего выпуска изделий. Общая занятость увеличилась с 1400 тыс. человек в 1970/71 г. до 1500 тыс. в 1973/74 и 2030 тыс. в 1979/80 г. [70, с. 163; 155, с. 187].

Выделение в отдельную группу таких видов традиционного производства, как шелководство и изготовление койра, вполне оправдано, поскольку названные отрасли по своей организации нередко представляют собой мануфактурное производство или даже мелкую фабрику либо находятся на стадии перехода к ним. Обладающее постоянным и устойчивым рыночным спросом шелководство до последнего времени характеризуется высоким уровнем производственных издержек. Причина этого во многом связана с трудностями воспроизводства шелкопрядов и обеспечения

кормов для них (промысел на 88% основан на тутовниках), а также с все еще низким качеством шелкомотального инвентаря.

Производство шелка-сырца возросло примерно с 1,13 млн. кг в 1950 г. до 1,49 млн. в 1960/61, 2,15 млн. в 1965/66, 2,9 млн. в 1973/74 и 4,8 млн. кг в 1979/80 г. [169, с. 430, 82, с. 286; 155, с. 187]. Площадь под тузовыми плантациями увеличилась с 110 тыс. га в 1973/74 г. до 141 тыс. га в 1979/80 г. Экспорт шелка (по стоимости) возрос с 13,7 млн. рупий в 1960 г. до 490 млн. рупий в 1979/80 г. Частичная и полная занятость повысилась с 2,7 млн. человек в 1960 г. до 3,0 млн. в 1970/71 и 3,6 млн. человек в 1977/78 г. [70, с. 168; 155, с. 182].

По выпуску койрового волокна Индия занимает ведущее место в мире — $\frac{2}{3}$ производства в конце 70-х годов. Рост отрасли характеризуется очень низкими темпами из-за отсутствия достаточно производительного оборудования, а также роста конкуренции заменителей на внешнем рынке. Производство кокосового волокна составило 152 тыс. т в 1960/61 г., 150 тыс. т в 1973/74 и 185 тыс. в 1979/80 г. Только 50% койры идет на переработку, остальное используется в качестве топлива [82, с. 286; 155, с. 187, 199]. В условиях обострения конкуренции на мировом рынке экспорт волокна в конце 70-х годов снизился до 35% всего производства против 55% на начало 60-х годов. Занятость (частичная и полная) составила 500 тыс. человек в 1973/74 г. и 559 тыс. в 1979/80 г. В конце 70-х годов в кооперативах состояло 20—25% общего числа занятых.

Анализ масштабов роста докапиталистических структур в промышленности показывает, что во многих случаях их производство отличалось заметным замедлением движения с середины 60-х годов. В этом заключается определенное свидетельство проявления намечившегося в Индии курса на предпочтительное развитие мелкокапиталистической промышленности. Не случайно, что именно в конце 60-х годов в материалах Плановой комиссии были выдвинуты рекомендации по содействию перерастания мелких механизированных предприятий в крупные и более устойчивые объекты. Тем самым явно отдавалось предпочтение росту капитализма на базе машинного производства, т. е. на адекватной ему основе. Данного рода сдвиги в структуре неорганизованной промышленности, несомненно, были связаны с ускорившейся капиталистической перестройкой деревни в условиях «зеленой революции».

В области же традиционной промышленности было сделано очень мало для технологической и организационной трансформации ее структур, что провозглашалось еще на старте независимости и увязывалось с намечавшейся широкой электрификацией индийских деревень. Не менее решительно подобные рекомендации правительства давались в отношении низших видов производства и в сельском хозяйстве.

Если же исходить в целом из практики истекшего периода независимости, то следует признать, что превалирующим направ-

Таблица 19

Распределение доходов между различными группами
индивидуальных хозяйств*,
%

Группа хозяйств по доходам	1967/68 г.			1975/76 г.		
	Сельские районы	Город	Всего	Сельские районы	Город	Всего
Нижние 10 .	1,83	1,97	1,8	2,50	2,26	2,27
11—20	3,05	3,20	3,00	7,81	3,56	3,52
21—30	3,77	4,26	3,71	4,81	4,47	4,45
31—40	4,55	4,89	4,64	5,82	5,36	5,47
41—50	5,68	6,11	5,78	6,90	6,43	6,49
51—60	6,07	7,32	7,04	8,11	7,57	7,71
61—70	7,79	8,86	8,97	9,62	9,37	9,28
71—80	11,93	10,85	11,81	11,78	11,53	11,49
81—90	17,27	15,62	16,76	15,12	15,85	15,44
91—100	36,06	36,92	36,49	31,53	33,60	33,88
Коэффициент Лорен- ца	0,463	0,448	0,463	0,388	0,416	0,416

* [123, с. 8].

лением государственной политики в отношении кустарного производства стала, строго говоря, благотворительность по отношению к докапиталистическим видам производства.

Сделанное заключение, на наш взгляд, в полной мере коррелируется с оценкой возможности перехода каких-либо элементов традиционных структур в мелкокапиталистическое производство. В этом контексте представляется уместным проанализировать имеющиеся данные о характере распределения доходов на протяжении 1967/68—1975/76 гг. (табл. 19).

Доходы беднейших групп резко контрастируют с доходами верхних групп. В сельской местности в 1967/68 г. доля беднейших 70% хозяйств равнялась в совокупности 33,74% всех доходов, тогда как доля верхних 10% хозяйств определялась в 36,06%. В 1975 г. указанная доля соответственно составила 41,57% для низших групп и 31,53% для высшей. Некоторое относительное увеличение доходов низших индивидуальных хозяйств деревни в немалой мере объяснялось достижениями «зеленой революции». В городской местности отмеченные относительные показатели изменились в меньшей степени. Не исключено, однако, что заметное уменьшение концентрации доходов частично отражает и недостаточную репрезентативность выборки. В частности, о гораздо меньших сдвигах в концентрации доходов говорят данные Плановой комиссии, опубликованные в 1981 г. (табл. 20).

Доля низших слоев деревни в потребительских затратах повысилась за указанное время в большей мере, чем в городе. Но и

Таблица 20

Распределение потребительских доходов индивидуальных хозяйств *, %

Категория	1958/59 г.	1961/62 г.	1965/66 г.	1970/71 г.	1972/73 г.	1977/78 г.
<i>Сельские районы</i>						
Нижние 30%	13,1	14,7	15,1	15,4	15,4	15,0
Средние 40%	34,3	33,2	34,3	35,1	33,7	33,1
Верхние 30%	52,6	52,1	50,6	49,5	50,9	51,9
<i>Городские районы</i>						
Нижние 30%	13,2	12,9	13,6	13,7	13,8	13,6
Средние 40%	31,7	31,4	31,9	31,8	31,9	32,4
Верхние 30%	55,1	55,7	54,5	54,5	54,3	54,0

* [155, с. 7].

этот рост был далеко не достаточен, чтобы сколько-нибудь заметно улучшить положение беднейших групп потребителей. В 1972/73 г. удельный вес населения, располагавшего прожиточным стандартом ниже общенационального уровня, составлял 54 % в деревне и 41 % в городе; в 1977/78 г. данные показатели распределялись соответственно в 51 и 38 % [155, с. 7].

Все сказанное дает основание утверждать, что сложный комплекс традиционного общества, усугубленного последствиями происшедшего в колониальную эпоху нарушения стадийности развития экономики, до сих пор служит труднопреодолимым препятствием для ускорения процесса первоначального и капиталистического накопления, а следовательно, и для капиталистической трансформации традиционной периферии страны.

Экономическое взаимодействие современного капиталистического сектора и традиционной периферии

Экономическое взаимодействие современного капиталистического сектора и докапиталистической периферии осуществляется, во-первых, в форме непосредственных производственных связей между ними — движения средств производства, рабочей силы, произведенного продукта, конечных доходов, денежных накоплений и др., во-вторых, путем косвенного воздействия пропорций соединения первичных факторов производства в одном секторе на эти пропорции в другом.

Сущность взаимодействия современного капиталистического сектора и докапиталистической периферии состоит в сосредоточении в первом основной массы накопленного овеществленного труда, а во второй — массы живого труда. Основные черты этого

взаимодействия, основанного на комплексе замкнутых причинно-следственных связей, сводятся к следующему.

Традиционные социальные отношения в деревне сдерживают миграцию населения в город и предопределяют слабость корреляции между темпами роста городского населения и всего населения. Последнее ведет к относительному замедлению урбанизации при ускорении демографического роста. В 1951—1981 гг. в города мигрировало лишь 16,8% естественного прироста сельского населения по сравнению с 22,7% в 1921—1951 гг. [60, 1980; 161, с. 3; 67]. Часть миграции представлена, с одной стороны, отходничеством, а с другой — формальным преобразованием крупных сел в города и не сопровождается разрывом традиционных деревенских связей. Д. Маленбаум отмечает рост доли мелких земельных собственников, находящихся сезонную занятость в городах, но не переселяющихся в них на постоянное жительство [140, с. 10].

Традиционные отношения способствуют существенным различиям в территориальной мобильности отдельных групп сельского населения. Эта мобильность тем выше, чем ближе стоит данная группа к вершине социальной лестницы. По данным переписи 1961 г., вероятность миграции в город членов зарегистрированных каст была в 1,9 раза ниже, чем остальных групп, а представителей зарегистрированных племен — в 7,9 раза ниже [161, с. 36—37]. А. П. Колонтаев отмечает, что даже низы города формировались за счет средних слоев деревни [17, с. 173—175].

Социально-психологическая неприспособленность большинства мигрантов к современным формам труда, низкий уровень образования, кастовые, этнические и другие барьеры ведут к возникновению многослойного рынка рабочей силы и внутри города. По данным обследования, проведенного Индийским институтом общественного мнения в 1964 г., даже в крупных городах наблюдалась тесная корреляция между кастовым статусом и уровнем дохода. Распределение городских семей по уровню дохода было следующим (%) [95, с. 145]:

Годовой доход, рубли	Брахманы	Кшатри	Вайшья	Шудра	Хариджаны
До 1200	15	29	35	33	56
1200—3000	41	47	38	53	39
Свыше 3000	44	24	27	14	5
<hr/>					
Итого .	100	100	100	100	100

Эти общеиндийские оценки согласуются и с многочисленными микроэкономическими обследованиями городского рынка рабочей силы. Данные обследования, проведенного В. С. д'Сузой в быстро развивающемся промышленном районе Дандели в штате Карнатака, позволяют нам оценить ранговую корреляцию между кастовым статусом и социально-экономическим положением на

уровне 0,857 в 1956 г. и 0,730 спустя 13 лет — в 1969 г. Это свидетельствует о весьма высокой, хотя и уменьшающейся зависимости социально-экономического положения отдельных групп городского населения от их кастового статуса. В то же время это уменьшение полностью относится на счет изменения структуры занятости, в то время как корреляция между кастовым статусом, уровнем образования и доходом возрастает. В. С. д'Суза приходит к выводу, что «социально-экономическое положение кастовых групп в Дандели определялось их прошлым. Прибывая в Дандели, каждая кастовая группа занимала более или менее тот же социально-экономический уровень, на котором она находилась у себя дома. Вопреки поверхностным обобщениям, будто территориальная мобильность ведет к росту социальной мобильности, новая община не обеспечивала широких возможностей для социальной мобильности... Быстрое экономическое и промышленное развитие в Дандели не привело к сколько-нибудь заметной мобильности ни внутри поколений, ни между поколениями» [72, с. 79, 178].

Торможение перелива населения в города и социальная многослойность городского рынка рабочей силы обуславливают дезинтегрированность рынков рабочей силы в современном капиталистическом секторе и на традиционной периферии. С одной стороны, вследствие этого ослабляется (хотя, разумеется, не устраняется) давление избытка рабочей силы на уровень заработной платы в крупном капиталистическом производстве. С другой стороны, стоимость рабочей силы в современном городском производстве изначально формировалась на базе уровня жизни относительно зажиточных слоев деревни, а не деревенских низов, отсеченных от современных форм занятости.

Увеличению разрыва между заработной платой в современном капиталистическом секторе и на периферии содействовали также: более высокий физический минимум воспроизводства рабочей силы в современном секторе; различия в уровне и структуре цен в городе и деревне; конкуренция между занятостью высококвалифицированной рабочей силы в современной промышленности и государственном аппарате, где исходный уровень оплаты определялся колониальными стандартами; острая нехватка квалифицированной рабочей силы на начальном этапе индустриализации; возможности частичного переноса роста стоимости рабочей силы на потребителя промышленной продукции благодаря усилению импортного протекционизма; борьба организованных в профсоюзы рабочих и служащих за повышение заработной платы. Совокупность этих факторов способствовала существенному увеличению разрыва в уровне зарплаты и других трудовых доходов в капиталистическом секторе и низших формах производства, а также в различных звеньях капиталистического сектора. Соотношение доходов на 1 занятого характеризовалось следующими данными (зарплата сельскохозяйственных рабочих=100) [120, 1978, 1981]:

	1960/61 г.	1970/71 г.	1978/79 г.
Зарплата в госсекторе .	418	510	687
Зарплата в организованном частном секторе	553	561	874
Доходы крестьян-собственников	135	206	312
Доходы занятых в несельскохозяйственных отраслях мелкого производства	179	204	318

Относительное удорожание рабочей силы в современном секторе (по сравнению с «равновесными» условиями совершенного рынка) стимулировало замену в нем живого труда овеществленным. Рост капиталовооруженности труда приводил в действие мультипликативный механизм, обеспечивающий дальнейшее ее повышение. Повышение производительности труда, опирающееся на замену живого труда овеществленным, при прочих равных условиях сопровождается концентрацией личных доходов, усилением демонстрационного эффекта в потреблении, ростом нормы накопления. Вследствие этого конечный спрос перераспределяется в пользу товаров, которые не могут быть произведены иначе чем посредством капиталоемкой технологии.

Давление избытка рабочей силы на современный сектор, как бы оно ни амортизировалось дезинтегрированностью рынка рабочей силы, способствует повышению доли прибыли в продукте, усиливая концентрацию доходов в современном секторе. Налоговые методы противодействия росту спроса на капиталоемкие товары использовались весьма ограниченно, поскольку расстановка социально-политических сил препятствовала переносу бремени косвенных налогов на капиталоемкие предметы потребления имущих слоев. Низкая эластичность экспортного спроса на традиционные товары препятствовала удовлетворению спроса на капиталоемкую продукцию за счет импорта в обмен на экспорт трудоемкой продукции. Поскольку национальная стоимость большинства товаров превышала интернациональную, расширение экспорта трудоемкой продукции сопровождалось увеличением потерь национальной стоимости, которое во многом перекладывалось на традиционного непосредственного производителя и усиливало неравенство в доходах. Поэтому основой внутреннего механизма подстройки экономики к изменениям в капиталоемкости конечного спроса оказывались сдвиги в отраслевой структуре местного производства в пользу капиталоемкой продукции, что вызывало дальнейшее повышение капиталовооруженности труда в капиталистическом секторе.

Ряд факторов усиливал эту тенденцию. Резкое неравенство в доходах обостряло демонстрационный эффект и способствовало, таким образом, более жесткой социальной стратификации продуктовой структуры потребления, уменьшению эластичности этой структуры от соотношения цен на отдельные товары. Сама структура элитарного потребления во многом закладывалась извне и имитировала потребление в промышленно развитых стра-

нах, характеризующихся принципиально иным соотношением ресурсов живого и накопленного овеществленного труда. Эти обстоятельства повышали роль внутриотраслевой конкуренции в современном секторе по сравнению с межотраслевой. Но именно конкуренция между разными продуктами, производимыми при помощи качественно различной технологии, открывала возможности для замещения овеществленного труда живым. Внутрипродуктовая конкуренция при данной ставке заработной платы, напротив, ставила повышение конкурентоспособности в зависимость от замещения живого труда овеществленным. Поэтому при громадном избытке рабочей силы полуавтоматические ткацкие станки заменялись на автоматические, увеличивалось число веретен на прядильных машинах и т. д.

Дезинтегрированность организованного и неорганизованного денежного рынка способствовала занижению ставки ссудного процента в современном секторе. Принудительная мобилизация государством заемных средств (путем облигационных займов и дефицитного финансирования) усиливала эту тенденцию в секторе. Это, разумеется, толкало вверх ставку процента, взимаемую с частных заемщиков организованными кредитными институтами, однако крупное частнокапиталистическое производство частично компенсировало свои потери за счет льготного кредита со стороны государственных учреждений долгосрочного кредитования. Относительная «дешевизна» капитала в современном секторе, по крайней мере в период несбалансированной индустриализации 50—60-х годов, стимулировала замещение живого труда овеществленным.

Ускорение втягивания накоплений мелкого капиталистического производства, тесно связанного с неорганизованным денежным рынком, в общенациональный оборот капитала способствовало со второй половины 60-х годов сужению возможностей льготного кредитования крупного капиталистического производства и сближению процентных ставок на организованном и неорганизованном кредитном рынках. На городских рынках соотношение этих ставок было следующим (%) [139, 1966/67, с. 183, 1980/81, т. 2, с. 68]:

	1950/51 г.	1960/61 г.	1970/71 г.	1975/76 г.	1980/81 г.
Первичная ставка шедульных банков . . .	3,5	4,5— 5,0	7—8,5	14,0	16,5
Базарная ставка в Бомбее	9,0	9,0—12,0	15,0	21,0	24,0

Ускорение со второй половины 60-х годов роста мелкого капиталистического производства сопровождалось углублением его производственных связей с крупным производством, что неизбежно ускоряло техническую модернизацию мелких предприятий и повышение их капиталовооруженности труда. В динамике трудодополжающие преимущества мелкой промышленности, да и

предпринимательского сельского хозяйства, оказывались гораздо меньшими, чем в статике. Повышению капиталовооруженности мелкого производства содействовала и государственная политика. Резервирование отдельных продуктов за мелкими предпринимателями улучшало условия для внутриотраслевой конкуренции между ними, что способствовало росту органического строения капитала на мелких предприятиях. Установление потолка землевладения ограничивало возможности экстенсивного роста кулацких хозяйств и подталкивало их на путь интенсификации.

Неизбежная ориентация на импортную технологию исключала постепенное повышение органического строения капитала во многих отраслях современного сектора и обуславливала скачкообразный переход к уровню капиталовооруженности, достигнутому в развитых странах спустя полтора века после промышленной революции. Повышение значения экспортных рынков, обусловленное обострением проблемы реализации в промышленности, потребовало ускорения технической модернизации и дальнейшего повышения капиталовооруженности, что сдерживало рост занятости и расширение массовой базы экономического роста.

Как мы попытались показать выше, рост капиталовооруженности труда, относительно сужавший возможности рекрутирования рабочей силы современным капиталистическим сектором, вытекает в условиях Индии не только из технических и технологических потребностей индустриального производства, а из всего комплекса производственных отношений в социально дезинтегрированном хозяйстве, которые непосредственно проявляются в системе стоимостных регуляторов. Микроэкономический критерий максимизации прибыли, диктующий повышение органического строения капитала в современном секторе, вступает в противоречие с макроэкономическим критерием максимизации общественного продукта, требующим более полного использования наличной рабочей силы. Это противоречие отражает фундаментальное несовершенство рынков рабочей силы и денежного капитала, средств производства и предметов потребления, обусловленное и социальными, и внешнеэкономическими факторами. Поэтому пропорции соединения живого и овеществленного труда в современном секторе изменяются в направлении, противоположном динамике соотношения этих ресурсов в экономике в целом: рост избытка рабочей силы по сравнению с производственными фондами сопровождается замещением живого труда овеществленным.

Процесс замещения живого труда овеществленным затрудняет передел рабочей силы в современные формы производства, что оказывает сдерживающее воздействие на темпы миграции населения из деревни в город и ведет к расширению традиционных форм занятости в городском хозяйстве.

При ускорении роста населения стагнация темпов урбанизации способствовала усилению давления земледельческого населения на землю. Этому содействовали и ограниченные возмож-

ности расширения побочных несельскохозяйственных промыслов в деревне. Как отмечал А. П. Колонтаев, низкий социальный статус ремесел и сферы услуг препятствует вовлечению в них землевладельческих слоев [17, с. 85—89]. Экономическую основу торможения роста побочных промыслов образуют, во-первых, стагнация средней производительности труда в земледелии, отражающая увеличение плотности земледельческого населения и сопровождающаяся стагнацией (или даже снижением) доли сельскохозяйственных товаров и услуг в конечном спросе основной массы сельского населения; во-вторых, наличие относительно развитого мелкого механизированного и мануфактурного производства, перехватывающего потенциальный (а часто и действительный) рынок у сельского ремесла.

Рост плотности земледельческого населения приводит в действие весьма сложный причинно-следственный механизм, конечным результатом которого служит поляризация условий хозяйствования в различных типах крестьянских хозяйств и тенденция к консервации традиционных социальных структур. Увеличение плотности земледельческого населения сопровождается, с одной стороны, опережающим ростом цен на землю по сравнению с другими первичными производственными ресурсами, а с другой — уменьшением среднего размера землепользования в расчете на одно хозяйство. Усиливается при прочих равных условиях тенденция к снижению приростной производительности труда, в том числе в ряде хозяйств до уровня ниже физического минимума возмещения рабочей силы. Среди крестьян-собственников и тем более арендаторов это способствует увеличению круга экономически неустойчивых хозяйств, балансирующих на грани разорения.

Вследствие этого в земледельческом населении возрастает доля работников, для которых наемный труд является главным источником дохода. Значительная масса сельскохозяйственных рабочих представлена низшими неземледельческими кастами, изначально лишенными средств производства. Однако на современном этапе основную роль в формировании слоя сельскохозяйственных рабочих играет разложение крестьянского хозяйства.

Процесс раскрестьянивания в индийской деревне, по внешним признакам сходной с аналогичным процессом в странах Западной Европы и России, по своему экономическому механизму качественно отличается от него. В этих странах он обуславливался прежде всего внутриотраслевой конкуренцией, сопровождавшейся ростом эффективности в предпринимательских хозяйствах при стагнации или медленном повышении ее в мелких и мельчайших хозяйствах; раскрестьянивание опосредовало повышение общественной производительности труда в земледелии. В Индии тот же процесс опирается не столько на вытеснение мелких производителей посредством внутриотраслевой конкуренции, сколько на абсолютное ухудшение условий производства в массе мельчайших хозяйств под давлением роста земледельческого населения. По

сравнению с европейскими условиями воздействие этого процесса на общественную производительность труда оказывается как бы смещенным вниз на одну ступень. Рост производительности труда в хозяйствах, вовлеченных в «зеленую революцию», едва перекрывает падение этого показателя в остальных хозяйствах, вследствие чего раскрестянивание происходит в условиях относительно стагнирующей общественной производительности труда в земледелии. В 1960/61—1980/81 гг. производительность труда в сельском хозяйстве в расчете на 1 занятого возросла всего на 11,3%. По более дифференцированным расчетам Г. С. Бхаллы, в 1962—1973 гг. (т. е. в период, включающий первый, наиболее осязаемый подъем сельскохозяйственного производства на основе «зеленой революции») производительность труда в сельском хозяйстве в расчете на 1 работника-мужчину снизилась в ценах 1970—1973 гг. с 1641 до 1591 рупии [187, 6.02.1978].

Опережающий рост цен на землю порождает тенденцию к повышению доли ренты в продукте. Возрастают стимулы к традиционным капиталовложениям в покупку земли в противовес производственным капиталовложениям. Это, в свою очередь, способствует возникновению вторичной мультипликативной волны ускорения роста цен на землю. При низкой продуктивности мелких арендаторских хозяйств рента может достигать размеров, при которых остаток продукта за вычетом ренты оказывается существенно меньше физического минимума возмещения рабочей силы.

Приближение приростной производительности труда и тем более конечного дохода непосредственного производителя к физическому минимуму возмещения, с одной стороны, ускоряет процесс его экспроприации, а с другой — препятствует его использованию в качестве капиталистического наемного рабочего. При данном уровне технической оснащенности производства капиталистическое хозяйствование оказывается невозможным, поскольку в продукте за вычетом реальной или потенциальной ренты и минимума средств для поддержания жизни работника просто не остается места для средней прибыли, что образует экономическую основу для воспроизводства традиционных форм эксплуатации. О. В. Маляров приходит в этой связи к выводу, что «само становление земледельческого капитализма требует обуздания основного рыночного механизма капиталистического способа производства» [25, с. 47].

Возможности становления капиталистического хозяйства оказываются в зависимости от увеличения дифференциальной ренты второго рода, которая в этих условиях служит почти единственным источником капиталистической прибыли. Это увеличивает стимулы к землесберегающим капиталовложениям в земледелии. Но наращивание подобных инвестиций сталкивается с острой нехваткой капитала на докапиталистической периферии, обуславливающей несравненно более высокую цену кредита, чем в современном секторе.

Существование дезинтегрированного денежного рынка частично объясняется принудительным перераспределением прибавочного продукта докапиталистической периферии в пользу современного капиталистического сектора путем налоговой эксплуатации, монопольных цен и др. Однако в гораздо большей степени оно определяется закономерностями функционирования самой докапиталистической периферии. Падение конечных доходов мелких и мельчайших производителей ниже физического минимума возмещения рабочей силы предопределяет хронический дефицит их потребления. Этот дефицит лишь в небольшой степени может покрываться за счет продажи этими слоями своих активов; в остальном он означает увеличение спроса на кредит. Экономической основой изоляции мелких производителей от организованных кредитных институтов служит отсутствие у них залоговых ценностей, сопоставимых с потребностью в кредите. Это вынуждает обращаться к предоставляемому без залога ростовщическому кредиту, возможному лишь при личной зависимости заемщика от кредитора.

Хронический дефицит потребления беднейших слоев приводит к тому, что механизм рентно-ростовщической эксплуатации в какой-то мере работает вхолостую. Имущие слои деревни фактически не могут полностью присвоить массу ренты и процента, номинально причитающуюся им в соответствии со сложившимся соотношением цен на первичные производственные ресурсы, поскольку это привело бы к физическому вымиранию непосредственного производителя. Поэтому часть рентных и процентных платежей возмещается ему в форме ростовщического кредита. Эта часть образует, по существу, регулярный доход непосредственного производителя. А. П. Колонтаев, впервые в нашей литературе обративший внимание на последнее обстоятельство, рассматривает это, в конечном счете безвозмездное, кредитование как формальное экономическое выражение традиционной личной зависимости заемщика от кредитора, носящей в принципе внеэкономический характер [19, гл. II—III].

С равным основанием, очевидно, можно говорить и о противоположно направленной причинно-следственной связи. В условиях громадного аграрного перенаселения распределение чистого продукта, отвечающее сложившимся соотношениям первичных производственных ресурсов (прежде всего земли и рабочей силы), подрывало бы непрерывность воспроизводственного процесса. Поэтому воспроизводство традиционных отношений личной зависимости, корректирующих пропорции распределения, оказывается необходимым экономическим условием обеспечения непрерывности воспроизводства рабочей силы, хотя бы в хиреющем состоянии, и соответственно воспроизводства продукта.

Ростовщическая эксплуатация оказывает, таким образом, весьма противоречивое влияние на докапиталистическую периферию. С одной стороны, бремя процентных выплат ускоряет экспроприацию непосредственного производителя. С другой — воз-

возможность получения кредита либо повышает устойчивость его хозяйства, хотя и в хиреющем состоянии, либо дает возможность существования без собственного хозяйства и регулярной занятости по найму. Это находит отражение в наличии довольно обширного слоя сельских дворов, задолженность которых превышает стоимость не только производственных активов, но и всего имущества.

В 1971 г. долг был больше производственных активов у 2,3% крестьянских хозяйств, 33,7% сельскохозяйственных рабочих и издольщиков, 37,1% деревенских ремесленников и 24,2% прочих дворов деревни. У 0,8% крестьянских дворов, 13,4% сельскохозяйственных рабочих и издольщиков, 7,6% ремесленников и 10,1% прочих дворов задолженность превышала общую стоимость имущества [51]. По формальным признакам это давно полностью экспроприированные непосредственные производители, но невозможность капиталистического использования их рабочей силы при сложившихся соотношениях ресурсов предопределяет продолжение частью из них «самостоятельного» хозяйствования на докапиталистической основе.

Кредитование потребления беднейших слоев деревни на традиционной основе ведет к существенному увеличению спроса докапиталистической периферии на денежные средства и способствует отрыву ставки процента от потенциальной отдачи на производительно применяемый капитал. Повышению ставки ростовщического процента содействуют также: использование мелкими хозяйствами кредита на производственные нужды, поскольку оно служит средством реализации не средней прибыли, а необходимого продукта, часто на уровне физического минимума возмещения; подтягивание отдачи на ссудный капитал к растущей отдаче на капиталовложение в землю; высокая степень кредитного риска, связанная с кредитованием нежизнеспособных мельчайших хозяйств, и др. Суммарным результатом этих процессов является взаимосвязанное разбухание спроса на кредит на докапиталистической периферии и повышение ставки ростовщического процента подчас до уровня, на котором капиталистическое использование ростовщического кредита становится невозможным, хотя верхушка деревни получает его на менее жестких условиях, чем деревенская беднота.

В этих условиях становление современных капиталистических форм земледелия оказывается возможным лишь постольку, поскольку оно опирается на льготный кредит организованных финансовых институтов. Дешевизна этого кредита обуславливается не только дезинтегрированностью рынков капитала в современном секторе и на докапиталистической периферии, но и способностью предпринимательских слоев деревни использовать свои политические позиции для перераспределения финансовых ресурсов государства в свою пользу, отказа от своевременного погашения кредитов и т. д. Господство верхушечного слоя деревни в сельской структуре власти предопределяет концентрацию в ее

руках основной массы относительно дешевых кредитов земледелию. Хотя часть этих средств в конечном счете перераспределяется для ростовщичества, некоторая их доля обеспечивает расширение землесберегающих капиталовложений, создание на этой базе дифференциальной ренты второго рода, образующей предпосылку для перехода части хозяйств к капиталистическому земледелию. Именно доступ к кредиту на условиях, отличных от равновесной цены кредита на докапиталистической периферии, образует одно из критических условий очагового внедрения новой технологии и становления предпринимательского земледелия.

В нашей литературе отмечались многочисленные другие ограничители модернизации сельского хозяйства. Хотелось бы обратить внимание еще на два фактора, которым уделялось недостаточное, на наш взгляд, внимание: наличие несовершенного земельного рынка и низкая территориальная мобильность сельскохозяйственного населения. При низком органическом строении капитала относительные цены на земельные участки близки к соотношению дифференциальных рент первого рода, что создает дополнительные стимулы для внедрения землесберегающей технологии в районах, где при тех же затратах капитала дифференциальная рента второго рода выше. Ускорение очаговой интенсификации сельского хозяйства усиливает территориальную дезинтегрированность рынка рабочей силы в аграрном секторе, которая лишь в небольшой мере смягчается миграцией сезонных сельскохозяйственных рабочих. На определенной ступени интенсификации это порождает острый сезонный дефицит рабочей силы в предпринимательских хозяйствах и влечет за собой замену живого труда овеществленным.

Соотношение ресурсов живого и овеществленного труда, складывающееся на периферии индийской экономики, существенно затрудняет воспроизводство наемной рабочей силы на основе рыночных пропорций распределения. «Равновесная», в неоклассическом понимании, ставка зарплаты, соответствующая выравниванию спроса и предложения наемной рабочей силы, оказывается подчас намного ниже физического минимума ее возмещения. Распределение продукта в соответствии с законами капиталистического товарного производства привело бы к невозможности непрерывного воспроизводственного процесса, подорвало бы и основы существования массы сельскохозяйственных рабочих, и механизм их эксплуатации. Поэтому вступает в действие иной, нерыночный механизм поддержания гомеостатического равновесия, обеспечивающий относительную социальную стабильность. Одним из важнейших компонентов этого механизма являются традиционные докапиталистические и «переходные» к капитализму формы найма, основанные на той или иной степени личной зависимости непосредственного производителя от работодателя и обеспечивающие первому хотя бы физический минимум жизненных средств, несколько превышающий «равновесную» ставку зарплаты. В условиях отсутствия альтернативных сфер

занятости это образует материальную предпосылку заинтересованности отдельных групп традиционных производителей в сохранении или даже упрочении традиционных связей.

В том же направлении, хотя во все убывающей степени, действует комплекс социально-психологических реакций деревенских низов на экономические сдвиги. М. Мид отмечал, что, так как смена занятости обычно предполагает неопределенность нового социально-экономического статуса, она сопровождается ощущением потери контроля над некими силами, порождающими изменения [110, с. 209]. В условиях современной Индии стремление сохранить традиционную структуру отношений усиливается, как отмечает С. А. Шах, тем, что для массы неимущего населения экономическое развитие открывает возможности социальной мобильности преимущественно в одном направлении — в направлении снижения социального статуса. Поэтому выход за рамки традиционных отношений нередко отождествляется в массовом сознании с ухудшением и экономического, и социального положения [147, с. 40].

Общепризнано, что значительная доля наемного труда, применяемого в сельском хозяйстве, имеет докапиталистический характер, поскольку, во-первых, наемный труд относительно широко используется в хозяйствах потребительского типа, во-вторых, сохраняются те или иные формы личной зависимости наемного работника. На наш взгляд, для оценки степени и динамики развития капитализма в сельском хозяйстве Индии было бы полезным разграничивать макроструктуру хозяйства и ее микроструктуру. В то время как макроструктура хозяйства характеризует способ его взаимодействия с национальной экономикой в целом, отношение собственника средств производства к другим таким собственникам, его микроструктура описывает отношения внутри данного хозяйства, в частности способ соединения непосредственного производителя со средствами производства.

По макроструктуре своего функционирования значительная доля хозяйств, основанных на наемном труде, является капиталистической. Капиталистическая цель производства — максимизация прибавочной стоимости — на макроэкономическом уровне непосредственно проявляется: в динамике и норме накопления имущих слоев деревни, зависимости темпов роста сельских индивидуальных накоплений и масштабов внедрения современных агротехнических средств от соотношения условий торговли между сельским хозяйством и промышленностью; во взаимосвязи между структурой капиталовложений (в частности, соотношением трудосберегающих и землесберегающих инвестиций), ценой земли и уровнем заработной платы; в характере использования кредитов организованных финансовых институтов, росте значения финансовых активов имущих сельских дворов, характеризующем втягивание их накоплений в общенациональный оборот капитала; в зависимости структуры посевных площадей от соотношения цен на различные сельскохозяйственные товары, возможностей внед-

рения современной агротехники и соответственно отдачи на капиталовложения и т. д.

В то же время в пределах данного хозяйства даже в наиболее развитых сельскохозяйственных районах отмечается сохранение кабальных и других зависимых форм наемного труда, регулирование ставок заработной платы существенно отклоняется от рыночных условий, эксплуатация наемного труда сочетается с ростовщическим гнетом и элементами «феодалных» натуральных повинностей. По микроструктуре функционирования преобладающая доля предпринимательских хозяйств, по-видимому, продолжает опираться на докапиталистические отношения наряду с капиталистическим наймом.

Рассогласование темпов макро- и микроструктурных аспектов капиталистической эволюции в деревне сопровождается рядом социально-экономических последствий.

Во-первых, вопреки концепции многоукладности, исходящей из неизбежности конфронтации капиталистических и докапиталистических укладов, вытеснения последних первыми, все большее место на традиционной периферии занимают те докапиталистические формы производства, которые своим эксплуататорским полюсом интегрированы в капиталистическое производство. Развитие капитализма при сложившихся на периферии соотношениях первичных ресурсов не вытесняет эти формы, а приспособливает их к своим потребностям. Пупутно отметим, что возникновение докапиталистических форм вследствие потребностей собственно капиталистического развития не есть явление характерное только для Индии. В целом широко распространенное представление, что развитие капитализма всегда и везде, независимо от конкретных условий, способствует унификации социального и технического базиса производства и необратимому вытеснению предшествующих форм, справедливо скорее для сверхдолгосрочных процессов и на глобальном уровне, чем для каждого конкретного периода и конкретной страны.

Во-вторых, обуржуазивание традиционных эксплуататорских слоев ведет к тому, что они оказываются субъектами производственных отношений уже не одного, а нескольких укладов. В результате этого взаимодействие современного капиталистического сектора и традиционной периферии все более осуществляется не только путем межукладных связей между социально разнородными производственными единицами, но и внутри отдельной производственной единицы. В последней собственнику средств производства, в той или иной мере включенному в национальное капиталистическое воспроизводство, противостоит экспроприированный непосредственный производитель, который вовлекается в производственный процесс частично на докапиталистических условиях. Взаимное переплетение капиталистических и докапиталистических отношений на микроуровне, в пределах данной хозяйственной единицы, становится, на наш взгляд, наиболее сильной формой интеграции современного сектора и традиционной пери-

ферии (в отличие от более слабых межхозяйственных интеграционных связей между ними). Водораздел между современным капиталистическим сектором и докапиталистической периферией проходит уже не между различными укладами, а внутри самих низших укладов.

В-третьих, эти обстоятельства оказывают непосредственное влияние на направление классовой борьбы в современной индийской деревне, в частности ослабляют или даже устраняют антагонизм между капиталистическими и докапиталистическими эксплуататорскими слоями, и противопоставляют им массу сельскохозяйственных рабочих и мельчайших собственников, подвергающихся одновременно и капиталистической, и докапиталистической эксплуатации. Сочетание требований перераспределения земли, отмены кабальных отработок, повышения зарплаты и увеличения государственных закупочных цен в практике массовых движений деревенских низов отражает растущее переплетение мелкобуржуазных, предпролетарских и пролетарских элементов в экономических интересах этих слоев.

Анализ особенностей косвенного взаимодействия капиталистического и докапиталистического секторов в современной Индии позволяет сделать следующие выводы. Концентрация массы накопленного овеществленного труда в первом из них и сосредоточение основной части рабочей силы во втором — это два взаимобусловленных процесса, которые образуют одновременно и предпосылку, и результат глубоких различий в направлении и технического, и социального развития в двух секторах. Для капиталистического воспроизводства экономическое значение докапиталистической периферии определяется не столько теми или иными связями по производству, накоплению, потреблению, сколько сосредоточением на периферии массы быстрорастущего населения, удерживаемого традиционными структурами. Поглощая основную массу избыточного с буржуазной точки зрения населения, традиционные структуры служат амортизатором давления роста населения на современные формы производства. При отсутствии подобного амортизатора развитие современного производства, основанного на замещении живого труда овеществленным, оказалось бы в его капиталистической форме практически невозможным. При данном соотношении первичных производственных ресурсов стагнация технических и социальных условий производства на докапиталистической периферии все более становится выражением и оборотной стороной технического прогресса и развития капиталистических отношений в современном секторе. Трансформируется само понятие «периферия»: докапиталистические формы производства все более превращаются из территориальной периферии современного капиталистического сектора, развивающейся рядом с ним преимущественно по своим собственным законам, в его функциональную периферию, развитие которой во многом определяется потребностями капиталистического производства.

В то же время рассмотренный выше механизм функционирования дуальной или, точнее, частично поляризованной экономики ни в коем случае нельзя рассматривать как стационарную систему «порочных кругов». Этот механизм, основанный на концентрации массы овеществленного труда в современном секторе, а массы живого труда — на традиционной периферии, не только допускает, но и предполагает наличие достаточно обширной промежуточной зоны между двумя секторами, врастающей в капиталистическое развитие. Речь идет лишь о том, что каждый шаг этих промежуточных хозяйств в капитализм в той или иной мере сопровождается относительным уменьшением вероятности перехода к капиталистическому хозяйствованию для каких-либо групп непосредственных производителей на традиционной периферии. Это означает преобладание процессов маргинализации непосредственных производителей над их пролетаризацией, хотя и последний процесс безусловно усиливается. Вследствие этих обстоятельств значительная масса населения все интенсивнее относительно исключается из процесса воспроизводства общественного продукта как на капиталистической, так и на докапиталистической основе. В то же время следует подчеркнуть относительный характер стационарности производства на традиционной периферии. Речь идет не о стагнации последней, а о различии между скоростью ее экономической динамики и динамики капиталистического сектора.

Воспроизводственные связи между современным капиталистическим сектором и традиционной периферией

Основными формами непосредственного воспроизводственного взаимодействия современного капиталистического сектора и традиционной периферии служат: 1) изъятие части прибавочного и необходимого продукта традиционных непосредственных производителей в пользу современного сектора, осуществляемое путем докапиталистических форм найма в предпринимательских хозяйствах, сочетания в них рентной и капиталистической эксплуатации, взимания ростовщического процента, торгово-посреднической эксплуатации; 2) воздействие выплескивающихся с периферии избыточных трудовых ресурсов на стоимость и цену рабочей силы в современном капиталистическом секторе; 3) влияние рынка ростовщического капитала на ставку ссудного процента в организованных кредитных институтах; 4) товарный обмен между современными сектором и периферией, охватывающий поставки предметов внутрипроизводственного и личного потребления; 5) налоговые изъятия дохода традиционных непосредственных производителей в пользу современного сектора; 6) бюджетное перераспределение доходов, полученных в современном секторе, в пользу беднейших слоев населения, сосредоточенных на периферии.

В то время как первая из этих форм характеризует взаимодействие между современным капиталистическим сектором и традиционной периферией, происходящее внутри отдельной хозяйственной ячейки, следующие три формы представляют межукладные связи на рынках рабочей силы, денежного капитала и товаров. Наконец, пятая и шестая формы являются элементами внерыночного межукладного взаимодействия. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что отмеченные выше формы охватывают все фазы кругооборота капитала в современном секторе.

Таблица 21

Производство и распределение
чистого продукта земледелия в 1970/71 г. *,
млрд. рупий

	Число дворов, млн.	Чистый продукт	Зарплата сельскохозяй- ственных рабочих
Крупные хозяйства	11,4	80,9—88,6	23,1—30,8
интенсивные	5,9	55,3—62,8	16,6—24,1
традиционные	5,5	26,7—29,3	7,6—10,2
Мелкие хозяйства	34,0	49,5—57,2	3,8—11,5
интенсивные	5,4	9,6—10,5	1,0—1,9
традиционные	28,6	40,2—46,4	3,1—9,3
Все хозяйства	45,4	138,1	34,6
интенсивные	11,2	66,1—72,1	18,8—24,8
традиционные	34,2	66,0—72,0	9,8—15,8

Продолжение табл.

	Доходы крестьян-собственников			Изъятие продукта путем эксплуата- ции наемного труда
	от своего хозяйства	от работы по найму	Всего	
Крупные хозяйства	57,8	1,7	59,5	22,0—23,7
интенсивные	38,7	0,2	38,9	17,3—19,7
традиционные	19,1	1,5	20,6	4,0—4,7
Мелкие хозяйства	45,7	12,0	57,7	(—)0,6—(—)1,9
интенсивные	8,6	2,0	10,6	0 — 0,1
традиционные	37,1	10,0	47,1	(—)0,6—(—)2,0
Все хозяйства	103,5	13,7	117,2	20,0—23,1
интенсивные	47,3	2,2	49,5	17,3—19,8
традиционные	56,2	11,5	67,7	2,0—4,1

* Подсчитано по [122].

Макроэкономические оценки масштабов изъятия продукта традиционных производителей в пользу современного капиталистического сектора, особенно масштабов эксплуатации наемного труда на периферии, сталкиваются с серьезными методологиче-

скими и информационно-статистическими трудностями. Речь может идти скорее об определении порядка тех или иных величин, чем о получении достоверных оценок. В табл. 21, основанной на материалах Национального совета прикладных экономических исследований, сделана попытка оценить социально-экономическую структуру производства и распределения чистого продукта земледелия. Изъятия земледельческого продукта путем эксплуатации наемного труда в крупных хозяйствах можно оценить в 25—30%, продукта этих хозяйств и 15% всего чистого продукта земледелия. Норма прибавочной стоимости в крупных хозяйствах составляла 75—90%, в том числе в интенсивных хозяйствах — 80—105%, а в традиционных — всего 45—55%. В мелких хозяйствах, особенно традиционного типа, эта норма оказывалась отрицательной.

Сопоставление данных обследований, проведенных Резервным банком Индии [51] и Национальным советом прикладных экономических исследований [121; 122; 123], а также статистики национальных счетов [120, 1979] позволяет оценить масштабы ростовщической эксплуатации традиционной периферии. В 1970/71 г. задолженность сельских семей составляла 39 млрд. рупий, из которых 18,6 млрд. рупий приходилось на долю бедных 80% семей, что равнялось 17% их доходов. Средняя ставка достигала 18,6% годовых. Даже если допустить, что деревенские низы выплачивали ту же ставку, что и остальные сельские заемщики, масштабы ростовщических изъятий с периферии оцениваются в 4 млрд. рупий, или 3,3% дохода бедных 80% семей.

Между отдельными слоями неимущего сельского населения эти изъятия распределялись следующим образом (%):

	Доля в выплате	Отношение процентов к доходу
Мелкие крестьяне	79,3	3,6
Сельскохозяйственные рабочие	9,5	1,6
Прочие бедные слои	11,2	1,2
<hr/>		
Итого .	100,0	3,3

В действительности масштабы ростовщической эксплуатации, по-видимому, заметно выше, поскольку деревенская беднота, социально приниженная и отсеченная от источников организованного кредита, вынуждена выплачивать более высокий процент, чем остальные сельские заемщики. Следует также отметить, что приведенные расчеты относятся к проценту, выплачиваемому в денежной или продуктовой форме, и не охватывают долговых обработок.

Долю различных слоев деревни в ренте в начале 70-х годов можно оценить следующим образом (%) [51, 54]:

	Индия	Пенджаб	Бихар
<i>Рентополучатели</i>			
Имущие слои .	39	49	45
абсентеисты	21	33	3
крупные земледельцы	18	16	42
Неимущие слои .	61	51	55
неземледельцы .	46	50	30
мелкие земледельцы	15	1	25
<i>Рентоплательщики</i>			
Имущие слои .	45	71	18
крупные собственники	42	69	18
крупные арендаторы	3	2	—
Неимущие слои	55	29	82
мелкие собственники	45	27	81
мелкие арендаторы	10	2	1
<i>Доля аренды в земельных активах</i>	6,8	18,2	7,7

По общему объему мелкая крестьянская аренда в начале 70-х годов еще превышала крупную, преимущественно предпринимательскую, аренду. Но основными сдатчиками земли в аренду уже стали деревенские низы. В целом арендные отношения между имущими и неимущими слоями обеспечивали перераспределение землепользования в интересах сельской элиты, доля которой в землепользовании стала заметно выше, чем в землевладении. По мере развития капитализма, с одной стороны, в ренте увеличивается доля крупных хозяйств-рентоплательщиков, а с другой — возрастает удельный вес мелких собственников-рентополучателей, лишенных возможности продолжать хозяйствовать на своей земле.

Общеиндийские характеристики рентных отношений, как видно из приведенных выше данных, уже к началу 70-х годов стояли ближе к «предпринимательскому» Пенджабу, чем к «полупфеодальному» Бихару. Среднее расхождение в структуре ренты между Индией, взятой в целом, и Пенджабом составляло 21%, а между Индией и Бихаром — 35%. При этом в Пенджабе структура рентополучателей была гораздо ближе к общеиндийской (среднее расхождение 16%), чем структура рентоплательщиков (27%). Это означает, что в целом по стране исключение мелких земельных собственников из землепользования и переход их к сдаче земли в аренду происходит быстрее, чем вызревание предпринимательской аренды, разумеется, по сравнению с соотношением этих двух процессов в относительно развитом Пенджабе.

На макроуровне рентная эксплуатация, основанная на выявленной в обследованиях аренде, по-видимому, уже не играет существенной роли в перераспределении продукта традиционной периферии в пользу капиталистического сектора. Не исключено, что суммарный баланс рентных платежей складывается в пользу мелких и мельчайших собственников. В то же время из-за не-

полного выявления скрытой аренды эти расчеты могут существенно занижать размеры рентной эксплуатации.

Оценка масштабов торгово-посреднической эксплуатации является наименее надежной. Обследования, проведенные на рубеже 60—70-х годов, позволяют определить чистые доходы сельских торговцев в 10—12,5% товарной продукции сельского хозяйства [120, 1981, с. 106, 148; 127, с. 97, 147]. Доля беднейших 80% населения в этой продукции составляла 30% в 1950/51 г. и 21—23% в 1960/61 г. [119; 177, 6.12.1975]. Доля этих слоев в денежных доходах деревни (включая денежную зарплату сельскохозяйственных рабочих) достигала, по-видимому, 30—35%. Следовательно, торгово-посреднические методы могли изымать до 2,5—3 млрд. рупий продукта беднейших слоев.

В целом масштабы изъятия продукта традиционной периферии в пользу сельской элиты (без учета «ножниц цен») в начале 70-х годов можно оценить в 30 млрд. рупий. Эти изъятия достигали $\frac{1}{5}$ чистого продукта сельского хозяйства, в 1,5 раза превышали сумму накоплений имущих слоев деревни и составляли $\frac{2}{3}$ общенационального фонда накоплений.

Разграничение продуктовых потоков, связанных с отдельными формами эксплуатации, носит весьма условный характер. И дело здесь не только в недостаточной детальности или нерепрезентативности выборочных обследований. Различные формы докапиталистической, раннекапиталистической и капиталистической эксплуатации образуют в сегодняшней индийской деревне единый сплав, представляющий собой мощный канал перераспределения продукта традиционной периферии в пользу современного капиталистического сектора.

Р. Сау приходит к выводу, что переплетение различных форм и методов эксплуатации, одновременно противоречащих и дополняющих друг друга, ведет к стагнации или крайне медленному росту сельскохозяйственного производства [144, с. 109]. По его мнению, многофункциональность сферы приложения капитала в деревне объясняет, в частности, низкую интенсивность использования земли в крупных хозяйствах.

Несмотря на значительную дезинтегрированность рынка рабочей силы, увеличение избытка трудовых ресурсов на традиционной периферии оказывает некоторое депрессивное влияние на цену и стоимость рабочей силы в современном капиталистическом секторе. Это влияние имеет опосредованный, ступенчатый характер: от традиционной периферии к мелким капиталистическим предприятиям в неорганизованном секторе, а от этих предприятий — к крупному капиталистическому производству. Подобная «трехэтажная» структура рынка рабочей силы имеет ряд последствий.

Импульсы избыточной рабочей силы доходят до верхних этажей капиталистического предпринимательства в существенно ослабленном виде. Они способствуют сдерживанию роста заработной платы в крупном производстве главным образом за счет де-

формации квалификационной структуры занятости в нем. Повышение капиталовооруженности труда, требующее роста квалификации, охватывает преимущественно занятых на основных производственных операциях, играющих определяющую роль в реализации данной технологии, в то время как вспомогательные операции в прежней или даже возрастающей степени продолжают осуществляться на основе ручного, неквалифицированного труда. Удельный вес неквалифицированных работников, ставки заработной платы которых в большей степени подвержены влиянию избыточной рабочей силы, оказывается завышенным, а средняя ставка зарплаты на фабрике — соответственно заниженной.

Основное бремя снижения цены рабочей силы под влиянием избытка ее предложения ложится на занятых в несельскохозяйственных отраслях мелкого капиталистического производства, что проявляется в значительном разрыве в оплате труда на крупных и мелких предприятиях, особенно в деревне. В 1970/71 г. структура доходов в расчете на 1 занятого в обрабатывающей промышленности была следующей (рупий) [120, 1981, с. 138, 148, 150]:

Заработная плата	Город	Деревня	Итого
Крупная промышленность	3616	3285	3532
Мелкая промышленность	1573—1751	611—762	1220—1355
Доходы ремесленников .	1145	490	696

Заработная плата сельскохозяйственных рабочих оценивалась в 670 рупий в год. Это характеризует несколько необычную модель экономической мобильности. Для сельскохозяйственного рабочего путь увеличения дохода лежит в переходе к наемному труду в городской, но не в сельской недомашней промышленности, в то время как мелкая недомашняя промышленность в деревне открывает возможности повышения дохода лишь для сельских ремесленников. Не исключено, что подобное положение отражает лишь макроэкономическую иллюзию, обусловленную громадными порайонными различиями в уровне трудовых доходов в деревне. На локальном уровне сельскохозяйственные рабочие и ремесленники, как показывают некоторые микроэкономические обследования, занимают примерно одинаковое экономическое положение.

Давление трудовых ресурсов традиционной периферии на цену рабочей силы в современной мелкой промышленности служит одной из причин рассогласования в последних сдвигов в производственных и распределительных параметрах. В то время как параметры производственной функции в мелкой промышленности (капиталовооруженность, производительность и соответственно капиталоемкость) медленно сближаются с параметрами крупного производства, параметры распределения в этих двух секторах промышленности, скорее, расходятся. В 1970/71 г. соотношение

производительности труда в фабричной и нецензовой домашней промышленности составляло 2,4:1, а соотношение зарплат — 2,75:1. Мелкая промышленность отличалась более высокой нормой прибавочной стоимости.

Это относительно расширяет стоимостные границы стихийного развития мелкой промышленности, не подчиненной крупной. Разумеется, и в Индии, действуют те же факторы, препятствующие этой тенденции, что и в развитых капиталистических странах. Стихийные стимулы для развития мелкой промышленности недостаточны для ускорения ее роста, возможного лишь на базе государственного регулирования сфер приложения крупного и мелкого капитала и государственной поддержки последнему. И тем не менее стихийная «живучесть» мелкого производства в Индии несравненно выше. Одна из причин этого, хотя далеко не единственная, — дезинтегрированность рынка рабочей силы.

Воздействие традиционной периферии на цену рабочей силы в современном капиталистическом секторе не ограничивается давлением избытка трудовых ресурсов. Отсутствие альтернативных источников занятости для массы непосредственных производителей вне сельского хозяйства обуславливает гомеостатическую потребность воспроизводства их рабочей силы, хотя бы суженного, в аграрном секторе. Эта потребность реализуется в комплексе внерыночных (как традиционных, так и государственно-политических) регуляторов — от закрепления личной зависимости работника от собственника средств производства, позволяющей первому как-то сводить концы с концами, до установления государственных закупочных цен на уровне издержек производства маложизнеспособных мелких хозяйств, хотя немалая доля закупочной цены присваивается торговым посредником. Макроэкономическая невозможность найти альтернативное приращение рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, обуславливает социально-политическую необходимость поддержания мелких и мельчайших хозяйств и определенного ограничения экстенсивного развития капиталистического земледелия путем массового разорения этих хозяйств. В результате этого весь сельскохозяйственный сектор, особенно зерновое производство, функционирует на уровне цен, завышенном по сравнению с накопленным экономическим потенциалом предпринимательских хозяйств. Для них это означает извлечение дополнительной прибыли, обеспечивающей источники не только для интенсификации капиталистического земледелия, но и для воспроизводства докапиталистических форм эксплуатации, для мелких и мельчайших производителей — возможность воспроизводства рабочей силы хотя бы в хиреющем состоянии.

Оборотной стороной этого явления служит завышение стоимости средств существования промышленных рабочих по сравнению с равновесными рыночными условиями, отвечающими сложившемуся соотношению первичных производственных ресурсов в аграрном секторе. Относительная дороговизна этих средств

двойко влияет на капиталообразование в несельскохозяйственном секторе. С одной стороны, ослабляются стимулы для частных капиталовложений в промышленность, а с другой — возникает тенденция к ускорению повышения органического строения капитала, направленному на экономии переменного капитала. Последнее означает замедление роста трудопоглощающих возможностей современного несельскохозяйственного сектора, что способствует усугублению аграрного перенаселения.

Разумеется, буржуазное государство уже с середины 50-х годов стремилось всемерно ограничить влияние неэластичности сельскохозяйственного производства от спроса на объем и цены средств существования промышленных рабочих: сначала путем массированного импорта продовольственного зерна, а затем и расширения субсидий для реализации местного зерна преимущественно на городских рынках. Предпринимались усилия по субсидированию и других компонентов затрат на воспроизводство рабочей силы — расходов на образование, общественный транспорт и т. д. Несмотря на это, стоимость средств существования промышленных рабочих с середины 50-х годов до конца 60-х годов росла быстрее, чем цены на промышленную продукцию.

С конца 60-х годов, по мере развертывания «зеленой революции», изменилось не только соотношение цен, но и весь механизм ценообразования в сельском хозяйстве. Во второй половине 70-х годов завершение замещения импорта зерна и рост мировых цен на энергоносители привели к качественному ухудшению условий торговли сельского хозяйства с промышленностью. В то же время в ходе «зеленой революции» значительно укрепился экономический потенциал интенсивных предпринимательских хозяйств, что сопровождалось усилением поляризации условий производства между ними и мелкими производителями. Поэтому, несмотря на снижение относительных цен на сельскохозяйственную продукцию, разрыв между фактическими ценами и ценами, основанными на издержках производства предпринимательских хозяйств, по-видимому, возрос. Абстрактно говоря, экономический потенциал кулачества позволяет ему существенно увеличить производство товарного зерна по более низким ценам, что не только снизило бы стоимость средств существования промышленных рабочих, но и расширило бы рынок для промышленных товаров. Однако, поскольку это означало бы выталкивание из производства массы мелких и мельчайших хозяйств при отсутствии возможностей альтернативной занятости, подобный вариант «элитарного» развития в индийских условиях оказывается чисто умозрительным. Поэтому, хотя условия торговли сельского хозяйства с промышленностью в 70-х годах ухудшились, уровень цен на сельскохозяйственную продукцию остается завышенным по сравнению с рыночным равновесием.

Рассмотренный выше механизм воздействия традиционной периферии на стоимость средств существования занятых в современном несельскохозяйственном секторе является одной из ос-

новых причин стагнации или даже снижения нормы прибавочной стоимости в этом секторе (табл. 22), несмотря на значительное повышение органического строения капитала и рост производительности труда. К числу других причин относятся активизация борьбы организованного рабочего класса за свои права, избыточная занятость на отдельных предприятиях государственного сектора, растущее сокращение прибылей от налогов и др.

Если в государственном секторе, сосредоточенном в капиталоемких отраслях промышленности и инфраструктуры, повышение органического строения капитала перекрывало влияние противодействующих факторов на норму прибавочной стоимости, то в крупном частнокапиталистическом секторе эта норма снижалась главным образом вследствие опережающего до конца 60-х годов

Таблица 22

Динамика нормы прибавочной стоимости
в текущих ценах *

	1960/61 г.	1970/71 г.	1975/76 г.	1978/79 г.
Организованный сектор	65,6	51,5	54,1	60,5
государственный**	40,4	41,4	46,4	60,8
частный	79,8	60,5	63,7	60,0
Цензовая обрабатывающая промышленность	83,1	61,5	63,1	67,2

* [120, 1976, с. 22; 120, 1981, с. 30, 138].

** Без государственных служащих и с поправкой на субсидии
госпредприятиям.

Таблица 23

Инвестиции в финансовые активы сельских дворов в 1975/76 г. *

Вид активов	Беднейшие 62% дворов		Средние 29% дворов		Богатые 9% дворов		Итого, млн. рупий	В процентах ко всем инди- видуальным финансовым активам
	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%		
Депозиты	26,9	3,9	1061	15,4	5550	80,7	6880	34,6
Кассы взаимного кре- дита	146	20,2	331	45,8	245	33,9	722	56,6
Акции и облигации .	41	6,3	94	14,5	515	79,2	650	19,7
Мелкие сбережения .	185	11,8	463	29,5	921	58,7	1569	19,7
Страхование жизни .	29	2,2	515	38,3	799	59,5	1343	34,9
Фонды социального страхования	12	0,7	716	42,6	951	56,7	1679	13,7
Все активы	683	5,3	3202	24,9	8980	69,8	12865	32,9
Процент к доходу .	0,66		3,9		7,7		4,2	

* [120, 1981, с. 142—143; 123, с. 174]. Без прироста денежной наличности.

роста цен на средства существования рабочих по сравнению с ценами на продукцию этого сектора. О значении этого фактора можно судить по следующим данным: в 1960/61—1978/79 гг. норма прибавочной стоимости в цензовой обрабатывающей промышленности в неизменных ценах 1960/61 г. возросла с 83 до 91%¹, а в текущих ценах снизилась до 67%.

Взаимодействие современного капиталистического сектора и традиционной периферии на рынке денежного капитала характеризуется перераспределением ресурсов периферии в общенациональный фонд капитала и ее финансированием за счет этого национального фонда. Данные об инвестициях сельских дворов в финансовые активы организованного сектора приведены в табл. 23.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении таблицы, — это довольно высокий уровень втянутости сельских дворов в общенациональный оборот капитала. На долю деревни в 1975/76 г. приходилось около $\frac{1}{3}$ прироста индивидуальных финансовых активов. В то время как норма накопления в финансовых активах в деревне достигала 4,25%, для всей экономики она составляла 6%, а для городского населения — 7,7%. Норма накопления в финансовых активах сельской элиты соответствовала среднему городскому значению этой нормы. Отмечая эту тенденцию, нельзя, конечно, забывать о крайне узкой массовой базе формирования финансовых активов в деревне. В 1970/71 г. акциями располагали лишь 10% среди беднейших дворов, а облигациями — всего 5%. Даже среди имущих слоев владельцы акций составляли 32%, а владельцы облигаций — 13%.

Роль деревни в формировании различных видов финансовых активов была неодинаковой. Вложения в акции были преимущественно деревенской формой активов (в 1970/71—1978/79 гг. инвестиции в паи кооперативов, в основном деревенских, в 1,8 раза превышали инвестиции в акции частных компаний), взносы в фонды социального страхования и мелкие сбережения — преимущественно городской формой. Следует иметь в виду, что паевые взносы деревни складываются главным образом за счет удержания части государственного льготного кредита кооперативам, не достигающей конечного заемщика, и характеризуют, скорее, двойной счет в балансах.

Основная масса сельского населения играет, как и следовало ожидать, крайне незначительную роль в формировании финансовых активов. Эта доля, по-видимому, достаточно быстро снижается вследствие интенсификации втягивания накоплений имущих слоев в общенациональный оборот капитала. По данным обследования Резервного банка Индии, в 1970/71 г. на долю беднейших слоев 60% сельских дворов приходилось 16% суммарных финансовых активов деревни. По расчетам Национального совета прикладных экономических исследований, в 1975/76 г. доля этих дворов в приросте финансовых активов составляла лишь 4,6% [51, с. 8—9; 123, с. 175]. Таким образом, связи традиционной пе-

риферии с организованным рынком денежного капитала в значительной мере опосредовались финансовыми активами сельской элиты, одной ногой стоящей в современном капиталистическом секторе, а другой — в традиционном. В первой половине 70-х годов имущие слои деревни передавали в общенациональный фонд капитала примерно 15—20% средств, полученных ими от эксплуатации традиционных непосредственных производителей.

Низкий уровень вовлеченности деревенской бедноты в деятельность организованного рынка капитала, как правило, объясняется бедностью и традиционной замкнутостью, натуральностью хозяйства. Влияние первого из этих факторов очевидно, со вторым дело обстоит сложнее (табл. 24).

Таблица 24

Соотношение доходов и инвестиций
различных групп сельского населения в 1975/76 г.*,
%

Удельный вес	Беднейшие 20	20—40	40—60	60—80	Богатые 20
В доходе	6,3	10,6	15,0	21,6	46,6
В капиталовложениях в физические активы	1,1	2,7	9,6	13,7	72,9
В капиталовложениях в финансовые активы	0,6	1,6	2,4	9,2	86,2

* [123].

Зависимость доли финансовых активов в капиталовложениях от уровня дохода имеет не линейно возрастающий, а параболический характер. С ростом дохода эта доля уменьшается с 15% у беднейших семей до 7% у средних, а затем возрастает до 27% у богатых семей. Именно средние группы сельского населения отличаются наименьшей (по сравнению с объемом капиталовложений) втянутостью в общенациональный оборот капитала. Эти данные хорошо согласуются и с результатами обследований Резервного банка Индии за 1970/71 г. Удельный вес финансовых активов в суммарных активах беднейшей половины деревенских дворов оказывается в 1,5 раза выше среднего уровня, в активах средних 30% дворов — в 1,2 раза ниже этого уровня, а в активах зажиточных 20% дворов, дающих, разумеется, подавляющую часть финансовых активов, — примерно на среднем уровне. Сопоставление финансовых активов не со всей стоимостью имущества, а с производственными активами еще более подчеркивает эти различия и в то же время дает объяснение им. Они характеризуют процесс экспроприации производственных фондов беднейших слоев деревни при сохранении этими слоями некоторого бытового имущества и денежных остатков.

В начале 70-х годов сельское население, взятое в целом, продолжало перераспределять по каналам организованного кредита ресурсы в пользу современного городского сектора (табл. 25). В то же время масштабы этого перераспределения относительно уменьшились по сравнению с первой половиной 60-х годов и не превышали 6% валовых финансовых активов сельских дворов. Если деревня в целом оставалась кредитором организованных финансовых институтов, то крестьяне-собственники получали от них в 1,3 раза больше, чем вкладывали. Весь чистый приток ка-

Таблица 25

Баланс кредитных расчетов между сельским населением и организованными финансовыми институтами в 1971 г. *, млрд. рублей

	Активы в организованных финансовых институтах**	Задолженность организованным финансовым институтам	Баланс движения капитала
Все сельские дворы	11,82	10,94	—0,88
Крестьянские дворы .	8,21	10,44	+2,23
по размерам землепользования, га			
до 1 (45,6% семей) .	2,02	1,18	—0,84
1—2 (22,6%) .	1,69	1,54	—0,15
2—4 (17,7%) . .	1,53	2,16	+0,63
свыше 4 (13,9%) .	2,97	5,56	+2,59
по размерам активов, тыс. рублей			
до 5 (36,6%) .	0,40	0,59	+0,19
5—10 (23,2%) .	0,67	1,06	+0,39
10—20 (20,2%) .	1,10	1,92	+0,82
свыше 20 (20%) .	6,07	6,87	+0,80
Неземледельческие дворы .	3,61	0,49	—3,12
сельскохозяйственные рабочие	0,16	0,07	—0,09
ремесленники	0,07	0,02	—0,05
прочие слои	3,38	0,40	—2,98

* [51; 53].

** Денежная наличность сельских семей распределена пропорционально их прочим финансовым активам.

питала в земледелие по каналам организованного кредита приходился на долю хозяйств размером свыше 2 га, в том числе 80% — на хозяйства размером более 4 га. Группировка крестьянских дворов по размерам активов дает иные результаты, чем группировка по размерам землепользования. Она свидетельствует, что чистыми получателями кредитов финансовых институтов были не только высшие, но и низшие группы крестьянства, хотя и здесь доля верхних 40% хозяйств превышала 70% кредитов. Эти различия могут быть частично объяснены ошибками в наших расчетах, связанными с тем, что в группировках хозяйства по обрабатываемой площади распределение кредитов основано на

данных только списочных коммерческих банков (в 1979/80 г. структура распределения этих кредитов и всего организованного прямого кредита сельскому хозяйству совпадала до 0,5%). Однако резкие различия между двумя группировками как по кредитам, так и по активам свидетельствуют, что дело не только в статистических погрешностях. Они отражают прежде всего тот факт, что в наиболее развитых сельскохозяйственных районах, характеризующихся более высокой стоимостью активов на единицу обрабатываемой площади, мелкие хозяйства более втянуты в накопление финансовых активов по сравнению не только с мелкими, но и с крупными хозяйствами в отсталых районах.

В целом в результате «зеленой революции» возникла новая функция организованного кредита в деревне — перераспределение средств не только из деревни в город, но и от неземледельческих слоев деревни, а возможно и от крестьянской бедноты, в пользу предпринимательских земледельческих хозяйств. Из общей суммы денежных средств, мобилизованных организованными финансовыми институтами в деревне, лишь 16% утекало в город, а остальное перераспределялось в пользу предпринимательской элиты деревни.

Основным чистым кредитором организованных институтов были, разумеется, так называемые прочие неземледельческие группы, охватывающие сельских торговцев, ростовщиков, служащих, занятых в современном производстве и сфере услуг. Вместе с тем почти $\frac{1}{4}$ чистых финансовых активов групп сельского населения, являвшихся чистыми кредиторами организованного сектора, приходилась, если судить по группировке на основе размеров хозяйства, на долю 70% беднейших крестьянских хозяйств. Показательно, что, как бы слабо сельскохозяйственные рабочие и ремесленники ни были связаны с организационными финансовыми институтами, их финансовые активы в среднем в 2,6 раза превышали полученные ими кредиты. Таким образом, даже эти слои выступали источником капитала, хотя и мизерным, для предпринимательского земледелия и современного городского сектора.

Для крупного капиталистического производства основное последствие усиления связей между организованным и неорганизованным кредитными рынками состоит в повышении ставки процента по кредитам организованных финансовых институтов. Эта ставка начинает все более тяготеть, с одной стороны, к уровню прибыльности мелкокапиталистического производства, которое в деревне опирается на сочетание капиталистических и докapiталистических методов эксплуатации непосредственных производителей, а в городе паразитирует на низких ставках заработной платы, обусловленных давлением избытка рабочей силы на периферии, отсутствием профсоюзов на мелких предприятиях и т. д. С другой стороны, она тяготеет к ставке ростовщического процента, оторванной от реальной отдачи на производительный капитал даже в мелком капиталистическом производстве и опре-

деляемой, скорее, потребностями покрытия дефицита потребления беднейших слоев населения. Вследствие этого разрыв между ставками процента в организованном и неорганизованном секторах уменьшается. Этому процессу способствовало и обострение инфляции, которая влияла на увеличение спроса на кредит гораздо больше в современном секторе, чем на традиционной периферии.

Относительное подтягивание ставки процента по организованному кредиту к условиям неорганизованного рынка капитала привело к тому, что эта ставка сблизилась с нормой прибыли в крупном частнокапиталистическом производстве (%) [177, 22.09.1979; 139, 1980/81, т. 2, с. 69, 73]:

	1960/61 г.	1970/71 г.	1975/76 г.	1979/80 г.
Норма валовой прибыли	10,0	10,7	10,6	12,6
Ставка процента по заемным средствам корпораций	5,1	8,2	12,3	11,7
Дивиденд по обыкновенным акциям		5,5	5,4	5,8
Ставка процента по банковским депозитам		7,0	9,0	10,0

Эти данные, разумеется, не означают, что крупный частный капитал не извлекал прибыли из использования заемных средств. Динамические ряды норм прибыли, дивидендов и процентных ставок не вполне сопоставимы, так как, во-первых, выплаты корпорациям процентов по кредитам не облагаются корпоративным налогом, во-вторых, дивиденды исчислены по отношению не к первоначальному капиталу, а ко всему капиталу, включая выпуск премиальных акций, игравший в 70-х годах ведущую роль в эмиссии акций частных корпораций.

Тем не менее тенденция к снижению доли предпринимательской прибыли в валовой прибыли крупного частнокапиталистического сектора очевидна. Наряду с опережающим ростом ссудного процента в организованном секторе она обусловлена депрессивным влиянием перенакопления промышленного капитала, возникшего в период несбалансированной индустриализации, и стагнацией нормы прибавочной стоимости, вызванной опережающим ростом цен на средства существования занятых в крупном производстве по сравнению с ценами на его продукцию.

Эта тенденция означала существенное снижение рыночных стимулов для капиталовложений в частном корпоративном секторе, несмотря на увеличение государственных льгот крупному частному капиталу. С одной стороны, это способствовало стагнации реальных капиталовложений крупного частнокапиталистического сектора с середины 60-х годов. Его среднегодовые капиталовложения (в ценах 1970/71 г.) составляли 8,11 млрд. рупий в 1961/62—1965/66 гг., 4,70 млрд. рупий в 1966/67—1970/71 гг., 8,04 млрд. рупий в 1971/72—1975/76 гг. и 5,65 млрд. рупий в 1976/77—1979/80 гг. [120, 1976; 120, 1981]. С другой стороны, сложившееся соотношение нормы прибыли и ссудного процента

затрудняло прямую мобилизацию частными корпорациями индивидуальных накоплений путем эмиссии акций. Частный корпоративный сектор оказывался во все большей зависимости от посреднических операций государственных финансовых институтов, которые становились основным источником не только заемного, но и акционерного капитала. Удельный вес индивидуальных вложений в акции в финансировании чистых капиталовложений частного корпоративного сектора снизился с 18,5% в 1961/62—1965/66 гг. до 0,3 в 1971/72—1975/76 и 6,5% в 1976/77—1978/79 гг. Основной формой связи частных корпораций с индивидуальными инвесторами стали не акции с переменной отдачей на капитал, а срочные депозиты под фиксированный процент.

Относительная изоляция частного корпоративного сектора от индивидуального рынка денежного капитала имеет ряд последствий. Во-первых, ослабляется регулирующее воздействие нормы прибыли на повышение эффективности производства в крупном частнокапиталистическом секторе. Финансовое положение корпораций все более определяется не уровнем дохода, который они обеспечивают своим акционерам, а возможностью получения средств от государственных финансовых институтов, в решающей степени зависящей не от эффективности предприятия, а от общей политики государства, связей корпорации с чиновниками и т. д. Во-вторых, из-за падения доли акционерного капитала в активах частных корпораций расширяются возможности контроля со стороны верхушки крупной буржуазии при незначительном увеличении ее собственных инвестиций. Процессы централизации капитала существенно опережают его концентрацию. Этот механизм оказывается не менее эффективным инструментом контроля над корпорациями, чем разводнение акционерного капитала в развитых капиталистических странах.

Товарообменные связи современного капиталистического сектора с традиционной периферией охватывают: поставки мелкими и мельчайшими хозяйствами сельскохозяйственного сырья капиталистическим предприятиям при посредничестве частных торговцев, а по отдельным товарам — также кооперативов; закупки этими хозяйствами средств производства, выпускаемых современной крупной и мелкой промышленностью; приобретение традиционными непосредственными производителями промышленных предметов потребления; продажу и закупку беднейшими слоями деревни продовольственного зерна.

Количественно роль традиционной периферии как поставщика сельскохозяйственного сырья для современного капиталистического сектора определяется тремя факторами: долей отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье в суммарном крупном промышленном производстве; удельным весом сельскохозяйственного сырья в текущих воспроизводственных затратах этих отраслей; местом мелких и мельчайших хозяйств деревни в производстве технических культур.

Импортзамещающая индустриализация способствовала устой-

чивому снижению доли отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья в крупном промышленном производстве. В 1960/61—1970/71 гг. эта доля уменьшилась с 54,2 до 42,5%, а к 1978/79 г. — до 36,8%. Одновременно почти во всех агропромышленных отраслях уменьшалась доля сельскохозяйственного сырья в фонде внутрипроизводственного потребления. В 1965/66—1979/80 гг. она снизилась с 71,8 до 55% в сахарной промышленности, с 41,4 до 37,1% — в производстве растительного масла, с 48,2 до 35,7% — в хлопчатобумажной, с 58,4 до 34,1 — в джутовой, с 8,9 до 7,7% — в прочей текстильной промышленности и с 46,4 до 29,7% — в кожевенной промышленности [167, с. 35; 168, с. 105—112].

Альтернативным методом оценки соотношения темпов роста производства сельскохозяйственного сырья и развития перерабатывающих это сырье отраслей может служить сопоставление валового сбора технических культур в денежном выражении с условно-чистой продукцией агропромышленных отраслей. В 1960/61—1970/71 гг. соотношение этих двух показателей в текущих ценах возросло с 1,80 до 2,30, а к 1978/79 г. снизилось до 1,42. В неизменных ценах 1970/71 г. оно уменьшилось с 2,45 в 1960/61 г. до 1,70 в 1978/79 г. Таким образом, уменьшение доли сельскохозяйственного сырья в продукции перерабатывающих его отраслей отражало как технологические и ассортиментные изменения, так и сдвиги в соотношении цен на сырье и готовую продукцию.

Межотраслевой баланс за 1979/80 г., подготовленный Плановой комиссией, позволяет проследить существенные различия в связях современной и кустарной промышленности с сельским хозяйством. Удельный вес сельскохозяйственного сырья в валовой продукции (в скобках — в текущих воспроизводственных затратах) характеризовался следующими данными (%) [168, с. 109—110]:

	Фабричные предприятия	Кустарные предприятия
Сахарная промышленность	33,4 (39,7)	54,6 (64,3)
Производство растительного масла .	31,7 (37,1)	74,3 (91,8)
Хлопчатобумажная промышленность	28,2 (39,9)	3,8 (5,3)

Производство гура, кханда и неочищенного растительного масла в кустарной промышленности дает привычную картину более тесной связи с сельским хозяйством. Выпуская около половины продукции соответствующих отраслей, кустари закупали вдвое больше сахарного тростника и масличных семян, чем фабрики. Принципиально иным было положение в хлопчатобумажной промышленности: на долю ручного ткачества и кхади, дававших около 1/3 валовой продукции отрасли, приходилось всего 6% закупок хлопка. Текущие воспроизводственные связи кустарного

ткачества с крупной промышленностью были ровно в 10 раз интенсивнее, чем с сельским хозяйством.

Оценка распределения валового сбора отдельных культур между различными группами сельских производителей представляет значительную сложность. Р. Синха, П. Пирсон, Г. Кадекоди и М. Грегори попытались оценить долю отдельных групп, включая сельскохозяйственных рабочих, в условно-чистой продукции во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов (табл. 26).

Таблица 26

Распределение условно-чистой продукции
в сельском хозяйстве *,
%

	Беднейшие 33% семей	Средние 34% семей	Зажиточные 33% семей
Растениеводство	12,1	14,4	73,5
Все технические культуры	7,8	20,8	71,4
В том числе:			
хлопок и тростник	5,9	8,5	85,6
джут . .	31,8	36,5	31,6
масличные	13,8	7,8	78,4
прочие технические культуры . .	3,3	30,9	65,8
Все зернобобовые .	16,4	12,9	70,7
В том числе:			
рис . . .	27,3	19,0	53,7
пшеница	6,1	8,0	85,9

* [154, с. 83, 87—88].

Если данные табл. 26 сколько-нибудь показательны для распределения не только дохода, но и валовой продукции для всего периода 60—70-х годов, то удельный вес поставок сельскохозяйственного сырья бедными $\frac{2}{3}$ сельского населения в текущих воспроизводственных затратах обрабатывающей промышленности можно оценить следующим образом (%): в 1960/61 г. — 11,5, 1970/71 г. — 7,0, 1975/76 г. — 4,1 и в 1978/79 г. — 3,4. В действительности роль этих поставок для крупной промышленности уменьшалась, вероятно, еще быстрее, чем показывают эти данные, поскольку в производстве технических культур снижалась доля мелких и мельчайших хозяйств. В начале 60-х годов на долю последних приходилась немалая часть валового сбора хлопка; к началу 70-х годов в хлопководстве уже преобладала зажиточная $\frac{1}{3}$ населения.

В 1950/51—1978/79 гг. удельный вес затрат промышленной продукции в текущих воспроизводственных затратах сельского хозяйства увеличился с 4,9 до 37,5%, а их доля в валовой продукции сельского хозяйства — с 1,2 до 8,8% [120, 1975, с. 30; 120, 1981, с. 106]. При этом доля фабричной продукции в промышлен-

ных затратах, по самым скромным оценкам, возросла с 27 до 92 %. В то же время, как показывают многочисленные микрзокономические обследования, значительная доля современных агротехнических средств приходится на относительно узкий круг предпринимательских хозяйств в наиболее развитых сельскохозяйственных районах (табл. 27).

Таблица 27

Распределение современных агротехнических средств
в зависимости от размера хозяйства *,
%

	Размер хозяйства		
	До 1 га	1—4 га	Свыше 4 га
Процент хозяйств .	46	41	13
<i>Основные фонды</i>			
Железные плуги	7	48	45
Электрические насосы и тракторы .	4	20	76
Сельскохозяйственное оборудование .	4	33	62
Все ирригационные средства .	15	39	46
<i>Оборотные средства</i>			
Минеральные удобрения и пестициды .	9—15	35—39	46—53
Электроэнергия и дизельное топливо .	4—5	20—33	62—76
Текущие эксплуатационные затраты . . .	9—10	37—38	52—53
Все текущие затраты промышленной про- дукции .	7—11	31—37	52—62

* Подсчитано по [181, № 2, 1977, с. 6; 120, 1981].

Ориентировочные расчеты распределения суммарного потребления, основанные на данных национальных выборочных обследований, приведены в табл. 28. Эти данные, как общепризнано, существенно недооценивают расходы имущих слоев, особенно по наиболее быстро растущим расходам на товары длительного пользования. В фонд потребления промышленных товаров включены 48% расходов на «прочее продовольствие» в деревне и 56% — в городе, что соответствует фактическим данным за 1973/74 г. К традиционной периферии отнесены условно беднейшие 80% сельских семей и 20% городских. Данные табл. 28 подтверждают широко признанные представления о снижении удельного веса промышленных товаров в потреблении почти всех групп населения и об относительном уменьшении роли традиционной периферии в формировании совокупного спроса на промышленные предметы потребления.

В то же время приведенные данные позволяют сделать некоторые дополнительные выводы. В 50-х — первой половине 70-х годов доля традиционной периферии в потреблении как |промыш-

Таблица 28

Потребление промышленных и сельскохозяйственных товаров *

	1952/53 г.		1963/64 г.		1973/74 г.	
	млрд. рупий	%	млрд. рупий	%	млрд. рупий	%
<i>Промышленные товары</i>						
Все население	48,6	100,0	56,6	100,0	143,5	100,0
традиционный сектор .	19,2	39,5	20,2	35,6	52,3	36,4
современный сектор .	29,4	60,5	36,4	64,3	50,3	63,6
Сельское население	35,5	73,2	39,3	69,4	99,9	69,6
традиционный сектор .	18,5	38,2	19,3	34,1	49,6	34,5
современный сектор .	17,0	34,9	20,0	35,3	50,3	35,1
Городское население	13,0	26,8	17,3	30,6	43,6	30,4
традиционный сектор .	0,6	1,3	0,9	1,6	2,7	1,9
современный сектор .	12,4	25,5	16,4	29,0	40,9	28,5
<i>Сельскохозяйственные товары</i>						
Все население	46,2	100,0	7962	100,0	243,3	100,0
традиционный сектор .	26,2	56,7	43,6	55,0	135,8	55,8
современный сектор .	20,0	43,4	35,6	45,0	107,5	44,2
Сельское население	38,7	83,6	63,3	79,9	192,6	79,2
традиционный сектор .	25,4	54,9	41,9	52,9	130,1	53,5
современный сектор .	13,3	28,7	21,4	27,0	62,5	25,7
Городское население	7,6	16,4	15,9	20,1	50,7	20,8
традиционный сектор .	0,8	1,7	1,7	2,2	5,7	2,3
современный сектор .	6,8	14,7	14,2	19,9	45,0	18,5
<i>Все товары</i>						
Все население	94,8	100,0	135,8	100,0	386,8	100,0
традиционный сектор .	45,4	47,9	63,8	47,8	188,1	48,6
современный сектор .	49,4	52,1	72,0	52,2	198,7	51,4
Сельское население	74,2	78,3	102,6	74,3	292,5	75,6
традиционный сектор .	44,0	46,4	61,2	44,3	179,7	46,5
современный сектор .	30,2	31,9	41,4	30,0	112,8	29,1
Городское население	20,6	21,7	33,2	24,0	94,3	24,4
традиционный сектор .	1,4	1,5	2,6	1,9	8,4	2,2
современный сектор .	19,2	20,2	30,6	22,1	85,9	22,2

* Подсчитано по [124; 126; 129; 142; 143].

ленных, так и сельскохозяйственных товаров, взятых порознь, снижалась, особенно в деревне. Однако удельный вес периферии в совокупном потреблении оставался относительно стабильным вследствие перераспределения этого потребления между промышленными и сельскохозяйственными товарами. В потреблении сельскохозяйственных товаров удельный вес беднейших слоев был в 1,5 раза выше, чем в потреблении промышленных.

Характер распределения потребительских расходов не оставался неизменным. В годы несбалансированной индустриализации (с середины 50-х до середины 60-х годов) произошло заметное перераспределение потребления от деревни к городу. Доля сельских районов снизилась в потреблении промышленных и сель-

скохозяйственных товаров, взятых вместе. При сокращении доли сельского традиционного сектора в фонде потребления промышленных товаров его доля в сельскохозяйственном и суммарном фонде потребления несколько возросла. Под влиянием ослабления внеэкономического принуждения в отношении низших форм производства произошла некоторая натурализация и аграризация потребления деревенских низов. Обратной стороной этого процесса являлось небольшое уменьшение доли деревенских верхов в потреблении сельскохозяйственных товаров, в то время как их удельный вес в потреблении промышленных товаров уменьшился незначительно. Таким образом, уже в этот период наблюдалось углубление различий в отраслевой структуре потребления имущих и неимущих слоев деревни.

Вступление Индии во второй половине 60-х годов в этап «зеленой революции» временно ослабило тенденцию повышения доли городского населения в фонде потребления по всем группам товаров. При этом доля сельской и всей традиционной периферии в потреблении промышленных и сельскохозяйственных товаров стала снижаться, а удельный вес деревенских верхов начал расти. Незначительное увеличение доли низших и высших групп городского населения в потреблении промышленных и сельскохозяйственных товаров, взятых по отдельности, сопровождалось стагнацией доли города и небольшим снижением доли современного городского сектора в совокупном фонде потребления. Это было обусловлено упомянутыми выше различиями в отраслевой структуре потребления низших и высших по доходу групп и уменьшением доли промышленных товаров в потреблении.

В результате этих процессов к середине 70-х годов на долю сельского традиционного сектора (65% населения), современного сектора в деревне (15%) и городского населения (20%) приходились примерно равные доли совокупного рынка промышленных предметов потребления. Изменение условий торговли в 70-х годах в пользу промышленности способствовало, с одной стороны, нейтрализации тенденции снижения удельного веса промышленных товаров в фонде потребления, а с другой — возобновлению роста доли городского населения в этом фонде. В 1973/74—1978/79 гг. удельный вес промышленной продукции в фонде потребления возрос в текущих ценах с 37,1 до 44,4%, хотя в ценах 1970/71 г. он составлял соответственно 35,7 и 40,9% [120, 1981, с. 36—37].

Подушевой уровень потребления продукции промышленности бедными 80% сельского населения в 4 раза ниже, чем подушевое потребление этих товаров сельской элитой, и в 2,8 раза ниже, чем городским населением. Однако огромная численность населения, сосредоточенного на традиционной периферии, ведет к тому, что создаваемый ею спрос на промышленные товары оказывается того же порядка, что и спрос городского населения или деревенской верхушки.

Как известно, спрос беднейших слоев на промышленные пред-

меты потребления представлен простейшими видами продукции, многие из которых производятся сельскими ремесленниками. В то же время значение подобных внутриукладных связей не следует преувеличивать. Так, в 1973/74 г. валовая продукция деревенской и домашней промышленности за вычетом экспорта оценивалась в 10,2 млрд. рупий (без изделий художественных ремесел) [155, с. 187], а потребление промышленных товаров сельским традиционным сектором составляло 49,6 млрд. рупий. Даже если предположить, что вся продукция этой промышленности использова-

Таблица 29

Удельный вес спроса бедных 80% сельского населения
в валовой продукции в 1973/74 г. *,
%

	Прямой спрос	Косвенный спрос	Суммарный спрос
Сельское хозяйство	43,1	13,0	56,1
Зерновое хозяйство	60,9	7,2	68,1
Прочее растениеводство	27,7	22,7	50,4
Животноводство	39,1	4,0	43,1
Плантации	—	20,8	20,8
Лесное хозяйство	40,8	3,3	44,1
Промышленность	18,3	11,6	29,9
Угольная	34,1	8,1	42,2
Прочая добывающая	—	36,9	36,9
Сахарная	26,4	1,3	27,7
Производство растительного масла	20,2	13,9	34,1
Прочая пищевая	6,7	2,4	9,1
Хлопчатобумажная	48,1	1,4	49,5
Прочая текстильная	6,0	5,5	11,5
Целлюлозно-бумажная	6,7	5,4	12,1
Кожевенная	11,4	—	11,4
Производство удобрений	—	84,0	84,0
Тяжелая химия	—	42,1	42,1
Производство пластмасс	21,1	5,3	26,4
Фармацевтическая	47,3	13,4	60,7
Производство синтетических волокон	—	1,4	1,4
Прочая химия	3,2	34,7	37,9
Нефтепродукты	25,5	0,7	26,2
Цементная	—	7,5	7,5
Стеклольно-керамическая	1,5	11,6	13,1
Черная металлургия	—	4,8	4,8
Цветная металлургия	—	3,7	3,7
Металлообработка	2,7	8,2	10,9
Прочие отрасли	17,0	1,1	18,1
Полиграфическая	12,5	1,7	14,2
Электроэнергетика	—	21,1	21,1
Строительство	3,5	4,2	7,7
Транспорт и связь	13,4	8,7	22,1
Железнодорожный транспорт	25,1	8,5	33,6
Прочий транспорт	26,7	7,4	34,1
Услуги	10,7	8,8	19,5

* Подсчитано по [167, с. 20, 35, 37—46, 86—88].

лась только на потребительские нужды и исключительно на традиционной периферии, окажется, что $\frac{3}{4}$ потребностей бедных слоев деревни в промышленных товарах удовлетворялось за счет продукции фабричной и современной мелкой промышленности. В действительности сделанное выше допущение явно завышает роль ремесла в личном потреблении на периферии.

При оценке товарообмена между современным сектором и традиционной периферией необходимо учитывать не только прямой спрос последней на предметы потребления, но и мультипликативный спрос на товары и услуги внутрипроизводственного потребления, порождаемый этим первичным спросом. Попытка оценить полный объем рынка, связанного с личным потреблением бедных 80% сельского населения, предпринята в табл. 29. Приведенные в ней данные свидетельствуют о довольно значительном мультипликативном эффекте потребления этих слоев. Полный спрос на сельскохозяйственные товары превышает прямой спрос на них в 1,3 раза, на промышленные товары — в 1,6, на транспортные и другие услуги — в 1,65 раза. Если в непосредственном спросе периферии на промышленные товары преобладает продукция отраслей, которые развиваются параллельно в кустарном, современном мелком и фабричном секторах, то косвенный спрос концентрируется на продукции крупной промышленности. Не исключено, что традиционная периферия оказывает большое влияние на динамику фабричного производства не своим непосредственным потребительским спросом, а порождаемым им мультипликативным спросом на предметы труда. В косвенном спросе периферии заметна роль отраслей, которые вообще не участвуют в формировании фонда личного потребления сельской бедноты (электроэнергетика, тяжелая неорганическая и органическая химия, добыча нерудных ископаемых и др.). Показательно весьма неравномерное влияние периферийного спроса на различные отрасли крупной промышленности. В прямом спросе преобладает продукция отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья, в косвенном же — химия, добыча и переработка неметаллических минералов, электроэнергетика. В то же время ни прямой, ни косвенный спрос периферии существенно не затрагивает комплекс отраслей по производству и обработке металлов.

Отмеченные выше связи между современным сектором и традиционной периферией приводят к тому, что вследствие действия мультипликатора потребления изменение уровня конечных доходов в одном из секторов оказывает влияние на доходы в другом секторе. Попытку оценить это влияние при помощи закрытой межотраслевой модели, учитывающей глубокие различия в источниках и уровнях доходов, структуре потребления различных групп населения, предприняли Р. Синха, П. Пирсон, Г. Кадегоди и М. Грегори (табл. 30). Главный вывод их расчетов: при данной структуре доходов и данной структуре потребительских расходов автономное увеличение дохода любой группы населения вызывает мультипликативный эффект, действующий в пользу имущих

Таблица 30

Суммарный прирост дохода на единицу первичного дохода*

Группы — получатели суммарного дохода	Группы — получатели единицы дополнительного первичного дохода					
	Сельское население			Городское население		
	бедные 33%	средние 34%	богатые 33%	бедные 33%	средние 34%	богатые 33%
Сельское население .	2,92	3,04	2,61	1,69	1,97	1,45
бедные 33% .	1,21	0,24	0,19	0,17	0,23	0,17
средние 34%	0,52	1,66	0,55	0,48	0,66	0,50
богатые 33% . .	1,18	1,14	1,87	1,03	1,08	0,79
Городское население	0,64	0,92	0,81	1,65	1,97	1,76
бедные 33%	0,07	0,09	0,08	1,07	0,10	0,08
средние 34%	0,16	0,23	0,20	0,17	1,24	0,19
богатые 33%	0,41	0,60	0,53	0,41	0,63	1,49
Все население	3,56	3,96	3,42	3,34	3,94	3,21

* [154, с. 95].

слоев сельского и городского населения. Так, автономное увеличение дохода беднейшей трети сельского населения на 1 млрд. рублей вызывает суммарный прирост ее дохода на 1,21 млрд. рублей, в то время как мультипликативный прирост дохода имущей трети сельского населения возрастает на 1,18 млрд. рублей, а имущей трети городского населения — на 0,41 млрд. рублей. Иными словами, при данной структуре распределения первичных доходов и потребительских расходов имущие слои в конечном счете выигрывают от помощи бедноте в такой же или даже большей степени, чем сама беднота, даже в том маловероятном случае, если эта помощь полностью достигает целевых групп населения.

Наибольшее мультипликативное воздействие на доход оказывает автономное увеличение дохода средней трети сельского и городского населения. У беднейших слоев ничтожная норма накопления обуславливает максимальный первоначальный мультипликативный спрос. Но, поскольку этот спрос концентрируется на зерне и других сельскохозяйственных товарах, в производстве которых особенно высока доля зажиточной верхушки, высокая норма накопления последней ведет к быстрому угасанию мультипликативного эффекта. Механизм взаимодействия доходов способствует перераспределению дохода в пользу городского населения. Выигрыш беднейших слоев от перераспределения дохода в их пользу полностью ограничивается величиной начального перевода доходов, в то время как мультипликативное увеличение дохода позволяет имущим слоям компенсировать 20—25% первоначально изъятых у них средств. Потери имущих слоев от перераспределения оказываются наименьшими, если мобилизованные таким образом средства направляются не только беднейшим, но и средним группам населения.

Процесс постепенной экспроприации традиционных непосредственных производителей, замещение натуральной оплаты труда и ренты денежной ведут к тому, что беднейшие слои деревни предъявляют растущий спрос на товарное зерно. В то же время «зеленая революция» сопровождалась снижением доли мелких и мельчайших хозяйств в поставках зерна на рынок. Следует также учитывать, что основная масса продаж зерна этими хозяйствами приходится на период сразу после сбора урожая, когда цены находятся на минимальном уровне, а наибольшая доля закупок ими зерна — на периоды более высоких цен, особенно непосредственно перед сбором очередного урожая. Разрыв в продажных и покупных ценах на зерно в мелких и мельчайших хозяйствах усугубляется контрактацией сбыта зерна задолго до урожая, утечкой части товарной продукции в виде процентов по долгу и т. д. Поэтому даже если в натуральном выражении деревенские низы поставляют на рынок больше зерна, чем покупают, то в стоимостном выражении их расходы на покупку зерна могут существенно превышать выручку от его продажи.

По оценкам У. Ф. Меллора, в начале 70-х годов «чистыми» покупателями зерна были 30% крестьянских хозяйств [111]. Обследование, проведенное под руководством Г. С. Бхаллы в конце 70-х годов в Пенджабе, показывает, что даже в этом, наиболее развитом, сельскохозяйственном районе $\frac{1}{4}$ крестьянских дворов была «чистыми» покупателями зерна [178, 24.07.1981]. Кроме того, свыше $\frac{1}{3}$ земледельческого населения представлено сельскохозяйственными рабочими, являющимися покупателями зерна. С учетом поправок на частичное совпадение категорий мельчайших крестьянских дворов и дворов сельскохозяйственных рабочих, а также на сохранение натуральных форм оплаты последних к концу 70-х годов от 40 до 50% земледельческого населения тратили на покупку зерна больше средств, чем выручали от его продажи.

Рост зерновых цен на 10%, по расчетам У. Ф. Меллора, приводил к уменьшению реальных расходов беднейших 20% сельского населения на зерно на 5%, на молочные продукты — на 18% и т. д. [111]. А. Ч. Миноча приходит к выводу, что изменение условий торговли в пользу сельского хозяйства в 60-х — первой половине 70-х годов служило главной причиной уменьшения реальных доходов основной массы населения не только в городах, но и в сельских районах, в результате чего относительно сокращался спрос на промышленные предметы массового потребления [181, 1977, № 2, с. 10].

В целом товарообменные связи между современным капиталистическим сектором и традиционной периферией в статике представляются весьма значительными, особенно в части поставок сельскохозяйственного сырья и промышленных предметов потребления. В то же время в динамике удельный вес традиционной периферии как в прямых, так и в обратных связях капиталистического производства снижается.

С одной стороны, возрастает «самообеспеченность» современного сектора средствами, необходимыми для воспроизводства рабочей силы, и предметами труда. Очаговая интенсификация зернового производства во второй половине 60-х — начале 80-х годов привела к тому, что основная масса товарного зерна стала производиться в предпринимательских хозяйствах, которые, по крайней мере по своей макроструктуре, включены в современный капиталистический сектор. Последний превращается из «импортера» продовольственного зерна с внутренней периферии и из-за рубежа в его «экспортера» на эту периферию. Вероятное распространение «зеленой революции» на технические культуры позволит современному сектору постепенно создать собственную сырьевую базу, относительно независимо от поставок мелких и мельчайших хозяйств, и в этой сфере. Но тем самым подавляется один из главных экономических стимулов преобразования социального положения традиционных непосредственных производителей и перераспределения материальных ресурсов в их пользу.

С другой стороны, зависимость традиционной периферии от товарообменных связей с современным капиталистическим сектором растет прежде всего потому, что она все менее оказывается в состоянии прокормить сосредоточенную в ней массу населения. Некоторую (хотя и несравненно меньшую) роль в усилении этой зависимости играет разложение традиционного продуктообмена несельскохозяйственными товарами и услугами.

Увеличение поставок продукции современного сектора (преимущественно потребительского значения) традиционным непосредственным производителям все более оплачивается не столько их собственной продукцией, сколько их зарплатой от работы в предпринимательских хозяйствах. Закупки продовольствия и промышленных товаров этими производителями, как бы ничтожны они ни были в подушечном исчислении, намного превышают их поставки зерна и сельскохозяйственного сырья на рынок. В 1978/79 г. зарплата сельскохозяйственных рабочих оценивалась в 61,7 млрд. рупий. Если товарность сельскохозяйственной продукции и доля в ней беднейших 70% крестьянских хозяйств достигали соответственно 35 и 20% (оценка У. Патнаик на 1960/61 г. [57]), то окажется, что товарная продукция этих хозяйств составляла 28,5 млрд. рупий. Таким образом, около 70% расходов традиционных непосредственных производителей на рынке финансировалось за счет продажи ими не собственной продукции, а рабочей силы. В действительности эта оценка занижена.

Относительный сдвиг от обмена «товар—товар» к обмену «товар—рабочая сила» существенно модифицирует воздействие товарообменных связей современного сектора и традиционной периферии на модернизацию производства. Первый вариант обмена вследствие внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции может в той или иной мере создавать стимулы для модернизации хозяйства непосредственного производителя; второй вариант та-

ких стимулов заведомо не создает. Рыночные связи мелкого крестьянского хозяйства, опосредующие реализацию его продукции или приобретение им средств производства, могут (при прочих благоприятных условиях) подтолкнуть к изменению технических условий производства. Связи же, опосредующие расходование зарплаты от работы в чужом хозяйстве, оставляют эти условия неизменными. В последнем случае традиционный непосредственный производитель выступает на рынке лишь как потребитель.

Преобладание традиционных торговых посредников в товарообменных связях сельских низов с современным сектором обуславливает громадный разрыв между уровнями оптовых цен и цен, выручаемых традиционным производством. Это неизбежно ослабляет стоимостные импульсы, создаваемые современным сектором на периферии. Ослаблению этих импульсов способствует и принудительный характер товаризации некоторой части продукции, вызванный необходимостью выплаты денежной ренты и процента. Последний фактор приводит подчас к такому парадоксальному явлению, как обратная зависимость величины товарного излишка в беднейших хозяйствах от цены.

В целом интенсификация товарообменных связей традиционной периферии с современным сектором не ведет к автоматическому преобразованию ее условий производства или к формированию так называемого совершенного рынка.

За годы независимости в Индии произошла существенная модификация механизма ценообразования в обмене между капиталистическими и докапиталистическими формами производства. Прежде чем рассматривать эту модификацию, было бы полезно уточнить понятийный аппарат, применяемый в анализе перераспределения продукта посредством механизма цен.

Во-первых, сам факт обнищания и разорения традиционных непосредственных производителей ни в коей мере не свидетельствует об изъятии их продукта в целом и посредством механизма цен в частности. Неполное возмещение их рабочей силы и затрат овеществленного труда будет происходить и при обмене строго по стоимости из-за низкой производительности труда. В этом случае производителю не возмещается лишь его индивидуальная стоимость.

Во-вторых, между ценами рабочей силы и произведенного ею продукта отсутствует прямая взаимосвязь. Падение цены рабочей силы ниже ее стоимости вовсе не предполагает реализацию продукта по цене ниже стоимости, оно может лишь означать увеличение доли других факторных доходов в продукте (прибыли, ренты, процента), т. е. служить инструментом извлечения относительной прибавочной стоимости. Поэтому цена рабочей силы не может рассматриваться как независимый и тем более единственный фактор ценообразования на продукцию, как это предполагается, например, в концепции «неэквивалентного обмена» А. Эмманюэля [76, с. 61, 64].

В-третьих, обмен по ценам производства может вести к перераспределению продукта в пользу производителей, обладающих более высоким органическим строением капитала, лишь за счет тех производителей с низким органическим строением, которые действительно вовлечены в межотраслевую конкуренцию. Поэтому воздействие обмена по ценам производства на изъятие сельскохозяйственного продукта, лежащее, в частности, в основе концепции «неэквивалентного обмена» Р. Сау [144, с. 48], может быть лишь весьма ограниченным.

Таким образом, основой ценового механизма перераспределения продукта традиционной периферии в пользу капиталистического сектора могут служить, скорее, не пропорции производства (цена и стоимость рабочей силы, органическое строение капитала), а пропорции обращения (принудительная товаризация продукта, уровень торговой наценки и т. п.). Капиталистическая интеграция индийской экономики за годы независимости повлияла на этот механизм в нескольких отношениях. Импортный протекционизм ослабил воздействие мировых цен на ценообразование в местной промышленности и первоначально способствовал относительному удорожанию промышленной продукции по сравнению с сельскохозяйственной. Однако это удорожание лишь в минимальной степени охватывало товары, поставляемые капиталистическим сектором беднейшим слоям населения, особенно в деревне, поскольку эти товары в массе своей производились внутри страны уже ко времени достижения независимости. Последующая стагнация сельскохозяйственного производства привела к устойчивому улучшению условий торговли сельского хозяйства с промышленностью. Стабилизация, а затем и ухудшение этих условий торговли наметились лишь в 70-х годах.

Развитие капиталистического земледелия привело к возникновению не только межотраслевой, но и внутриотраслевой конкуренции между капиталистическим сектором и традиционными непосредственными производителями, что сопровождалось смещением базы ценообразования по крайней мере по некоторым товарам (пшенице, сахарному тростнику, хлопку) с издержек традиционных производителей к издержкам предпринимательских хозяйств и, следовательно, относительно сузило возможности «неэквивалентного обмена». Становление довольно широкого слоя мелкотоварного производства способствовало снижению доли «продаж из нужды», наиболее подверженных рыночным манипуляциям, в товарной продукции традиционной периферии. В то же время постепенная интеграция оборота предпринимательского, ростовщического и торгово-посреднического капитала в земледелии усиливала зависимость непосредственного производителя от этого капитала и расширяла возможности извлечения торгово-посреднической прибыли.

В целом искажение стоимостных пропорций обмена между капиталистическими и докапиталистическими формами производства, по-видимому, играет в современной Индии второстепенную

роль в изъятии продукта традиционной периферии в пользу современного сектора. Главная роль в этих изъятиях принадлежит эксплуатации наемного труда традиционных производителей.

Рассмотренные выше формы воспроизводственных связей между традиционной периферией и современным капиталистическим сектором характеризуют их стихийное взаимодействие на несовершенном рынке как первичных производственных ресурсов, так и конечной продукции. Расширение экономических функций государства ведет к усилению и форм взаимодействия между двумя секторами, не сводимых к влиянию стихийных регуляторов. К числу их относятся, как уже отмечалось, налогообложение традиционных непосредственных производителей и государственные расходы по прямому и косвенному субсидированию их потребления.

Относительно высокий минимум дохода, не облагаемого подоходным налогом, отсутствие прямого обложения сельскохозяйственных доходов, резкое уменьшение значения поземельного обложения за годы независимости, сохранение обширных пластов полунатурального потребления и преобладание в товарном потреблении беднейших слоев сельскохозяйственных товаров, не облагаемых акцизными сборами (прежде всего зерна), создают иллюзию крайне низкого уровня обложения традиционной периферии. Попытаемся оценить этот уровень (табл. 31).

Сколь бы приблизительными ни были данные табл. 31, они показывают отчетливую тенденцию переноса бремени налогообложения с высших по доходу 10% населения на беднейшие 50%,

Таблица 31

Налогообложение различных слоев населения *,
млрд. рупий

	1953/54 г.			1963/64 г.			1973/74 г.		
	бедные 50%	средние 40%	богатые 10%	бедные 50%	средние 40%	богатые 10%	бедные 50%	средние 40%	богатые 10%
1. Прямые налоги .	0,06	0,33	0,88	0,11	0,55	3,28	0,14	0,68	9,47
2. Косвенные налоги	0,90	1,79	1,64	4,38	6,92	5,89	14,28	26,79	17,68
3. Все налоги (1+2) .	0,96	2,12	2,52	4,49	7,47	9,17	14,42	27,47	27,15
4. Личное потребление	29,57	47,35	24,78	50,64	62,50	34,15	121,32	203,33	102,52
5. Индивидуальные накопления . . .	-2,44	2,65	3,97	-4,18	4,75	10,80	-9,33	12,73	64,67
6. Конечные личные доходы (4+5) . . .	27,13	50,00	28,75	46,46	67,25	44,95	111,99	216,06	167,19
7. Отношение налогов к конечным личным доходам, %	3,5	4,2	8,8	9,8	11,1	20,4	12,9	12,7	16,2
8. Удельный вес группы в налогообложении, % .	17,2	37,8	45,0	24,8	33,7	41,4	20,9	39,8	39,3

* Подсчитано по [120, 1976; 1978, 1981; 129; 177].

Таблица 32

Акцизное обложение личного потребления в 1973/74 г. *,
млн. рублей

	Группа населения по доходу					Все группы	В процен- тах к сумме акцизных налогов
	0—20%	20—40%	40—60%	60—80%	80—100%		
<i>Сельское население</i>							
Сельское хозяйство	146	210	253	304	350	1263	9,0
Пищевая промышлен- ность	156	320	527	921	1448	3372	24,1
Текстильная и кожевен- ная промышленность	113	190	310	496	1060	2169	15,5
Химическая и смежные отрасли	362	598	1113	1039	1694	4806	34,4
Машиностроение и ме- таллообработка	1	1	8	30	249	289	2,1
Прочие отрасли	132	198	291	445	1038	2104	15,0
Все отрасли	910	1517	2502	3235	5839	14003	100,0
процент к итогу	6,5	10,8	17,9	23,1	41,7	100,0	
прямые акцизы	660	1159	1948	2405	4159	10331	73,8
косвенные акцизы	250	358	554	830	1680	3672	26,2
Налог в процентах к потреблению в фак- торных ценах	4,14	4,36	5,35	5,14	5,52	5,14	
<i>Городское население</i>							
Сельское хозяйство	26	36	50	59	68	239	3,9
Пищевая промышлен- ность	126	206	285	464	725	1806	29,7
Текстильная и кожевен- ная промышленность	9	21	48	108	307	493	8,1
Химическая и смежные отрасли	107	165	325	421	1017	2035	33,5
Машиностроение и ме- таллообработка	1	9	20	49	257	336	5,5
Прочие отрасли	75	122	164	286	514	1161	19,1
Все отрасли	344	559	892	1387	2888	6070	100,0
процент к итогу	5,6	9,2	14,7	22,9	47,5	100,0	
прямые акцизы	273	434	705	1070	2113	4595	75,7
косвенные акцизы	71	125	187	317	775	1475	24,3
Налог в процентах к потреблению в фактор- ных ценах	5,84	5,62	6,39	7,05	8,02	6,10	

* Подсчитано по [167, с. 20—21, 37—46, 60, 86—91].

а также на средние слои. Эта тенденция обусловлена как снижением доли прямых налогов в совокупных налоговых поступлениях, так и опережающим ростом косвенных налогов на предметы массового потребления.

В табл. 32 предпринята попытка более детально оценить распределение акцизных налогов между различными группами на-

селения с учетом межотраслевых связей. Исходные данные почерпнуты из технической записки к «Пятому пятилетнему плану» [167].

Прямое и косвенное акцизное обложение личного потребления в 1973/74 г. обеспечивало 73% акцизных сборов, в то время как остальные 27% приходились на другие компоненты конечного продукта (капиталовложения, государственное потребление и экспорт). Из суммарного акцизного обложения личного потребления 74% давали налоги на предметы потребления и 26% — налоги на промежуточные товары и услуги для их производства. Сельское население выплачивало в 1,4 раза меньше налогов в расчете на единицу потребления, однако в общей сумме акцизных налогов на потребление его удельный вес достигал 70%.

На долю бедных 80% сельского населения приходилось 58% акцизных налогов в деревне, 41% всех акцизов на потребление и 30% суммарных акцизных сборов. Доля бедных 44% городского населения составляла соответственно 15% акцизных сборов в городах, 9% акцизов на потребление и 6,5% суммарных акцизов. Полученные результаты в принципе согласуются с оценками А. П. Гупты за 50—60-е годы (см. табл. 31), но не подтверждают его предположения об увеличении «прогрессивности» косвенных налогов в первой половине 70-х годов. При разрыве в уровнях потребления беднейших 20% и высших по доходу 20% сельского населения в 4,8 раза ставки акцизного обложения этих групп различались лишь в 1,3 раза. В городах разрыв в потреблении между беднейшей $\frac{1}{5}$ и богатой $\frac{1}{5}$ частями населения составлял 6,1, а разрыв в акцизной ставке — всего 1,4.

Налоги на промежуточные товары, используемые в производстве предметов потребления, почти не содействуют снижению доли неимущих слоев в налоговых выплатах. Иными словами, косвенные акцизы распределяются почти так же, как прямые. Доля бедных 80% сельского населения в прямых выплатах акцизов

Таблица 33

Доля бедных слоев в выплате акцизных налогов*,
%

Товарная группа	Бедные 80% сельского населения	Бедные 40% городского населения
Сельскохозяйственные товары	60,8	4,1
Продукция пищевой промышленности	37,1	6,4
Текстиль и кожевенные изделия	41,7	1,1
Химические товары и нефтепродукты	45,5	4,0
Металлоизделия	6,4	1,6
Прочие товары и услуги	32,6	6,1
Все товары и услуги личного потребления	40,7	4,5

* Подсчитано по [167].

составляла 59%, а в косвенных — 54%, доля бедных 40%, городского населения — соответственно 15,4 и 13,2%. В то же время распределение акцизных платежей по отдельным товарным группам существенно различается (табл. 33).

Поэтому изменение ставок акцизных налогов на продукцию различных отраслей неодинаково влияет на экономическое положение отдельных слоев населения. Перераспределение акцизного обложения на сельскохозяйственные товары и агротехнические средства увеличивает его тяжесть для деревенской и в меньшей степени городской бедноты. Напротив, акцизные налоги на продукцию машиностроения и металлообработки ложатся в основном на имущие слои. Сложнее обстоит дело с остальными товарами: перераспределение акцизов в пользу продукции пищевой, текстильной, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, а также «прочих товаров и услуг» оказывает противоположное воздействие на положение сельской и городской бедноты: улучшая положение одной группы, оно ухудшает положение другой.

Как видно из приведенных выше данных, налоговая эксплуатация является существенным компонентом воспроизводственных связей между современным капиталистическим сектором и традиционной периферией. Потоку налоговых платежей из традиционного сектора в современный противостоит встречный поток государственных ассигнований на поддержание докапиталистических форм производства и прямое и косвенное субсидирование традиционных непосредственных производителей. Динамика и характер использования этих ассигнований подробно рассматривались в главе III. Вследствие отмеченных в ней обстоятельств (сосредоточения государственного субсидирования на поддержание политически активных городских средних слоев, присвоения сельской элитой определенной части ассигнований, выделенных на помощь деревенской бедноте и т. д.) оценка ресурсов, действительно достигающих мелких и мельчайших непосредственных производителей, оказывается, по существу, невозможной. Тем не менее очевидно, что эти ресурсы, во-первых, на порядок меньше, чем налоговые изъятия с традиционной периферии; во-вторых, несмотря на упомянутые утечки, они в определенной степени противодействуют ухудшению материального положения целевых групп населения.

Анализ различных форм воспроизводственного взаимодействия современного капиталистического сектора и традиционной периферии демонстрирует наличие весьма тесных связей между ними. Однако решающую роль в этом взаимодействии играют потоки текущих денежных доходов и предметов потребления, которые непосредственно не связаны с каким-либо преобразованием технико-экономических условий производства на периферии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционные структуры, сохраняющиеся в экономике независимой Индии, оказывают глубокое воздействие не только на темпы и пропорции общественного воспроизводства, но и на эволюцию социально-классовой структуры индийского общества. Для характеристики суммарного влияния традиционных структур на экономическую динамику важно правильно определить исходную точку отсчета, отделить это влияние от воздействия других факторов. Многие оценки роли традиционных структур, содержащиеся в нашей литературе, с одной стороны, смешивают воспроизводственные последствия функционирования этих структур на макро- и микроэкономическом уровне, а с другой — отождествляют их воздействие с влиянием целого комплекса технико-экономических факторов, в частности сложившегося соотношения первичных производственных ресурсов (живого и овеществленного труда, земельного фонда и др.).

При данном соотношении первичных ресурсов оценка суммарного влияния традиционных структур на капиталистическое развитие предполагает выяснение того, как развивался бы индийский капитализм при абсолютной мобильности производственных факторов, которая существенно нарушается традиционными структурами. Подобная постановка вопроса приводит к выводу, что нынешние ресурсные соотношения при допущении абсолютной мобильности факторов производства попросту исключали бы возможность стихийного развития современных форм капиталистического производства. Как мы попытались показать, дезинтегрированность рынков рабочей силы и капитала, обусловленная функционированием традиционных структур, была одной из важнейших предпосылок повышения капиталовооруженности и производительности труда в крупной промышленности, а затем и в мелкой капиталистической и в предпринимательском сельском хозяйстве. Главная функция традиционных структур по отношению к капиталистическому воспроизводству состояла, по крайней мере на ранних этапах становления современного сектора, в сдерживании основной массы экономически активного населения на традиционной периферии, в ее относительной изоляции от современного рынка рабочей силы и капитала.

В то же время в переходный период первоначальной ломки колониальной отраслевой структуры, когда основным ограничителем расширенного воспроизводства в современном капиталистическом секторе служила нехватка накоплений, а основным направлением структурных сдвигов — замещение импорта промыш-

ленной продукции, а затем продовольственного зерна, традиционная периферия была наряду с иностранной помощью важнейшим источником инвестиционных излишков для капиталистического сектора. Опережающий рост мелкого капиталистического предпринимательства в городе и деревне способствовал обуржуазиванию процесса индивидуального накопления. Мелкокапиталистические накопления постепенно заменяли как иностранную помощь, так и мобилизацию накоплений докапиталистических эксплуататорских слоев. Поскольку зависимость крупного (государственного и частного) капиталистического производства от заемных ресурсов за годы независимости практически не уменьшилась, источником этих заемных ресурсов все более становились накопления мелких капиталистических предпринимателей в самом современном секторе. Роль традиционной периферии в мобилизации инвестиционных ресурсов для капиталистического расширенного воспроизводства существенно уменьшилась. Вместе с тем так называемые буржуазные накопления в деревне продолжают складываться в значительной мере за счет сочетания капиталистических и докапиталистических методов эксплуатации внутри хозяйств предпринимательского типа. В этом смысле «уменьшение» роли традиционной периферии в мобилизации накоплений для капиталистического сектора может частично отражать переход связей по накоплению между двумя секторами из сферы межукладных отношений в сферу микроэкономического внутриукладного взаимодействия.

Традиционные докапиталистические структуры были также одним из амортизаторов (наряду с внешними экономическими связями) конъюнктурных сбоев в капиталистическом секторе. Одна сторона этого явления связана с существованием обширного слоя отходников, сезонно занятых в городском производстве, но не порывающих связей с собственным земледельческим хозяйством. В условиях колебаний спроса капиталистического сектора на рабочую силу этот слой частично принимал на себя сокращение или замедление роста занятости, сдерживая, таким образом, рост явной безработицы в городах. До начала 70-х годов темпы роста зарегистрированной безработицы отставали от темпов увеличения занятости в организованном секторе. В 70-е годы произошел скачкообразный рост этой категории безработных, что было связано помимо многих других факторов и с ослаблением влияния отходничества на рынок рабочей силы в современном секторе. В 1961—1971 гг. отношение числа зарегистрированных безработных к числу занятых в организованном секторе возросло лишь с 14,9 до 23,4%. В 1981 г. эта доля достигла уже 70% [74, 1970/71, 1981/82].

Другая сторона амортизирующего воздействия традиционной периферии связана с крайне низкой эластичностью структуры потребления деревенских низов в зависимости от соотношения товарных цен на национальном рынке. Это обусловлено частично крайне низким уровнем потребления, затрудняющим варьирова-

ние структурой потребительского спроса при изменении соотношения цен, а частично дезинтеграцией рынка предметов потребления. Импульсы ценообразования, возникающие в современном секторе, достигают традиционных непосредственных производителей через систему многочисленных торговых посредников в крайне ослабленном и искаженном виде. В целом это ведет к ослаблению воздействия острых товарных нехваток на инфляционный процесс.

Сдерживанию инфляционного процесса содействовало и расширение сферы товарно-денежных отношений за пределами капиталистического сектора, которое служило одним из основных факторов снижения скорости оборота денег. В 1970/71—1979/80 гг. благодаря последнему обстоятельству экономика страны смогла поглотить без инфляционных последствий 39% прироста денежной массы на единицу реального продукта.

Повышение капиталовооруженности труда в современном капиталистическом секторе, во многом опиравшееся на дезинтегрированность рынков капитала и рабочей силы, способствовало росту применения квалифицированной рабочей силы и приближению технических условий производства в отдельных отраслях крупной промышленности к уровню развитых капиталистических стран. Это создавало определенные возможности для выхода индийской промышленности на внешние рынки. В то же время высокие издержки производства в докапиталистическом секторе сельского хозяйства сдерживали снижение издержек воспроизводства рабочей силы в современном капиталистическом секторе и противодействовали росту экспортной конкурентоспособности индийской промышленности.

Следует отметить, что воздействие традиционных структур на экспортную специализацию индийской крупной промышленности было наиболее ощутимо по линии конечного спроса. Абсолютная злость рынка, обусловившая довольно быстрое исчерпание возможностей импорзамещения, со второй половины 60-х годов все более подталкивала крупное промышленное производство к выходу на внешние рынки.

Одновременно традиционные докапиталистические структуры препятствовали становлению современного сектора в сельском хозяйстве, развитию капиталистического земледелия. Господство докапиталистических форм хозяйства в аграрном секторе предопределяло в 50-х — первой половине 60-х годов низкую эластичность товарной сельскохозяйственной продукции от спроса на нее со стороны капиталистической промышленности. Это обстоятельство обуславливало устойчивое ухудшение условий торговли промышленности с сельским хозяйством и таким образом много удорожало индустриализацию, ограничивало возможности мобилизации накоплений за счет деревни, равно как и возможности извлечения относительной прибавочной стоимости в самой крупной промышленности. Относительно быстрое исчерпание возможностей несбалансированной индустриализации к середине 60-х го-

дов в значительной мере было результатом разрыва между темпами развития капитализма в крупной промышленности, с одной стороны, и в сельском хозяйстве и других формах мелкого производства — с другой.

Ускорение развития мелкого капиталистического производства со второй половины 60-х годов обеспечило существенное увеличение производства товарного продовольствия и способствовало ослаблению влияния докапиталистических форм хозяйства на цены средств существования промышленных рабочих. Вместе с тем переход к ценообразованию на сельскохозяйственную продукцию на основе издержек хозяйств предпринимательского типа отставал от развития капиталистического земледелия, что привело в середине 70-х годов к перенакоплению государственных запасов зерна. Это отставание, связанное с необходимостью поддержания массы мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, которые лишены альтернативных возможностей занятости, продолжает противодействовать экономии на переменном капитале в современном капиталистическом секторе и, следовательно, сдерживать накопление капитала в нем, хотя и в меньшей степени, чем прежде.

Ускорение развития мелкого капиталистического предпринимательства и обуржуазивание прежних докапиталистических эксплуататорских классов способствовали усилению интеграционных тенденций на рынке денежного капитала. Результатом этого явилось прежде всего усиление воздействия раннекапиталистических методов эксплуатации, обеспечивающих высокую прибыльность приложения денежного капитала, на ставку ссудного процента в организованной кредитной системе. В условиях, когда ссудный процент приближается к средней прибыли в крупном производстве, возникают серьезные трудности на пути стихийного развития крупного частного хозяйственного капитализма.

Относительное истощение в 70-х годах возможностей ускоренного роста современного сектора путем преодоления его внутренних отраслевых диспропорций оказало противоречивое воздействие на его заинтересованность в связях с традиционной периферией. Его зависимость от поставок продукции с периферии уменьшилась, а потребность в рынках, прежде всего промышленных товаров за пределами самого современного сектора, возросла. В проекте пятилетнего плана на 1978—1983 гг. отмечалось, что «значительная часть существующей промышленной структуры опирается на спрос относительно узкого класса (лиц с высшими доходами.— Авт.). Это означает, что последующее расширение промышленности сдерживается узостью рынка. В результате дальнейшее замещение импорта потребительских или инвестиционных товаров не может создать, на данном уровне спроса, сколько-нибудь мощных стимулов для непрерывного промышленного роста» [71, с. 1—2].

Тезис о постепенном превращении динамики внутреннего рынка в основной ограничитель развития капиталистического сектора

в 70-х годах преобладает в советской литературе и находит многочисленных сторонников в Индии. Но интерпретация этого явления оказывается подчас весьма спорной. Ряд исследователей видят его причину в нищете основной массы населения, в ее низкой покупательной способности. Следует выделить два аспекта воздействия массовой нищеты на объем рынка, а именно низкий среднедушевой доход и неравенство в его распределении. Низкий подушевой доход, равно как и сохранение обширных пластов натурального потребления, характеризует *абсолютную* узость рынка (т. е. меньший объем рынка по сравнению, скажем, с США), но никак не объясняет превращение динамики рынка в основной ограничитель развития, т. е. *относительное* отставание роста спроса на продукцию капиталистического сектора от темпов накопления капитала в этом секторе. В 50-х годах абсолютные размеры внутреннего спроса (в том числе и спроса со стороны беднейших слоев) были намного меньше, чем сегодня, однако проблема реализации в современном секторе стояла менее остро.

Истоки бытующих в современной литературе представлений о нищете широких масс как причине кризиса реализации в капиталистическом секторе лежат в так называемой романтической концепции С. Сисмонди, который полагал, что, «вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, *внутренний рынок все более и более сокращается (!)*, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие сотрясения» (цит. по [2, с. 128]). В. И. Ленин показал, что это воззрение всецело основано на отождествлении потребления (или даже потребления рабочих) с производством, в то время как «вопрос о реализации з том и состоит, чтобы анализировать *возмещение* всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме» [2, с. 154].

Неравенство в распределении доходов так же мало, как и низкий средний доход, объясняет обострение проблемы реализации в капиталистическом секторе. Концентрация нищеты на одном полюсе сопровождается эквивалентной концентрацией покупательной способности на другом. Суммарный спрос будет одинаков при наличии 1 млн. покупателей с доходом в 100 рупий или 100 покупателей с доходом в 1 млн. рупий. Неравенство в доходах и потреблении может качественно обострить проблему социально-политической стабильности, поставив под угрозу само существование общества, но не проблему сбыта в капиталистическом секторе. Напротив, при прочих равных условиях концентрация доходов расширяет совокупный спрос, поскольку капиталоемкость производства товаров элитарного (потребительского и инвестиционного) спроса, как правило, выше, чем капиталоемкость производства товаров первой необходимости, откуда следует больший мультипликативный эффект первой категории спроса.

Превращение динамики внутреннего рынка в основной ограни-

читель экономического роста связано вовсе не с «недопотреблением» широких масс населения, а прежде всего с ограниченными трудопоглощающими возможностями современного капиталистического сектора. Как известно, развитие капитализма создает внутренний рынок путем разложения предшествующих форм производства. «Развитие капитализма, — писал В. И. Ленин, — идет вместе с развитием товарного хозяйства, и по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике, — идет образование рынка для капитала. „Поденщики“, выталкиваемые из земледелия превращением „крестьян“ в „фермеров“, поставляют рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктов индустрии и притом не только покупателями предметов потребления (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудий производства...» [2, с. 130].

Таким образом, двумя критическими условиями автоматического расширения внутреннего рынка в ходе развития капитализма являются товаризация производства и экспроприация массы непосредственных производителей. Однако в современной Индии их массовая экспроприация оказывается невозможной и по экономическим, и по социально-политическим причинам. Современный капиталистический сектор, опирающийся в городе и в деревне на относительно капиталоемкую технологию, не может обеспечить занятость для основной массы быстро растущей рабочей силы не только в самое ближайшее время, но и в исторически обозримой перспективе.

В рамках капиталистических законов производства стихийное расширение трудопоглощающих возможностей в современном секторе зависит прежде всего от относительного снижения цены рабочей силы по сравнению с ценами на элементы постоянного капитала. Это снижение может происходить путем либо уменьшения реальной зарплаты наемных рабочих, либо удешевления средств существования рабочей силы. Экономия на переменном капитале оказывает двоякое ускоряющее воздействие на темпы капиталистического производства. С одной стороны, удешевляя рабочую силу по сравнению со средствами производства, она создает предпосылки для замещения овеществленного труда живым и ускорения роста занятости. С другой стороны, она при прочих равных условиях означает повышение нормы прибыли и увеличение стимулов для капиталовложений предпринимателей, что также способствует расширению трудопоглощающих возможностей современного сектора.

В зависимости от методов экономии на переменном капитале влияние этой экономии на динамику капиталистического рынка неодинаково. Снижение реальной зарплаты ведет сравнительно к небольшому увеличению рынка, поскольку ускорению инвестиционного и потребительского спроса капиталистов за счет возросшей массы прибыли противопоставит замедление роста потреби-

тельского спроса наемных рабочих или даже стагнация этого спроса, несмотря на увеличение занятости. Экономия на переменном капитале за счет удешевления средств существования рабочих ускоряет рост спроса как первой, так и второй категории. Следует также иметь в виду, что возможности существенного снижения реальной заработной платы в современном секторе ограничены рядом институциональных факторов и относятся преимущественно к неорганизованному мелкокапиталистическому производству, а не к крупному капиталистическому хозяйству, которое как раз и характеризуется наиболее капиталоемкой технологией.

Поэтому магистральным направлением расширения трудопоглощающих возможностей современного сектора в рамках стихийных законов капитализма служит удешевление средств существования наемных рабочих. В индийских условиях это означает прежде всего снижение относительных цен на продовольственное зерно путем постепенного переноса базы ценообразования на зерновом рынке с издержек производства мелкотоварных производителей к издержкам предпринимательских хозяйств. Этот процесс действительно происходит, но его существенное ускорение невозможно, так как оно сопровождалось бы массовым разорением мелких и мельчайших хозяйств. При ограниченных возможностях альтернативной занятости это вело бы к интенсификации процессов пауперизации и маргинализации. Разумеется, спрос мелких хозяйств в результате пауперизации и маргинализации сокращается, однако суммарный объем капиталистического рынка возрастает, так как уровень доходов занятых в современном секторе и особенно доля продукции этого сектора в их спросе несравненно выше, чем соответствующие показатели на традиционной периферии.

Таким образом, темпы расширения капиталистического рынка при сложившихся в Индии соотношениях первичных производственных факторов оказываются в прямой зависимости от темпов пауперизации и маргинализации массы населения, сосредоточенной на традиционной периферии. Вопреки широко распространенным представлениям массовая нищета и маргинализация населения оказываются, скорее, не препятствием, а одной из важнейших предпосылок расширения капиталистического рынка. Превращение динамики внутреннего рынка в основной ограничитель расширенного воспроизводства в современном секторе обусловлено не недостаточным спросом традиционных производителей на его продукцию, а отставанием темпов их пауперизации и маргинализации от экономических потребностей и возможностей капиталистического накопления. В этом, на наш взгляд, состоит коренное различие между романтическими концепциями «недопотребления» и действительностью в Индии.

При крайне низких трудопоглощающих возможностях капиталистического производства, даже с учетом роста занятости на основе экономии на переменном капитале, дальнейшая интенсификация

фикация разорения традиционных непосредственных производителей создает серьезную угрозу социально-политической стабильности. Это заставляет буржуазное государство одновременно и поощрять процесс капиталистической эволюции, и ограничивать или по крайней мере упорядочивать его путем поддержки нежизнеспособных в буржуазном смысле форм мелкого производства, сдерживания технической модернизации и концентрации производства и капитала в крупном капиталистическом производстве, регулирования сфер приложения крупного и мелкого промышленного капитала и т. д. Эти меры, в свою очередь, тормозят рост внутреннего капиталистического рынка и обостряют проблему реализации в современном секторе. Капиталистический экономический рост в Индии оказывается в известной мере зажатым между Сциллой недостаточного спроса и Харибдой социально-политической нестабильности, что предопределяет для национальной буржуазии необходимость осуществлять расширенное воспроизводство на предельно допустимом уровне социальной напряженности. Как показывает опыт ряда развивающихся стран, оценки правящими классами этого уровня не всегда отвечали действительности, что сопровождалось глубокими социальными потрясениями. Вместе с тем следует иметь в виду, что укрепление экономического потенциала буржуазного государства и накопление политического опыта национальной буржуазией относительно расширяют возможности ее социально-экономического и политического маневрирования даже в рамках нынешней, поляризованной, системы хозяйства.

Углубление противоречий между современным капиталистическим сектором и традиционной периферией, усиление влияния этих противоречий на общее направление общественной эволюции существенно модифицируют экономическую роль государства. Центр тяжести экономической политики относительно смещается с ускорения капиталистического экономического роста на обеспечение социально-политической стабильности. Эта политика все более направлена не на устранение традиционных структур, а на приспособление их к потребностям капитализма. Последнее обстоятельство требует постоянного расширения субсидирования традиционных непосредственных производителей за счет современного сектора, чтобы частично противодействовать ухудшению их экономического положения в ходе развития капитализма. Необходимость такого субсидирования обостряет борьбу между различными слоями национальной буржуазии.

Отмеченные выше факторы создают для национальной буржуазии необходимость сильного государства, способного регулировать отношения, с одной стороны, между современным капиталистическим сектором и традиционной периферией, а с другой — между различными слоями буржуазии. В ряде развивающихся стран, идущих по капиталистическому пути, завершение первоначального этапа ломки колониальной структуры сопровождалось определенной стабилизацией или даже ослаблением роли госу-

дарства в экономике. В Индии углубление поляризации социально-экономической структуры обуславливает, по-видимому, необратимое усиление экономических функций буржуазного государства, несмотря на довольно высокие темпы развития частного-зайственного капитализма.

На нынешнем этапе экономического развития Индии, по мере истощения переходных источников очагового капиталистического развития, в громадной степени возрастает деформирующее воздействие социальных факторов. Важнейшим аспектом этого воздействия служит деформация процесса первоначального накопления капитала. Значительные массы непосредственных производителей были отделены от средств производства еще в недрах традиционного общества, вне связи с процессом первоначального накопления; рано развился и торгово-ростовщический капитал. Однако традиционная социальная организация препятствовала соединению экспроприированной рабочей силы и накопленных капиталов на капиталистической основе и вела лишь к расширению традиционных форм найма, основанных на внеэкономическом принуждении. Низшие формы капитала не взламывали изнутри докапиталистические отношения, а, напротив, служили органическим элементом традиционных форм эксплуатации. Поэтому центральным моментом капиталистического преобразования традиционной периферии оказывается не столько экспроприация непосредственных производителей методами первоначального накопления, сколько переход этих производителей, уже лишенных средств производства, от традиционных форм найма к капиталистическим.

Трудности и противоречия этого перехода, усугубляемые неблагоприятным соотношением первичных производственных ресурсов (рабочей силы, накопленного овеществленного труда и земли), обуславливают длительное сохранение традиционных структур, несмотря на устойчивое ухудшение условий воспроизводства в традиционном секторе. Это обстоятельство оказывает большое влияние и на формирование социально-классовой структуры в современном капиталистическом секторе, сдерживает и деформирует процессы классовой консолидации как буржуазии, так и рабочего класса. Крайняя социальная разнородность индийской буржуазии, тесная связь отдельных ее слоев с докапиталистическими формами эксплуатации, пополнение низших слоев буржуазии за счет прежних докапиталистических эксплуататорских слоев и верхушки мелкотоварного уклада служат дополнительным фактором усиления социально-экономических противоречий и роста социальной напряженности в стране.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Т. I.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23.
2. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма.— Полное собрание сочинений. Т. 2, с. 119—262.
3. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 1—609.
4. Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв. М., 1964.
5. Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни. М., 1977.
6. Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. М., 1981.
7. Ашрафян К. З. Развитие денежных отношений и крестьянское землевладение в средневековой Индии.— «Народы Азии и Африки». 1972, № 1.
8. Ашрафян К. З. Феодализм в Индии. М., 1977.
9. Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.—Л., 1936.
10. Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
11. Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
12. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969.
13. Вигасин А. А. «Устав о рабах» в «Артхашастре» Каутильи.— «Вестник древней истории». 1976, № 4.
14. Горячева А. М. Население и экономический рост в Индии. М., 1983.
15. Грановский А. Е. Накопление и экономический рост в Индии. М., 1983.
- 15а. Гродко Н. Д. Кредитно-денежная система Индии в период колониальной зависимости. М., 1956.
16. Колонтаев А. П. Разложение сельского ремесла и возникновение новых отраслей мелкой промышленности в Индии. М., 1968.
17. Колонтаев А. П. Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1975.
18. Колонтаев А. П. Научно-техническая революция и машинная стадия производства в развивающихся странах.— Научно-технический прогресс в развивающихся странах. М., 1976.
19. Колонтаев А. П. Динамика и структура занятости населения Индии. М., 1983.
20. Комаров Э. Н. Содержание и основные формы эволюции аграрных отношений в Индии в конце XVIII—XIX вв.— «Проблемы истории Индии и Среднего Востока». М., 1972.
21. Котовский Г. Г. Социально-экономическое содержание проблемы неприкасаемых.— Ученые записки ИВ АН СССР. Т. V. М., 1953.
22. Котовский Г. Г. Аграрные реформы в Индии. М., 1959.
23. Котовский Г. Г. Аграрный строй независимой Индии, рукопись.
24. Куценков А. А. Эволюция индийской касты. М., 1983.
25. Маляров О. В. Роль государства в социально-экономической структуре Индии. М., 1978.
26. Маляров О. В. Государство и частный сектор экономики Индии. М., 1984.

27. Медведев Е. М. К вопросу о формировании кастовой системы в Индии. Возникновение варны шудр.— «Вестник Московского университета. Серия востоковедения». 1978, № 3.
28. Миронова Е. И. Рынок продовольственного зерна в современной Индии. М., 1972.
- 28а. Орлеанская Л. К. Сельскохозяйственная кооперация в Индии. М., 1969.
29. Павлов В. И. Формирование индийской буржуазии. М., 1958.
30. Павлов В. И. Социально-экономическая структура промышленности Индии. М., 1973.
31. Панарин С. А. Становление новых сельских общественных институтов в странах Азии и Северной Африки. Канд. дис. М., 1982.
32. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978.
33. Развитие промышленности независимой Индии. М., 1964.
34. Растянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. М., 1973.
35. Растянников В. Г., Максимов М. А. Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии. М., 1965.
36. Рейснер И. М. Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. М., 1961.
37. Рейснер Л. И. Развивающиеся страны: очерки теории экономического роста. М., 1973.
38. Рябинина Э. Д. Кредитно-банковская система современной Индии. М., 1972.
39. Товарно-денежные отношения в экономике Индии. М., 1976.
40. Финансово-экономические проблемы развивающихся стран Азии. М., 1978.
41. Чищеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. М., 1965.
42. Широков Г. К. Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
43. Экономика Индии. Общая характеристика. М., 1980.
44. Экономика Индии. Отраслевой анализ. М., 1980.
45. Agrawala V. S. India as Known to Panini. Lucknow, 1953.
46. Agricultural and Economic Growth. Tokio, 1969.
47. Agricultural Implements (All-India). New Delhi, 1963.
48. Agricultural Labour in India. Report on the Second Agricultural Labour Enquiry. 1956—1957. Delhi, 1960.
49. Agriculture in Private Sector. Bombay, 1970.
50. Ahmad Z. A. Ceiling on Agricultural Land. Delhi, 1972.
51. All-India Debt and Investment Survey (AIDIS). 1971-72. Assets and Liabilities of Rural Households. Bombay, 1975, vol. 1.
52. AIDIS. 1971-72. Assets of Rural Households. Bombay, 1976.
53. AIDIS. 1971-72. Indebtedness of Rural Households and Availability of Institutional Finance. Bombay, 1977.
54. AIDIS. 1971-72. Statistical Tables Relating to Disposition of Land Held and Area and Value of Irrigated Land Owned by Rural Households. Bombay, 1978.
55. AIDIS. 1971-72. Capital Expenditure and Capital Formation of Rural Households. Bombay, 1978.
56. All-India Report on Agricultural Census. 1970-71. New Delhi, 1975.
57. Alternatives in Agricultural Development. New Delhi. 1980.
58. Annual Survey of Industries. 1975-76. Calcutta, 1979, vol. 1.
59. Athar Ali M. The Mughal Nobility under Aurangzeb. Bombay, 1970.
60. Basic Statistics Relating to the Indian Economy. Centre for Monitoring Indian Economy. Bombay (annual).
61. Bengal East and West. East Lancings, 1970.

98. Khadi and Village Industries Commission. Report for 1979-80. New Delhi, 1980.
99. Kohler A. Indian Villages between Tradition and Transformation. Zürich.
100. Kothari's Investors' Encyclopedia. Madras (annual).
101. Kumar Dh. Land and Caste in South India. Cambridge, 1965.
102. Lewis O. Village Life in Northern India. Urbana, 1958.
103. Lewis W. A. Economic Development with Unlimited Labour Supply.—Manchester School of Economics. Manchester, 1953.
104. Lewis W. A. The Evolution of the International Economic Order. Princeton, 1978.
105. Manpower Development in Rural India. A Case Study. Delhi, 1977.
106. Marginal Farmers and Agricultural Labourers Development Agencies. 1973. A Field Study. Bombay, 1976.
107. Marshall T. Statistical Report on the Pergunnahs of Padshapoor, Belgam, Kalaniddee and Chandgurrh, Khanapoor, Bagulkot and Badamy in the Southern Maratha Country. Bombay, 1882.
108. Mathew T. Economic Objectives and Tax Expenditure Policies. New Delhi, 1976.
109. McKim Marriott. Village India. Studies in the Little Community. Chicago, 1955.
110. Mead M. Cultural Patterns and Technical Change. P., 1950.
111. Mellor W. F. Agricultural Price Policy and Income Distribution. Ithaka, 1973.
112. Mitra A. India's Population: Problems and Perspectives. New Delhi, 1979.
113. Mitra A., Kalra B. R. Land Tenures in India. Delhi, 1966.
114. Mitra L. K. Employment and Output in Small Enterprises of India. Calcutta, 1967.
115. Mooshvi Sh. The Magnitude of Land Revenue Demand and the Income of the Mughal Ruling Class under Akhbar.—«Medieval India». Aligarh, 1977, № 4.
116. Mukherjee P. K., Gupta S. C. A Pilot Survey of Fourteen Villages in Uttar Pradesh and Punjab. Delhi, 1959.
117. Mukhia H. Illegal Extortions from Peasants and Menials in Eighteenth Century Eastern Rajasthan.—«Indian Economic and Social History Review». 1977, № 2.
118. Naqvi H. Kh. Urban Centres and Industries in Upper India. 1556—1803. Bombay, 1968.
119. Narain Dh. Distribution of Market Surplus of Agricultural Produce by Size Level of Holdings in India. Delhi, 1961.
120. National Accounts Statistics. New Delhi (annual).
121. National Council of Applied Economic Research. Household Income, Consumption and Saving. New Delhi, 1972.
122. NCAER. Changes in Rural Income in India. New Delhi, 1975.
123. NCAER. Household Income and Its Distribution. New Delhi, 1980.
- 123a. National Planning Committee Series (Report of the Sub—Committee), National Planning, Principles and Administration. Bombay, 1948.
124. National Sample Survey (NSS). Tables with Notes on Consumer Expenditure. 4th Round. Report № 18. Calcutta, 1955.
125. NSS. Report on Land Holdings. 8th Round. Report № 30. New Delhi, 1960.
126. NSS. Tables with Notes on Consumer Expenditure (Preliminary). 18th Round. Report № 142. Delhi, 1969.
127. NSS. Tables with Notes on Household Non-Registered Trade. 24th Round. Report № 207. Delhi, 1975.
128. NSS. Tables on Land Holdings. 26th Round. Report № 215. Delhi, 1976.
129. NSS. Tables with Notes on Consumer Expenditure. 28th Round. Report № 240. Delhi, 1978.

62. Bocke J. Economics and Economic Policy of Dual Societies as Exemplified by Indonesia. N. Y., 1953.
63. Breman J. Patronage and Exploitation. L., 1974.
64. Cambridge Economic History of India. Vol. 1. Cambridge, 1982.
65. Census of India. 1961. Vol. 1. Part II—B (I). Delhi, 1966.
66. Census of India. 1981. Series 1. Paper 2 of 1981. Urban and Rural Population. Delhi, 1982.
67. Census of India. 1981. Series 1. Paper 3 of 1981. Workers and Non-Workers. Delhi, 1982.
68. Challenge of Poverty in India, Delhi, 1972.
69. Dasgupta S. Class Relation and Technical Change in Indian Agriculture. New Delhi, 1980.
70. Draft Fifth Five Year Plan. 1974-79. Vol. 1—2. Delhi, 1973.
71. Draft Five Year Plan. 1978-83. Delhi, 1979.
72. D'Souza V. S. Inequality and Integration in an Industrial Community. New Delhi, 1977.
73. Dube S. C. Indian Village. L., 1955.
74. Economic Survey. Government of India. Delhi (annual).
75. Economics of Tractor versus Bullock Cultivation. Delhi, 1972.
76. Emmanuel A. Unequal Exchange. A Study of Imperialism of Trade. N. Y., 1972.
77. Engineering News of India. Supplement. Agroengineering Industries. Delhi, 1971.
78. Epstein T. S. Economic Development and Social Change in South India. Manchester, 1962.
79. Epstein T. S. South India: Yesterday, Today and Tomorrow. Mysore Villages Revisited. L., 1973.
80. Fei J. C. H., Paauw D. S. Transition in Open Dualistic Economies. New Haven, 1973.
81. First Five Year Plan. Delhi, 1954.
82. Fourth Five Year Plan. 1969-74. Delhi, 1973.
- 82a. [Gadgil D. R.] Writings and Speeches of Professor D. R. Gadgil on Economical and Political Problems. Bombay, 1981.
83. Gazetteer of the Province of Oudh. Vol. 1. Lucknow, 1877.
84. Ghosh D. N. Banking Policy in India. Bombay, 1980.
85. Grover B. R. An Integrated Pattern of Commercial Life in the Rural Society of North India during the 17th—18th Century.—Proceedings of the Indian Historical Records Committee. New Delhi, 1966.
86. Habib S. The Agrarian System of Mughal India (1556—1707). Bombay, 1963.
87. Handbook of Agriculture. New Delhi, 1969.
88. Handbook of Statistics in Cotton Textile Industry. Bombay, 1972.
89. Handloom Weaving Industry in India with Special Reference to Madras State. New Delhi, 1960.
- 89a. Harriss B. Mobilising Household Saving through Rural Financial Markets. L., 1979.—«Development Digest». 1979, vol. 17, № 12.
90. Herman C. I. Investment in India. Basic Information for United States Businessmen. Wash., 1961.
91. Higher Education and Development. New Delhi, 1975.
92. India. A Reference Annual. Delhi (annual).
93. India. Pocket Book of Economic Information. Delhi (annual).
94. Indian Agriculture in Brief. Delhi (annual).
95. Indian Institute of Public Opinion. Monthly Commentary on Indian Economic Conditions. Annual Number. New Delhi, 1968.
96. India's Engineering Industries. Delhi, 1955.
97. Jahangir's India: the Remonstratie of Francisco Pelsaert. Cambridge, 1925.

130. Patel S. D. *Agricultural Labourers in Modern India and Pakistan*. Bombay, 1952.
131. Puri B. N. *India in the Time of Patanjali*. Bombay, 1957.
132. Raj K. N. *Planning and Resource Mobilization*. Calcutta, 1981.
133. Rao N. P. *Progress of Land Reform*. Delhi, 1966.
134. *Recent Development in Certain Aspects of Indian Economy*. New Delhi, 1957, vol. 2.
135. *Report of National Commission on Agriculture. Part XV. Agrarian Reforms*. New Delhi, 1976.
136. *Report of the Committee on Controls and Subsidies*. Delhi, 1979.
137. *Report of the High Powered Study Team on the Problems of Handloom Industry*. Delhi, 1975.
138. *Report of the Study Group on Wages, Incomes and Prices*. Delhi, 1978.
139. *Report on Currency and Finance*. Bombay (annual).
140. *Responses to Population Growth in India*. N. Y., 1975.
141. *Rural Labour Enquiry. 1974-75. Summary Report on Wages and Earnings*. Chandigarh, 1978.
142. Sau R. *Some Aspects of Intersectoral Resource Flow*.—«*Economic and Political Weekly*». Annual Number, 1974.
143. Sau R. *On Intersectoral Resource Flow: Some Aspects of the Linkage between Agriculture and Industry*. Tananarive, 1975.
144. Sau R. *Unequal Exchange. Imperialism and Underdevelopment*. Calcutta, 1978.
145. *Second Five Year Plan*. Delhi, 1956.
146. *Seminar on Land Reforms*. Delhi, 1956.
147. Shah S. A. *Structural Obstacles to Economic Development*. Delhi, 1969.
148. Sharma B. N. *Social Life in Northern India (A. D. 600—1000)*. Delhi, 1966.
149. Sharma R. S. *Sūdras in Ancient India*. Delhi, 1958.
150. Sharma R. S. *Indian Feudalism*. Calcutta, 1965.
151. Sharma T. R., Chauhan S. D. S. *Indian Industries*. Agra, 1972.
152. Shetty M. C. *Small-Scale and Household Industries in a Developing Economy*. Delhi, 1963.
153. Sinha L. *The Changing Agrarian Scene. Problems and Tasks*. New Delhi, 1980.
154. Sinha R., Pearson P., Kadegodi G., Gregory M. *Income Distribution, Growth and Basic Needs in India*. L., 1979.
155. *Sixth Five Year Plan. 1980-85*. Delhi, 1981.
156. *Small Farmers Development Agencies (1972-73). A Field Study*. Bombay, 1975.
157. *Small Industry Bulletin for Asia and the Pacific*. ESCAP, Bangkok, 1978.
158. *Social Mobility in the Caste System*. The Hague, 1968.
159. Stein B. *Peasant State and Society in Medieval South India*. Delhi, 1980.
160. *Statistical Abstract. India*. Delhi (annual).
161. *Statistical Abstract of the Indian Union*. Delhi, 1962.
162. *Statistical Outline of India*. Bombay, 1982.
163. *Statistical Pocket Book of Indian Union*. Delhi (annual).
164. *Statistical Statements Relating to Cooperative Movement in India*. Bombay (annual).
165. *Study of Handloom Development Programme*. Delhi, 1969.
166. Sweezy P. M. *The Theory of Capitalist Development*. N. Y., 1942.
167. *Technical Note on the Approach to the Fifth Plan of India. 1974-79*. New Delhi, 1973.
168. *Technical Note on the Sixth Five Year Plan of India. 1980-85*. New Delhi, 1981.
169. *Third Five Year Plan*. Delhi, 1961.
170. *Times of India Directory and Yearbook*. Bombay (annual).
171. *Voyages d'Ibn-Batoutah. Texte arabe, accompagnée d'une traduction par l'Defremery et R. R. Sanguinetti*. Vol. 3. P., 1855.

172. W a g l e N. Society at the Time of the Buddha. Bombay, 1966.
173. W a t t a l P. K. The Population Problem in India. Bombay, 1934.
174. W a t t a l P. K. Population Problem in India. Delhi, 1958.
- 174a. The Working of the Rural Credit Market in a Backward Area: the Case of a Traditional Fishing Village in South-Kerala. Namur, 1980.
175. «Young Indian». Special Independence Number. 1973. Delhi, 1973.
176. «Agricultural Situation in India». New Delhi.
177. «Economic and Political Weekly». Delhi.
178. «Economic Times». Delhi.
179. «Free Press Journal». Bombay.
180. «Hindustan Times». Delhi.
181. «Indian Economic Journal». Allahabad.
182. «Indian Labour Journal». New Delhi.
183. «Kurukshetra».
184. «National Herald». Delhi.
185. «Reserve Bank of India Bulletin». Bombay.
186. «Times of India». Delhi.
187. «Yojana». New Delhi.

SUMMARY

The collective monograph *Traditional Structures and Economic Growth in India* analyses the so-called traditional structures in Indian economy and their impact on the rates and proportions of economic growth. The traditional structures are identified with pre-capitalist forms of production combined with traditional social relations.

Chapter I deals with the historical and genetic preconditions of the formation of modern "dual" structure of Indian economy. It distinguishes three genetically heterogeneous types of socio-economic disintegration which, to a certain extent, coexist and interact in the economy of contemporary India. The disintegration between urban and rural economies which emerged in the pre-colonial period was caused, on the one hand, by a specific social division of labour within the village community and, on the other hand, by peculiarities of Indian feudal class structure. The colonial period has produced another type of disintegration i.e., disintegration between the large-scale capitalist production transplanted from the colonial power and weakly differentiated small-scale production representing various stages of transition to petty-commodity and small-scale capitalist enterprise. Finally, during the Independence the integration of various segments of capitalist production (from public sector to small-scale capitalist enterprise) and the relative levelling of production conditions in the lower structures facilitated formation of dualism between the capitalist and precapitalist forms of production.

Chapter II examines in detail concrete forms of traditional socio-economic structures in contemporary India. The section dealing with land relations shows that the absence of radical shifts in the structure of land ownership and land utilization serves as a material foundation for conserving the traditional type of production in the bulk of peasant households. Meanwhile, the development of capitalism causes, on the one hand, reduction of leased land share in total land use and, on the other hand, the transformation of the very character of tenancy gradually losing features of traditional semi-feudal relations.

The monograph distinguishes two sub-systems of traditional reproduction structures in peasant households i. e., traditional ties between peasants and artisans predetermining the nature of reproduction of the means of production, and traditional pre-capitalist forms of hired labour. While the first sub-system was essentially undermined during the Independence, the second is still a foundation of the lower forms of production. The traditional forms of hired la-

hour are related genetically to initially landless lower castes rather than to the process of primitive capital accumulation. That is why the latter does not fully account for the forming army of hired labour in the Indian village.

Modernization of the circulation sphere under capitalism embraces mainly the upper rural groups, while the bulk of small and marginal producers as well as agricultural workers depend, and often to a greater extent, on traditional money lenders and trade mediators. The "green revolution" intensified integration between the capitalist enterprise in agriculture and traditional lower forms of capital.

In India, the marginalization of immediate producer (in contrast to complete alienation from the means of production) constitutes the principal form of pauperization. Marginalization processes were observed even in the colonial India but, however, the present combination of primary production factors in agriculture increases the role of these processes in social evolution.

Chapter III deals with the Indian government policy towards pre-capitalist modes of production. It discusses the complex of reforms concerned with land-ownership and land-utilization, and the problems of granting credits to small producers and supplying them with modern inputs. The authors single out two stages in the policy toward lower forms of production. As a whole, this policy failed to improve condition of the majority of urban and rural small producers. Meanwhile, government measures aimed at stimulating capitalist enterprise (including small-scale capitalist production aggravated the position of these strata).

Chapter IV analyses the impact of traditional structures on economic growth rates and their interaction with the modern capitalist sector. With the unfavourable correlation between primary factors of production and India's integration into the world capitalist economy the internal laws of capitalist development facilitate formation of "dual" economic structure. Conservation of traditional structures presents itself often as by-product of capitalist development. The traditional periphery of economy closely interacts with the modern capitalist sector. However, the very character of this relationship makes impossible massive transformation of both technological and social conditions of production in the periphery.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Исторические предпосылки трансформации традиционных социально-экономических структур в индийской экономике	8
Традиционная социально-экономическая структура. Древность и средневековые	8
Колониальное господство и формирование традиционных структур	22
Развитие капитализма и традиционные структуры в независимой Индии	37
Глава II. Основные типы традиционных социально-экономических структур и их место в индийской экономике	48
Традиционные структуры в поземельных отношениях	48
Внутренний механизм взаимодействия ремесла и земледелия	66
Традиционные формы найма	6
Традиционные структуры в кредитной сфере	7
Механизм образования и поддержания маргинальных слоев населения	114
Глава III. Политика государства в отношении докапиталистических укладов	129
Политика государства в отношении докапиталистических укладов в сельском хозяйстве	130
Политика государства в отношении докапиталистических укладов в промышленности	141
Глава IV. Воздействие традиционных структур на экономический рост	182
Темпы и пропорции воспроизводства в докапиталистических укладах	182
Экономическое взаимодействие современного капиталистического сектора и традиционной периферии	199
Воспроизводственные связи между современным капиталистическим сектором и традиционной периферией	213
Заключение	244
Использованная литература	253
Summary	259

**ТРАДИЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В ИНДИИ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор И. С. Лесных
Младший редактор А. В. Бодянская
Художник С. А. Киреев
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Е. В. Анохина

ИБ № 14938

Сдано в набор 04.11.83. Подписано к печати
20.04.84. А-05437. Формат 60×90^{1/16}. Бумага ти-
пографская № 2. Гарнитура литературная. Пе-
чать высокая. Усл. п. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,83.
Уч.-изд. л. 19,08. Тираж 1100 экз. Изд. № 5537.
Зак. № 807. Цена 2 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

готовится к изданию

*ХРЯЩЕВА Н. М. Новый международный экономический
порядок и страны Азии. 15 л.*

Книга посвящена проблемам установления нового международного экономического порядка на примере стран Азии и особенно стран АСЕАН. Комплексный подход к исследованию — в теоретическом и практическом плане — позволяет дать оценку состояния и перспектив движения за новый международный экономический порядок. Показана роль СССР и других социалистических стран в перестройке международных экономических отношений.

*Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-
торгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192,
Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3
(«Книга — почтой») «Академкнига».*

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Монография. 40 л.

Книга посвящена вопросам формационного развития стран Востока от средневековья до наших дней. Колониальная экспансия западных держав привела к формированию в большинстве освободившихся стран Востока переходных общественно-экономических, политических и идеологических структур, которые явились результатом синтеза местной традиционной и привнесенной извне культуры. С этой точки зрения исследуются важнейшие проблемы исторического, социально-экономического и идеологического развития стран Востока.

*Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-
торгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192,
Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3
(«Книга — почтой») «Академкнига».*